

ВОПРОСЫ ЖУРНАЛИСТИКИ, ПЕДАГОГИКИ, ЯЗЫКОЗНАНИЯ

2024. Том 43, № 4

До 2020 г. журнал издавался под названием «Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки».

Основан в 1995 г. Журнал включен в Перечень ВАК рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней кандидата и доктора наук (5.8 – Науки об образовании: 5.8.1, 5.8.7; 5.9 – Филология: 5.9.5, 5.9.6, 5.9.7, 5.9.8, 5.9.9). Журнал зарегистрирован в Российском индексе научного цитирования (РИНЦ).

Учредитель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Белгородский государственный национальный исследовательский университет».

Издатель: НИУ «БелГУ». Адрес издателя: 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА

Главный редактор

Прохорова О.Н., доктор филологических наук, профессор, директор института межкультурной коммуникации и международных отношений НИУ «БелГУ» (г. Белгород, Россия)

Ведущий редактор

Ерошенкова Е.И., доктор педагогических наук, профессор кафедры педагогики педагогического института НИУ «БелГУ» (г. Белгород, Россия)

Заместители главного редактора:

Короченский А.П., доктор филологических наук, профессор кафедры журналистики института общественных наук и массовых коммуникаций НИУ «БелГУ» (г. Белгород, Россия)
Ерошенкова Е.И., доктор педагогических наук, профессор кафедры педагогики педагогического института НИУ «БелГУ» (г. Белгород, Россия)
Багана Ж., доктор филологических наук, профессор кафедры романо-германской филологии и межкультурной коммуникации института межкультурной коммуникации и международных отношений НИУ «БелГУ» (г. Белгород, Россия)

Ответственный секретарь

Тарасова С.И., кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры педагогики педагогического института НИУ «БелГУ» (г. Белгород, Россия)

Члены редколлегии:

Александрова О.В., доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой английского языкознания филологического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова (г. Москва, Россия)
Асташова Н.А., доктор педагогических наук, профессор, заведующий кафедрой художественного воспитания Брянского государственного университета им. И.Г. Петровского (г. Брянск, Россия)
Белозерцев Е.П., доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры общей и социальной педагогики Воронежского государственного педагогического университета (г. Воронеж, Россия)

Дускаева Л.Р., доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой медиалингвистики Высшей школы журналистики и массовых коммуникаций Санкт-Петербургского государственного университета, руководитель комиссии медиалингвистики при Международном комитете славистики (г. Санкт-Петербург, Россия)

Жиро К., доктор философии, профессор Барселонского Автономного университета, директор Департамента средств массовой информации, коммуникации и культуры (г. Барселона, Испания)

Ирхин В.Н., доктор педагогических наук, профессор кафедры педагогики Национального государственного университета физической культуры, спорта и здоровья им. П.Ф. Лесгафта (г. Санкт-Петербург, Россия)

Исаев И.Ф., доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры педагогики педагогического института НИУ «БелГУ» (г. Белгород, Россия)

Людвиг Х., доктор философии, профессор института педагогики Вестфальского университета им. Вильгельма (г. Мюнстер, Германия)

Нагорный И.А., доктор филологических наук, профессор, профессор института иностранных языков Цзилиньского университета (г. Чанчунь, Китай)

Перси У., доктор филологии, профессор Университета Бергамо (г. Бергамо, Италия)

Подымова Л.С., доктор педагогических наук, профессор, заведующий кафедрой психологии образования Московского педагогического государственного университета (г. Москва, Россия)

Полонский А.В., доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой журналистики НИУ «БелГУ» (г. Белгород, Россия)

Порхомовский В.Я., доктор филологических наук, профессор, главный научный сотрудник Института языкознания РАН (г. Москва, Россия)

Риё Ж., доктор филологических наук, профессор кафедры французского языка и литературы Университета София Антиполис (г. Ницца, Франция)

Стоянова Е.В., доктор филологии, профессор, заведующий кафедрой русского языка Шуменского университета им. Епископа Константина Преславского (г. Шумен, Болгария)

ISSN 2712-7451

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор). Свидетельство о регистрации средства массовой информации ЭЛ № ФС 77-77958 от 19.02.2020.

Выходит 4 раза в год.

Выпускающий редактор Ю.В. Мишенина. Редактура, компьютерная верстка и оригинал-макет О.Г. Томусяк. Редактор англоязычных текстов Е.С. Данилова. Гарнитуры Times New Roman, Arial, Impact. Уч.-изд. л. 19,5. Дата выхода 30.12.2024. Оригинальный макет подготовлен центром полиграфического производства НИУ «БелГУ». Адрес: 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85.

СОДЕРЖАНИЕ

ЖУРНАЛИСТИКА И СВЯЗИ С ОБЩЕСТВЕННОСТЬЮ

- 399 **Авакова Э.Б., Гомелаури А.С., Кузнецов А.А.**
Качество подготовки специалистов в сфере медиакommunikаций в России
- 409 **Ермоленко М.А.**
Система правил организации медиаконтента органов местного самоуправления
- 421 **Карпенко И.И., Короченский А.П., Меринов В.Ю., Хорольский В.В.**
Языковая игра как вербальный прием инфотейнмента в практике российских региональных печатных СМИ

ПЕДАГОГИКА

- 436 **Данько Ю.В.**
Организационно-содержательная модель формирования профессиональной готовности будущего учителя иностранного языка
- 450 **Ду Яли, Ли Голун, Хромуляк М.В.**
Инновационные пути китайского образования во Вьетнаме
- 463 **Ćirković-Miladinović I., Jovanović M.**
Peer-assessment and Renzulli's Scales for Identifying Gifted EFL Learners Among Students of Education
- 476 **Шаркунова Е.В., Неволлина В.В.**
Обучение служением как эффективная образовательная методика для комплексного развития личности студента

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

- 486 **Баланчуков Д.А., Чекулай И.В.**
Введение графических заимствований терминологии из сферы искусственного интеллекта в классификацию неисконной лексики китайского языка
- 496 **Галеева А.И.**
Особенности грамматической репрезентации гендерных паттернов поведения в конфликте в узельской разновидности английского языка
- 506 **Жуньдо Г.**
Влияние древнескандинавского языка на формирование русской лексики в XI–XII веках
- 514 **Задобриwская О.Ф.**
Ментефакты-вместилища в глагольных классифицирующих конструкциях (на материале английского языка)
- 525 **Коренецкая И.Н.**
Концепты Country House и «усадьба» в английской и русской лингвокультуре
- 534 **Коч К.И., Багана Ж., Жевлакова П.Г.**
Особенности словообразования в тунисском варианте французского языка
- 544 **Маджаева С.И.**
Фрейм «искусственный интеллект» как доминанта современного медицинского дискурса
- 552 **Плотникова Л.И., Францевская Е.И.**
Поэтический язык Э. Гиппиус: конструкции экспрессивного синтаксиса
- 562 **Полякова А.С.**
Современные политические неологизмы английского языка в аспекте словообразования
- 570 **Тугуз Т.Р.**
Спейсмены в проксемной сравнительно-сопоставительной модели фонового терминала когнитивных сцен в романах Г. Джеймса «Крылья голубки» и «Бостонцы»

ISSUES IN JOURNALISM, EDUCATION, LINGUISTICS

2024. Volume 43, No. 4

Until 2020, the journal was published with the name "Belgorod State University Scientific bulletin. Humanities series".

Founded in 1995

The journal is included into the List of Higher Attestation Commission of peer-reviewed scientific publications where the main scientific results of dissertations for obtaining scientific degrees of a candidate and doctor of science should be published (5.8 – Educational sciences: 5.8.1, 5.8.7; 5.9 – Philology: 5.9.5, 5.9.6, 5.9.7, 5.9.8, 5.9.9). The journal is introduced in Russian Science Citation Index (PVIHLQ).

Founder: Federal state autonomous educational establishment of higher education "Belgorod State National Research University".

Publisher: Belgorod State National Research University "BelSU".

Address of publisher: 85 Pobeda St, Belgorod, 308015, Russia.

EDITORIAL BOARD OF JOURNAL

Chief Editor

Prokhorova, O.N., Doctor of Philology, Professor, Director of the Institute of Intercultural Communication and International Relations (Belgorod, Russia)

Commissioning editor

Eroshenkova, E.I., Doctor of Pedagogical Sciences, Professor of the Department of Pedagogy of the Pedagogical Institute, Belgorod State National Research University (Belgorod, Russia)

Deputies of chief editor:

Korochensky, A.P., Doctor of Philological Sciences, Professor, Belgorod State National Research University (Belgorod, Russia)

Eroshenkova, E.I., Doctor of Pedagogical Sciences, Professor of the Department of Pedagogy of the Pedagogical Institute, Belgorod State National Research University (Belgorod, Russia)

Baghana, J., Doctor of Philology, Professor, Professor of the Department of Romance and Germanic Philology and Intercultural Communication of the Institute of Intercultural Communication and International Relations, Belgorod State National Research University (Belgorod, Russia)

Executive secretary

Tarasova, S.I., Associated Professor of the Department of Pedagogy, Belgorod State National Research University (Belgorod, Russia)

Members of Editorial Board:

Aleksandrova, O.V., Doctor of Philological Sciences, Professor, Head of the Department of English linguistics of the philological faculty of Lomonosov Moscow state University, (Moscow, Russia)

Astashova, N.A., Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Head of the Department of Art Education of the I.G. Petrovsky Bryansk State University (Bryansk, Russia)

Belozertsev, E.P., Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Professor of the Department of General and Social Pedagogy, Voronezh State Pedagogical University (Voronezh, Russia)

Duskaeva, L.R., Doctor of Philology, Professor, head of the Department of media linguistics of the Higher school of journalism and mass communications of Saint Petersburg state University, head of the Commission of media linguistics under the International Committee of Slavistics (Saint Petersburg, Russia)

Giro, X., Ph.D., Professor of the Barcelona Autonomous University, Director of the Department of Media, Communication and Culture (Barcelona, Spain)

Irkhin, V.N., Doctor of Pedagogical Sciences, Professor of the Department of Pedagogy, Lesgaft National State University of Physical Culture, Sports and Health (St. Petersburg, Russia)

Isaev, I.F., Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Head of Department of Pedagogics, Belgorod State National Research University (Belgorod, Russia)

Ludwig, H., Doctor of Philosophy, Professor of The University of Münster (Muenster, Germany)

Nagorny, I.A., Professor of the Institute of Foreign Languages of Jilin University, Doctor of Philology, Professor (Changchun, China)

Persi, U., Doctor of Philology, Professor University of Bergamo (Bergamo, Italy)

Podymova, L.S., Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Head of the Department of Psychology of Education, Moscow State Pedagogical University (Moscow, Russia)

Polonskiy, A.V., Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of Journalism of Belgorod State National Research University (Belgorod, Russia)

Porkhomovsky, V.Y., Doctor of Philology, Professor, Chief Researcher of the Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)

Rieu, J., Doctor of Philology, Professor, Professor of the Department of French Language and Literature, University of Sofia Antipolis (Nice, France)

Stoyanova, E.V., Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of Russian Language of Shumen University named after bishop Konstantin Preslavsky (Shumen, Bulgaria)

ISSN 2712-7451

The journal is registered in Federal service of control over law compliance in the sphere of mass media and protection of cultural heritage. Certificate of registration of mass media ЭП № ФЦ 77-77958 от 19.02.2020. Publication frequency: 4/year.

Commissioning Editor YU.V. Mishenina. Editing, computer imposition, page layout O.G. Tomusyak. English text editor E.S. Danilova. Typefaces Times New Roman, Arial, Impact. Publisher's signature 19,5. Date of publishing 30.12.2024. Dummy layout has been prepared by Belgorod State National Research University Centre of Polygraphic Production. Address: 85 Pobeda St, Belgorod, 308015, Russia.

CONTENTS

JOURNALISM AND PUBLIC RELATIONS

- 399 **Avakova E.B., Gomelauri A.S, Kuznetsov A.A.**
The Quality of Training of Specialists in the Field of Media Communications in Russia
- 409 **Ermolenko M.A.**
The System of Rules for the Organization of Local Authorities Media Content
- 421 **Karpenko I.I., Korochensky A.P., Merinov V.Yu., Khorolskii V.V.**
Wordplay As a Verbal Technique of Infotainment in the Practice of Russian Regional Print Media

PEDAGOGICS

- 436 **Danko Yu.V.**
Organizational and Content Model of Formation of Professional Readiness of Future Foreign Language Teachers
- 450 **Du Yali, Li Guolong, Khromulyak M.V.**
Innovative Paths of Chinese Education in Vietnam
- 463 **Čirković-Miladinović I., Jovanović M.**
Peer-assessment and Renzulli's Scales for identifying Gifted EFL Learners Among Students of Education
- 476 **Sharkunova E.V., Nevolina V.V.**
Ministry Training As an Effective Educational Method for the Comprehensive Development of a Student's Personality

LINGUISTICS

- 486 **Balanchukov D.A., Chekulai I.V.**
Introduction of Graphical Borrowings of AI Terminology into the Classification of Non-native Vocabulary of the Chinese language
- 496 **Galeeva A.I.**
Grammatical Representation of Gender-Specific Patterns of Behaviour in a Conflict in Welsh English
- 506 **Jundo G.**
The Influence of the Old Scandinavian Language on the Formation of the Russian Lexicon in the 11th–12th Centuries
- 514 **Zadobrivskaia O.F.**
Mentefacts-containers in the Verb Classifying Constructions Based (on the Material of the English Language)
- 525 **Korenetskaya I.N.**
The Concepts of "Country House" and "Usadba" in English and Russian Linguistic Cultures
- 534 **Koch K.I., Baghana Je., Zhevlakova P.G.**
Features of Word Formation in the Tunisian Variant of the French Language
- 544 **Madzhaeva S.I.**
Frame "Artificial Intelligence" As the Dominant of Modern Medical Discourse
- 552 **Plotnikova L.I., Frantsevskaia E.I.**
The Poetic Language of Z. Gippius: Expressive Syntax Constructions
- 562 **Polyakova A.S.**
Contemporary English Political Neologisms in the Aspect of Word Formation
- 570 **Tuguz T.R.**
Spacenames in the Cognitive Scene in Henry James's "The Bostonians" and "The Wings of the Dove"

ЖУРНАЛИСТИКА И СВЯЗИ С ОБЩЕСТВЕННОСТЬЮ JOURNALISM AND PUBLIC RELATIONS

УДК 316.77; 659

DOI 10.52575/2712-7451-2024-43-4-399-408

Качество подготовки специалистов в сфере медиакоммуникаций в России

¹Авакова Э.Б., ¹Гомелаури А.С., ²Кузнецов А.А.

¹ Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого,
Россия, 195251, Санкт-Петербург, ул. Политехническая, д. 29 Б

² Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна,
Россия, 191186, Санкт-Петербург, ул. Большая Морская, д. 18
elina_avakova@mail.ru, gomelaury@yandex.ru; artsmith@inbox.ru

Аннотация. Значимые изменения в политике Российской Федерации как ответная реакция на внешнее недружественное воздействие и высокие требования к стандартам обучения современных специалистов в сфере медиакоммуникаций обуславливают актуальность исследования их уровня медиаграмотности, позволяющего определить соответствие потенциала сегодняшних студентов запросам государства. При этом в настоящее время представляется недостаточным изучение различных аспектов медиаграмотности будущих специалистов в сфере медиакоммуникаций как авторов контента. Для достижения цели работы, заключающейся в выявлении подходов будущих специалистов в сфере медиакоммуникаций к генерированию и распространению информации в сети, авторами был проведен социологический опрос, в котором приняло участие 119 студентов. Полученные результаты показали, что обучающиеся пассивно реагируют на недостоверную информацию, при публикации контента недостаточно ответственно подходят к его проверке, им не всегда хватает компетенций распознать недостоверный источник. Сделан вывод о необходимости повышения качества подготовки будущих специалистов в сфере медиакоммуникаций через расширение сотрудничества бизнес-сообщества, медиасферы и системы высшего образования.

Ключевые слова: медиакоммуникации, медиаграмотность, информационное общество, молодежь, социально-экономическое развитие, Россия

Финансирование: работа выполнена при поддержке Министерства науки и высшего образования РФ в рамках Программы стратегического академического лидерства «Приоритет-2030» (соглашение № 075-15-2024-201 от 6 февраля 2024 г.).

Для цитирования: Авакова Э.Б., Гомелаури А.С., Кузнецов А.А. 2024. Качество подготовки специалистов в сфере медиакоммуникаций в России. *Вопросы журналистики, педагогики, языкознания*, 43(4): 399–408. DOI: 10.52575/2712-7451-2024-43-4-399-408

The Quality of Training of Specialists in the Field of Media Communications in Russia

¹Elina B. Avakova, ¹Angelina S. Gomelaury, ²Artem A. Kuznetsov

¹ Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University,
29 B Polytechnicheskaya St, St. Petersburg 195251, Russian Federation

² Saint Petersburg State University of Industrial Technologies and Design,
18 Bolshaya Morskaya St, St. Petersburg 191186, Russian Federation
elina_avakova@mail.ru, gomelaury@yandex.ru; artsmith@inbox.ru

Abstract. Significant changes in the policy of the Russian Federation as a response to external unfriendly influence and high requirements for the standards of training of modern specialists in the field of media



communications determine the relevance of the study of their level of media literacy, which allows us to determine whether the potential of today's students meets the needs of the state. At the same time, it currently seems insufficient to study various aspects of media literacy of future specialists in the field of media communications as content authors. To achieve the goal of the work, which is to identify the approaches of future specialists in the field of media communications to the generation and dissemination of information on the web, the authors conducted a sociological survey in which 119 students participated. The results showed that students passively react to unreliable information, do not take a responsible approach to checking content when publishing it, and they do not always have the competence to recognize an unreliable source. It is concluded that it is necessary to improve the quality of training of future specialists in the field of media communications through the expansion of cooperation between the business community, the media sphere and the higher education system.

Keywords: media communications, media literacy, information society, youth, socio-economic development, Russia

Financing: The work was carried out with the support of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation within the framework of the Strategic Academic Leadership Program "Priority-2030" (agreement No. 075-15-2024-201 dated February 6, 2024).

For citation: Avakova E.B., Gomelauri A.S., Kuznetsov A.A. 2024. The Quality of Training of Specialists in the Field of Media Communications in Russia. *Issues in Journalism, Education, Linguistics*, 43(4): 399–408 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-7451-2024-43-4-399-408

Введение

В последнее десятилетие Российская Федерация столкнулась с открытой угрозой: усилившееся информационное давление со стороны ряда зарубежных государств оказалось вызовом, влекущим ярко выраженные негативные последствия для всего общества. Вопросы информационной безопасности [Дубень, 2022], а также противостояния негативному воздействию контента на массовое сознание [Мурашко, Симонов, 2022], при котором в зоне повышенного риска находится культурно-мировоззренческое развитие молодого поколения [Тесленко и др., 2023], приобрели особую актуальность. Сложившаяся ситуация потребовала поиска методов и инструментов, способствующих эффективному противодействию разрушительным манипуляциям со стороны недружественных агентов, а также содействующих укреплению стабильности в разрезе социального и экономического развития страны. Признанным и в научных кругах [Гутова и др., 2022; Авакова, Кузнецов, 2023b], и на государственном уровне ¹ вариантом преодоления проблемы распространения деструктивных практик и обеспечения стратегического развития является подготовка специалистов, обладающих соответствующими компетенциями в сфере медиакommunikаций. Будущие профессионалы, чьи функции будут заключаться в формировании и управлении информационными потоками, должны иметь знания и навыки, отвечающие актуальным потребностям государства и общества. Традиционно исследователи относят к таковым не просто умение создавать медиапродукт (тексты, видео и пр.), но и наделять его характеристиками, соответствующими запросам социально-культурного, политического, коммерческого или иных секторов [Зеленская и др., 2023], которые могут иметь различные, порой диаметрально противоположные интересы.

В настоящий момент ключевыми «заказчиками» на рынке контента выступают государственные институты, бизнес, некоммерческие организации, а также интернет-СМИ и блогеры, на которых работают команды профессиональных контент-мейкеров. Так, государственные структуры и компании, выполняющие государственные заказы, включая

¹ Перечень поручений по итогам заседания наблюдательного совета АНО «Россия – страна возможностей». 2023. Президент России, 17 сентября 2023 г. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/assignments/orders/72286> (дата обращения: 06.07.2024)

коммерческие организации и НКО, нуждаются в специалистах, готовых выстраивать коммуникацию с учетом моральных ценностей и этических принципов, формирующих воззрения граждан; бизнес-группы – в тех, кто способен создавать вовлекающий контент, расширяющий число потребителей произведенных товаров или услуг. Как следствие, коммуникации, налаживаемые ради коммерческой выгоды, в большей степени апеллируют к эмоциям аудитории и в отдельных случаях могут находиться на грани соблюдения этики. Наконец, интернет-СМИ и блогеры нередко перешагивают эту грань, привлекая внимание кликбейтным (сенсационно-провокационным), шокирующим, а часто и фейковым контентом, несущим информационную угрозу [Богатырев, 2022]. Впрочем, свою роль играет и человеческий фактор: не все медиаспециалисты ответственно подходят к полученной информации, выкладывая в сеть непроверенные данные. Подхваченные и растиражированные – намеренно или «по недосмотру» – они способны нанести существенный вред репутации публичных персон, компаний и государственных структур, вызвать недовольство или панические настроения в обществе и, в конечном счете, угрожать безопасности страны. Согласно исследованию, проведенному ВЦИОМ, около 90 % граждан уверены: против Российской Федерации ведется информационная война, и фейки, публикуемые чаще умышленно, чем по недосмотру¹, становятся эффективным оружием, направленным на дестабилизацию общества. Борьба с таковым является первостепенной задачей государства: блокировка информации Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций, а также установление административного и уголовного наказания за публичное распространение ложных сведений становятся основными методами пресечения распространения недостоверного контента [Луценко, 2022; Шумов, Веденеева, 2023].

Вместе с тем большая ответственность возлагается на контент-мейкеров, которые, генерируя и распространяя информацию, должны осознавать возможные риски, способные нести в себе негативные последствия для всех сфер жизни общества: экономической, социокультурной, политической, технологической и др.

В современных условиях в России четко обозначился общественный запрос на специалистов в сфере медиакommunikаций высокого профессионального уровня, способных эффективно работать в информационном пространстве, правдиво и ответственно формировать современную общественную повестку, обладающих высоким уровнем медиаграмотности.

Медиа проникли во все институты общества, все общественные процессы (культурные, социально-экономические, политические) и медиа активно взаимовлияют [Reinhold, 2000; Couldry, McCarthy, 2004; Hjarvard, 2008]. Соответственно, каждый человек должен обладать медиаграмотностью, которая давно рассматривается как условие, обеспечивающее личностное, профессиональное и государственное развитие в современном информационном обществе [Livingstone, 2004].

Понятие медиаграмотности является многоаспектным. В нем выделяют знания, умения и навыки, позволяющие личности успешно ориентироваться и взаимодействовать в информационном пространстве, одновременно выступая в качестве потребителя и автора информационного контента [Авакова, Кузнецов, 2023а, с. 402-403]. Содержание медиаграмотности можно условно разделить на три основных компонента: «понимание», «использование», «создание». Обозначим некоторые авторские трактовки. Д. Адамс и М. Хэмм [Adams, Hamm, 2001] понимают медиаграмотность не просто как декодирование поступающей информации, но включают в нее способность при необходимости самому создавать информационные сообщения. Н.С. Авдоница и Л.В. Зайцева [2022] также связывают медиаграмотность не только с умением воспринимать медиатексты, то есть быть аудиторией, но и создавать их, то есть выступать в качестве авторов. И.В. Жилавская [2013],

¹ Фейк-ньюс - и как с ними бороться? 2023. ВЦИОМ, 22 ноября 2023 г. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/feik-njus-i-kak-s-nimi-borotsja> (дата обращения: 10.07.2024).



характеризуя медиаграмотную личность, называет неперенным условием свободное владение всеми формами медиаактивности, а именно: поиском, получением, потреблением, передачей, производством и распространением информации. По мнению Р. Хоббса [Hobbs, 2006], медиаграмотность связана не только со способностью получать, анализировать и оценивать информацию, но и передавать сообщения в различных формах.

В настоящее время представляется недостаточным изучение различных аспектов медиаграмотности будущих специалистов в сфере медиакommunikаций как авторов контента в контексте понимания их способности решать профессиональные задачи по формированию современной информационной среды.

Целью данного исследования является выявление подходов будущих специалистов в сфере медиакommunikаций к генерированию и распространению информации в сети.

На основе полученных результатов авторами сформулированы рекомендации, направленные на повышение ответственности будущих профессиональных коммуникаторов за размещаемый в сети контент.

Объекты и методы исследования

Объектом данного исследования является медиаграмотность студентов, обучающихся в рамках укрупненной группы специальностей «Средства массовой информации и информационно-библиотечное дело», как один из основополагающих факторов развития профессиональной компетентности. В рамках предпринятого исследования авторы ставили задачу проанализировать подходы респондентов к генерированию и распространению информации.

Учитывая стоящую перед авторами цель, при проведении исследования была использована комплексная методология. При работе с теоретическими источниками предпочтение было отдано общенаучным методам, включая анализ и синтез информации, представленной в научной литературе. Эмпирическая часть работы основана на данных, полученных методом опроса (а именно онлайн-анкетирования).

Результаты и их обсуждение

Авторами был проведен социологический опрос (онлайн-анкетирование) студентов вузов Санкт-Петербурга (июль – август 2024 г.), обучающихся в рамках укрупненной группы специальностей «Средства массовой информации и информационно-библиотечное дело», в котором приняло участие 119 респондентов – студенты бакалавриата и магистратуры в возрасте от 18 до 27 лет.

Респондентам был задан вопрос о том, как они реагируют на получаемую информацию в цифровой среде. Больше половины респондентов (53 %) ответили, что ставят «реакции», 20,9 % оставляют комментарии, 13 % делают репост вызвавшего интерес материала на своей странице, никак не реагируют только 9,6 % опрошенных.

Современный «цифровой человек» – это не пассивный пользователь, который только потребляет информацию, обрушивающуюся на него огромными потоками, но и ее потенциальный автор, транслятор. Пользовательская аудитория давно из молчаливой превратилась в активную и реагирующую, она охотно пользуется доступными ей формами и способами участия в коммуникационных процессах [Аникина, Бакалюк, 2021].

На вопрос, в каких случаях респонденты реагируют на получаемую информацию, самым популярным стал ответ, если информация понравилась (63,6 %), вызвала возмущение (23,2 %), 2 % отметили, что реагируют, если информация вызвала эмоциональный отклик, но не уточнили, положительный или отрицательный. Только 11,2 % реагируют в том случае, если видят, что информация фейковая или в ней допущена ошибка, – такой низкий процент может быть обусловлен, например, тем, что респонденты не всегда уверены в том, что распознали фейк или нашли ошибку, поэтому воздерживаются от

реакции. При этом необходимо отметить, что именно в будущих представителях профессионального сообщества медиаспециалистов важно воспитывать небезразличное и нетерпимое отношение к такой информации, чтобы не способствовать ее масштабированию, в том числе через обращение в соответствующие инстанции для ограничения доступа к ней.

Широкий набор технических возможностей и программных инструментов расширил для пользователей границы создания медиапродуктов. Многие из них активно вовлечены в процесс создания и распространения информации: прямые включения с места события, фоторепортажи; статьи, публикуемые на собственных сайтах и страницах в социальных сетях и пр. [Ким, 2021]. Так, абсолютно у всех опрошенных нами респондентов есть опыт создания и публикации контента. Большинство из них (41,4 %) создают любительский контент; 29,3 % ответили, что имеют опыт создания контента по заданиям в рамках учебного процесса, такое же количество респондентов создают контент в рамках своей профессиональной деятельности. Это вполне ожидаемые результаты, обусловленные двумя причинами. Во-первых, актуальной конкурентной стратегией на рынке труда уже долгое время представляется приобретение первого профессионального опыта в период обучения, что обуславливает ситуацию активного совмещения учебы и работы [Золотина, Сагдеева, 2022]. Многие студенты трудоустраиваются по профессии, а значит, и имеют опыт работы, в нашем случае с контентом, в рамках своих функциональных обязанностей. Во-вторых, в системе высшего образования продолжает реализовываться практикоориентированный подход, появляется все больше практикоориентированных предметов¹, а значит студенты применяют получаемые теоретические знания на практике непосредственно в процессе обучения.

Пользовательский контент всегда отличается разной степенью качества и обусловлен различными мотивами. Однако отметим, что не только пользовательскому контенту присущи обозначенные характеристики. Профессионально создаваемый контент, к сожалению, часто не отличается высоким качеством и содержит различного рода ошибки. Н.С. Авдонина [2024], например, в перечне типичных ошибок, которые допускают в своей работе начинающие журналисты, приводит в том числе те, которые напрямую связаны с отсутствием культуры работы с информацией: журналист безоговорочно доверяет словам героя или эксперта; принимает на веру прочитанное на официальных сайтах организаций, в статьях или публикациях старших коллег; спешит при отправке материала в редакцию и, как следствие, не проверяет текст.

Специалисты в сфере медиакоммуникаций, а также представители вузовского сообщества признают, что существенным фактором, сдерживающим сегодня социально-экономическое развитие в целом и медиарынка в частности, продолжает оставаться нехватка профессиональных кадров². Так, 36,2 % наших респондентов на вопрос о том, проверяют ли они используемую информацию при создании и публикации контента, признались, что делают это только в случае, если у них возникают сомнения. При этом как положительную тенденцию отметим, что ответ «всегда проверяю в разных источниках» стал вторым по популярности – так ответили 24,5 % опрошенных. К сожалению, примерно по 14 % респондентов допускают возможным не проверить информацию в случае отсутствия у них на это времени или в случае использования экспертного мнения, 11 % респондентов редко проверяют информацию или не делают этого никогда. При этом грамотный медиаспециалист должен в полной мере осознавать ответственность за то, что он транслирует. Современные специалисты в сфере медиакоммуникаций должны быть

¹ Ячменникова П. 2024. От науки до практики и назад. 2024. Коммерсантъ, 21 апреля 2024 года. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/6662917> (дата обращения: 03.08.2024).

² Кадровый голод в медиа решит объединение вузов, бизнеса и профсообщества. 2024. Ведомости, 23 апреля 2024 г. URL: https://south.vedomosti.ru/press_releases/2024/04/23/kadrovii-golod-v-media-reshit-obedinenie-vuzov-biznesa-i-profsoobshchestva (дата обращения: 03.08.2024)



своего рода проводниками для рядовых граждан ¹, формировать информационное пространство с учетом потребностей граждан и общества в получении качественных и достоверных сведений ², создавать конструктивное и безопасное медиаполе, обеспечивая информационный щит страны ³.

Журналисты, специалисты по связям с общественностью и медиакоммуникациям представляют те институциональные сферы, которые в значительной степени ориентированы на целенаправленное воздействующее движение информации в больших социальных группах [Полонский, 2015]. От уровня компетентности этих специалистов, их ценностных ориентаций, личностной и профессиональной культуры [Авакова, Кузнецов, 2024] во многом зависит та картина мира, которую формирует себе их целевая аудитория.

Наши респонденты осознают, что создаваемый и публикуемый ими контент должен быть качественным и достоверным (47,2 %), что он может на кого-то повлиять (29,2 %). При этом среди опрошенных есть и те, кто не считает себя ответственными за контент, так как их аудитория слишком маленькая (13,5 %). При создании и публикации контента респонденты проверяют его на грамотность (31,2 %), на достоверность (28,2 %), на соответствие этическим нормам (20,6 %), на соответствие требованиям законодательства (14,7 %), только около 5 % респондентов при публикации информации ее не проверяют или проверяют редко. Большинство респондентов считает, что у них никогда не было ситуации, когда опубликованный ими контент оказывался недостоверным или содержал ошибки (47 %). При этом 28,8 % в такой ситуации были, и самой популярной причиной респонденты назвали свою невнимательность (73,7 %). Отметим, что 24,2 % затруднились ответить на данный вопрос – это свидетельствует о том, что респонденты могли допускать ошибки или публиковать недостоверную информацию, но не знают об этом. Так, например, исследование К.Л. Зуйкиной и Д.В. Соколовой [2021] показало, что для молодежной аудитории отличить достоверную новость от фейковой не так просто, она часто делает неверные суждения, принимает фейковую новость за истинную, ошибочно доверяет источнику информации.

Таким образом, справедливым представляется утверждать, что студенты, получающие высшее образование по направлениям подготовки, связанным с осуществлением информационной и коммуникационной деятельности, нуждаются в повышении культуры работы с информацией для решения своих профессиональных задач.

Заключение

Исследование показало, что опрошенные активно реагируют на получаемую в цифровой среде информацию в случае, если она вызывает у них эмоциональный отклик. Только десятая часть респондентов реагирует, если распознает фейковую информацию или видит, что в информации допущена ошибка. У 100 % опрошенных есть опыт создания и публикации контента, треть респондентов уже ведет профессиональную деятельность, связанную с этим. К сожалению, при публикации контента не все ответственно подходят к его проверке, некоторые признались, что проверяют информацию редко или же не проверяют совсем, например, в случае нехватки времени или же при наличии экспертного мнения. Большинство респондентов считают, что никогда не публиковали недостоверную

¹ Медиаспециалисты как архитекторы новой системы ценностей. 2023. Диалог. Цифровые коммуникации, 17 июня 2023 г. URL: <https://dialog.info/mediaspecialisty-kak-arhitektory-novoj-sistemy-cennostej/> (дата обращения: 03.08.2024).

² О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017 - 2030 годы». 2017. Указ Президента РФ от 9 мая 2017 г. № 203. Гарант. РУ. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71570570/?ysclid=m45ud7cvy3308187609> (дата обращения: 03.08.2024).

³ Медиаязык нового времени: на «Территории смыслов» подвели итоги смены «Убеждать», 2023. Капитал страны, 22 августа 2023 г. URL: <https://kapital-rus.ru/uznai/news/mediaiazk-novogo-vremeni-na-territorii-smyslov-podveli-itogi-smen-ubejdat/> (дата обращения: 03.08.2024)

или содержащую ошибки информацию, треть опрошенных признались, что такая ситуация с ними случалась, самой популярной причиной при этом респонденты назвали собственную невнимательность, некоторые доверяли источнику, но впоследствии выяснили, что он был недостоверным. При этом респонденты осознают, что несут ответственность за то, что публикуют, что создаваемый ими контент должен быть качественным и достоверным, в том числе потому, что он может на кого-то повлиять.

Таким образом, необходимо активно развивать ключевые профессиональные компетенции будущих специалистов в сфере медиакоммуникаций.

Молодежь – это ядро, которое формирует стратегический потенциал развития государства, позволяющий ему отвечать на вызовы времени. Крайне важно уделять особое внимание тем качествам, знаниям, умениям и ценностным ориентациям, которые формируются у молодых специалистов в сфере медиакоммуникаций и выражаются в профессиональном поведении, принципах работы с информацией, уважительном отношении к своей аудитории и ответственности за результаты своей деятельности. В связи с этим представляется обоснованным расширение сотрудничества бизнес-сообщества, медиасферы и системы высшего образования – акторов, заинтересованных в подготовке высококвалифицированных специалистов сферы медиакоммуникаций для решения актуальных коммуникационных задач и обеспечения социально-экономического развития государства.

В рамках такого сотрудничества необходимо:

- разрабатывать совместные практические образовательные программы и мероприятия, которые должны носить не разовый характер, а реализовываться на постоянной основе, что позволит сделать процесс медиаобразования непрерывным, обеспечит качественное обучение специалистов и регулярное повышение квалификации;
- развивать институт наставничества, позволяющий обеспечить передачу профессионального опыта новичкам, продемонстрировать положительные примеры профессиональной деятельности, дать ориентиры и эталоны для собственного профессионального развития;
- усилить фундаментальную теоретическую подготовку, так как ситуация, при которой может произойти перекося в практику за счет базовых знаний имеет негативные последствия, именно широта и уровень фундаментальной подготовки определяют кругозор специалиста, позволяющий понимать контекст происходящих событий, разбираться в них и иметь возможность их трактовать для своей аудитории;
- вводить новые образовательные программы высшего образования, обеспечивающие специализированную подготовку специалистов в сфере медиакоммуникаций, которые отвечают требованиям современной реальности, берут на себя ответственность за создание конструктивной и безопасной информационной среды государства.

Сформулированные рекомендации направлены на повышение степени соответствия подготовки будущих специалистов в сфере медиакоммуникаций тем требованиям, которые диктуются политикой Российской Федерации в рамках текущей «информационной войны», а также обеспечение их вклада в социально-экономическое развитие страны.

Список литературы

- Авакова Э.Б., Кузнецов А.А. 2023а. Медиаграмотность в формировании профессиональной компетентности будущего PR-специалиста. *Вопросы журналистики, педагогики, языкознания*, 42(3): 399–409. DOI: [10.52575/2712-7451-2023-42-3-399-409](https://doi.org/10.52575/2712-7451-2023-42-3-399-409)
- Авакова Э.Б., Кузнецов А.А. 2023б. Подготовка медиаспециалистов в области социальной коммуникации. *Коммуникология*, 11(4): 60–69. DOI: [10.21453/2311-3065-2023-11-4-60-69](https://doi.org/10.21453/2311-3065-2023-11-4-60-69)
- Авакова Э.Б., Кузнецов А.А. 2024. Профессиональные ценностные ориентации специалистов по связям с общественностью. *Коммуникология*, 12(1): 134–143. DOI: [10.21453/2311-3065-2024-12-1-134-143](https://doi.org/10.21453/2311-3065-2024-12-1-134-143)



- Авдони́на Н.С. 2024. Ошибки начинающего журналиста. В кн.: Медиакоммуникации в современном информационном обществе. Сборник материалов региональной научно-практической конференции (Архангельск, 26 апреля 2024 г.). Архангельск, Северный (Арктический) федеральный университет им. М. В. Ломоносова: 4–7.
- Авдони́на Н.С., Зайцева Л.В. 2022. Анализ медиаграмотности у студентов направления «Журналистика». *Вестник Омского государственного педагогического университета. Гуманитарные исследования*, 3(36): 141–146. DOI: [10.36809/2309-9380-2022-36-141-146](https://doi.org/10.36809/2309-9380-2022-36-141-146)
- Аникина М.Е., Бакалюк П.А. 2021. Сегментирование информационного пространства и новые пути изучения медиаактивности молодежи. *Меди@льманах*, 6(107): 34–41. DOI: [10.30547/mediaalmanah.6.2021.3441](https://doi.org/10.30547/mediaalmanah.6.2021.3441)
- Богатырев К.М. 2022. Треш-контент как форма информационных угроз медиабезопасности в цифровой среде. *Юрислингвистика*, 24 (35): 38–44. DOI: [10.14258/leglin\(2022\)2407](https://doi.org/10.14258/leglin(2022)2407)
- Гутова С.Г., Целищева З.А., Самохина Н.Н. 2022. Управление коммуникационным процессом как форма профилактической работы с молодежью в сфере информационной безопасности. *Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки*, 5: 38–45. DOI: [10.23672/h5343-6853-4583-v](https://doi.org/10.23672/h5343-6853-4583-v)
- Дубень А.К. 2022. Аспекты и угрозы информационной безопасности в эпоху современных информационных войн. *Вестник Удмуртского университета. Серия: Экономика и право*, 32(6): 1064–1068. DOI: [10.35634/2412-9593-2022-32-6-1064-1068](https://doi.org/10.35634/2412-9593-2022-32-6-1064-1068)
- Жилавская И.В. 2013. Медиаактивность молодежи как фактор медиаобразования. *Медиа. Информация. Коммуникация*, 4: 6–8. URL: <https://mic.org.ru/vyp/4-nomer-2013/mediaaktivnost-molodezhi-kak-faktor-mediaobrazovaniya/> (дата обращения: 28.08.2024)
- Зеленская О.Ю., Макаренко Ю.В., Венцель В.А. 2023. Медиаобразование как ресурс профессиональной ориентации современной молодежи. *Проблемы современного педагогического образования*, 78(2): 107–110.
- Золотина О.А., Сагдеева А.Т. 2022. Рынок труда и занятость молодежи в России. *Управление персоналом и интеллектуальными ресурсами в России*, 11(5): 71–78. DOI: [10.12737/2305-7807-2022-11-5-71-78](https://doi.org/10.12737/2305-7807-2022-11-5-71-78)
- Зуйкина К.Л., Соколова Д.В. 2021. Особенности идентификации фейковых новостей молодежной аудиторией. *Вестник Томского государственного университета. Филология*, 71: 310–326. DOI: [10.17223/19986645/71/19](https://doi.org/10.17223/19986645/71/19)
- Ким М.Н. 2021. Пользовательский контент: проблемы жанрообразования. *Управленческое консультирование*, 3(147): 70–79. DOI: [10.22394/1726-1139-2021-3-70-79](https://doi.org/10.22394/1726-1139-2021-3-70-79)
- Луценко Е.П. 2022. Уголовная ответственность за фейки по действующему уголовному законодательству. *Право и управление*, 10: 145–149. DOI: [10.24412/2224-9125-2022-10-145-149](https://doi.org/10.24412/2224-9125-2022-10-145-149)
- Мурашко С.Ф., Симонов П.Ю. 2022. Информационно-психологические войны в современной социально-политической коммуникации. *Власть истории – История власти*, 8–1(35): 43–51.
- Полонский А.В. 2015. Медиа и их текстовая реальность. *Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки*: 18(215): 17–24.
- Тесленко А.Н., Колыванова Л.А., Дудина Е.В., Глубокова М.Н. 2023. Молодежь в фокусе информационно-психологической войны. *Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Социальные, гуманитарные, медико-биологические науки*, 25–4 (91): 121–129. DOI: [10.37313/2413-9645-2023-25-91-121-129](https://doi.org/10.37313/2413-9645-2023-25-91-121-129)
- Шумов П.В., Веденеева П.И. 2023. Проблемы распространения «фейков»: идентификация информации, правовой аспект. *Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки*, 8: 195–202. DOI: [10.23672/SAE.2023.80.39.028](https://doi.org/10.23672/SAE.2023.80.39.028)
- Couldry N., Mccarthy A. 2004. *MediaSpace: Place, Scale and Culture in a Media Age*. New York, Routledge, 320 p.
- Hjarvard S. 2008. The Mediatization of Society. A Theory of the Media as Agents of Social and Cultural Change. *Nordicom Review*, 29(2): 105–134.
- Hobbs R. 2006. *Reading the Media in High School: Media Literacy in High School English*. Teachers College Press, 202 p.
- Livingstone S. 2004. Media Literacy and the Challenge of New Information and Communication Technologies. *The Communication Review*, 7(1): 3–14. DOI: [10.1080/10714420490280152](https://doi.org/10.1080/10714420490280152)
- Reinhold H. 2000. *The virtual community: Homesteading on the electronic frontier*. Cambridge, Mass, MIT Press, 480 p.

References

- Avakova E.B., Kuznetsov A.A. 2023a. Media Literacy in the Formation of Professional Competence of Future PR Specialist. *Issues in Journalism, Education, Linguistics*, 42(3): 399–409 (in Russian). DOI: [10.52575/2712-7451-2023-42-3-399-409](https://doi.org/10.52575/2712-7451-2023-42-3-399-409)
- Avakova E.B., Kuznetsov A.A. 2023b. Training of media specialists in the field of social communication. *Communicology*, 11(4): 60–69 (in Russian). DOI: [10.21453/2311-3065-2023-11-4-60-69](https://doi.org/10.21453/2311-3065-2023-11-4-60-69)
- Avakova E.B., Kuznetsov A.A. 2024. Professional Values of Public Relations Specialists. *Communicology*, 12(1): 134–143 (in Russian). DOI: [10.21453/2311-3065-2024-12-1-134-143](https://doi.org/10.21453/2311-3065-2024-12-1-134-143)
- Avdonina N.S. 2024. Beginning Journalist's Mistakes. In.: *Mediakommunikatsii v sovremennom informatsionnom obshchestve* [Media communications in the modern information society]. Collection of materials of the regional scientific and practical conference (Arkhangelsk, April 26, 2024). Arkhangelsk, Publ. Severnyi (Arkticheskii) federal'nyi universitet im. M.V. Lomonosova: 4–7.
- Avdonina N.S., Zaitseva L.V. 2022. Analysis of Media Literacy Among Journalism Students. *Review of Omsk State Pedagogical University. Humanitarian Research*, 3(36): 141–146 (in Russian). DOI: [10.36809/2309-9380-2022-36-141-146](https://doi.org/10.36809/2309-9380-2022-36-141-146)
- Anikina M.E., Bakalyuk P.A. 2021. Segmentirovanie informatsionnogo prostranstva i novye puti izucheniya mediaaktivnosti molodezhi [Segmentation of the information space and new ways of studying the media activity of young people]. *Medi@l'manakh*, 6(107): 34–41. DOI: [10.30547/mediaalmanah.6.2021.3441](https://doi.org/10.30547/mediaalmanah.6.2021.3441)
- Bogatyrev K.M. 2022. Trash Content as a Form of Information Threats to Media Security in the Digital Environment. *Legal Linguistics*, 24 (35): 38–44 (in Russian). DOI: [10.14258/leglin\(2022\)2407](https://doi.org/10.14258/leglin(2022)2407)
- Gutova S.G., Tselishcheva Z.A., Samokhina N.N. 2022. Communication process management as a form of preventive work with youth in the field of information securit. *Humanities, social-economic and social sciences*, 5: 38–45 (in Russian). DOI: [10.23672/h5343-6853-4583-v](https://doi.org/10.23672/h5343-6853-4583-v)
- Duben A.K. 2022. Aspects and threats of information security in the era of modern information wars. *Bulletin of Udmurt University. Series: Economics and Law*, 32(6): 1064–1068 (in Russian). DOI: [10.35634/2412-9593-2022-32-6-1064-1068](https://doi.org/10.35634/2412-9593-2022-32-6-1064-1068)
- Zhilavskaya I.V. 2013. Media activity of the youth as a factor of media education. *Media. Information. Communication*, 4: 6–8 (in Russian). URL: <https://mic.org.ru/vyp/4-nomer-2013/mediaaktivnost-molodezhi-kak-faktor-mediaobrazovaniya/> (accessed: 28.08.2024)
- Zelenskaya O.Yu., Makarenko Yu.V., Ventsel' V.A. 2023. Mediaobrazovanie kak resurs professional'noi orientatsii sovremennoi molodezhi [Media education as a resource for professional orientation of modern youth]. *Problems of modern pedagogical education*, 78(2): 107–110 (in Russian).
- Zolotina O.A., Sagdeeva A.T. 2022. The labor market and youth employment in Russia. *Management of the personnel and intellectual resources in Russia*, 11(5): 71–78 (in Russian). DOI: [10.12737/2305-7807-2022-11-5-71-78](https://doi.org/10.12737/2305-7807-2022-11-5-71-78)
- Zuykina K.L., Sokolova D.V. 2021. Fake news: can young people distinguish fact from fiction? *Tomsk State University Journal of Philology*, 71: 310–326 (in Russian). DOI: [10.17223/19986645/71/19](https://doi.org/10.17223/19986645/71/19)
- Kim M.N. 2021. User-Created Content: Problems of Genre Formation. *Administrative Consulting*, 3(147): 70–79 (in Russian). DOI: [10.22394/1726-1139-2021-3-70-79](https://doi.org/10.22394/1726-1139-2021-3-70-79)
- Lutsenko E.P. 2022. Criminal liability for fakes under the current criminal legislation. *Law and Management*, 10: 145–149. DOI: [10.24412/2224-9125-2022-10-145-149](https://doi.org/10.24412/2224-9125-2022-10-145-149)
- Murashko S.F., Simonov P.Y. 2022. Information and psychological warfare in modern socio-political communication. *The Power of History – The History of Power*, 8–1(35): 43–51 (in Russian).
- Polonsky A.V. 2015. Media and their textual reality. *Scientific bulletin of Belgorod State University. Humanities Sciences*, 18(215): 17–24 (in Russian).
- Teslenko A.N., Kolyvanova A.L., Dudina E.V., Glubokova M.N. 2023. Youth in the focus of information and psychological war. *Izvestiya of the Samara Science Centre of the Russian Academy of Sciences. Social, Humanitarian, Biomedical Sciences*, 25–4 (91): 121–129 (in Russian). DOI: [10.37313/2413-9645-2023-25-91-121-129](https://doi.org/10.37313/2413-9645-2023-25-91-121-129)
- Shumov P.V., Vedeneeva P.I. 2023. Problems of spreading "fakes": identification of information, legal aspect. *Humanities, Social-Economic and Social Sciences*, 8: 195–202 (in Russian). DOI: [10.23672/SAE.2023.80.39.028](https://doi.org/10.23672/SAE.2023.80.39.028)
- Adams D., Hamm M. 2001. Literacy in a Multimedia Age. Norwood, Mass, Christopher-Gordon Publishers, 199 p.



- Couldry N., McCarthy A. 2004. *MediaSpace: Place, Scale and Culture in a Media Age*. New York, Routledge, 320 p.
- Hjarvard S. 2008. The Mediatization of Society. A Theory of the Media as Agents of Social and Cultural Change. *Nordicom Review*, 29(2): 105–134.
- Hobbs R. 2006. *Reading the Media in High School: Media Literacy in High School English*. Teachers College Press, 202 p.
- Livingstone S. 2004. Media Literacy and the Challenge of New Information and Communication Technologies. *The Communication Review*, 7(1): 3–14. DOI: [10.1080/10714420490280152](https://doi.org/10.1080/10714420490280152)
- Reinhold H. 2000. *The virtual community: Homesteading on the electronic frontier*. Cambridge, Mass, MIT Press, 480 p.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию 01.09.2024

Поступила после рецензирования 15.11.2024

Принята к публикации 10.12.2024

Received September 01, 2024

Revised November 15, 2024

Accepted December 10, 2024

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Авакова Элина Борисовна, кандидат социологических наук, доцент Высшей школы медиакоммуникаций и связей с общественностью, Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, г. Санкт-Петербург, Россия.

Elina B. Avakova, Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor of the Graduate School of Media Communications and Public Relations, Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University, St. Petersburg, Russia.

Гомелаури Ангелина Сергеевна, кандидат политических наук, ассистент Высшей школы медиакоммуникаций и связей с общественностью, Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, г. Санкт-Петербург, Россия.

Angelina S. Gomelaury, Candidate of Political Sciences, Assistant of the Graduate School of Media Communications and Public Relations, Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University, St. Petersburg, Russia.

Кузнецов Артем Александрович, преподаватель кафедры рекламы и связей с общественностью, Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна, г. Санкт-Петербург, Россия.

Artem A. Kuznetsov, Lecturer at the Department of Advertising and Public Relations, Saint Petersburg State University of Industrial Technologies and Design, St. Petersburg, Russia.

УДК 316.774

DOI 10.52575/2712-7451-2024-43-4-409-420

Система правил организации медиаконтента органов местного самоуправления

Ермоленко М.А.

Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Россия, 308015, г. Белгород, ул. Победы, д. 85

Marina.5000K@yandex.ru

Аннотация. Нововведения в российском законодательстве послужили стартом процесса организации медиаконтента официальных ресурсов органов местного самоуправления. Формирование навыков у администраторов медиаресурсов происходит в настоящее время. В связи с недостатком исследований о систематизации требований к ведению официальных медиаресурсов муниципальных образований автором поставлена цель сформировать единую систему правил организации медиаконтента. В результате исследования сформирована система правил с пятью основными направлениями. Система послужит базой для проведения исследований структурных и прагматических аспектов медиаресурсов органов местного самоуправления, а также имеет практико-ориентированную значимость.

Ключевые слова: правила ведения сообщества, социальные сети, органы местного самоуправления, медиаконтент, официальные ресурсы, аккаунты администрации, оформление страниц

Для цитирования: Ермоленко М.А. 2024. Система правил организации медиаконтента органов местного самоуправления. *Вопросы журналистики, педагогики, языкознания*, 43(4): 409–420. DOI: 10.52575/2712-7451-2024-43-4-409-420

The System of Rules for the Organization of Local Authorities Media Content

Marina A. Ermolenko

Belgorod State National Research University,
85 Pobeda St, Belgorod 308015, Russian Federation

Marina.5000K@yandex.ru

Abstract. Innovations in the Russian legislation triggered of the process of organizing the media content of local authorities official resources. Skill-building in resource administrators is currently taking place. Due to the lack of research on the systematization of the requirements for maintaining official media resources of municipalities, the author set a goal to form a unified system of rules for organizing the media content. As a result of the study, a system of rules with five main directions was formed. The system will serve as a basis for conducting research on the structural and pragmatic aspects of media resources of local authorities, and also has practice-oriented significance.

Keywords: community rules, social networks, local authorities, media content, official resources, administration accounts, page design

For citation: Ermolenko M.A. 2024. The System of Rules for the Organization of Local Authorities Media Content. *Issues in Journalism, Education, Linguistics*, 43(4): 409–420 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-7451-2024-43-4-409-420

Введение

При организации контентного наполнения ресурсов органов местного самоуправления используются правила, как определённые формально, так и негласно представленные и разделяемые контент-менеджерами при реализации государственной информационной политики. В 2022 году в Федеральный закон Российской Федерации от 9 февраля 2009 г. № 8-ФЗ «Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления»¹, в рамках исполнения которых сообщества органов власти и подведомственных организаций должны иметь официальный статус. Для достижения данного требования Центром управления регионом совместно с Правительством Белгородской области и органами местного самоуправления 22 муниципальных образований была создана система госпабликов организаций и органов, закреплены ответственные лица за исполнение положений Федерального закона. Кроме того, в 2023 году было принято Постановление Правительства Белгородской области от 09.01.2023 № 3-пп «О размещении информации о деятельности государственных органов Белгородской области и подведомственных им организаций на официальных страницах»², которое содержит новые требования к оформлению и контентному наполнению госпабликов. Помимо требований законодательства, от Центра управления регионом стали поступать рекомендации по ведению госпабликов для администраторов сообществ подведомственных организаций в рамках обучающих курсов, так как у многих ответственных за ведение сообществ лиц отсутствуют базовые профессиональные компетенции в сфере медиакоммуникаций. Часто сотрудники совмещают обязанности администрирования госпабликов в муниципальных учреждениях образования, социальной защиты, культуры, спорта, администрациях поселений и земских собраниях с основной должностью в организации.

Актуальность темы исследования обусловлена тем, что в настоящее время формирование навыков контент-менеджмента у администраторов госпабликов происходит в условиях нормативной неопределённости: с одной стороны, действуют предписания упомянутого выше федерального закона к содержательному наполнению медиаресурсов органов местного самоуправления, а с другой стороны, деятельность администраторов подчиняется целому ряду неформализованных правил, официально не закреплённых в нормативных документах. Это обстоятельство затрагивает ряд ключевых аспектов организации медиаконтента. Опыт работы администраторов госпабликов в Белгородской области показывает, что ответственные лица периодически проходят обучающие курсы и вебинары от Центра управления регионом по формированию медиаконтента на разные темы, а администрации муниципальных образований и министерства координируют исполнение требований в подведомственных организациях. При этом существует проблема, когда кадры в подведомственных организациях меняются, появляются новые администраторы, которые не имеют представления о действующих правилах, а процесс поиска и изучения информации требует определённых временных затрат.

На сегодняшний день информация о правилах организации медиаконтента официальных ресурсов органов власти и подведомственных организаций размещается в разных источниках, и единой структурированной системы, в которой были бы собраны

¹ Федеральный закон «Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления» от 9.02.2009 № 8-ФЗ (последняя редакция). 2009. Принят Государственной Думой 21.01.2009. Одобрен Советом Федерации 28.01.2009. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_84602/ (дата обращения: 20.09.2023).

² О размещении информации о деятельности государственных органов Белгородской области и подведомственных им организаций на официальных страницах. 2023. Постановление Правительства Белгородской области от 09.01.2023 № 3-пп. Официальный интернет-портал правовой информации, 13.01.2023. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/3100202301130007?index=1> (дата обращения: 08.10.2023).

требования закона и рекомендации по ведению медиаресурсов, не существует. Систематизация правил необходима для достижения двух задач. Во-первых, структурирование элементов медиаресурсов органов местного самоуправления и правил их использования позволит сформировать представление о нормативных основаниях деятельности медиаменеджеров органов власти и, в частности, органов местного самоуправления. Во-вторых, единая система правил может применяться администраторами медиаресурсов для решения прикладной задачи – для удобства и сокращения временных затрат на поиск информации о правилах формирования медиаконтента.

Аспекты проблемы, касающиеся формирования медиаконтента органами власти, рассматривались разными авторами – М.А. Вершининой [2021], А.В. Ипатовой [2018], О.А. Колесник [2021], А.В. Соколова, А.В. Соловьевой [2014]. Но, важно отметить, исследователи в основном ведут речь об органах государственной власти, часто игнорируя происходящие процессы в органах местного самоуправления, хотя именно муниципальные власти устанавливают прямое взаимодействие с ответственными лицами за формирование медиаконтента в администрациях городских и сельских поселений, образовательных, социальных, культурных учреждениях.

Исследователи аспектов проблем, касающихся коммуникации госорганов с населением посредством новых медиа, сходятся во мнении, что органы власти расширяют систему подходов к общению с жителями с помощью новых средств медиакommunikаций. Однако отметим, что данный процесс происходит не только в органах государственной власти, но и в органах местного самоуправления.

В последнее время коммуникация органов власти с населением часто осуществляется с помощью онлайн-платформ. Одним из решающих факторов перехода к использованию органами местного самоуправления новых медиа стала эпидемиологическая ситуация. Условия, в которых в 2020 году оказались все без исключения представители государственных, муниципальных, общественных и коммерческих структур, вынужденные ограничить очное взаимодействие по причине усложнившейся эпидемиологической обстановки, продемонстрировали важность развития удалённых форм информационного взаимодействия [Колесник, 2021, с. 51]. Удобство электронных средств коммуникации, оперативность предоставления информации, эстетическая привлекательность и наглядность медиаресурсов стали важными критериями выбора актуального формата коммуникации. На сегодняшний день органы власти не только выполняют задачи информационной политики с помощью медиаплатформ, но и полностью изменили формат некоторых совещаний в пользу онлайн-формата.

Органы муниципальной власти, в соответствии с законодательством и их базовыми социальными функциями, должны следовать основным принципам информационной политики: открытости и доступности информации, достоверности и корректности, равенства интересов, оперативности подачи информации и реагирования на события в локальной среде, дифференцировании информации с учётом мировоззренческого уровня населения и включённости акторов каждого муниципального объединения в информационную сеть, социальной ориентации и целостности локального информационного пространства [Элеменкина, 2011]. Интернет предоставляет широкие возможности для взаимодействия местной власти с обществом. Муниципальные власти выполняют задачи: информирования о собственных целях, задачах и текущей деятельности; ведения открытого диалога с населением с помощью публичного обсуждения местных проблем; предоставления гражданам возможности участия в принятии решений; предоставления в открытом доступе информации о готовящихся к принятию решениях и разъяснения их гражданам; опубликования отчётов о работе с обращениями граждан; работы с разными каналами коммуникации для передачи данных в любом формате; расширения методов, форм и способов получения информации; проведения социологических исследований об удовлетворённости населения уровнем



открытости данных [Андросова, Гришкова, 2017]. Указанные задачи соответствуют целям местной власти в рамках осуществления деятельности по связям с общественностью: постоянно информировать людей о политике, проводимой местной властью; давать общественности возможность выражать своё мнение относительно новых важных проектов до принятия окончательного решения; просвещать людей относительно системы, по которой работает местная власть, и информировать их о правах и обязанностях; пропагандировать чувство гражданской гордости [Блэк, 1998].

Коммуникация с гражданами на разных уровнях власти отличается. Местная власть на уровне муниципалитета всегда «ближе к народу» из-за особенного формата взаимодействия с жителями. Люди решают вопросы непосредственно через территориальные администрации и органы местного самоуправления, так как это первоначальный уровень власти в структуре управления. Это ещё более повышает ответственность органов местного самоуправления в решении вопросов информатизации, так как до 80% взаимодействия между государством и гражданами или бизнесом происходит на местном уровне [Кириенко, 2013].

Возможность интернет-пользователей быть создателями инфоповодов обусловила необходимость введения в научный оборот понятия *user generated content*, «пользовательский контент», то есть информационно значимое содержимое носителей информации, создаваемое читателями (потребителями). Данное явление также выражается с помощью понятий «пользовательский информационный материал» или «информационный материал, создаваемый читателями» [Ипатова, 2018, с. 367]. Отметим, что пользователи имеют возможность создавать не только развлекательный контент, но и участвовать в решении общественных проблем. Сущность общественной деятельности граждан в настоящее время трансформировалась в условиях появления новых каналов взаимодействия органов власти и населения [Тажитдинов и др., 2020]. Новые механизмы расширяют границы действия инициативных граждан, их объединение и взаимодействие происходит через Интернет. Специфика заключается в использовании более оперативной взаимосвязи, онлайн-площадок для обсуждения [Соколов, Соловьева, 2014].

Органы государственной и муниципальной власти всё чаще используют платформы, позволяющие быстро и эффективно собирать и обрабатывать обращения граждан, выполнять мониторинг общественного мнения, улавливать наиболее острые запросы общества [Вершинина, 2021]. Медиаресурсы открывают новые возможности для осуществления коммуникации власти с населением. Вместе с этими возможностями появляются и новые требования в рамках федерального и регионального законодательства, касающиеся обеспечения доступности и безопасности информации, закрепляются распорядительными актами ответственные лица за исполнение положений требований. Но, кроме этого, ответственным лицам поступают поручения рекомендательного характера, касающиеся особенностей формирования медиаконтента для официальных ресурсов организации.

Цель исследования состоит в выявлении и систематизации формализованных и неформализованных правил организации медиаконтента органов местного самоуправления. Данная цель достигается на основе изучения требований, содержащихся в законодательной базе, с учётом нововведений и рекомендаций по ведению медиаресурсов от профильных структур.

Объекты и методы исследования

Объектом исследования выступают медиаресурсы органов местного самоуправления. Предметом исследования являются нормативные аспекты регулирования деятельности по организации медиаконтента для официальных ресурсов органов местного самоуправления.

При проведении исследования мы использовали методы классификации и компаративного анализа. Эмпирическую базу составили нормативно-правовые акты

федерального уровня: Федеральный закон Российской Федерации от 9 февраля 2009 г. № 8-ФЗ «Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления»¹. Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ (ред. от 12.12.2023) «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»² и Распоряжение Правительства Российской Федерации от 2 сентября 2022 года № 2523-р³; а также регионального значения: Постановление Правительства Белгородской области от 09.01.2023 № 3-пп «О размещении информации о деятельности государственных органов Белгородской области и подведомственных им организаций на официальных страницах»⁴. Материалом анализа выступили также рекомендации по ведению госпабликов АНО «Диалог Регионы»⁵.

Результаты и их обсуждение

Мы изучили правила организации медиаконтента для сайтов и страниц в социальных сетях органов местного самоуправления на примере Белгородской области. В ходе изучения нормативных аспектов мы выделили два аспекта правил: формализованные и неформализованные. К формализованным правилам организации медиаконтента мы отнесли те, которые подкреплены нормативно-правовыми актами федерального и регионального уровней. К неформализованным правилам мы отнесли рекомендации, данные профильными структурами в рамках обучающих вебинаров, которые проводились в операционном режиме для администраторов медиаресурсов органов власти и подведомственных организаций Белгородской области.

На основе результатов анализа мы сформировали таблицу с ключевыми правилами организации медиаконтента органов местного самоуправления (см. таблицу).

Правила организации медиаконтента можно классифицировать по принципу структурных информационных элементов медиаресурсов: «Описание и контакты», «Деятельность, содержание информационных материалов», «Оформление, форматы, виджеты», «НПА, документы», «Администрирование и постинг».

В блоке «Описание и контакты» мы объединили правила, касающиеся описательных характеристик органа местного самоуправления. В медиаресурсах ОМС на главной странице должны быть указаны наименование органа, описание полномочий, функций и задач, а также актуальные контактные данные.

¹ Федеральный закон «Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления» от 9.02.2009 № 8-ФЗ (последняя редакция). 2009. Принят Государственной Думой 21.01.2009. Одобрен Советом Федерации 28.01.2009. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_84602/ (дата обращения: 20.09.2023).

² Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» от 27.07.2006 № 149-ФЗ (редакция от 12.12.2023). Принят Государственной Думой 08.07.2006. Одобрен Советом Федерации 14.07.2006. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61798/a3cba9a7c2ac9aa487df2d4172734dd5139376f5 (дата обращения: 25.09.2023).

³ Распоряжение Правительства Российской Федерации от 02.09.2022 № 2523-р. 2022. Официальный интернет-портал правовой информации, 05 сентября 2022 г. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202209050038> (дата обращения: 03.10.2023).

⁴ О размещении информации о деятельности государственных органов Белгородской области и подведомственных им организаций на официальных страницах. 2023. Постановление Правительства Белгородской области от 09.01.2023 № 3-пп. Официальный интернет-портал правовой информации, 13.01.2023 URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/3100202301130007?index=1> (дата обращения: 08.10.2023).

⁵ Методические материалы «Эффективный госпаблик ОМСУ». Официальный интернет-портал АНО «Диалог Регионы» URL: https://dialog.info/wp-content/uploads/2023/06/Gospabliki_OMSU_metodichka_Dialoga.pdf (дата обращения: 20.10.2023).



Правила организации медиаконтента органов местного самоуправления
Rules for organizing local authorities media content

Структурные элементы		Формализованные		Неформализованные	
		сайт	страница	сайт	страница
1	2	3	4	5	6
Блок 1. Описание и контакты	Наименование	+	+	+	+
	Общая информация	+	+	+	+
	Структура	+	-	-	-
	Почтовый адрес	+	+	+	-
	Адрес электронной почты	+	+	+	-
	Номер телефона	+	+	+	-
	Полномочия, задачи и функции	+	-	-	-
	Руководители	+	-	-	-
	Ссылки на официальные ресурсы	+	+	-	-
	СМИ	+	-	-	-
	Перечень информационных систем	+	-	-	-
	Территориальные органы и подведомственные организации	+	-	-	-
	Правила поведения пользователей	-	+	-	-
	Обратная связь	+	-	+	+
Блок 2. Деятельность, содержание информационных материалов	Закупки	+	-	-	-
	Услуги	+	-	+	+
	Формы обращений	+	-	-	-
	Порядок обжалования НПА	+	-	-	-
	Целевые программы и международное сотрудничество	+	-	+	+
	Мероприятия и рабочие поездки	+	-	+	+
	Меры безопасности для населения	+	-	+	+
	Результаты проверок	+	-	-	-
	Выступления и заявления руководителей	+	-	+	+
	Статистика сфер жизнедеятельности	+	-	+	+
	Использование бюджета	+	-	-	-
	Льготы для предпринимателей	+	-	+	+
	Кадры	+	-	+	+
	Работа с обращениями граждан	+	-	+	+
	Деятельность ОМС	+	+	+	+
	Уведомления от территориальных органов	-	-	+	+
	Достижения	-	-	+	+
	Плановые и экстренные работы	+	-	+	+

Продолжение табл.

1	2	3	4	5	6
Блок 3. Оформление, форматы, виджеты	Единый портал	+	-	+	+
	Единый фирменный стиль	-	+	-	+
	Зависимость формата публикаций от информационной системы	-	+	-	+
	Исключение формата пресс-релиза	-	+	-	+
	Преимущество формату расширенных заметок	-	-	+	-
	Отказ от интерактивных форматов	-	-	+	-
	Отсутствие смешения стилей разных информационных кампаний в одной публикации	-	-	-	+
	Присутствие герба	-	-	+	+
	Формат изображений и видео	-	-	+	+
	Интерактивные рубрики	-	-	-	+
	Прямой эфир	-	-	-	+
	Формат историй	-	-	-	+
Блок 4. НПА, документы	Правовые акты	+	-	-	-
	Внесения изменений	+	-	-	-
	Государственная регистрация правовых актов	+	-	-	-
	Проекты решений представительного органа	+	-	-	-
	Внутренний акт ответственного за исполнение 8-ФЗ	-	+	-	-
	Название файла	-	-	+	-
	Тематические разделы документов	-	-	+	-
	Отдельный файл к посту	-	-	-	+
	Отсутствие сканов, ключевая информация в карточках или ссылках	-	-	-	+
Блок 5. Администрирование и постинг	Информационные системы Вконтакте и Одноклассники	-	+	-	-
	ОМС вправе вести телеграм-канал	-	+	-	-
	Безопасность данных	-	+	-	+
	Публичность и возможность комментирования	-	+	-	+
	Минимум 3 публикации в неделю	-	+	-	+
	Письменная разговорная речь	-	+	-	+
	Исключить канцеляризмы	-	+	-	+
	Корректный ответ на обращения	-	+	-	+
	Мониторинг комментариев, контроль соблюдения правил	-	+	-	+
	Удалению подлежат нарушающие правила комментарии	-	+	-	+

Окончание табл.

Блок 5. Администрирование и постинг	2	3	4	5	6
	Ответ содержит полноту и суть проблемы	-	+	-	+
	Правило «трёх кликов»	-	-	+	-
	Баннеры занимают площадь менее 50%	-	-	+	-
	Регулярный постинг	-	-	+	+
	Качество изображений	-	-	+	+
	Качество видеозаписей	-	-	-	+
	Специальная отметка «Госорганизация»	-	-	-	+
	Временной интервал между публикациями 30 минут	-	-	-	+
	Постинг от имени сообщества	-	-	-	+
	Не менее 90 % уникальных публикаций	-	-	-	+
	Адаптирование репостов	-	-	-	+
	Двухфакторная аутентификация	-	-	-	+
	Заголовки содержат главную мысль	-	-	-	+
	Краткие записи	-	-	-	+
	Абзацные отступы и эмодзи	-	-	-	+
	Не более трёх эмодзи в одном посте	-	-	-	+
	Исключение страдательного залога	-	-	-	+
	Указание на персону без отчества	-	-	-	+
	«Живые фото»	-	-	-	+
	Каждый снимок содержит отдельный посыл	-	-	-	+
	Загрузка видео в раздел «Видеозаписи»	-	-	-	+

В блоке «Описание и контакты» мы объединили правила, касающиеся описательных характеристик органа местного самоуправления. В медиаресурсах ОМС на главной странице должны быть указаны наименование органа, описание полномочий, функций и задач, а также актуальные контактные данные. При этом, согласно неформализованным правилам, наименование должно быть простым и понятным. Например, вместо юридического наименования подведомственной организации «МБУДО «ДЮСШ» Корочанского района Белгородской области» можно использовать наименование: «Корочанская спортшкола». Согласно неформализованным правилам, текст описания полномочий, функций и задач органа местного самоуправления должен быть структурирован согласно принципу читабельности. В медиаресурсах, согласно формализованным правилам, должны быть размещены контактные данные органа. Но принцип актуальности контактных данных закрепляется неформализованными правилами. Анализируя правила организации медиаконтента в рамках данного направления, мы делаем вывод о том, что формализованные правила содержат чёткий перечень требований, а неформализованные правила отражают аспекты этих требований.

Следующее направление – «Деятельность, содержание информационных материалов» отражает особенности контентного наполнения медиаресурсов. Законом регламентируется список обязательных материалов, которые должны быть размещены в медиаресурсах органов местного самоуправления. Но специалисты по информационной деятельности не ограничиваются им, так как при наполнении официальных ресурсов необходимо ориентироваться не только на требования законодательства, но и на запросы аудитории. Особенно важно предоставлять аудитории необходимую информацию в кризисных ситуациях, чтобы понизить уровень социальной напряжённости. Поэтому список тем для публикации существенно может быть расширен.

Следующий блок правил «Оформление, форматы, виджеты» отражает требования по визуальному оформлению официальных ресурсов. В данном случае мы также можем отметить, что требования законодательства в сфере визуального оформления медиаресурсов муниципальных образований ограничены и диктуют только расположение отдельных элементов. Это происходит ввиду того, что при оформлении ресурсов специалисты ориентируются на правила пользования уже самой информационной системы. Это обстоятельство связано также с тем, что все ресурсы разные, и единых решений, которые бы охватывали полностью все составляющие элементы официальных медиаканалов, быть не может. Часто для совершения выбора формата информационных материалов используются результаты анализа запросов аудитории. Данные решения не могут быть формализованы, поскольку каждый ресурс обладает своей целевой аудиторией со специфическими характеристиками.

В блоке «НПА, документы» мы отразили правила размещения документов в медиаресурсах. Если законодательством предусмотрены определённые виды актов, которые должны присутствовать на сайтах, то для официальных страниц их размещение не имеет обязательного характера. Единственное требование, касающееся организации медиаконтента официальных страниц, закреплено в Постановлении Правительства Белгородской области от 09.01.2023 № 3-пп «О размещении информации о деятельности государственных органов Белгородской области и подведомственных им организаций на официальных страницах»¹. Оно касается закрепления ответственных лиц за реализацию положений Федерального закона Российской Федерации от 9 февраля 2009 г. № 8-ФЗ «Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления»², но его не нужно размещать в публичный доступ. Неформализованные правила содержат аспекты размещения документов в официальных страницах. Если же на сайте есть возможность размещения документов в формате списка, то в социальных сетях отдельного раздела нет. Поэтому, чтобы проинформировать жителей о принятом законе, необходимо вынести ключевые моменты текста НПА в карточки либо прикрепить отдельным файлом к новости.

Заключительный блок «Администрирование и постинг» содержит правила об аспектах администрирования медиаресурсов и регулярности постинга. Формализованных правил для сайтов в рамках данного направления нет. Зато для официальных страниц в социальных сетях существует целый ряд правил, как формализованных, так и неформализованных. Здесь мы наблюдаем некоторую схожесть в целях реализации правил,

¹ О размещении информации о деятельности государственных органов Белгородской области и подведомственных им организаций на официальных страницах. 2023. Постановление Правительства Белгородской области от 09.01.2023 № 3-пп. Официальный интернет-портал правовой информации, 13.01.2023 URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/3100202301130007?index=1> (дата обращения: 08.10.2023).

² Федеральный закон «Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления» от 9.02.2009 № 8-ФЗ (последняя редакция). 2009. Принят Государственной Думой 21.01.2009 Одобрен Советом Федерации 28.01.2009. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_84602/ (дата обращения: 20.09.2023).



то есть как с точки зрения закона, так и рекомендаций они направлены на комфорт, качество и безопасность коммуникации.

Итак, представленные блоки информации (см. таблицу) отражают главные аспекты подготовки медиаконтента для официальных ресурсов муниципальных органов власти. Отметим, что большинство правил касаются визуальных структурных аспектов медиаресурсов. Исходя из результатов исследования, мы можем сделать вывод о том, что формализованные правила отражают чёткий набор структурных элементов, которые должны присутствовать в медиаресурсах ОМС. Неформализованные правила дополняют и расширяют требования законодательства. Можно отметить, что неформализованные правила формируются с точки зрения пользовательского опыта, для обеспечения удобства получения информации аудиторией.

Заключение

Правила организации медиаконтента для сайтов и страниц в социальных сетях органов местного самоуправления касаются оформления, формата публикаций и содержания, качества текста и визуального сопровождения, принципов регулярности и безопасности и могут быть двух типов: формализованные и неформализованные. Первые регулируют наличие основных структурных элементов, информации о деятельности, правовых актов, контактных данных, возможности обратной связи и отражают чёткие требования законодательства. Причём федеральное законодательство более ориентировано на сайты, а региональное – на страницы в социальных сетях. Вторые, неформализованные, отражают различные аспекты формирования медиаконтента, основанного на требованиях законодательства. Большая часть неформализованных правил направлена на организацию медиаконтента на страницах органов местного самоуправления в социальных сетях. Ключевые аспекты рекомендаций касаются оформления и стиля, качества изображений и видео, форматов публикаций и структуры текста, доступности и безопасности, характера администрирования и регулярности постинга.

Онлайн-коммуникация органов местного самоуправления с населением в настоящее время является одним из эффективных методов достижения задач информационной политики. Органы власти во взаимодействии с подведомственными организациями используют новые форматы коммуникации с аудиторией с помощью медиаресурсов. В настоящее время администраторы медиаресурсов в рамках подготовки медиаконтента следуют требованиям российского законодательства и специальным рекомендациям, разработанным федеральной структурой «Всероссийский центр компетенций «Диалог».

Сформулированная нами классификация объединяет законодательные нормы и неформализованные рекомендации. Данный свод может послужить стартом для проведения глубинных исследований, а также может быть использован в работе ответственных лиц по ведению медиаресурсов органов власти и подведомственных организаций.

Результаты послужат базой для проведения исследований структурных и прагматических аспектов формирования медиаконтента органов местного самоуправления. Отметим, что результаты исследования имеют не только академическое, но и практико-ориентированное значение. Единая система правил может быть использована лицами, ответственными за исполнение положений Федерального закона Российской Федерации от 9 февраля 2009 г. № 8-ФЗ «Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления»¹ в органах власти и подведомственных организаций, в виде краткого руководства по ведению медиаресурсов.

¹ Федеральный закон «Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления» от 9.02.2009 № 8-ФЗ (последняя редакция). 2009. Принят Государственной Думой 21.01.2009. Одобрен Советом Федерации 28.01.2009. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_84602/ (дата обращения: 20.09.2023).

Список литературы

- Андросова Л.А., Гришкова А.А. 2017. Особенности PR в органах местного самоуправления. *Наука. Общество. Государство*, 5–3(19): 171–176
- Блэк С. 1998. Введение в публик рилейшнз. Пер. с англ. В.Г. Днепровского, И.А. Черничкиной. Ростов н/Д., Феникс, 317 с. (Black S. 1996. Introduction to Public Relations. Modino Press Ltd, 240 p.)
- Вершинина М.А. 2021. Цифровые каналы взаимодействия власти и общества: новые практики коммуникации и отбор технологий. *Государственное управление. Электронный вестник*, 87: 61–71. DOI: [10.24412/2070-1381-2021-87-61-71](https://doi.org/10.24412/2070-1381-2021-87-61-71)
- Ипатова А.В. 2018. Новые медиа и UGC (user generated content): тенденции развития и особенности. В кн.: Язык и речь в интернете: личность, общество, коммуникация, культура. Сборник статей II Международной научно-практической конференции (Москва, 29–30 марта 2018 г.). В 2 т. Под ред. А.В. Должиковой, В.В. Барабаша. Т. 1. Москва, Российский университет дружбы народов: 367–372.
- Кириенко В.Е. 2013. Информационные технологии местного самоуправления – инновационная среда, объединяющая людей, дела и идеи. *Местное право*, 4–5: 113–127.
- Колесник О.А. 2021. Формы взаимодействия органов государственной власти и средств массовой информации. *Международный журнал гуманитарных и естественных наук*, 2–2(53): 49–52. DOI: [10.24412/2500-1000-2021-2-2-49-52](https://doi.org/10.24412/2500-1000-2021-2-2-49-52)
- Соколов А.В., Соловьева А.В. 2014. Гражданская мобилизация: механизмы реализации в современной России. *Власть*, 9: 19–24.
- Тажитдинов И.А., Атаева А.Г., Шатунова А.И. 2020. Транспарентность органов местного самоуправления в условиях цифровой экономики. *Муниципалитет: экономика и управление*, 3(32): 48–58.
- Элеменкина В.В. 2011. Информационная политика органов местного самоуправления: задачи, принципы, функции. *Теория и практика общественного развития*, 5: 199–202.
- Shirky C. 2008. Here Comes Everybody: The Power of Organizing Without Organizations. London, Penguin Press, 327 p.

References

- Androsova L.A., Grishkova A.A. 2017. Features of PR in local government. *Science. Society. Stat*, 5–3(19): 171–176 (in Russian).
- Blek S. 1998. Vvedenie v pablik rileishnz [Introduction to public relations]. Per. from English V.G. Dneprovsky, I.A. Chernichkina. Rostov n/D., Publ. Feniks, 317 p. (Black S. 1996. Introduction to Public Relations. Modino Press Ltd, 240 p.)
- Vershinina M.A. 2021. Digital channels of interaction between government and society: new communication practices and technology selection. *E-journal public administration*, 87: 61–71 (in Russian). DOI: [10.24412/2070-1381-2021-87-61-71](https://doi.org/10.24412/2070-1381-2021-87-61-71)
- Ipatova A.V. 2018. New media and ugc (user generated content): development trends and features. In: Yazyk i rech' v internete: lichnost', obshchestvo, kommunikatsiya, kul'tura [Language and speech on the Internet: personality, society, communication, culture]. Collection of articles of the II International Scientific and Practical Conference (Moscow, March 29–30, 2018). In 2 vol. Eds. A.V. Dolzhikova, V.V. Barabash. Vol. 1. Moscow, Publ. Rossiiskii universitet druzhby narodov: 367–372.
- Kirienko V.E. 2013. Informatsionnye tekhnologii mestnogo samoupravleniya – innovatsionnaya sreda, ob"edinyayushchaya lyudei, dela i idei [Local government information technologies - an innovative environment that connects people, businesses and ideas]. *Local Law*, 4–5: 113–127.
- Kolesnik O.A. 2021. Forms of interaction between state authorities and mass media. *International Journal of Humanities and Natural Sciences*, 2–2(53): 49–52. DOI: [10.24412/2500-1000-2021-2-2-49-52](https://doi.org/10.24412/2500-1000-2021-2-2-49-52)
- Sokolov A.V., Solov'eva A.V. 2014. Civil mobilization: mechanisms of implementation in contemporary Russia. *The Authority*, 9: 19–24 (in Russian).
- Tazhitdinov I.A., Ataeva A.G., Shatunova A.I. 2020. Transparency of local government bodies in the conditions of digital economy. *Municipality: Economics and management*, 3(32): 48–58 (in Russian).



- Elemenkina V.V. 2011. Information policy of local self-government bodies: goals, principles, functions. *Theory and practice of social development*, 5: 199–202.
- Shirky C. 2008. Here Comes Everybody: The Power of Organizing Without Organizations. London, Penguin Press, 327 p.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию 10.05.2024

Received May 10, 2024

Поступила после рецензирования 06.06.2024

Revised June 05, 2024

Принята к публикации 10.06.2024

Accepted June 10, 2024

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Ермоленко Марина Александровна, аспирант кафедры журналистики института общественных наук и массовых коммуникаций, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, г. Белгород, Россия.

Marina A. Ermolenko, Postgraduate Student of the Department of Journalism of the Institute of Social Sciences and Mass Communications, Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia.

УДК 070

DOI 10.52575/2712-7451-2024-43-4-421-435

Языковая игра как вербальный прием инфотейнмента в практике российских региональных печатных СМИ

¹ Карпенко И.И., ¹ Короченский А.П., ² Меринов В.Ю., ³ Хорольский В.В.

¹ Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Россия, 308015, г. Белгород, ул. Победы, д. 85

² Российский государственный университет социальных технологий,
Россия, 107150, г. Москва, ул. Лосиноостровская, д. 49

³ Воронежский государственный университет,
Россия, 394018, г. Воронеж, Университетская площадь, д. 1

karpenkoirina@bsuedu.ru, v.merinov@rgust.ru, khrolbox@mail.ru

Аннотация. Использование языковой игры при подготовке журналистского материала может способствовать привлечению внимания аудитории к журналистскому тексту, а также улучшить запоминаемость фактов. Несмотря на достаточно большое количество научных изысканий в области исследования языковой игры и ее применения в литературе, в современном научном дискурсе недостаточно изучено ее использование в журналистике. Целью данного исследования является выявление прецедентов применения в СМИ разных приемов языковой игры и их систематизация. Исследование проводилось на основе анализа медиатекстов белгородского регионального молодежного журнала «ОнОнас» как издания, наиболее часто прибегающего к использованию языковой игры в своей практике. В результате исследования был выявлен ряд приемов языковой игры: графические, словообразовательные, фонетические, морфологические, лексические и синтаксические. Полученные результаты вносят вклад в развитие теории журналистики в части систематизации вербальных приемов инфотейнмента в целом и языковой игры в частности.

Ключевые слова: репрезентация медийного контента, вербальная репрезентация, региональные СМИ, приемы языковой игры, журналистский текст

Для цитирования: Карпенко И.И., Короченский А.П., Меринов В.Ю., Хорольский В.В. 2024. Языковая игра как вербальный прием инфотейнмента в практике российских региональных печатных СМИ. *Вопросы журналистики, педагогики, языкознания*, 43(4): 421–435. DOI: 10.52575/2712-7451-2024-43-4-421-435

Wordplay As a Verbal Technique of Infotainment in the Practice of Russian Regional Print Media

¹ Irina I. Karpenko, Alexander P. Korochensky, ² Valery Yu. Merinov,
³ Viktor V. Khorolskii

¹ Belgorod State National Research University,
85 Pobeda St, Belgorod 308015, Russian Federation

² Russian State University of Social Technologies,
49 Losinoostrovskaya St, Moscow 107150, Russian Federation

³ Voronezh State University,
1 Universitetskaya Sq., Voronezh 394018, Russian Federation

karpenkoirina@bsuedu.ru, v.merinov@rgust.ru, khrolbox@mail.ru

Abstract. The use of wordplay in the preparation of journalism material can help attract the readers' attention to the journalistic text, as well as improve the memorability of facts. Despite a fairly large number of research works on wordplay and its application in literature, its use in journalism has not been sufficiently



studied in modern scientific discourse. The purpose of this study is to identify precedents for the use of various wordplay techniques in the media and their systematization. The study was conducted based on the analysis of media texts of Belgorod regional youth magazine "OnOnas", as a resource that most often resorts to the use of wordplay. As a result of the study, a number of wordplay techniques were identified: graphic, word-building, phonetic, morphological, lexical, and syntactic ones. The results obtained contribute to the development of the theory of journalism in terms of systematization of infotainment verbal techniques in general and wordplay in particular.

Keywords: the media content representation, verbal representation, regional media, language game techniques, journalistic text

For citation: Karpenko I.I., Korochensky A.P., Merinov V.Yu., Khorolskii V.V. 2024. Wordplay As a Verbal Technique of Infotainment in the Practice of Russian Regional Print Media. *Issues in Journalism, Education, Linguistics*, 43(4): 421–435 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-7451-2024-43-4-421-435

Введение

Возросший в связи с развитием информационно-коммуникационных технологий темп жизни привел к многократному увеличению информационных потоков, во много раз превышающих объем возможного потребления человеком. Сложившаяся ситуация дает толчок к поиску новых форм представления журналистского произведения со сниженной информационной нагруженностью в условиях интернет-коммуникации и тотальной интерактивизации контента, но без потери смыслов [Нильсен, Лоранжер, 2009]. Из этого вытекает необходимость постоянного поиска новых форм репрезентации медийного контента. Одним из таких методов является инфотеймент в совокупности с большим арсеналом приемов вербальной и невербальной репрезентации информации.

Феномен инфотеймента в массмедийной практике начал зарождаться еще в 1980-е гг. XX в. в США, когда исследователями СМИ было замечено снижение интереса аудитории к информационным телевизионным программам. Формы подачи информации начали меняться: журналисты стали чаще появляться в кадре наравне с героями сюжетов, использовались различные средства монтажа телепередачи, новые приемы съемок, спецэффекты, графика и анимация. Использование элементов развлекательности в информационных программах стало носить название «инфотеймент», образованного от слов «INFORmation» (информация) и «enterTAINMENT» (развлечение).

Одним из первых ученых, обосновавшим идею развлекательности в СМИ, в первую очередь на телевидении, был Нил Постман: «развлечение – это сверхидеология любого дискурса на телевидении. Независимо от того, что изображено или с какой точки зрения, главное в том, что оно предназначено для нашего развлечения и удовольствия» (перевод наш. – И.К.) [Postman, 1986, p. 63]. Вслед за Постманом к инфотейменту стали обращаться и другие зарубежные ученые: Гайдемари Шумахер, определяющая инфотеймент как смешение стилевых особенностей, типичных для трансляции информационного и развлекательного содержания [Schumacher, 1994], Андреас Виттвен, понимающий под инфотейментом все возможности развлекательной информации – выбор тематики, визуальные и вербальные методы репрезентации [Wittven, 1995], и американский исследователь Джеймс Апшоу, выделяющий основной чертой инфотеймента апелляцию к эмоциям зрителей¹. Отметим тот факт, что все названные исследователи рассматривали инфотеймент только в контексте телевизионной практики.

¹ Upshaw J. 1999. Infotainment. Encyclopedia of television news. Ed. by M.D. Murray. Phoenix, Arizona: 103–105.

В нашей стране к этой проблеме стали обращаться в начале 2000-х годов. В российском научном дискурсе понимание инфотейнмента гораздо шире: в ряду предметных областей применения инфотейнмента не только телевидение [Картозия, 2003; Ширяева, 2004; Кочутина, 2011; Богданова, 2012; Кофман, 2015; Лебедев, 2017; Долгова, 2018], но и интернет-СМИ [Кузьмина, 2016; Водяникова, 2019] и реклама [Воат, 2010]. Встречается также много работ, посвященных общетеоретическим вопросам феномена инфотейнмента [Евдокимов, 2010; Саблина, 2014; Филиппова, 2014; Чаган, 2014; Драгун, 2015; Безгина, 2020; и др.].

Анализ проблем применения приемов инфотейнмента в печатных СМИ (особенно в региональных) остается по-прежнему на периферии научного подхода к изучению феномена. В научной литературе мы находим единичные работы по этой проблематике [Тирацуян, 2012; Маслова, 2016], направленные на общий анализ черт журналистского текста, созданного посредством метода инфотейнмента: позитивности, доступности, интерактивности и преобладания текста над иллюстрациями. Научных работ о языковой игре в контексте применения метода инфотейнмента нами обнаружено не было.

В связи с этим цель исследования состоит в выявлении практик использования языковой игры в современных печатных СМИ в контексте метода инфотейнмента и классификация ее приемов.

В рамках инфотейнмента как метода подачи информации целесообразно выделить две группы приемов, используемых для достижения эффекта развлекательности в журналистском тексте: вербальные и невербальные. «К вербальным приемам, используемым в рамках метода инфотейнмента, относятся лексические средства языка» [Карпенко и др., 2017, с. 92], в числе невербальных, несловесных – «имиджевые, технические, структурные и художественные приемы» [Карпенко и др., 2017, с. 93]. В контексте данной работы мы остановимся на вербальных приемах, применяемых журналистами региональных печатных СМИ в своей работе для создания эффекта развлекательности в информационном тексте.

Объекты и методы исследования

Объектом исследования являются публикации белгородского молодежного журнала «ОнОНас» за период с 2013 по 2021 годы, когда журнал издавался в печатном формате. Общее количество номеров, которые подверглись анализу, – 84.

Основным методом исследования является контент-анализ, предусматривающий изучение содержания медиа, основанное на комплексной интерпретации журналистских текстов. Особое внимание при анализе медиатекстов уделялось визуально-графическим, фонетическим, лексическим, морфологическим и синтаксическим особенностям анализируемых текстов с целью дальнейшей классификации приемов языковой игры в журналистских текстах печатных медиа.

Результаты и обсуждение

Метод инфотейнмента в создании медиатекста уже давно освоен федеральными средствами массовой информации. На сегодняшний день существует большое количество изданий, которые успешно применяют практики развлекательности для привлечения внимания к своему медиа, в основном это телевизионные и интернет-СМИ. Такая тенденция обусловлена тем, что именно визуальная среда в силу своей специфики дает возможность создавать (у телевизионной и интернет-журналистики наиболее полный объем приемов инфотейнмента) и активно продвигать медиапродукт с элементами развлечения – журналистские материалы, рекламные сообщения и пр. Однако в современном медиaprостранстве можно встретить и печатные СМИ, которые активно используют метод инфотейнмента в своей работе. В числе таких СМИ, к примеру, «Кот Шрёдингера» (ООО «Дирекция Фестиваля науки»), научно-популярный журнал,



сделавший инфотейнмент и эдьютейнмент своими ключевыми методами представления информации [Карпенко, 2021]. Чаще остальных, по нашему наблюдению, применяют приемы инфотеймента те средства массовой информации и медиа, которые ориентированы на популяризацию предмета отображения и упрощенную подачу материала. К этим медиаинститутам относятся, как правило, издания из типологических групп научно-популярных или информационных изданий, нацеленных на молодежную аудиторию.

В практике региональной журналистики по сравнению с опытом федеральных СМИ гораздо меньше примеров подобных изданий или использования отдельных практик по усилению развлекательности медиаконтента, однако можно найти интересные примеры – СМИ, метод инфотеймента в которых является магистральным аттрактивным элементом медиа. Основными структурными частями изданий, которые в первую очередь создаются посредством рассматриваемого метода, являются заголовки и заголовочные комплексы и иллюстративный материал. Также инфотейнмент влияет на тематику журналистских сюжетов и способы репрезентации контента.

Журнал «ОнОнас» (АНО «Издательский дом «Мир Белогорья») – первый в Белгородской области молодежный журнал, вышедший 16 сентября 2013 г. «ОнОнас» – полноцветный сорокавосемиполосный ежемесячный журнал формата А4, выходящий с периодичностью раз в месяц. В 2021 году журнал поменял печатный формат на электронный – сегодня это информационный паблик во ВКонтакте. За восемь лет истории выхода редакция журнала неоднократно становилась победителем «в областных и всероссийских творческих конкурсах: в 2019 году журнал получил премию Белгородской области по журналистике в номинации «Печатное издание года», в 2020 году – главный приз конкурса «Легко ли быть молодым», организованного Фондом помощи журналистам им. Юрия Щекочихина и журналом «Журналист», и федеральную награду «Золотой гонг» за публикации о проблемах культуры.

Молодежная направленность журнала во многом обусловила метод представления журналистских материалов на страницах издания. Одним словом ее можно охарактеризовать как инфотейнмент – «метод подачи журналистской информации с элементами развлекательности» [Белоедова и др., 2018, с. 84].

Наиболее частотным вербальным приемом являются различные языковые игры. Под языковыми играми понимается «определенный тип речевого поведения <...>, основанный на преднамеренном (сознательном, продуманном) нарушении системных отношений языка, т. е. на деструкции речевой нормы с целью создания неканонических языковых форм и структур, приобретающих в результате этой деструкции экспрессивное значение и способность вызывать у слушателя/читателя эстетический и, в целом, стилистический эффект»¹. В ряду приемов языковой игры – графические, словообразовательные, фонетические, морфологические и лексические.

1. Графические приемы – это «в широком понимании <...> буквы, знаки препинания, цифры, математические значки, различные приемы сокращения слов, использование пробелов между словами, прописных букв, отступов, всевозможных подчеркиваний, шрифтовых выделений, а также надстрочные и подстрочные выделения, символы» [Александрова, 2016, с. 16]. Строится графическая языковая игра на сочетании или выделении различных элементов написания слов. В современной медиапрактике эти приемы очень популярны, так как аудитория, в силу актуализации визуального восприятия медиапродукта, быстрее реагирует на графические выделения в тексте, а такое сочетание вербальных и невербальных приемов текстового выделения является более результативным, «современное поколение с новым ритмом жизни быстрее реагирует на яркие, выразительные, краткие тексты» [Амири, 2006, с. 84], а «человеческий глаз воспринимает не отдельные буквы, а группы букв или слов» [Амири, 2006, с. 84]. Подобные

¹ Стилистический энциклопедический словарь русского языка 2006. Под ред. М.Н. Кожинной. Москва, Флинта. С. 657.

приемы используются в медиа по ряду причин: во-первых, выполнение аттрактивной функции заголовка или отдельных частей текста, во-вторых, вложение в текст дополнительных смыслов. В числе примеров применения таких графических приемов приведем следующие: *«Исключённая ительная часть! Фотопроект о людях, которые считают, что с некоторыми частями их тел что-то не в порядке»*¹, *«БелОблСтендап»*², *«Хорошая раБОТа. Как телеграм-бот помогает студентам из «Технолога»*³; *«Всё, что тебя касается. Почему гостИть – хорошо, а гОстить – плохо»*⁴, *«ЗвукиБа. БАян, БАлалайка и БАрабаны против БАнальности»*⁵. Наиболее частым является прием выделения отдельных букв в тексте, то есть изменение размера, цвета, очертаний букв – шрифтовывделение. В результате этого имеет место игра со смыслом слов, «извлекается дополнительный, как бы незапланированный смысл. Иногда такой дополнительный смысл непосредственно связан с основным» [Амири, 2006, с. 84]: БелОблСтендап – БОС, раБОТа – БОТ и др. Частотными являются также приемы включения в текст разнообразных пиктограмм, заменяющих буквы, к примеру «солнышко» вместо буквы «о», перекрещенные вилка и ложка вместо буквы «х», перекрещенные карандаши вместо буквы «ж» в материале *«Сложная натура. Как устроена работа натурщицы»*⁶ или схематическое изображение планеты Сатурн в заголовке *«Межпланетное путешествие. Как живут на настоящем Татуине»*⁷ вместо буквы «о».

2. Словообразовательные приемы в контексте языковой игры – еще один аспект, на который стоит обратить внимание в рамках разговора о методе инфотейнмента. Игровые неологизмы обладают «яркой, опознаваемой внутренней формой, с целью максимальной компрессии смысла и создания комического эффекта» [Дедова, Григорьева, 2018, с. 49]. Именно благодаря этим свойствам словообразовательные приемы часто используются в практике медиа для привлечения внимания и усиления развлекательной составляющей текста. Многие исследователи отмечают в современном русском языке лавинообразный характер словообразовательных процессов, связанных, прежде всего, с социально-культурными трансформациями, а также с развитием информационно-коммуникационных технологий, раздвинувшим границы культуры в современном обществе [Радби́ль и др., 2018; Попова и др., 2022; и др.]. В практике анализируемого издания используются следующие словообразовательные приемы: разные типы сложения – сложение слов (как существительных, так и прилагательных), сложение производящих слов, сложение целого высказывания в одно слово, сложения при калькировании иностранных слов, аффиксация. Частотным является контаминация русских и английских слов, английских слов и русской флексии и другие варианты: *«Feelun Love»*⁸, *«Dream Тим. Как любить своё хобби и звучать в сотнях плееров»*⁹, *«Рукалицо»*¹⁰; *«Пришайбленные. Про парней, у которых всё хоккей»*¹¹.

В научном дискурсе можно также встретить другой термин, обозначающий подобные

¹ Харитошкина Н. 2021. Исключённая ительная часть! Фотопроект о людях, которые считают, что с некоторыми частями их тел что-то не в порядке. ОнОнас, февраль 2021, № 02/76. С. 8–14.

² Шилин А. 2021. БелОблСтендап. ОнОнас, февраль 2021, № 02/76. С. 20–21.

³ Хорошая раБОТа. Как телеграм-бот помогает студентам из «Технолога». 2020. ОнОнас, ноябрь 2020, № 09/73. С. 22–23.

⁴ Токтарёва А. 2021. Всё, что тебя касается. Почему гостИть – хорошо, а гОстить – плохо. ОнОнас, сентябрь 2021, № 07/81. С. 34.

⁵ Алферова О. 2019. ЗвукиБа. БАян, БАлалайка и БАрабаны против БАнальности. ОнОнас, апрель 2019, № 04/58. С. 36–37.

⁶ Токтарёва А. 2020. Сложная натура. Как устроена работа натурщицы. ОнОнас, март 2020, № 03/67. С. 16–17.

⁷ Козлова Н. 2021. Межпланетное путешествие. Как живут на настоящем Татуине. ОнОнас, май 2021, № 5/79. С. 36–37.

⁸ Титаренко Л. 2021. Feelun Love. ОнОнас, декабрь 2021, № 10/84. С. 37.

⁹ Кумейко Д., Харитошкина Н. 2021. Dream Тим. Как любить своё хобби и звучать в сотнях плееров. ОнОнас, октябрь 2021, № 08/82. С. 12–14.

¹⁰ Козлова Н. 2020. Рукалицо. ОнОнас, май 2020, № 04/68. С. 11.

¹¹ Севриков А., Гончаров И. 2016. Пришайбленные. Про парней, у которых всё хоккей. ОнОнас, январь 2016, № 01/25. С. 28–32.

языковые игры в медийных текстах, – блендинг (от англ. blend [blend] – смесь, смешение, смешивание). «Термин "блендинг" чаще всего употребляется как обобщающее название для различных способов образования новых слов при помощи соединения их частей нетипичными для русского языка способами, то, что раньше в рамках словообразования называлось телескопией, стяжением, вставочным способом и т. п.» [Никанорова, 2021, с. 32–33]. Отличием блендинга от словосложения является то, что «сложные слова характеризуются четко выраженной членимостью, а бленды – зачастую неясной» [Шейфель, 2016, с. 294]. Помимо этого, при блендинге происходит слияние не значимых морфем, а произвольных частей, фрагментов слов, иногда отдельных букв, к примеру, «ФИФАТ, "ЭНЕРГОМАШ"!»¹.

3. Фонетические приемы – это игра на созвучии, реализуемая «путем установления новых ассоциативных связей между смыслами различных слов, достигается через каламбурные и фонетические обыгрывания, которые характеризуются словесной “экономностью”, лаконизмом и острым поворотом мысли» [Баранов, 2016, с. 94]. Среди фонетических приемов языковой игры – **аллитерация** (повтор согласных и гласных звуков) «Учись учиться. Полезные выдержки из закона «Об образовании»², **консонанс** (повтор конечных звуков) – «Поход и научный подход. Как не умереть «под рюкзаком»³, «Идея Бродвея. Куда едет белгородская «Машина юмора»⁴, **ассонанс** (повтор ударных гласных внутри фразы) «Картина карантина»⁵, **рифма** (регулярный звуковой повтор на концах строк) – «Виват, донат. На что жертвуют деньги молодые белгородцы»⁶, «Лаваш наш. О бизнесе, общепите и культе шавермы»⁷, «Чем живёшь, молодёжь? Рассказываем, что интересного делали белгородцы в этом месяце»⁸, «Soltwine онлайн. Как музыканту раскрутиться через “ТикТок”»⁹, **паронимия** (частичная фонетическая схожесть слов) или **парономазия** (сближение схожих по звучанию слов при частичном совпадении морфемного состава, т. е. прием «языковой игры, использующий рифму» [Баранов, 2016, с. 99] – «Танки от янки. Как американская бронетехника оказалась на улицах Белгорода»¹⁰, «Посылка по ссылке»¹¹, «По ходу похода. Экспресс-инструкция по вылазке на природу»¹². В числе фонетических приемов также **звукоподражание** (использование слов, фонетический состав которых напоминает называемые предметы и явления), **омонимия** (полная фонетическая схожесть слов).

¹ ФИФАТ, «ЭНЕРГОМАШ»! 2014. ОнОнас, ноябрь 2014, № 09/13. С. 38–39.

² Малыхина Н. 2018. Учись учиться. Полезные выдержки из закона «Об образовании. ОнОнас, октябрь 2018, № 08/53. С. 22–23.

³ Кумейко В., Лемякин М. 2015. Поход и научный подход. Как не умереть «под рюкзаком». ОнОнас, июнь–август 2015, № 06/20. С. 34–35.

⁴ Севриков А. 2016. Идея Бродвея. Куда едет белгородская «Машина юмора». ОнОнас, февраль 2016, № 02/26. С. 38–39.

⁵ Борисенко А., Галаган Р. 2020. Картина карантина. ОнОнас, май 2020, № 04/68. С. 10.

⁶ Шилин А. 2021. Виват, донат. На что жертвуют деньги молодые белгородцы. ОнОнас, октябрь 2021, № 08/82. С. 28–29.

⁷ Шилин А., Алисова В. 2021. Лаваш наш. О бизнесе, общепите и культе шавермы. ОнОнас, апрель 2021, № 04/78. С. 16–19.

⁸ Чем живёшь, молодёжь? Рассказываем, что интересного делали белгородцы в этом месяце. 2021. ОнОнас, апрель 2021, № 04/78. С. 20–21.

⁹ Токтарёва А., Харитошкина Н. 2021. Soltwine онлайн. Как музыканту раскрутиться через “ТикТок”. ОнОнас, март 2021, № 03/77. С. 12–15.

¹⁰ Кумейко В. 2016. Танки от янки. Как американская бронетехника оказалась на улицах Белгорода. ОнОнас, февраль 2016, № 02/26. С. 30–31.

¹¹ Гавриленко Е. 2020. Посылка по ссылке. ОнОнас, январь 2020, № 1/65. С. 16–17.

¹² Малыхина Н. 2017. По ходу похода. Экспресс-инструкция по вылазке на природу. ОнОнас, июнь – август 2017, № 06/40. С. 20–21.

4. Морфологические приемы – достаточно редко применяемые в журналистском тексте. Объективная причина состоит в том, что морфологические признаки слова в русском языке – наиболее устойчивые, так как от них зависит внутренняя структура слова и без соблюдения правил морфологии слова превратятся в бессмыслицу. Однако морфологические приемы используются в журнале «ОнОнас» достаточно часто. Это обусловлено, на наш взгляд, большими потенциальными возможностями морфологии в части создания комического эффекта, шуточности посредством изменений в нарушении морфологической структуры слова. Чаще всего применение морфологических приемов можно встретить в рубрике «К слову», в которой даются пояснения профессионализмам в отдельных сферах деятельности человека: «*А скажи что-нибудь по-экологически?*»¹, «*А скажи что-нибудь по-пилотски?*»², «*А скажи что-нибудь по-фотографы?*»³. В данном случае морфологическая игра строится на образовании качественно-обстоятельного наречия, которое в русском языке не употребляется.

5. Лексические приемы – наиболее часто используемые в языковой игре. «Неисчерпаемым арсеналом для введения языковой игры в текст является лексика: игра на компонентах значения слов, лексические синонимы, многозначность, омонимия, паронимия, фразеологизмы и каламбур – самые распространённые виды языковой шутки. Словарный состав языка – кладёз сотни тысяч слов и фразеологизмов, имеющих в дополнение по несколько значений» [Карачевцева, 2022, с. 160]. Лексические приемы – это приемы, которые работают со смыслом, подменяют один другим, что создает у читателя эффект обманутого ожидания: «*Пачка маслом. О балете на полотнах художницы родом из Белгородского уезда*»⁴; «*Мифы древней Лукреции. Узнали всю правду про страшилки из детства*»⁵, «*Свои в доску. Чем живет современная белгородская скейт-тусовка*»⁶, «*В равнобедренной треуголке. Учитель математики Дмитрий Марунченко устраивает на уроках игры разума*»⁷, «*Держи руку на пульте. Как заставить телевизор исполнять желания*»⁸, «*Подсели на колёса. Как радиоуправляемые модели побеждают в войне машин*»⁹, «*Учитель от блога. Школа выживания молодого педагога*»¹⁰.

Сущность использования лексических приемов в языковой игре заключается также в трансформации известных устойчивых словосочетаний, пословиц, афоризмов и т. д.: «*О, май год. Как подвести итоги, не подводя себя*»¹¹, «*Старый новый шмот. Как нарядиться на новогодний корпоратив с ограниченным бюджетом*»¹², «*Сколько масок в сутках? От 8 до 12*»¹³, «*Полевой гигант. Открываем «Топ влиятельных зверей Белогорья»*»

¹ Малыхина Н. 2021. А скажи что-нибудь по-экологически? ОнОнас, январь 2021, № 01/75. С. 14.

² Шилин А. 2020. А скажи что-нибудь по-пилотски. ОнОнас, январь 2020, № 1/65. С. 25.

³ Алферова О. 2019. А скажи что-нибудь по-фотографы. ОнОнас, май 2019, № 05/59. С. 35.

⁴ Малыхина Н. 2021. Пачка маслом. О балете на полотнах художницы родом из Белгородского уезда. ОнОнас, март 2021, № 03/77. С. 17–19.

⁵ Писаревская А. 2020. Мифы древней Лукреции. Узнали всю правду про страшилки из детства. ОнОнас, декабрь 2020, № 10/74. С. 8–9.

⁶ Шилин А., Арчибасова А. 2020. Свои в доску. Чем живет современная белгородская скейт-тусовка. ОнОнас, август 2020, № 06/70. С. 4–6.

⁷ Литвинова М. 2014. В равнобедренной треуголке. Учитель математики Дмитрий Марунченко устраивает на уроках игры разума. ОнОнас, сентябрь 2014, № 09/11. С. 16–18.

⁸ Севриков А. 2014. Держи руку на пульте. Как заставить телевизор исполнять желания. ОнОнас, сентябрь 2014, № 09/11. С. 20–21.

⁹ Шевченко С., Заблочкий В. 2016. Подсели на колёса. Как радиоуправляемые модели побеждают в войне машин. ОнОнас, февраль 2016, № 02/26. С. 6–9.

¹⁰ Писаревская А., Малыхина Н. 2018. Учитель от блога. Школа выживания молодого педагога. ОнОнас, октябрь 2018, № 08/53. С. 30–32.

¹¹ Токтарёва А. 2021. О, май год. Как подвести итоги, не подводя себя. ОнОнас, декабрь 2021, № 10/84. С. 8–9.

¹² Шилин А., Алисова В. 2021. Старый новый шмот. Как нарядиться на новогодний корпоратив с ограниченным бюджетом. ОнОнас, декабрь 2021, № 10/84. С. 24–26.

¹³ Козлова Н., Писаревская А. 2021. Сколько масок в сутках? От 8 до 12. ОнОнас, ноябрь 2021, № 09/83. С. 30–31.



самым белгородским из всех животных»¹, «Когда я мем, я глух и нем»², «День сырка»³, «Далеко глядит. Разбираем самый большой в мире памятник крестителю Руси»⁴, «Око за око, дуб за дуб. Как я влез в заповедный лес»⁵, «Счастье луковое. Почему сборная страны – мечта лентяя»⁶ и т. д.

Еще один прием – аллюзии, ссылки на продукцию массовой культуры, широко известные массовому сознанию: «Итак, вот что наш лось...»⁷, «Всё, что тебя касается»⁸, «Дайте две! Какие настольные игры придумывают белгородцы»⁹, «Служба Шрёдингера. Как отдать долг Родине и при этом не идти в армию срочником»¹⁰; «Просто дети стали старше. Зачем девушки переделывают свои старые куклы»¹¹, «Свайп влево – свайп вправо»¹².

К другим приемам относятся обыгрывание синонимов и антонимов, метафорическое толкование слов, сознательная тавтология и пр.

Лексические игры способствуют успешному проявлению остроумия журналиста, что повышает его авторитет в глазах аудитории [Драгун, 2015, с. 103].

6. Синтаксические приемы – совокупность приемов в контексте языковой игры, основанных на порядке слов в предложении, а также последовательности языковых конструкций. Целью использования синтаксических приемов в журналистике является привлечение внимания читателя к конкретному медиатексту и к изданию в целом. «Возможности синтаксиса широко используются и для образования комического эффекта, целью которого является создание экспрессивного, запоминающегося текста» [Собченко, 2012, с. 485]. В числе синтаксических приемов: **умолчание** (оборот речи, который заключается в том, что автор осознанно выражает свою мысль не полностью) – «Не сказки рассказывают. Гид для взрослых по театру кукол, или “А это действительно спектакль?”»¹³, **парцелляция** (простое или сложное предложение делится на более короткие самостоятельные отрезки) – «Яркая. Сочная. Твоя. Ононасная жизнь»¹⁴, «Блогер. Музыкант. BOSS-молокосос. Как добиться успеха во всём»¹⁵, **вопросно-ответные конструкции** – «Кто там? Перемены? Проходите! Почему не нужно бояться нового»¹⁶,

¹ Титаренко Л. 2021. Полевой гигант. Открываем «Топ влиятельных зверей Белогорья» самым белгородским из всех животных. ОнОнас, октябрь 2021, № 08/82. С. 57.

² Титаренко Л. 2021. Когда я мем, я глух и нем. ОнОнас, июнь 2021, № 06/80. С. 15–17.

³ Токтарёва А., Алисова В. 2021. День сырка. ОнОнас, июнь 2021, № 06/80. С. 18–20.

⁴ Токтарёва А. 2021. Далеко глядит. Разбираем самый большой в мире памятник крестителю Руси. ОнОнас, май 2021, № 5/79. С. 17–19.

⁵ Севриков А., Юрченко В. Око за око, дуб за дуб. Как я влез в заповедный лес. ОнОнас, № 02/26, февраль 2016, С. 26–29.

⁶ Матчина Д. 2017. Счастье луковое. Почему сборная страны – мечта лентяя. ОнОнас, июнь – август 2017, № 06/40. С. 34–35.

⁷ Титаренко Л. 2021. Итак, вот что наш лось.... ОнОнас, ноябрь 2021, № 09/83. С. 37.

⁸ Токтарёва А. 2021. Всё, что тебя касается. Почему гостИть – хорошо, а гОстить – плохо. ОнОнас, сентябрь 2021, № 07/81. С. 34.

⁹ Токтарёва А., Малыгина Н. 2021. Дайте две! Какие настольные игры придумывают белгородцы. ОнОнас, апрель 2021, № 04/78. С. 28–29.

¹⁰ Шилин А. 2021. Служба Шрёдингера. Как отдать долг Родине и при этом не идти в армию срочником. ОнОнас, февраль 2021, № 02/76. С. 26–27.

¹¹ Солошенко В. 2021. Просто дети стали старше. Зачем девушки переделывают свои старые куклы. ОнОнас, январь 2021, № 01/75. С. 22–24.

¹² Малыгина Н. 2021. Свайп влево – свайп вправо. ОнОнас, январь 2021, № 01/75. С. 34–35.

¹³ Придворева О. 2021. Не сказки рассказывают. Гид для взрослых по театру кукол, или “А это действительно спектакль?”. 2021. ОнОнас, октябрь 2021, № 08/82. С. 8–10.

¹⁴ Михайлова А. 2021. Яркая. Сочная. Твоя. Ононасная жизнь. ОнОнас, декабрь 2021, № 10/84. С. 3–4.

¹⁵ Шилин А., Черепанова А. 2020. Блогер. Музыкант. BOSS-молокосос. Как добиться успеха во всём. ОнОнас, декабрь 2020, № 10/74. С. 10–13.

¹⁶ Михайлова А. 2020. Кто там? Перемены? Проходите! Почему не нужно бояться нового. ОнОнас, сентябрь 2020, № 07/71. С. 3.

риторические обращения (стилистическая фигура, состоящая в подчеркнутом обращении к кому-либо для усиления выразительности) – «*Пупок развяжется?*»¹, «*У меня в глазах троится? Сходство и различия тройняшек Ткачёвых*»², **императивы** (предложения побудительного характера) – «*Пой, моя бедная молодость*». Как соревнуются белгородские поэты»³, «*Заходи по одному! Какими бывают люди в больничных очередях*»⁴, **прямая речь** – «*“Моё творчество не понимают в 90% случаев”. О розовых картинах, сутулом собачестве и параллельной вселенной белгородского искусства*»⁵, «*“Видеография – это про отношения”*». Как правильно управлять силой видео»⁶, **восклицательные предложения** (они играют роль сигналов (обратите внимание), указывают на важность информации, несут большой заряд экспрессии, эмоций) – «*Ты же девочка! Белгородцы – о гендерных стереотипах*»⁷, «*Эй, режиссёр! Как парень из Старого Оскола снимает кино*»⁸, **параллелизм** (полностью схожее синтаксическое построение соседних предложений или отрезков речи) – «*Ай да Пушкин, ай да карта!*»⁹. Также в группу синтаксических приемов входят **градация** (фигура речи, состоящая из необычного расположения слов и фраз, в которой каждое последующее слово и фраза содержит усиливающее (реже уменьшающее) значение), **анафора** (повторение слова или группы слов в начале нескольких фраз или строф) и **инверсия** (нарушение обычного порядка слов).

Заключение

Вербальные приемы языковой игры в контексте инфотеймента как метода отображения информации в СМИ являются сегодня в отдельных типах изданий, прежде всего молодежных, непременным атрибутом. Эффективность подобного метода в медийной сфере не вызывает сомнения, однако стоит отметить, что действенность медиапродукта достигается грамотным использованием совокупности различных приемов.

На основе проведенного анализа практики работы регионального периодического издания «ОнОнас» был выявлен факт активного использования приемов языковой игры в журналистских материалах журнала. Согласно поставленной цели была проведена классификация приемов языковой игры, используемых современными печатными медиа. В числе подобных приемов мы выделили графические, словообразовательные, фонетические, морфологические, лексические и синтаксические.

Проведенное исследование и полученные результаты открывают перспективы для дальнейших исследований в области использования приемов инфотеймента в части оценки привлекательности и результативности использования языковой игры для повышения аттрактивности отдельного журналистского материала и периодического издания в целом, если использование языковой игры является частью глобальной стратегии медиа.

¹ Токтарёва А. 2021. Пупок развяжется? ОнОнас, ноябрь 2021, № 09/83. С. 25.

² Шилин А., Харитошкина Н. 2021. У меня в глазах троится? Сходство и различия тройняшек Ткачёвых. ОнОнас, апрель 2021, № 04/78. С. 23–26.

³ Михайлова А., Мясников Д. 2021. Пой, моя бедная молодость. Как соревнуются белгородские поэты. ОнОнас, декабрь 2021, № 10/84. С. 28–29.

⁴ Шилин А., Машинова Д. 2021. Заходи по одному! Какими бывают люди в больничных очередях. ОнОнас, ноябрь 2021, № 09/83. С. 20–21.

⁵ Солошенко В. 2021. Моё творчество не понимают в 90 % случаев. О розовых картинах, сутулом собачестве и параллельной вселенной белгородского искусства. ОнОнас, октябрь 2021, № 08/82. С. 15–17.

⁶ Токтарёва А. 2021. Видеография – это про отношения. Как правильно управлять силой видео. ОнОнас, октябрь 2021, № 08/82. С. 24–26.

⁷ Солошенко В. 2021. Ты же девочка! Белгородцы – о гендерных стереотипах. ОнОнас, ноябрь 2021, № 09/83. С. 18–19.

⁸ Шилин А. 2021. Эй, режиссёр! Как парень из Старого Оскола снимает кино. ОнОнас, № 07/81, сентябрь 2021, С. 30–32.

⁹ Монида А. 2021. Ай да Пушкин, ай да карта! ОнОнас, сентябрь 2021, № 07/81. С. 33.

Список литературы

- Александрова Е.М. 2016. Графические средства как элемент языковой игры. *Вестник Челябинского государственного университета*, 13(395). *Филологические науки*, 104: 16–21.
- Амири Л.П. 2006. Шрифтовыведение как один из приемов языковой игры в рекламе. *Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки*, S14: 84–87.
- Баранов К.С. 2016. Фонетические приемы языковой игры (на материале немецких рекламных текстов). *Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки*, 11(750): 93–105.
- Безгина А.А. 2020. Возникновение и развитие понятия «инфотейнмент» в зарубежных и отечественных исследованиях массмедиа. В кн.: *Стратегия развития региональных СМИ: проблемы и перспективы. Материалы Всероссийской научно-практической конференции (Курск, 21–22 ноября 2019 года). Под ред. Н.И. Степыкина. Курск, Юго-Западный государственный университет: 12–19.*
- Белоедова А.В., Казак М.Ю., Карпенко И.И., Кожемякин Е.А., Короченский А.П., Новинкина Е.А., Перси У.А., Полонский А.В., Пстыга А., Ушакова С.В., Тяжлов Я.И., Шаталова Ю.Н. 2018. Медийный текст: социальные практики, технологии, теории. Под ред. А.В. Полонского, М.Ю. Казак. Белгород, Издательский дом «Белгород», 296 с.
- Богданова Е.М. 2012. Феномен инфотейнмента на телевидении. *Наука телевидения*, 9: 219–223.
- Воат А.А. 2010. Использование технологий спин-докторинг, астротурфинг и инфотейнмент в политической рекламе как инструмент воздействия на массовое сознание. *Этносоциум и межнациональная культура*, 4(28): 68–77.
- Водяникова О.И. 2019. Форматы инфотейнмента в интернет-издании «Медуза»: на примере Арктической повестки. В кн.: *Русский Север и Арктика: фундаментальные проблемы истории и современность. Сборник научных статей. Составитель О.В. Зарецкая. Выпуск III. Архангельск, Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова: 97–101.*
- Дедова О.В., Григорьева П.В. 2018. Игровое словообразование в современном русском языке. *Вестник Московского университета. Серия 9: Филология*, 5: 49–64.
- Долгова Н.В. 2018. Просвещение и инфотейнмент в популяризации науки (на примере российских общественно-политических интернет-СМИ) В кн.: *Общество и государство в зеркале социологических измерений (VIII Рязанские социологические чтения). Материалы Национальной научно-практической конференции с международным участием (Рязань, 21–22 ноября 2018 года). Под ред. Р.Е. Маркина, А.В. Проноза. Рязань, Издательство Ипполитова: 307–312.*
- Драгун Е.М. 2015. Инфотейнмент как явление современной медиакультуры. Дис. ... канд. культур. наук. Москва, 175 с.
- Евдокимов В.А. 2010. Инфотейнмент в масс-медиа: панацея от скуки и эрзац дискуссии. *Наука о человеке: гуманитарные исследования*, 1(5): 214–219.
- Карачевцева А.А. 2022. Приёмы формирования языковой игры в художественном тексте: лексические, морфологические и синтаксические аспекты. *Теория языка и межкультурная коммуникация*, 4(47): 158–168.
- Карпенко И.И. 2021. Конвергенция жанров и форм в современной. *Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Филология. Журналистика*, 3: 110–114.
- Карпенко И.И., Короченский А.П. 2023. Использование приемов геймификации в современной региональной интернет-журналистике. *Научный результат. Социальные и гуманитарные исследования*, 9(2): 135–146. DOI: [10.18413/2408-932X-2023-9-2-0-13](https://doi.org/10.18413/2408-932X-2023-9-2-0-13)
- Карпенко И.И., Лобановская Е.Ю., Ельникова О.Е., Горборукова Л.С. 2017. Использование метода инфотейнмента в практике современного российского телевидения. *Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки*, 28(277): 88–95.
- Картозия Н. 2003. Программа «Намедни»: русский инфотейнмент. *Меди@льманах*, 3(3): 10–25.
- Короченский А.П. 2013. Новые субъекты трансграничных массовых коммуникаций и трансформация международной журналистики в XXI веке. В кн.: *Международная журналистика-2013: глобализация и регионализация информационного пространства.*

- Материалы Второй Международной научно-практической конференции (Минск, 20 февраля 2013 г.). Под общ. ред. Т.Н. Дасаевой. Минск, Издательский центр БГУ: 149–158.
- Кофман А.А. 2015. Инфотейнмент на телевидении: проблемы и перспективы развития формата. В кн.: Средства массовой коммуникации в многополярном мире: проблемы и перспективы. Материалы VI Всероссийской научно-практической конференции (Москва, 20–21 октября 2015 года). Под ред. В.В. Барбаша. Москва, Российский университет дружбы народов: 102–106.
- Кочутина Д.С. 2011. Приемы инфотейнмента и характер их проявлений в информационно-аналитических программах. *Медиасреда*, 6: 77–86.
- Кузьмина М.А. 2016. Интерпретация термина «инфотейнмент» в российских исследованиях масс-медиа (на примере интернет-порталов «Look At Me» и «Лайфхакер»). В кн.: Мультимедийная журналистика Евразии – 2016: национальные медиасистемы в условиях новой медиареальности Востока и Запада. Материалы X Международной научно-практической конференции (Казань, 08–09 декабря 2016 года). Казань, Казанский (Приволжский) федеральный университет: 413–419.
- Лебедев А.А. 2017. Инфотейнмент как прием организации аналитических телевизионных программ (на примере телеканала «Звезда»). *Журналист. Социальные коммуникации*, 4(28): 46–54.
- Маслова А.А. 2016. Концепция инфотейнмента в научно-популярном журнале «Кот Шрёдингера». В кн.: Культура. Литература. Язык. Материалы конференции «Чтения Ушинского». (Ярославль, 03–04 марта 2016 года). Под ред. М.Ю. Егорова. Ярославль, Редакционно-издательский отдел Ярославского государственного педагогического университета им. К.Д. Ушинского: 167–171.
- Никанорова И.А. 2021. Блендинг в современном политическом и экономическом дискурсе. В кн.: Язык. Культура. Общество. Актуальные проблемы, методы исследования и проблемы преподавания. Сборник статей. Под ред. И.Е. Коптеловой, Е.И. Панёвкиной, Т.Н. Персиковой. Москва, Дашков и К: 44–50.
- Нильсен Я., Лоранжер Х. 2009. Web-дизайн: удобство использования Web-сайтов. Пер. с англ. и ред. В.С. Ивашенко. Москва, И.Д. Вильямс, 368 с. (Nielsen Ja., Loranger H. 2006. Prioritizing Web Usability. New Riders, An Imprint of Peachpit, Berkeley, California USA)
- Попова Т.В., Рацибурская Л.В., Гугунава Д.В. 2022. Неология и неография современного русского языка. Москва, Флинта, 168 с.
- Радбиль Т.Б., Рацибурская Л.В., Бакич Н.А., Жданова Е.А., Торопкина В.А., Щеникова Е.В. 2018. Социокультурные, лингвокогнитивные и лингвопрагматические аспекты современных словообразовательных процессов. *Вестник Московского университета. Серия 9: Филология*, 2: 127–155.
- Саблина А.Н. 2014. Становление понятия инфотейнмент в работах отечественных исследователей. *Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки*, 10–1: 41–43.
- Собченко Н.С. 2012. Языковая игра на синтаксическом уровне в рекламном тексте. *Ученые записки Таврического национального университета имени В.И. Вернадского. Серия: Филология. Социальные коммуникации*, 25(64)–4(2): 485–489.
- Тиращуян А.Ю. 2012. Глянцевый дискурс о культуре как инфотейнмент. *Культура. Наука. Интеграция*, 2(18): 74–78.
- Федотова Н.А. 2017. Геймификация в контексте медийной практики. *Журнал Белорусского государственного университета. Журналистика. Педагогика*, 2: 4–11.
- Филиппова А.Н. 2014. Интерпретация понятия инфотейнмент: «формат» или «жанр»? *Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки*, 9: 296–299.
- Чаган Н.Г. 2014. Инфотейнмент как явление медиакультуры. *Вестник университета российской академии образования*, 2: 76–82.
- Шейфель Н.А. 2016. Понятие блендинга и его отличие от других смежных способов словообразования в лингвистике В кн.: Современные проблемы языкознания, литературоведения, межкультурной коммуникации и лингводидактики. Материалы II Международной научной конференции. (Белгород, 20–21 апреля 2016 года). Под ред. В.А. Виноградова. Белгород, ИД «Белгород» НИУ «БелГУ»: 290–294.



- Ширяева Д. 2004. Новости в стиле «инфотейнмент»: проект «Страна и мир» телеканала НТВ. *Меди@льманах*, 6(2–3): 60–69.
- Postman N. 1986. *Amusing Ourselves to Death: public discourse in the age of show business*. London, England. Penguin books, 173 p.
- Shumacher H. 1994. *Infotainment - Ästhetik im Fernsehen der Gegenwart / Medienlust und Mediaennutz*. Hrsg. L. Bosshart, W. Hoffman-Riem. Munchen.
- Wittven A. 1995. *Infotainment. Fernsehnachrichten zwischen Information und Unterhaltung*. Bern, Switzerland, Peter Lang, 223 s.

References

- Aleksandrova E.M. 2016. Graphic means as pun elements. *Bulletin of Chelyabinsk State University*, 13(395). *Philology Sciences*, 104: 16–21 (in Russian).
- Amiri L.P. 2006. Shriftovydelenie kak odin iz priemov yazykovoi igry v reklame [Font highlighting as one of the techniques of language play in advertising]. *Izvestiya Vysshikh Uchebnykh Zavedenii. Severo-Kavkazskii Region. Social Sciences*, S14: 84–87.
- Baranov K.S. 2016. Phonetic devices for language play (based on German advertising texts). *Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities*, 11(750): 93–105 (in Russian).
- Bezgina A.A. 2020. Vozniknovenie i razvitie ponyatiya «infoteinment» v zarubezhnykh i otechestvennykh issledovaniyakh massmedia [The emergence and development of the concept of "infotainment" in foreign and domestic mass media studies]. In: *Strategiya razvitiya regional'nykh SMI: problemy i perspektivy* [Strategy for the development of regional media: problems and prospects]. Proceedings of the All-Russian scientific and practical conference (Kursk, November 21–22, 2019). Ed. N.I. Stepykin. Kursk, Publ. Yugo-Zapadnyi gosudarstvennyi universitet: 12–19.
- Beloedova A.V., Kazak M.Yu., Karpenko I.I., Kozhemyakin E.A., Korochenskii A.P., Novinkina E.A., Persi U.A., Polonskii A.V., Pstyga A., Ushakova S.V., Tyazhlov Ya.I., Shatalova Yu.N. 2018. *Mediinyi tekst: sotsial'nye praktiki, tekhnologii, teorii* [Media text: social practices, technologies, theories]. Ed. A.V. Polonsky, M.Yu. Kazak. Belgorod, Publ. "Belgorod", 296 p.
- Bogdanova E.M. 2012. Fenomen infoteinmenta na televidenii [The phenomenon of infotainment on television]. *Nauka televideniya*, 9: 219–223.
- Voat A.A. 2010. Use of the spin doctoring, astroturfing and infotainment technologies as the tool of influence on mass consciousness. *Etnosotsium i mezhnatsional'naya kul'tura*, 4(28): 68–77.
- Vodyannikova O.I. 2019. Formaty infoteinmenta v internet-izdaniy «Meduza»: na primere Arkticheskoi povestki [Infotainment formats in the online publication "Medusa": on the example of the Arctic agenda]. In: *Russkii Sever i Arktika: fundamental'nye problemy istorii i sovremennost'* [Russian North and the Arctic: fundamental problems of history and modernity]. Collection of scientific articles. Compiled O.V. Zaretskaya. Issue III. Arkhangel'sk, Publ. Severnyi (Arkticheskii) federal'nyi universitet imeni M.V. Lomonosova: 97–101.
- Dedova O., Grigoryeva P. 2018. Wordplay Derivation in Modern Russian. *Moscow University Bulletin. Series 9: Philology*, 5: 49–64 (in Russian).
- Dolgoval N.V. 2018. Prosveshchenie i infoteinment v populyarizatsii nauki (na primere rossiiskikh obshchestvenno-politicheskikh internet-SMI) [Education and infotainment in the popularization of science (on the example of Russian socio-political online media)]. In: *Obshchestvo i gosudarstvo v zerkale sotsiologicheskikh izmerenii (VIII Ryazanskie sotsiologicheskie chteniya)* [Society and the state in the mirror of sociological measurements (VIII Ryazan sociological readings)]. Proceedings of the National scientific and practical conference with international participation (Ryazan, November 21–22, 2018). Eds. R.E. Markin, A.V. Pronoza. Ryazan', Publ. Izdatel'stvo Ippolitova: 307–312.
- Dragun E.M. 2015. Infoteinment kak yavlenie sovremennoi mediakul'tury [Infotainment as a phenomenon of modern media culture]. Dis. ... Cand. of Cultures. Moscow, 175 p.
- Evdokimov V.A. 2010. Infotainment in mass media: panacea from boredom and ersatz. *Russian Journal of Social Sciences and Humanities*, 5: 214–219 (in Russian).
- Karachevtseva A.A. 2022. Priemy formirovaniya yazykovoi igry v khudozhestvennom tekste: leksicheskie, morfologicheskie i sintaksicheskie aspekty [Techniques for the Formation of Language Play in a

- Fiction Text: Lexical, Morphological, and Syntactic Aspects]. *Theory of Language and Intercultural Communication*, 4(47): 158–168.
- Karpenko I.I. 2021. Convergence of genres and forms in modern journalism. *Proceedings of Voronezh State University. Series: Philology. Journalism*, 3: 110–114 (in Russian).
- Karpenko I.I. Korochensky A.P. 2023. Using gamification techniques in modern regional internet journalism. *Research Result. Social Studies and Humanities*, 9(2): 135–146. DOI: [10.18413/2408-932X-2023-9-2-0-13](https://doi.org/10.18413/2408-932X-2023-9-2-0-13)
- Karpenko I.I., Lobanovskaya E.Yu., El'nikova O.E., Gorborukova L.S. 2017. The use of the infotainment method in the practice of modern Russian television. *Scientific bulletin of Belgorod State University. Humanities Sciences*, 28(277): 88–95 (in Russian).
- Kartosija N. 2003. "Namedni" News Show as Russian infotainment. *Medi@l'manakh*, 3(3): 10–25 (in Russian).
- Korochenskii A.P. 2013. Novye sub"ekty transgranichnykh massovykh kommunikatsii i transformatsiya mezhdunarodnoi zhurnalistiki v XXI veke [New subjects of transborder mass communications and transformation of international journalism in the 21st century]. In: *Mezhdunarodnaya zhurnalistika-2013: globalizatsiya i regionalizatsiya informatsionnogo prostranstva* [International journalism-2013: globalization and regionalization of information space]. Proceedings of the Second International scientific-practical conference (Minsk, February 20, 2013). Ed. T.N. Dasaeva. Minsk, Publ. Izdatel'skii tsentr BGU: 149–158.
- Kofman A.A. 2015. Infoteinment na televidenii: problemy i perspektivy razvitiya formata [Infotainment on television: problems and prospects for the development of the format]. In: *Sredstva massovoi kommunikatsii v mnogopolyarnom mire: problemy i perspektivy* [Mass media in a multipolar world: problems and prospects]. Proceedings of the VI All-Russian scientific and practical conference (Moscow, October 20–21, 2015). Ed. V.V. Barbash. Moscow, Publ. Rossiiskii universitet druzhby narodov: 102–106.
- Kochutina D.S. 2011. Priemy infoteinmenta i kharakter ikh proyavlenii v informatsionno-analiticheskikh programmakh [Infotainment techniques and the nature of their manifestations in information and analytical programs]. *Mediasreda*, 6: 77–86.
- Kuz'mina M.A. 2016. Interpretatsiya termina «infoteinment» v rossiiskikh issledovaniyakh mass-media (na primere internet-portalov «Look At Me» i «Laifkhaker») [Interpretation of the term "infotainment" in Russian mass media studies (using the Internet portals "Look At Me" and "Lifehacker" as an example)]. In: *Mul'timediinaya zhurnalistika Evrazii-2016: natsional'nye mediasistemy v usloviyakh novoi mediareal'nosti Vostoka i Zapada* [Multimedia Journalism of Eurasia-2016: National Media Systems in the Context of the New Media Reality of the East and the West]. Proceedings of the X International Scientific and Practical Conference (Kazan, December 8-9, 2016). Kazan, Publ. Kazanskii (Privolzhskii) federal'nyi universitet: 413–419.
- Lebedev A.A. 2017. Infoteinment kak priem organizatsii analiticheskikh televizionnykh programm (na primere telekanala «Zvezda») [Infotainment as a technique for organizing analytical television programs (using the Zvezda TV channel as an example)]. *Zhurnalist. Sotsial'nye kommunikatsii*, 4(28): 46–54.
- Maslova A.A. 2016. Kontseptsiya infoteinmenta v nauchno-populyarnom zhurnale «Kot Shredingera» [The concept of infotainment in the popular science magazine "Schrödinger's Cat"]. In: *Kul'tura. Literatura. Yazyk* [Culture. Literature. Language]. Proceedings of the conference "Ushinsky Readings". (Yaroslavl, March 3-4, 2016). Ed. M.Yu. Egorov. Yaroslavl, Publ. Redaktsionno-izdatel'skii otdel Yaroslavskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. K.D. Ushinskogo: 167–171.
- Nikanorova I.A. 2021. Blending v sovremennom politicheskom i ekonomicheskom diskurse [Blending in Modern Political and Economic Discourse]. In: *Yazyk. Kul'tura. Obshchestvo. Aktual'nye problemy, metody issledovaniya i problemy prepodavaniya* [Language. Culture. Society. Current Issues, Research Methods, and Teaching Problems]. Collection of articles. Ed. I.E. Koptelova, E.I. Panevskina, T.N. Persikova. Moscow, Publ. Dashkov i K: 44–50.
- Nil'sen Ya., Loranzher Kh. 2009. Web-dizain: udobstvo ispol'zovaniya Web-saitov [Web design: usability of Web sites]. Translated from English and ed. V.S. Ivashchenko. Moscow, Publ. I.D. Vil'yams,



- 368 p. (Nielsen Ja., Loranger H. 2006. Prioritizing Web Usability. New Riders, An Imprint of Peachpit, Berkeley, California USA).
- Popova T.V., Ratsiburskaya L.V., Gugunava D.V. 2022. Neologiya i neografiya sovremennogo russkogo yazyka [Neology and neography of the modern Russian language]. Moscow, Publ. Flinta, 168 p.
- Radbil T.B., Ratsiburskaya L.V., Bakich N.A., Zhdanova E.A., Toropkina V.A., Shchennikova E.V. 2018. Social and cultural, cognitive and pragmatic aspects of current word formation processes. *Moscow University Bulletin. Series 9: Philology*, 2: 127–155 (in Russia).
- Sablina A.N. 2014. Stanovlenie ponyatiya infoteinment v rabotakh otechestvennykh issledovatelei [Formation of the concept of infotainment in the works of domestic researchers]. *Humanities, socio-economic and social sciences*, 10–1: 41–43.
- Sobchenko N.S. 2012. A linguistic play at syntactic level in the advertizing text. *Scientific Notes of Taurida V. I. Vernadsky National University. Series: Philology. Social communications*, 25(64)-4(2): 485–489 (in Russian).
- Tiratsuyan A.Yu. 2012. Glyantsevyi diskurs o kul'ture kak infoteinment [Glossy discourse on culture as infotainment]. *Culture. Science. Integration*, 2(18): 74–78.
- Fedotova N. A. Gamification in the context of media practice. *Journal of the Belarusian State University. Journalism and Pedagogics*, 2: 4–11 (in Russian).
- Filippova A.N. 2014. Interpretatsiya ponyatiya infoteinment: «format» ili «zhanr» [Interpretation of the concept of infotainment: “format” or “genre”]. *Humanities, socio-economic and social sciences*, 9: 296–299.
- Chagan N.G. 2014. Infoteinment kak yavlenie mediakul'tury [Infotainment as a phenomenon of media culture]. *Herald of the university of Russian academy of education*, 2: 76–82.
- Sheifel N.A. 2016. The concept of blending and its difference from other derivation methods in linguistics. In: Actual problems of linguistics, literature studies, intercultural communication and linguodidactics. Proceedings of the 2nd International scientific conference (Belgorod, April 20–21, 2016). Belgorod, Publ. ID "Belgorod" NIU "BelGU": 290–294 (in Russian).
- Shiryaeva D. 2004. «Infoteinment» Style News: «The Country and the World» NTV Program. *Medi@l'manakh*, 6(2–3): 60–69 (in Russian).
- Postman N. 1986. Amusing Ourselves to Death: public discourse in the age of show business. London, England. Penguin books, 173 p.
- Shumacher H. 1994. Infoteinment – Ästhetik im Fernsehen der Gegenwart / Medienlust und Mediaennutz [Infotainment - Aesthetics in contemporary television / Media pleasure and media use]. Eds. L. Bosshart, W. Hoffman-Riem. Munchen.
- Wittven A. 1995. Infoteinment. Fernsehnachrichten zwischen Information und Unterhaltung [Infotainment. Television news between information and entertainment]. Bern, Switzerland, Peter Lang, 223 p.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию 02.08.2024

Received August 02, 2024

Поступила после рецензирования 09.09.2024

Revised September 09, 2024

Принята к публикации 10.12.2024

Accepted December 10, 2024

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Карпенко Ирина Ивановна, доктор филологических наук, доцент кафедры журналистики института общественных наук и массовых коммуникаций, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, г. Белгород, Россия.

Irina I. Karpenko, Doctor of Philology, Associate Professor of the Department of Journalism, Institute of Social Sciences and Mass Communications, Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia.

Короченский Александр Петрович, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры журналистики института общественных наук и массовых коммуникаций, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, г. Белгород, Россия.

Alexander P. Korochensky, Doctor of Philology, Professor, Professor of the Department of Journalism of the Institute of Social Sciences and Mass Communications, Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia.

Меринов Валерий Юрьевич, кандидат философских наук, доцент кафедры социологии и медиакоммуникаций факультета социологии и журналистики, Российский государственный университет социальных технологий, г. Москва, Россия.

Valery Yu. Merinov, Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor of the Department of Sociology and Media Communications of the Faculty of Sociology and Journalism, Russian State University of Social Technologies, Moscow, Russia.

Хорольский Виктор Васильевич, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры журналистики и литературы факультета журналистики, Воронежский государственный университет, г. Воронеж, Россия.

Viktor V. Khorolskii, Doctor of Philology, Professor, Professor of the Department of Journalism and Literature, Faculty of Journalism, Voronezh State University, Voronezh, Russia.



ПЕДАГОГИКА PEDAGOGICS

УДК 378.22

DOI 10.52575/2712-7451-2024-43-4-436-449

Организационно-содержательная модель формирования профессиональной готовности будущего учителя иностранного языка

Данько Ю.В.

Севастопольский архитектурно-строительный техникум
Россия, 299008, г. Севастополь, ул. Пожарова, д. 28А
bonifacius-zs@yandex.ru

Аннотация. К настоящему моменту не сложилось единого представления о компонентах педагогической компетентности. В педагогических исследованиях рассматриваются различные компетенции, формирующие профессионализм педагога, но не формулируется система взаимосвязанных компонентов, ведущая к достижению дидактического результата. В связи с этим цель исследования – разработать организационно-содержательную модель на примере подготовки учителя иностранного языка в вузе по программе педагогического бакалавриата, описывающую этапы формирования педагогической компетентности в период обучения. Для достижения цели в рамках теоретического анализа исследованы нормативные положения подготовки будущих учителей по программам высшего педагогического образования, систематизированы результаты предшествующих педагогических исследований, выделены базовые профессиональные качества учителя в виде профессиограммы и описаны сквозные образовательные технологии в качестве инновационных методов дополнения обучения иностранному языку. Представленная модель учитывает принципы организации и реализации педагогического процесса в вузе и включает разработанные автором критерии и уровни сформированной профессиональной готовности. В работе отмечена возможность достижения результата по окончании третьего курса и начала педагогической деятельности в период обучения. Сделан вывод о целесообразности поэтапной профессиональной подготовки будущего учителя, уточнении и конкретизации базовых компетенций, которые должны быть сформированы к окончанию бакалавриата. Практическая значимость исследования состоит в структурировании процесса формирования профессиональной компетентности будущего учителя иностранного языка по программе бакалавриата в виде организационно-содержательной модели, включающей разработку педагогических показателей, систему уровней их оценки, формирование педагогических условий реализации предложенной модели и выделении важнейших педагогических компонентов в виде профессиограммы учителя иностранного языка.

Ключевые слова: высшее педагогическое образование, педагогическая компетентность, структура педагогической компетентности, организационно-содержательная модель, компоненты педагогической модели, уровни педагогической готовности, критерии педагогической готовности

Для цитирования: Данько Ю.В. 2024. Организационно-содержательная модель формирования профессиональной готовности будущего учителя иностранного языка. *Вопросы журналистики, педагогики, языкознания*, 43(4): 436–449. DOI: 10.52575/2712-7451-2024-43-4-436-449

Organizational and Content Model of Formation of Professional Readiness of Future Foreign Language Teachers

Yuri V. Danko

Sevastopol college of architecture and civil engineering
28A Pozharov St, Sevastopol 299008, Russian Federation
bonifacius-zs@yandex.ru

Abstract. To date, there has not been a single understanding of the components of pedagogical competence. Pedagogical studies consider various competencies that shape the professionalism of a teacher, but do not formulate a system of interrelated components that lead to the achievement of a didactic result. In this regard, the purpose of the study is to develop an organizational and content model using the example of training a foreign language teacher at a university under the pedagogical bachelor's degree program, describing the stages of forming pedagogical competence during the training period. To achieve the goal, within the framework of theoretical analysis, the regulatory provisions for training future teachers under higher pedagogical education programs were studied, the results of previous pedagogical studies were systematized, the basic professional qualities of a teacher were identified in the form of a job description, and end-to-end educational technologies were described as innovative methods of supplementing foreign language teaching. The presented model takes into account the principles of organization and implementation of the pedagogical process at a university and includes the criteria and levels of developed professional readiness developed by the author. The work notes the possibility of achieving the result upon completion of the third year and the beginning of pedagogical activity during the training period. A conclusion is made about the advisability of stage-by-stage professional training of future teachers, clarification and specification of basic competencies that should be formed by the end of the bachelor's degree. The practical significance of the study lies in structuring the process of forming the professional competence of a future foreign language teacher in a bachelor's program in the form of an organizational and content model, including the development of pedagogical indicators, a system of levels of their assessment, the formation of pedagogical conditions for the implementation of the proposed model and the identification of the most important pedagogical components in the form of a profессиogram of a foreign language teacher.

Keywords: higher pedagogical education, pedagogical competence, structure of pedagogical competence, organizational and content model, components of the pedagogical model, levels of pedagogical readiness, criteria of pedagogical readiness

For citation: Danko Yu.V. 2024. Organizational and Content Model of Formation of Professional Readiness of Future Foreign Language Teachers. *Issues in Journalism, Education, Linguistics*, 43(4): 436–449 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-7451-2024-43-4-436-449

Введение

Профессия педагога является социально значимой и одной из самых массовых в обществе, различные педагогические должности – от воспитателя детского сада до профессора в вузе – направлены на развитие человека как сформированной личности к моменту окончания профессионального обучения. В настоящем исследовании рассмотрена одна из педагогических специализаций – учитель предметного обучения в области иностранного языка и описана последовательная система профессиональной подготовки с целью систематизации и наглядного представления содержания профессиональной компетентности по окончании вуза на уровне бакалавриата, закладывающего базовую подготовку.

Прежде всего реализация подготовки будущего учителя предметного обучения относится к программам педагогического образования в высшей школе, которые на уровне бакалавриата направлены на формирование у студентов способности и готовности к осуществлению педагогической деятельности в среднем общем и профессиональном



образовании на основе применения актуальных научных методов и методик обучения предмету в условиях научно-теоретической и практической подготовки, закладывающих профессиональную компетентность [Махмудова, 2024].

Компетентность выпускника вуза свидетельствует о получении определённой квалификации [Шалашова, 2008] по программам педагогического образования, являясь главной характеристикой и показателем профессионализма учителя [Сластёнин, 2008], готовности осуществлять педагогическую деятельность в соответствии с профессиональным стандартом [Вяликова и др., 2020], подтверждается дипломом и присвоенной квалификацией. Как интегративная система с динамичной основой [Забродин, 2015] компетентность выступает процессом, продолжающимся на протяжении всего профессионального пути в различных формах образования и самообразования [Мезенцева, 2013]. Согласно определению А.А. Вербицкого, компетентность выступает в качестве реализованной в деятельности квалификации и является системой устойчивых связей между её компонентами – различными компетенциями [Вербицкий, 2012].

Рассматривая педагогическую компетентность в виде системы структурных компонентов, её можно представить как владение некоторой совокупностью компетенций [Хуторской, 2017], и их число различно. Например, С.Н. Чистякова выделяет до 37 компетенций: предметные, общепедагогические, коммуникативные, информационно-коммуникативные, креативные, рефлексивные, социально-психологические и пр. [Чистякова, 2015], которые, по мнению А.В. Хуторского, выступают в качестве связующего элемента между знанием и действием в практике [Хуторской, 2017] и определяются видами и задачами профессиональной деятельности в определённой сфере [Перевозишкова, 2022]. Следовательно, педагогические компетенции исходят из нормативных требований и уровня квалификации [Копытов, Черепанова, 2020].

Подготовка учителя иностранного языка и овладение профессиональной компетентностью в вузе на 1 сентября 2024 года реализуется по ФГОС ВО «Педагогическое образование» на уровнях бакалавриата и магистратуры стандарта 3++, утверждённым 22 февраля 2018 года. ФГОС устанавливает условия и требования, согласно которым определяется готовность выпускника к педагогической деятельности, а именно: УК и ОПК (универсальные и общепрофессиональные компетенции) и ПК (профессиональные компетенции) – конкретные знания, умения и навыки педагога в соответствии с профессиональным стандартом (ПС), в совокупности формирующие профессиональную компетентность как готовность к педагогической работе учителем школы или преподавателем колледжа.

Профессиональная подготовка будущих учителей иностранного языка направлена на решение следующих профессиональных задач – педагогической, проектной, методической, организационно-управленческой, культурно-просветительской, сопровождения и научно-исследовательской¹, установленных согласно требованиям ПС к учителю школы или преподавателю колледжа. Окончание бакалавриата свидетельствует о базовом уровне компетентности, достижении начальной педагогической квалификации учителя предметного обучения [Вилькер, 2017], в системе непрерывного педагогического образования определяемой в качестве стадии вхождения в профессию [Забродин, 2015] либо «получения промежуточных академических и/или профессиональных знаний, навыков и компетенций»².

Исследование описывает систему подготовки учителя иностранного языка по программам бакалавриата педагогического образования. Разработана организационно-содержательная модель педагогического процесса в вузе, выявлены условия успешной

¹ ФГОС ВО бакалавриата 44.03.05 «Педагогическое образование (с двумя профилями подготовки)» <https://inlnk.ru/DBzPDv> (дата обращения: 18.07.2024)

² МСКО 2011: международная стандартная классификация образования <https://clck.ru/3C463r> (дата обращения: 18.07.2024)

реализации, определены основные элементы и способы их взаимодействия, сформированы педагогические условия разработанной модели – дополнение обучения иностранному языку возможностями сквозных технологий больших данных и дополненной реальности, расширяющих содержание профессиональной квалификации – педагогической компетентности.

Объекты и методы исследования

Объектом исследования является система профессиональной компетентности учителя иностранного языка, рассмотренная на основе общелогических методов анализа и обобщения предшествующих научных, научно-методических работ и нормативных положений организации педагогической подготовки (ФГОС ВО, профстандарт); также применено моделирование процесса подготовки учителя иностранного языка, результатом которого стала разработанная организационно-содержательная модель. Исследование системы профессиональной компетентности учителя иностранного языка включало три последовательных этапа.

Первый этап состоял в определении и уточнении ключевых терминов и понятий исследования: «организационно-содержательная модель» [Лукашина, 2007; Хруль, 2020; Сенько, 2023] «педагогическая компетентность» и «педагогические компетенции» [Сластёнин, 2008; Вербицкий, 2012; Мезенцева, 2012; Забродин и др., 2015; Хуторской, 2017; Вяликова, 2020; Копытов, Черепанова, 2020; Перевощикова, 2022; Шамо́в, Чернышов, 2023], а также «сквозные технологии» [Амирова, Кондратьева, 2019; Стебихова, 2019; Романова и др., 2022; Исаева, Магомедалиева, 2023; Себина и др., 2023].

Второй этап включал рассмотрение уровней квалификации педагога [Мезенцева, 2012; Забродин и др., 2015] и особенностей ключевых подходов обучения в высшей школе – компетентностного или профессионально-ориентированного [Вербицкий, 2012; Хуторской, 2017], личностно-ориентированного [Ижденёва, 2021] и системно-деятельностного [Яковенко, 2020] и принципов обучения — актуальности, гуманизации, гуманитаризации, научности, системности и целеполагания в условиях реализации профессиональной подготовки будущих учителей иностранного языка на примере ООП направления 44.03.05 «Педагогическое образование» Севастопольского государственного университета (СевГУ).

Третий этап исследования предполагал теоретическое моделирование – процесс систематизации полученных первичных данных, их обобщение и формирование единой структуры, направленной на установление признаков изучаемого предмета [Берг, 2018] – представление организационно-содержательной модели подготовки учителя иностранного языка.

Результаты и их обсуждение

В настоящее время вопрос содержания педагогической компетентности и её формирования определяется ФГОС и ПС с точки зрения включённых компетенций, рассматриваемых связующим элементом между знанием и действием в практике [Хуторской, 2017], либо совокупности знаний, умений и навыков, готовящих к профессии педагога и приобретённых в период обучения [Сластёнин, 2008; Вербицкий, 2012; Шамо́в, Чернышов 2023]. В условиях реализации высшего педагогического образования в подготовке педагогов предметного обучения по уровневой модели, предполагающей 4–5 лет обучения в бакалавриате с возможностью продолжения образования в магистратуре в течение 2 лет, установлены три периода формирования педагогической компетентности: два основных, ведущих к окончанию бакалавриата, и один дополнительный – обучение в магистратуре.

Первый период – общее высшее образование – на первом и втором курсах обучения по программе бакалавриата закладывает универсальные и общепрофессиональные компетенции, происходит ознакомление с педагогической деятельностью на практике.

Второй период – на 3–5 курсах формирует базовые профессиональные компетенции – педагогическую, методическую и информационную, обеспечивающие готовность к преподаванию иностранного языка в качестве учителя-стажёра по окончании третьего курса, последующее прохождение ГИА, окончание бакалавриата и становление молодого специалиста.

Третий период – профессиональное совершенствование и повышение педагогической квалификации по программе педагогической магистратуры на основе педагогического бакалавриата расширяют профессиональные компетенции, углубляют базовое образование и дают возможность преподавать в высшей школе. Однако окончание магистратуры не даёт никаких преимуществ в плане получения более высокой квалификационной категории и не влияет на размер оплаты труда в средней школе или колледже [Андреев, 2020], поскольку бакалавриат уже свидетельствует о получении педагогической квалификации и наличии высшего образования. Базовые требования и профессиональные качества учителя (преподавателя) иностранного языка могут быть представлены в профессиограмме – графической форме описания профессии, уровней квалификации (на основе высшего образования), основных компетенций, профессиональных и личностных качеств (рис. 1).



Рис. 1. Профессиограмма учителя иностранного языка
Fig. 1. The professionogram of a foreign language teacher

В соответствии с профессиограммой, на принципах системности, последовательности и эффективности построена организационно-содержательная модель подготовки педагога на уровне высшего образования, которая включает следующие взаимосвязанные блоки: целевой, теоретико-методологический, содержательный, критериально-оценочный и результативный. Общая структура модели и описание компонентов представлены на рис. 2.

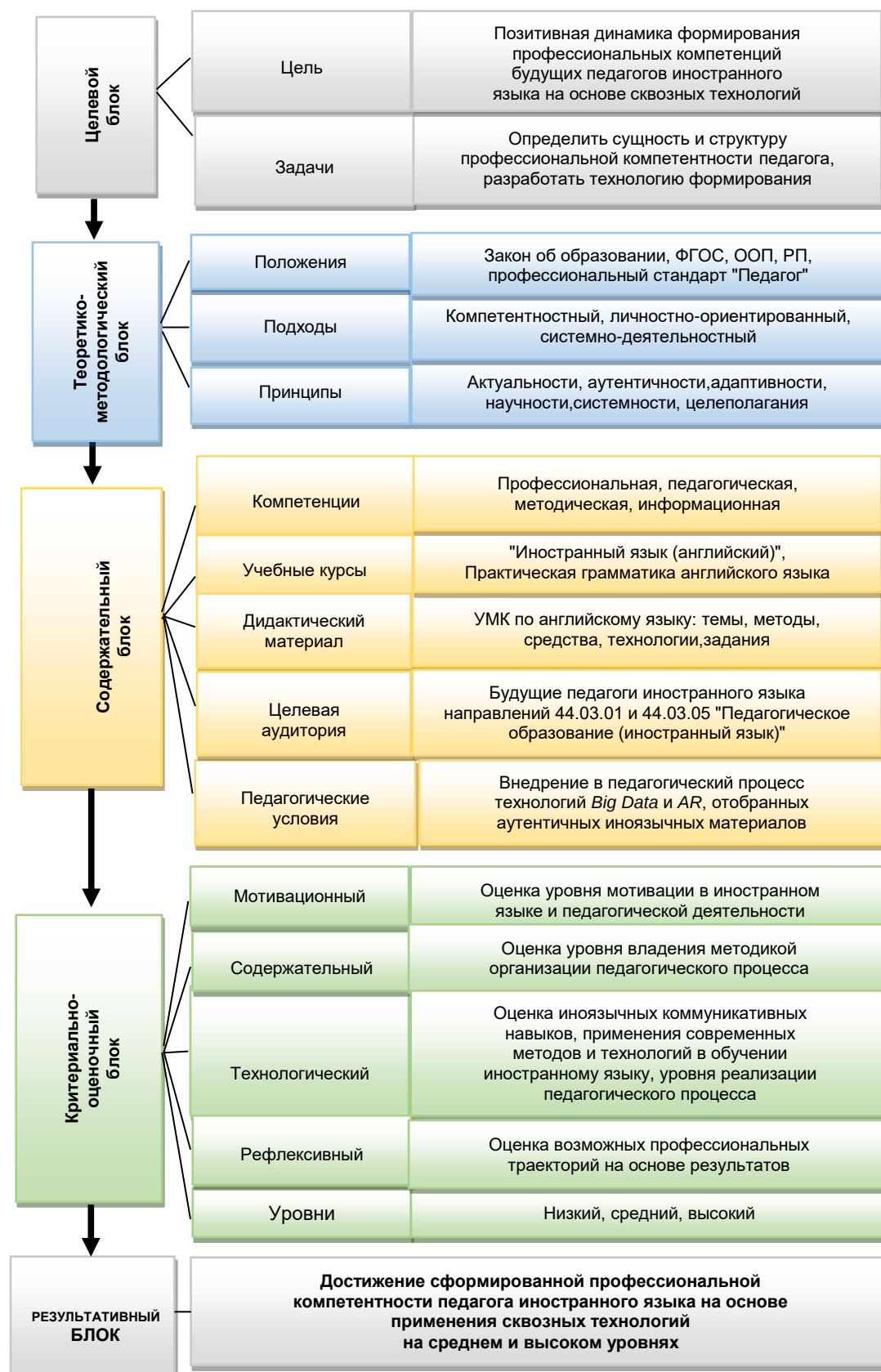


Рис. 2. Организационно-содержательная модель подготовки учителя иностранного языка с применением сквозных технологий
Fig. 2. Organizational and content model of foreign language teacher training using end-to-end technologies

Реализация представленной модели имеет следующую последовательность:

1. Целевой блок определяет дидактическую цель и задачи: подготовку компетентного учителя иностранного языка с применением в обучении инновационных сквозных технологий.

2. Теоретико-методологический блок устанавливает нормативные положения организации, принципы реализации обучения в вузе на основе трёх важнейших подходов: компетентностного, направленного на формирование педагогической, методической и профессиональной – иноязычной коммуникативной – компетенций, системно-деятельностного – организованной и целенаправленной системы формирования навыков и творческих способностей студентов [Яковенко, 2020] и личностно-ориентированного – в формировании у каждого студента готовности к саморазвитию и развитию индивидуальных когнитивных способностей [Ижденева, 2021].

3. Содержательный блок включает организацию педагогического процесса в высшей школе – формирование базовых компетенций, учебные дисциплины, дидактический материал, целевую аудиторию и педагогические условия, которые зависят от направленности обучения.

Рассмотрим этот блок с позиции подготовки учителя-бакалавра иностранного языка. Формируемые компетенции – профессиональная, педагогическая, методическая и информационная – определены согласно задачам будущей деятельности в соответствии с ФГОС и ПС ¹:

1) профессиональная или иноязычная коммуникативная компетенция – владение основным иностранным языком на уровне не ниже С1,

2) педагогическая – реализация обучения иностранному языку школьников и студентов,

3) методическая – организация обучения языку в соответствии с тематическим планированием и стандартами,

4) информационная – владение современными технологиями обучения. Основой профессиональной компетентности станет прежде всего овладение иноязычной коммуникативной компетенцией в основном иностранном языке на уровне не менее С1 к окончанию бакалавриата.

Установлены ключевые принципы её формирования: актуальности – отбор актуальных дидактических материалов педагогической направленности с ориентацией на дальнейшее практическое использование учителем, аутентичности – использование оригинальных иноязычных текстов, и доступности – соответствие уровню подготовленности.

В рамках подготовки учителя иностранного языка ООП СевГУ ² предусматривает обучение английскому языку как основному иностранному в рамках предметно-содержательного модуля общим объёмом 1 188 академических часов (табл. 1.)

Педагогические условия обозначили сферу применения сквозных технологий для совершенствования иноязычной коммуникативной компетенции в английском языке. Под сквозными технологиями определены технологии сбора, хранения, обработки, поиска, передачи и представления данных в электронном виде, в основе функционирования которых лежат программные и аппаратные средства и системы [Амирова, Кондратьева, 2019], расширяющие возможности педагогического процесса.

¹ Об утверждении профессионального стандарта «Педагог (педагогическая деятельность) в сфере дошкольного, начального общего, основного общего, среднего общего образования) (воспитатель, учитель)»: Приказ Минтруда России от 18.10.2013 № 544 п. URL: <https://inlnk.ru/dnPKwQ> (дата обращения: 18.07.2024).

² ООП и УП ФГОС ВО бакалавриата 44.03.05 «Педагогическое образование (с двумя профилями подготовки)» в СевГУ. URL: <https://inlnk.ru/84pK2K> (дата обращения: 18.07.2024).

¹ ООП и УП ФГОС ВО бакалавриата 44.03.05 «Педагогическое образование (с двумя профилями подготовки)» в СевГУ. URL: <https://inlnk.ru/84pK2K> (дата обращения: 18.07.2024).

Таблица 1
Table 1

Дисциплины ООП СевГУ по английскому языку ⁴
The disciplines of the SevSU PLO in English

Модуль	Семестры	Часы/зач. единицы	Описание
Предметно-содержательный (английский язык)	1, 2, 3, 4, 6, 8, 9	1188/33	Входит в базовую часть программы и включает следующие дисциплины: «Иностранный язык (английский)», «Практическая фонетика английского языка», «Практическая грамматика английского языка», «Практикум по оригинальной литературе», «Практикум по культуре речевого общения основного иностранного языка» и «Основной иностранный язык для профессиональных целей».

Формирование профессиональной компетентности будущего учителя иностранного языка на основе сквозных технологий обеспечивает возможность не только знакомства с аутентичным контекстом грамматических форм и лексики в тексте, но и создаёт условия отработки лексики и грамматики на практических занятиях по иностранному языку, а в отдельных случаях способствует знакомству с аутентичным произношением в реальных ситуациях, что помогает совершенствовать продуктивные и рецептивные навыки в иностранном языке. Согласно этому условию основной сквозной технологией профессиональной иноязычной подготовки определены большие данные (*Big Data*).

Применение сквозных технологий на основе онлайн-ресурсов корпусной лингвистики может способствовать эффективному обучению иностранному языку в курсе дисциплин «Иностранный язык (английский)» и «Практическая грамматика английского языка» – корпусов *Cambridge and Nottingham Corpus of Discourse in English*, *Cambridge International Corpus*, *Corpus of Spoken Academic English*, *Michigan Corpus of Academic Spoken English*, *The Bank of English*, *The British National Corpus*, *The Freiburg English Dialect Corpus*, *The International Corpus of English* и подобных направлено на расширение активного и пассивного словарного запаса на английском языке на основе больших текстовых массивов. Дополнительные возможности могут быть обеспечены контекстным поиском устойчивых клише, фраз и лексики в онлайн-словарях *Reverso Context* и *Glosbe*.

Обучение произношению английского языка и его особенностям в курсе дисциплины «Практическая фонетика английского языка» может быть эффективно дополнено онлайн-ресурсом *Forvo* – обширной базой аудиофайлов в форматах *.mp3* и *.ogg* с произношением слов на многих языках мира, записанных их носителями.

В курсе дисциплин «Практическая грамматика английского языка» и «Практикум по оригинальной литературе» эффективным способом представляется применение персонифицированного (разработанного преподавателем) корпуса текстов на основе отобранных произведений из аутентичной художественной литературы или их фрагментов, объединённых в один файл (предпочтительны форматы *.txt* и *.rtf*) с последующим контекстным поиском необходимых морфологических и синтаксических явлений. Также можно использовать приложение *Voyant Tools* для анализа текста и визуализации данных, выявления устойчивых клише, словосочетаний и интеллектуального анализа отобранного текста для составления глоссария.



Технология дополненной реальности (*Augmented reality, AR*) лишь расширяет традиционное обучение на основе электронных образовательных платформ (*Skillbox, GetCourse, Инфоурок, Skyeng, Учи.ру, Нетология, Foxford, Geekbrains, Skysmart, Яндекс.Практикум, Duolingo, Skillfactory и др.*) и не требует специального оборудования, кроме мобильных устройств.

Для оценки результатов профессиональной подготовки предложен критериально-оценочный блок, устанавливающий критерии и уровни сформированной профессиональной компетентности при проверке результатов обучения. Оцениваются уровни внутренней мотивации студента – по мотивационному критерию, сформированных методических знаний, умений и навыков – по содержательному критерию, профессиональных (иноязычных коммуникативных) навыков – по технологическому критерию, возможных профессиональных траекторий – по рефлексивному критерию. Все критерии могут быть проверены, начиная с 3 курса – по окончании первой педагогической практики и с началом работы учителем (табл. 2).

Выделены три уровня сформированных компетенций – низкий, средний и высокий (табл. 3). Результативный блок устанавливает достижение дидактического результата и в рамках модели предполагает достижение базовой (среднего и высокого уровней) профессиональной компетентности с применением сквозных технологий в обучении иностранному языку. Предполагается, что дидактический результат будет достигнут, если в начале профессиональной подготовки по иностранному языку на 1 курсе у каждого студента будет определён исходный уровень грамматических и лексических знаний в иностранном языке и оценен уровень педагогических мотивов. В период обучения в соответствии с программой дисциплин «Иностранный язык (базовый курс)» и «Практическая грамматика английского языка» на принципах актуальности, аутентичности, целеполагания, доступности и педагогической направленности будут отобраны дидактические материалы на основе контекста обширной выборки, а самостоятельная работа студентов будет предполагать обратную связь с преподавателем на основе возможностей дополненной реальности.

Таблица 2
Table 2

Критерии и показатели профессиональной компетентности
будущих учителей иностранного языка
Criteria and indicators of professional competence of future foreign language teachers

Критерии	Показатели
Мотивационный	1) внутренние мотивы в овладении иностранными языками (иноязычный мотив); 2) обучение иностранному языку (педагогический мотив); 3) получение педагогической профессии (профессиональный мотив);
Содержательный	1) сформированные методические знания, умения и навыки (по педагогике и психологии);
Технологический	1) владение иноязычной коммуникативной компетенцией (ИКК) на уровне не менее C1 в английском языке к окончанию обучения; 2) владение информационными технологиями;
Рефлексивный	готовность/неготовность к работе педагогом (учителем-стажёром в период обучения и учителем или преподавателем по окончании бакалавриата)

Таблица 3
Table 3

Уровни профессиональных критериев будущих педагогов иностранного языка
Levels of professional criteria for future foreign language teachers

Уровни	Критерии
Низкий	<i>мотивационный</i> : студент не имеет мотивации к изучению иностранных языков, не желает связывать профессиональную деятельность со сферой преподавания
	<i>содержательный</i> : студент не знает основы методики проведения урока по ФГОС, не владеет навыками составления его плана, не знаком с требованиями госстандартов НОО, ООО и СОО, имеет недостаточно сформированные навыки педагогического общения
	<i>технологический</i> : студент владеет английским языком на уровне ниже B1, не понимает содержание аутентичных текстов, не имеет представления о системе грамматических категорий, не знает особенностей лексических единиц в английском языке
	<i>рефлексивный</i> : низкий уровень по каждому критерию или низкий – по мотивационному и/или содержательному и средний – по технологическому (владение иностранным языком не обеспечивает готовность к педагогической деятельности)
Средний	<i>мотивационный</i> : студент обладает средним уровнем мотивации в изучении иностранных языков, в целом не планирует свою дальнейшую педагогическую деятельность по специальности
	<i>содержательный</i> : студент владеет основами методики проведения урока по ФГОС, навыками планирования, имеет понимание о требованиях госстандартов НОО, ООО и СОО, владеет базовыми навыками педагогического общения
	<i>технологический</i> : студент владеет английским языком на уровне B1, понимает общее содержание аутентичных художественных текстов, имеет представление о грамматических категориях и особенностях лексических единиц в английском языке
	<i>рефлексивный</i> : низкий уровень по мотивационному или содержательному и средний — по технологическому или мотивационному/содержательному (с приоритетом на содержательный). Возможность начала работы в период обучения (учителем-стажёром).
Высокий	<i>мотивационный</i> : студент обладает высоким уровнем мотивации в изучении иностранных языков, планирует свою дальнейшую педагогическую деятельность по специальности
	<i>содержательный</i> : студент владеет педагогической этикой, методикой проведения урока по ФГОС, умеет составить технологическую карту урока, знает требования госстандартов НОО, ООО и СОО
	<i>технологический</i> : студент владеет английским языком на уровне B2–C1, детально понимает содержание аутентичных художественных текстов, владеет навыками анализа грамматических структур и лексических единиц в английском языке
	<i>рефлексивный</i> : не менее среднего уровня — по мотивационному или содержательному и высокий уровень — по технологическому, либо высокий уровень по содержательному и технологическому в сочетании со средним по мотивационному критерию (сформированная педагогическая компетенция, достаточная для начала работы педагогом)

Заключение

В настоящем исследовании рассмотрена одна из педагогических специализаций – учитель предметного обучения в области иностранного языка и описана последовательная система профессиональной подготовки с целью систематизации и наглядного представления содержания профессиональной компетентности по окончании вуза на уровне бакалавриата, закладывающего базовую подготовку. Педагогическая подготовка будущего учителя иностранного языка является комплексным процессом, основой которого установлено формирование профессиональной готовности к работе учителем или преподавателем СПО по окончании бакалавриата в качестве завершённого уровня педагогического образования. Педагогической готовностью станет профессиональная компетентность выпускника в виде системы компетенций, оценка которой проводится по рефлексивному критерию (достигнутых результатов в иностранном языке, методике обучения и уровню мотивации) согласно профессиональному стандарту педагога и госстандартов педагогических направлений бакалавриата, способность к педагогической, проектной, методической, организационно-управленческой, культурно-просветительской, а по окончании магистратуры и к научно-исследовательской деятельности.

В результате исследования сформирована профессиограмма учителя иностранного языка, описывающая его профессиональные качества и ключевые компетенции – профессиональную (иноязычную коммуникативную), педагогическую, методическую и информационную, и представлена организационно-содержательная модель формирования этих качеств в период профессиональной подготовки с применением технологии больших данных, что может способствовать обогащению методики обучения английскому языку по дисциплинам «Иностранный язык (базовый курс)» и «Практическая грамматика английского языка». Следовательно, ключевой составляющей педагогической подготовки должно стать овладение профессиональной компетенцией, для учителя иностранного языка предполагающей практическое владение основным иностранным языком на уровне не ниже C1 к окончанию бакалавриата, и понимание необходимости дальнейшего профессионального совершенствования в избранной области.

Теоретическая значимость исследования состоит в наглядном представлении модели формирования профессиональной готовности к работе учителем иностранного языка, разработке педагогических критериев и уровней их оценки, описании возможностей сквозных технологий в формировании иноязычных лексико-грамматических навыков. Практической значимостью исследования станет применение рассмотренных в исследовании возможностей корпусной лингвистики в качестве дополнения обучения по дисциплинам «Иностранный язык (базовый курс)» и «Практическая грамматика английского языка».

Список литературы

- Амирова Н.Р., Кондратьева Я.Э. 2019. Цифровые сквозные технологии: реалии и перспективы развития. *ЦИТИСЭ*, 4(21): 169–182. DOI: [10.15350/24097616.2019.4.18](https://doi.org/10.15350/24097616.2019.4.18)
- Андреев В.Н. 2020. Магистратура по направлению подготовки «Педагогическое образование»: проблемы разработки содержания образовательной программы. *Primo aspectu*, 3(43): 128–131. DOI: [10.35211/2500-2635-2020-3-43-128-131](https://doi.org/10.35211/2500-2635-2020-3-43-128-131)
- Берг Л.Н. 2018. Теоретическое моделирование как метод исследования системы правового воздействия. *Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России*, 2(42): 17–22. DOI: [10.24411/2078-5356-2018-10002](https://doi.org/10.24411/2078-5356-2018-10002)
- Вербицкий А.А. 2012. Проблемные точки реализации компетентностного подхода. *Вестник Московского государственного гуманитарного университета им. М.А. Шолохова. Серия: Педагогика и психология образования*, 2: 52–60.
- Вилькер Г. 2017. Организация повышения квалификации педагогов в Германии в контексте образовательной политики совета Европы. В кн.: *Теория и практика общественного развития в свете современного научного знания. Материалы Всероссийской научной конференции с международным участием (Красково, 27 апреля 2017 года)*. М., Гум.о-соц.институт: 28–31.

- Вяликова Г.С., Саломатина О.В., Яковлева Т.В. 2020. Формирование будущего компетентного учителя при изучении психолого-педагогических технологий в контексте профессионального стандарта педагога. В кн.: *Современные векторы образования: теория и практика. Статьи и материалы Всероссийской научно-практической конференции (с международным участием) (Коломна, 24 декабря 2019 года)*. Под ред. С.А. Ермолаевой. Коломна, Государственный социально-гуманитарный университет: 21–27.
- Забродин Ю.М., Сергоманов П.А., Гаязова Л.А., Леонова О.И. 2015. Построение системы дифференциации уровней квалификации Профессионального стандарта педагога. *Психологическая наука и образование*, 20(5): 65–76. DOI: [10.17759/pse.2015200506](https://doi.org/10.17759/pse.2015200506)
- Ижденева И.В. 2021. Личностно-ориентированный подход в современном образовательном пространстве. *Интерактивная наука*, 8(63): 21–22. DOI: [10.21661/r-554781](https://doi.org/10.21661/r-554781)
- Исаева Г.Г., Магомедалиева М.Р. 2023. Сквозные технологии в обучении студентов в контексте цифровизации образования. В кн.: *Педагогика и современное образование: традиции, опыт и инновации. Сборник материалов I Международной научно-практической конференции, приуроченной к Году педагога и наставника и 25-летию юбилею Дербентского филиала МПГУ (Дербент, 30 июня – 01 июля 2023 года)*. Под ред. М.А. Башировой. Москва, Парнас: 166–170.
- Копытов А.Д., Черепанова Т.Б. 2020. Профессиональные педагогические компетентности: междисциплинарность vs многомерность. *Вестник Томского государственного педагогического университета*, 2(208): 117–123. DOI: [10.23951/1609-624X-2020-2-117-123](https://doi.org/10.23951/1609-624X-2020-2-117-123)
- Лукашина Г.В. 2007. Организационно-содержательная модель предметного обучения (на примере дисциплины "Безопасность жизнедеятельности"). В кн.: *Молодые ученые-промышленности, науке, технологиям и профессиональному образованию: проблемы и новые решения. Сборник научных трудов VII Международной научно-практической конференции (Москва, 19–23 ноября 2007 года)*. Москва, МГИУ, МЦОС: 403–406.
- Махмудова М.Ф. 2024. О Формировании и соотношении профессиональной компетентности будущего учителя. *Вестник науки*, 2–6(75): 917–922.
- Мезенцева О.И. 2012. Развитие профессиональной компетентности педагога в условиях существующей системы повышения квалификации. *Вестник Череповецкого государственного университета*, 4–1(42): 116–119.
- Перевощикова Е.Н. 2022. Образовательные результаты в подготовке будущего педагога и средства оценки их достижения. *Вестник Мининского университета*, 10–1(38): 3–8. DOI: [10.26795/2307-1281-2022-10-3](https://doi.org/10.26795/2307-1281-2022-10-3)
- Романова М.В., Ваничкина А.С., Смольяникова И.А., Хахалева А.Ю., Сухина Н.Н. 2022. Внедрение сквозных цифровых технологий в процесс обучения иностранному языку профессиональной направленности. *Мир науки. Педагогика и психология*, 10(5): 9.
- Себина Е.В., Филатова О.Н., Лукина Е.В. 2023. Применение сквозных технологий в образовании. *Проблемы современного педагогического образования*, 80–1: 261–263.
- Сенько А.Ю. 2023. Организационно-содержательная модель предметно-языкового интегрированного обучения будущих менеджеров на основе корпусных технологий. *Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Проблемы языкознания и педагогики*, 1: 139–150. DOI: [10.15593/2224-9389/2023.1.10](https://doi.org/10.15593/2224-9389/2023.1.10)
- Сластёнин В.А. 2008. Профессионализм учителя как явление педагогической культуры. *Педагогическое образование и наука*, 12: 4–15.
- Стебихова Н.А. 2019. Сквозные технологии цифровой экономики. В кн.: *Современная антимонополияльная политика России: правоприменительная практика в Брянской области. Сборник научных работ Всероссийской научно-практической конференции (Брянск, 18–19 апреля 2019 года)*. Брянск, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского: 193–196.
- Хруль О.С. 2020. Организационно-содержательная модель формирования инклюзивной культуры у участников образовательного процесса. *Специальное образование и социокультурная интеграция*, 3: 294–300.
- Хуторской А.В. 2017. Модель компетентностного образования. *Высшее образование сегодня*, 12: 9–16. DOI: [10.25586/RNU.HET.17.12.P.09](https://doi.org/10.25586/RNU.HET.17.12.P.09)
- Чистякова С.Н. 2015. Профессиональное самоопределение обучающихся: проблемы и пути решения. *Профессиональное образование в России и за рубежом*, 2(18): 118–122.
- Шалашова М.М. 2008. Комплексная оценка компетентности будущих педагогов. *Педагогика*, 7: 54–58.



- Шамов А.Н., Чернышов С.В. 2023. Методическая подготовка будущих учителей иностранного языка в условиях обновления содержания образования. В кн.: Современные тенденции языкового образования: опыт, проблемы, перспективы. Сборник статей участников V Международной научно-практической конференции (Арзамас, 27 марта 2023 года). Под ред. Л.Н. Набилкиной. Арзамас, Арзамасский филиал ННГУ: 124–132.
- Яковенко О.В. 2020. Системно-деятельностный подход в практике преподавания иностранных языков в вузе. *Вестник Международного института рынка*, 2: 103–107.

References

- Amirova N.R., Kondratyeva Ya.E. 2019. Digital through technologies: realities and prospects for development. *CITISE*, 4(21): 169–182 (in Russian). DOI: [10.15350/24097616.2019.4.18](https://doi.org/10.15350/24097616.2019.4.18)
- Andreev V.N. 2020. Master's programme in education: the problem of developing the content of the programme. *Primo aspectu*, 3(43): 128–131 (in Russian). DOI: [10.35211/2500-2635-2020-3-43-128-131](https://doi.org/10.35211/2500-2635-2020-3-43-128-131)
- Berg L.N. 2018. Theoretical modeling as a method of studying the system legal impact. *Legal Science and Practice: Journal of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2(42): 17–22 (in Russian). DOI: [10.24411/2078-5356-2018-10002](https://doi.org/10.24411/2078-5356-2018-10002)
- Verbitskii A.A. 2012. Problemnye tochki realizatsii kompetentnostnogo podkhoda [Problem points in the implementation of the competence-based approach]. *Vestnik of Sholokhov Moscow State University for the Humanities: Pedagogy and Psychology Series*, 2: 52–60 (in Russian).
- Vil'ker G. 2017. Organizatsiya povysheniya kvalifikatsii pedagogov v Germanii v kontekste obrazovatel'noi politiki soveta Evropy [Organization of advanced training of teachers in Germany in the context of the educational policy of the Council of Europe]. In: *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya v svete sovremennogo nauchnogo znaniya* [Theory and practice of social development in light of modern scientific knowledge]. Proceedings of the All-Russian scientific conference with international participation (Kraskovo, April 27, 2017). Ed. G.V. Mysenko. Moscow, Publ. Pero; Kraskovo, Publ. Gumanitarno-sotsial'nyi institut: 28–31.
- Vyalikova G.S., Salomatina O.V., Yakovleva T.V. 2020. Formirovanie budushchego kompetentnogo uchitelya pri izuchenii psikhologo-pedagogicheskikh tekhnologii v kontekste professional'nogo standarta pedagoga [Formation of a future competent teacher in the study of psychological and pedagogical technologies in the context of the professional standard of a teacher]. In: *Sovremennye vektory obrazovaniya: teoriya i praktika* [Modern vectors of education: theory and practice]. Articles and materials of the All-Russian scientific and practical conference (with international participation) (Kolomna, December 24, 2019). Ed. S.A. Ermolaeva. Kolomna, Publ. Gosudarstvennyi sotsial'no-gumanitarnyi universitet: 21–27.
- Zabrodin Yu.M., Sergomanov P.A., Gayazova L.A., Leonova O.I. 2015. Development of the differentiation system of skill levels in teaching professional standards. *Psychological Science and Education*, 20(5): 65–76 (in Russian). DOI: [10.17759/pse.2015200506](https://doi.org/10.17759/pse.2015200506)
- Izhdeneva I.V. 2021. Lichnostno-orientirovannyi podkhod v sovremennom obrazovatel'nom prostranstve [Person-oriented approach in the modern educational space]. *Interaktivnaya nauka*, 8(63): 21–22. DOI: [10.21661/r-554781](https://doi.org/10.21661/r-554781)
- Isaeva G.G., Magomedalieva M.R. 2023. End-to-end technologies in teaching students in the context of digitalization of education. In: *Pedagogika i sovremennoe obrazovanie: traditsii, opyt i innovatsii* [Pedagogy and modern education: traditions, experience and innovations]. Collection of materials of the I International scientific and practical conference dedicated to the Year of the teacher and mentor and the 25th anniversary of the Derbent branch of Moscow State Pedagogical University (Derbent, June 30 – July 1, 2023). Ed. M.A. Bashirova. Moscow, Publ. Parnas: 166–170.
- Kopytov A.D., Cherepanova T.B. 2020. Professional pedagogical competencies: interdisciplinarity vs multidimensionality. *Tomsk State Pedagogical University Bulletin*, 2(208): 117–123 (in Russian). DOI: [10.23951/1609-624X-2020-2-117-123](https://doi.org/10.23951/1609-624X-2020-2-117-123)
- Lukashina G.V. 2007. Organizatsionno-soderzhatel'naya model' predmetnogo obucheniya (na primere distsipliny "Bezopasnost' zhiznedeyatel'nosti") [Organizational and content model of subject teaching (on the example of the discipline "Life Safety")]. In: *Participation of Young Scientists, Engineers and Educational Specialists in the Development and Implementation of Innovation Technologies* [Young scientists of industry, science, technology and professional education: problems and new solutions]. Collection of scientific papers of the VII International scientific and

- practical conference, (Moscow, November 19-23, 2007). Moscow, Publ. MGIU, MTsOS: 403–406.
- Makhmudova M.F. 2024. About the formation and correlation professional competence the future teacher. *Vestnik nauki*, 2–6(75): 917–922.
- Mezentseva O.I. 2012. Development of the teacher's professional competence in the existing system of professional development. *Cherepovets State University Bulletin*, 4–1(42): 116–119 (in Russian).
- Perevoshchikova E.N. 2022. Educational results in the training of the future teacher and means of assessing their achievement. *Vestnik of Minin University*, 10–1(38): 3–8 (in Russian). DOI: [10.26795/2307-1281-2022-10-3](https://doi.org/10.26795/2307-1281-2022-10-3)
- Romanova M.V., Vanichkina A.S., Smoliannikova I.A., Khakhaleva A.Yu., Sukhina N.N. 2022. Integration of cross-cutting technologies in the process of teaching a foreign language for specific purposes. *World of Science. Pedagogy and psychology*, 10(5): 9 (in Russian).
- Sebina E.V., Filatova O.N., Lukina E.V. 2023. Primenenie skvoznykh tekhnologii v obrazovanii [Application of cross-cutting technologies in education]. *Problems of modern pedagogical education*, 80–1: 261–263.
- Senko A.Yu. 2023. Organizational and content model of content and language intergrated learning approach for training future managers on the basis of corpus technologies. *PNRPU Linguistics and Pedagogy Bulletin*, 1: 139–150 (in Russian). DOI: [10.15593/2224-9389/2023.1.10](https://doi.org/10.15593/2224-9389/2023.1.10)
- Slastenin V.A. 2008. Professionalism of a teacher as a phenomenon of pedagogical culture. *Pedagogical Education and Science*, 12: 4–15 (in Russian).
- Stebikhova N.A. 2019. Skvoznye tekhnologii tsifrovoy ekonomiki [Cross-cutting technologies of the digital economy]. In: *Sovremennaya antimonopol'naya politika Rossii: pravoprimeritel'naya praktika v Bryanskoj oblasti* [Modern antimonopoly policy of Russia: law enforcement practice in the Bryansk region]. Collection of scientific papers of the All-Russian scientific practical conference (Bryansk, April 18-19, 2019). Bryansk, Publ. Bryanskii gosudarstvennyi universitet imeni akademika I.G. Petrovskogo: 193–196.
- Khrul O.S. 2020. Organizational and content model for forming inclusive culture at participants of the educational process (teachers, students) at the level of general secondary education. *Special Education and Sociocultural Integration*, 3: 294–300 (in Russian).
- Khutorskoy A.V. 2017. Model of a competency-based education. *Higher education today*, 12: 9–16 (in Russian). DOI: [10.25586/RNU.HET.17.12.P.09](https://doi.org/10.25586/RNU.HET.17.12.P.09)
- Chistyakova S.N. 2015. Professional self-determination of students: problems and solutions. *Professional Education in Russia and Abroad*, 2(18): 118–122 (in Russian).
- Shalashova M.M. 2008. Complex evaluation of future teachers' competency. *Pedagogika*, 7: 54–58 (in Russian).
- Shamov A.N., Chernyshov S.V. 2023. Updating the methodological training of future foreign language teachers in a new educational paradigm. In: *Sovremennye tendentsii yazykovogo obrazovaniya: opyt, problemy, perspektivy* [Modern trends in language education: experience, problems, prospects]. Collection of articles by participants of the V International Scientific and Practical Conference (Arzamas, March 27, 2023). Ed. L.N. Nabilkina. Arzamas, Publ. Arzamasskii filial NNGU: 124–132.
- Yakovenko O.V. 2020. System and active approach in practice of teaching a foreign lan-guage at university. *Vestnik Mezhdunarodnogo instituta rynka*, 2: 103–107.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию 24.07.2024

Поступила после рецензирования 05.11.2024

Принята к публикации 12.12.2024

Received July 24, 2024

Revised November 05, 2024

Accepted December 12, 2024

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Данько Юрий Владимирович, преподаватель
английского языка, Севастопольский
архитектурно-строительный техникум,
г. Севастополь, Россия.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Yuri V. Danko, English Teacher, Sevastopol
college of architecture and civil engineering,
Sevastopol, Russia.



УДК 342.725.3

DOI 10.52575/2712-7451-2024-43-4-450-462

Инновационные пути китайского образования во Вьетнаме

Ду Яли , Ли Голун, Хромуляк М.В.

Дэчжоуский университет

Китай, 253023, провинция Шаньдун, г. Дэчжоу, ул. Университет-запад, д. 566,
yali0726@163.com, 1025152599@qq.com, khrommarry@yandex.ru

Аннотация. Межкультурное образование играет ключевую роль в укреплении экономических и культурных связей между Китаем и Вьетнамом, где спрос на китайский язык значительно вырос в условиях глобализации. Цель исследования – проанализировать текущее состояние, выявить проблемы и перспективы китайского образования во Вьетнаме с межкультурной точки зрения и предложить стратегические рекомендации. Исследование сочетает методы межкультурного анализа, качественные и количественные подходы. Результаты показывают, что китайское образование имеет глубокие исторические корни, но сталкивается с проблемами, такими как нехватка ресурсов, устаревшие учебные материалы и недостаток квалифицированных кадров. При этом возможности для развития включают внедрение модели «Китайский язык+», оптимизацию программ и цифровизацию обучения. Предложенные меры вносят вклад в развитие международного китайского образования и укрепление двустороннего сотрудничества.

Ключевые слова: межкультурное китайское образование, международное образование во Вьетнаме, инновационные образовательные стратегии, модель «Китайский язык+», цифровая трансформация преподавания

Финансирование: исследование выполнено в рамках проекта Фонда по планированию социальных наук провинции Шаньдун (23СКФJ02).

Для цитирования: Ду Яли, Ли Голун, Хромуляк М.В. 2024. Инновационные пути китайского образования во Вьетнаме. *Вопросы журналистики, педагогики, языкознания*, 43(4): 450–462. DOI: 10.52575/2712-7451-2024-43-4-450-462

Innovative Paths of Chinese Education in Vietnam

Du Yali , Li Guolong, Mariya V. Khromulyak

Dezhou University

566 University-West St, Dezhou City, Shandong Province 253023, China
yali0726@163.com, 1025152599@qq.com, khrommarry@yandex.ru

Abstract. Intercultural education plays a key role in strengthening economic and cultural ties between China and Vietnam, where the demand for Chinese language skills has significantly increased in the context of globalization. Despite existing research, a comprehensive interdisciplinary analysis of the development of Chinese education in Vietnam remains insufficiently explored. The aim of this study is to analyze the current state, identify challenges and opportunities of Chinese education in Vietnam from an intercultural perspective, and propose strategic recommendations. The study combines intercultural analysis methods with both qualitative and quantitative approaches. Results show that Chinese education has deep historical roots but faces challenges such as resource shortages, outdated teaching materials, and a lack of qualified teachers. However, opportunities for development include the implementation of the "Chinese+" model, program optimization, and digital transformation of education. The proposed measures contribute to the advancement of international Chinese education and the strengthening of bilateral cooperation.

Keywords: intercultural Chinese education, international education in Vietnam, educational innovation strategy, "Chinese +" model, digital teaching transformation

Funding: The study was carried out within the framework of the Shandong Province Social Science Planning Foundation project (23CKFJ02)

For citation: Du Yali, Li Guolong, Khromulyak M.V. 2024. Innovative Paths of Chinese Education in Vietnam. *Issues in Journalism, Education, Linguistics*, 43(4): 450–462 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-7451-2024-43-4-450-462

Введение

Географическая близость и культурная интеграция между Вьетнамом и Китаем создают глубокую историческую основу для образовательных и культурных обменов между двумя странами. История развития преподавания китайского языка во Вьетнаме насчитывает почти две тысячи лет, что заложило прочную основу для взаимного культурного обмена между Китаем и Вьетнамом. С углублением глобализации и развитием экономического сотрудничества между Китаем и Вьетнамом спрос на китайских специалистов на вьетнамском рынке имеет тенденцию к значительному росту [Цинан, 1998]. По последним данным Главного таможенного управления Китая, в первой половине 2024 года объем двусторонней торговли между Китаем и Вьетнамом достиг 123,774 млрд долларов США. Эта цифра не только подчеркивает глубину и широту экономического сотрудничества между двумя сторонами, но также обосновывает рост спроса Вьетнама на китайских специалистов [Платформа онлайн запросов Главного Таможенного Управления Китая, 2024]. В этом исследовании анализируются развитие, проблемы и возможности международного китайского образования во Вьетнаме с точки зрения межкультурной перспективы, а также выдвигаются стратегические предложения.

В академических исследованиях последних лет область международного китайского образования во Вьетнаме привлекла широкое внимание отечественных и зарубежных ученых, и результаты этих исследований показали тенденцию к значительному ежегодному росту. Эта тенденция не только отражает важную роль китайского образования в продвижении культурных обменов и экономического сотрудничества между двумя странами, но также подчеркивает острую потребность академического сообщества в повышении качества образования и углублении культурных обменов.

В частности, ученые У Инхуэй [2009], Цзэн Сяоянь и Жуан Дэин [2023] провели углубленный анализ процесса развития преподавания китайского языка во Вьетнаме, а У Цинсян [2019], Гэ Цзин и Ле Тхи Тху Транг [2020] подробно проанализировали текущую ситуацию с преподаванием китайского языка в университетах. Ци Шулин и У. Фанхэ [2024] проанализировали историю развития преподавания китайского языка во Вьетнаме, а также провели исследование исторического развития и современной ситуации преподавания китайского языка в средних школах. Путем эмпирических исследований Ван Линцзюань и Хуан Мэйин и Чи Кам Муи [2017] предложили конкретные меры содействия преподаванию китайского языка в колледжах в Хошимине и прилегающих районах. Отечественные ученые уделяют внимание таким вопросам, как подготовка учителей, разработка учебных материалов и языковая политика на макроуровне, обеспечивая теоретическую поддержку и политическое руководство для устойчивого развития китайского образования во Вьетнаме. Что касается сравнительного исследования, Чжоу Сяобин и Чжан Цзинцзин [2008] высказали поучительные мысли о распространении китайского языка в Северной Корее, Японии и Вьетнаме, Би Сяо [1998] провел сравнительное исследование преподавания китайского языка во Вьетнаме и Индонезии, а Чжао Цянь [2016] сосредоточил внимание на местных студентах в Таиланде и Вьетнаме. Кроме того, исследования Ян Цзянь [2024], Пэн Цзяньлин и Хуан Чжэньвэнь [2024] по программе образования «Китайский + профессиональные навыки» во Вьетнаме дают новую перспективу и практическое руководство для развития китайского образования во Вьетнаме, способствует углублению сотрудничества между Китаем и Вьетнамом в области



международного китайского образования и предоставляют возможности для образовательных инноваций. Результаты вышеуказанных китайских исследований не только обогащают академическое видение международного китайского образования, но и придают новую жизнь развитию китайского образования во Вьетнаме, закладывая прочную основу для сотрудничества между Китаем и Вьетнамом в области образования.

Исследовательская работа вьетнамских ученых в области китайского образования демонстрирует их широкое академическое видение и глубокий исследовательский дух. Их исследовательские области охватывают множество направлений, таких как инновации в методологиях преподавания, построение и оптимизация систем учебных программ, совершенствование учебных материалов, стратегическое планирование формирования команд учителей и эмпирический анализ образовательной практики. Например, Luu Hon Vu [2022] предоставил глубокое понимание фактической ситуации с китайским образованием во Вьетнаме с точки зрения потребностей студентов. Pham Thi Hong Tham & Zhang Yan Cheng [2019] выдвинули уникальную точку зрения на развитие китайского преподавательского состава во вьетнамских университетах посредством углубленного исследования и анализа. Ху Дэ Гоин [2018] выдвинул конкретные и практические предложения по распространению китайского языка во Вьетнаме, такие как улучшение качества преподавания, оптимизация содержания программ и усиление применения новых медиа. Жуань Вэньцин и Цзэн Сяоянь [2016] провели подробный анализ текущего положения китайских преподавателей во вьетнамских университетах. Нгуен Тхи Лан [2021] провел систематическое исследование преподавания китайского языка во вьетнамских университетах с целью разработки плана оптимизации преподавания, направленного на повышение эффективности преподавания учителей и эффективности обучения студентов. Чэнь Чуаньцзюнь [2018] провел углубленное сравнительное исследование существующих унифицированных и самостоятельно редактируемых местных китайских учебников во Вьетнаме, Тран Линь Чи [2016] изучил развитие преподавания китайского языка во вьетнамских университетах с точки зрения международного общения китайцев. Нгуен Куанг Хунг [2015] провел углубленный анализ текущей ситуации с преподаванием китайского языка во вьетнамских университетах. Результаты этих исследований не только значительно обогащают академические ресурсы китайского образования во Вьетнаме, но также предоставляют ценные практические рекомендации для международного обмена и сотрудничества в китайском образовании. Кроме того, эти исследования также помогают восполнить недостаток понимания среди китайских ученых исследований китайского образования во Вьетнаме и открывают новый путь для академического обмена и обмена знаниями в смежных областях.

Хотя существующие исследования предоставляют нам огромное количество информации, их все еще необходимо усиливать с точки зрения междисциплинарной интеграции.

Целью данного исследования является проведение многомерной оценки текущей ситуации с международным китайским образованием во Вьетнаме и дать перспективные стратегические рекомендации по углублению реформ и содействию новому качественному развитию международного китайского образования во Вьетнаме.

Основное содержание статьи состоит из трёх блоков. В первом блоке рассматривается история развития международного китайского образования, во втором блоке описаны проблемы и возможности, с которыми сталкивается международное китайское образование во Вьетнаме, в третьем блоке даны стратегические рекомендации по углублению реформ и содействию новому качественному развитию международного китайского образования во Вьетнаме. Первые два блока дают комплексную оценку текущей ситуации с международным китайским образованием во Вьетнаме, а в третьем блоке даны вышеуказанные перспективные стратегические рекомендации в пяти направлениях, что полностью соответствует цели исследования.

Объекты и методы исследования

Мы приняли инновационную методологию и использовали методы межкультурного исследования, чтобы выявить проблемы и возможности, с которыми сталкивается китайское образование во Вьетнаме, а также выдвинули целевые стратегические предложения, чтобы обеспечить четкую основу для углубленного сотрудничества между Китаем и Вьетнамом в области международного китайского образования, идей и четких направлений, внося новый вклад в международные обмены и сотрудничество в области китайского образования. Сбор китайских и вьетнамских статей по вопросам китайского образования во Вьетнаме проводился на основе китайской базы данных CNKI в сентябре 2024 года.

1. История развития международного китайского образования во Вьетнаме

(1) Происхождение и раннее развитие

Международное китайское образование во Вьетнаме имеет долгую историю, и его глубокая основа коренится в давних культурных обменах между Китаем и Вьетнамом. Еще в V веке, с распространением китайской культуры, образование на китайском языке начало укореняться во вьетнамском обществе, а с распространением системы имперских экзаменов в XI веке оно стало важным инструментом отбора чиновников и образовательной политики [Цинан, 1998].

После 1954 года правительство Вьетнама официально включило китайский в число основных иностранных языков наряду с русским, и какое-то время он имел приоритет перед английским и французским. Эта политика способствовала популяризации китайского образования во Вьетнаме. Высшие учебные заведения, такие как Ханойский педагогический университет иностранных языков и Ханойский университет иностранных языков, подготовили большое количество китайских преподавателей и переводчиков, что оказало глубокое влияние на международный обмен во Вьетнаме [Цинан, 1998].

Хотя изменения в китайско-вьетнамских отношениях после 1979 года оказали временное влияние на китайское образование, с реформой и открытостью Вьетнама в 1986 году и нормализацией отношений между двумя странами в 1990 году китайское образование быстро восстановилось и вступило в новый этап развития. Китайские иероглифы не только способствовали развитию вьетнамской письменности, но и стали мостом для культурного обмена между Китаем и Вьетнамом. Исторические деятели, такие как Ши Се (137–226 н.э.), военачальник эпохи трех царств в конце династии Хань, способствовали распространению китайской культуры, переводя классические документы. Зарождение и раннее развитие международного китайского образования во Вьетнаме – это история, полная перипетий и успехов. Она является свидетелем глубоких культурных обменов между Китаем и Вьетнамом, а также дает нам ценную возможность понять взаимное влияние и взаимосвязь между различными культурами.

(2) Процесс современного развития

В середине XX. века китайское образование играло важную роль в культурном наследии и обмене во вьетнамском обществе и пользовалось одобрением народа. Однако в условиях политической нестабильности, особенно после разделения Вьетнама в 1954 году, китайское образование столкнулось с беспрецедентными проблемами. Основываясь на своих идеологиях и внешней политике, правительства севера и юга ввели разную степень ограничений на китайское образование, в результате чего его развитие столкнулось с серьезными препятствиями. В этот период китайское образование не только испытывало недостаток ресурсов, но и переживало кризис социальной идентичности, а его жизненное пространство было сильно ограничено [Исторический обзор изменений в китайском образовании во Вьетнаме, 2023].



После реформы 1986 года, с нормализацией и непрерывным развитием китайско-вьетнамских отношений спрос на китайский язык растет все больше и больше, он становится вторым по величине иностранным языком, университеты и институты иностранных языков имеют факультеты китайского языка, и эта специальность приобретает популярность, китайский факультет углубляется в более специализированные университеты, ведущие обучение в сфере бизнеса, торговли и других областях [Ван Цзинь, 2013]. Эта трансформация не только предполагает изменение целей обучения, но также требует комплексного обновления и инноваций в содержании, методах и средствах обучения. Педагоги активно исследовали, внедряли новые модели обучения и улучшали качество преподавания в этом процессе, закладывая прочную основу для возрождения китайского образования.

После 2002 года, когда китайский язык был официально включен в систему базового образования Вьетнама, китайское образование совершило исторический скачок. Китайский язык стал одним из иностранных языков для вступительных экзаменов в колледж, и масштабы преподавания продолжают расширяться. Все больше и больше студентов предпочитают изучать китайский язык, чтобы повысить свою конкурентоспособность в будущей карьере. В 2003 году китайский язык был включен в систему высшего образования Вьетнама, а 25 октября 2004 года Министерство образования Вьетнама подготовило «рамки» преподавания китайского языка. На этой основе в ведущих вьетнамских университетах, таких как Ханойский государственный университет, Хошиминский государственный университет и Ханойский университет, были открыты факультеты китайского языка и культуры. Общий уровень образования по китайскому языку во вьетнамских университетах относительно высок, сформирована полноценная профессиональная учебная программа по китайскому языку «колледж, бакалавриат, магистратура и докторантура», и масштабы преподавания неуклонно растут [Минфэн, 2024].

(3) Современное развитие и инновации

Популяризация и углубление китайского образования во Вьетнаме стали важной тенденцией в развитии образования страны. После того как китайский язык был официально включен в систему базового образования Вьетнама (2002 г.), Министерство образования Вьетнама значительно улучшило статус китайского образования посредством ряда стратегических инициатив. В частности, 1 декабря 2023 года Решение № 4119/QĐ-BGDDT официально установило, что китайский язык является обязательным курсом базового образования, что сделало Вьетнам пятой страной в мире, реализующей такую политику. Реализация этой политики не только демонстрирует глубокое понимание правительством Вьетнама тенденции развития интернационализации и профессионализации в сфере образования, но также отражает все более тесные отношения сотрудничества с Китаем в области образования и культурного обмена, что ценно для развития двусторонних отношений и регионального сотрудничества в области образования.

В сфере высшего образования во Вьетнаме важность китайского образования становится все более заметной и оно становится ключевым фактором в продвижении академической диверсификации и международных обменов. В настоящее время во Вьетнаме существует 56 высших учебных заведений, предлагающих основные курсы китайского языка, при этом лидирует северный регион с 26 учреждениями, что отражает неравномерное распределение образовательных ресурсов между регионами. Ведущие высшие учебные заведения Вьетнама, в том числе Университет иностранных языков при Ханойском национальном университете и Национальный университет Хошимина, создали специальные факультеты китайского языка и культуры, призванные углубить преподавание и исследование китайского языка, культуры и национальных условий Китая. Эти факультеты не только предоставляют курсы традиционного китайского преподавания и

перевода, но также охватывают новые области китаеведения, предоставляя студентам возможности для углубленного изучения и исследований.

Вьетнамское китайское образовательное сообщество активно пропагандирует и практикует инновационную модель образования «Китайский язык+ профессиональные навыки», стремясь предоставить учащимся более широкий путь карьерного роста за счет органичного сочетания языкового образования и профессиональной подготовки. Кроме того, энергичное развитие внеклассных китайских учебных заведений придало новый импульс популяризации китайского образования во Вьетнаме. Эти учреждения, в том числе китайские школы, вьетнамско-китайские двуязычные школы и китайские (китайские) учебные центры, расположены по всей стране, предлагая богатый и разнообразный спектр курсов изучения китайского языка для учащихся разных возрастов и потребностей. Обеспечивая обучение языковым навыкам, эти учреждения включают в себя богатые элементы китайской культуры, позволяя учащимся ощутить очарование китайского языка в непринужденной и приятной обстановке, внося положительный вклад в содействие культурному обмену и сотрудничеству между Китаем и Вьетнамом [Zhiyuan, Jianyu, 2024].

2. Проблемы и возможности, с которыми сталкивается международное китайское образование во Вьетнаме

Хотя китайская система образования Вьетнама добилась замечательных результатов, она также выявила ряд проблем, которые необходимо срочно решить. Во-первых, особенно заметна неравномерность развития уровней образования, существует значительный разрыв между высшим образованием и базовым образованием. Хотя высшие учебные заведения, такие как Вьетнамский университет коммерции, установили тесные отношения сотрудничества с международными образовательными учреждениями для содействия интернационализации китайского образования, это развитие не проникло эффективно на базовый уровень образования. Во-вторых, в начальных и средних школах наблюдается общий недостаток китайского образования, а качество преподавания нестабильно, что приводит к неравномерному распределению образовательных ресурсов и неодинаковым возможностям обучения. В-третьих, нехватка учителей, особенно двойной дефицит качества и количества, еще больше усугубляет нестабильность качества образования. Отсутствие возможностей профессионального развития учителей ограничивает обновление методов и концепций преподавания, что негативно влияет на инновации и эффективность обучения. В-четвертых, отстающее содержание учебников и единичность методов обучения тормозят интерес учащихся к изучению китайского языка и развитию их потенциала, а отсутствие элементов культурной самобытности и недостаточная языковая среда ослабляют внутреннюю мотивацию учащихся и их практические способности при изучении китайского языка.

Однако нельзя игнорировать возможности развития китайского образования во Вьетнаме. Культурный круг китайских иероглифов и зарубежные китайские ресурсы в истории Вьетнама обеспечивают прочную основу для продвижения китайского образования. Акцент вьетнамского правительства на образовании и всестороннее сотрудничество между Китаем и Вьетнамом придали новый импульс развитию китайского образования.

Китайские иероглифы играют важную роль в истории Вьетнама и являются важной частью вьетнамской культуры. В феодальный период китайские иероглифы служили основой для отбора талантов вьетнамским двором и предписанных персонажей для императорских экзаменов. Вьетнамские книги по истории, древние официальные документы, народные договоры и буддийская классика написаны китайскими иероглифами [Минфэн, 2024]. В последние годы Вьетнам прилагает все больше усилий для продвижения



китайского образования. Согласно отчету Guangming.com от 11 января 2024 года, Вьетнам стал пятой страной в мире, включившей китайский язык в качестве обязательного курса [Минфэн, 2024].

Министерство образования Вьетнама одобрило включение китайского языка в обязательный курс для 3 и 4 классов начальных школ с 2024 года, что знаменует постепенное улучшение статуса китайского языка в системе базового образования Вьетнама [Ян, 2023]. Кроме того, в преподавании китайского языка во вьетнамских университетах достигнуты значительные успехи. Сформирована полноценная система основных курсов китайского языка, а масштабы преподавания постоянно растут.

Популярность китайского образования во Вьетнаме значительно выросла за последнее десятилетие, и важную роль в этом процессе сыграла зарубежная китайская община. Они не только вносят вклад в экономику Вьетнама, но также играют активную роль в сохранении культурного наследия и развитии образования. По данным посольства Китая во Вьетнаме, в настоящее время во Вьетнаме более 10 000 учащихся начальной и средней школы, а также более 20 000 студентов колледжей изучают китайский язык [В Ханое прошел финал 17-го конкурса китайского языка для старшеклассников мира «Китайский мост», 2024].

Углубленное сотрудничество между Китаем и Вьетнамом на политическом, экономическом и культурном уровнях заложило прочную основу для популяризации и совершенствования китайского образования. Частый обмен визитами на высоком уровне и обширные проекты сотрудничества между двумя странами не только способствуют общему экономическому процветанию, но и углубляют взаимопонимание и дружбу между народами, а также вдохновляют вьетнамский народ на изучение китайского языка. Правительство Вьетнама придает большое значение китайскому образованию и дает импульс реформированию и развитию системы образования посредством политической поддержки и финансовых инвестиций. Тенденция интернационализации образования также открыла новые перспективы для китайского образования во Вьетнаме. Благодаря сотрудничеству с международными учебными заведениями были внедрены передовые концепции обучения для повышения качества и уровня образования.

3. Перспективные стратегические рекомендации по углублению реформ и содействию новому качественному развитию международного китайского образования во Вьетнаме

В совместном заявлении Сообщества общего будущего Китая и Вьетнама (2023 г.) отмечается, что необходимы обмены иностранными студентами, управленческими кадрами и преподавательским составом. Программа стипендий для обучения за рубежом укрепляет профессиональную и бизнес-подготовку вьетнамских учителей, способствует обменам и сотрудничеству между учебными заведениями в двух странах. В этом процессе активно участвует Институт Конфуция в Ханойском университете, углубляя сотрудничество в сфере профессионального образования, цифрового образования и спорта. Под общим руководством третьего пленума Центрального комитета Коммунистической партии Китая 20-го созыва будущее развитие международного китайского образования во Вьетнаме должно быть сосредоточено на инновациях и реформах для достижения постоянного прогресса и улучшения качества образования.

(1) Стратегическая оптимизация разработки учебных материалов по китайскому языку.

Министерство образования и обучения Вьетнама должно возглавить формирование профессиональной команды для разработки комплексного набора стандартов для выбора и оценки учебных материалов для университетских специальностей по китайскому языку на основе конкретных потребностей и характеристик вьетнамских студентов. Стандарт

должен охватывать содержание учебных материалов, включая грамматику, лексику и элементы культуры, а также предусматривать прогрессивный и логичный характер сложности учебных материалов. В то же время отечественным университетам и исследовательским институтам рекомендуется разрабатывать учебные материалы на китайском языке, которые интегрируют вьетнамские культурные особенности и адаптируются к современным тенденциям образования, используя сценарии повседневной жизни в качестве фона для повышения интереса студентов к учебе и практичности учебных материалов.

Чтобы повысить интерактивность и интерес к обучению, в дополнение к традиционным основным материалам следует разработать вспомогательные учебные материалы, такие как тетради, материалы для чтения и мультимедийные учебные ресурсы. Специальные тетради помогают учащимся закреплять знания на практике, а богатые материалы для чтения расширяют кругозор учащихся. В то же время надо активно внедрять высококачественные цифровые учебные материалы и онлайн-ресурсы в стране и за рубежом, чтобы обогатить опыт обучения студентов.

Рекомендуется создание механизма периодического обзора и обновления учебных материалов, например, комплексный обзор каждые три года и пересмотр, основанный на развитии языка, инновациях в методах обучения и отзывах учащихся; комитета по управлению учебными материалами, в состав которого входят эксперты в области образования, ведущие преподаватели и представители студентов, который будет нести ответственность за отбор, оценку и контроль качества учебных материалов для обеспечения их научности и практичности. Благодаря этим мерам учебные материалы на вьетнамском китайском языке будут в большей степени соответствовать потребностям учащихся в обучении, улучшат качество образования и будут способствовать модернизации китайского образования.

(2) Разработка образовательных проектов с вьетнамской спецификой и развитие местных образовательных талантов.

Чтобы повысить качество и международное влияние китайского образования во Вьетнаме, необходимо развивать образовательные проекты с региональными особенностями. Согласно Совместному заявлению об укреплении и углублении китайско-вьетнамского всеобъемлющего стратегического партнерства и сотрудничества [2022] китайское правительство планирует в ближайшие пять лет предоставить Вьетнаму не менее 1000 стипендий, включая международные стипендии китайских преподавателей, с целью поддержки Вьетнама в совершенствовании своих талантов и преподавателей высокого уровня. В перспективе необходимо изучить успешный опыт «Проекта 100 школ» ОАЭ и британской программы «Обучение китайскому языку» и объединить его с реальной ситуацией во Вьетнаме, чтобы адаптировать курсы китайского образования для местных студентов.

Кроме того, необходимо уделять большое внимание развитию местных высококлассных образовательных талантов и улучшать языковые навыки и навыки преподавания учителей с помощью модели образования «2+2», планов профессионального развития и индивидуального обучения, чтобы обеспечить постоянное совершенствование качества образования. В целях мотивации учителей надо создать механизм вознаграждения, основанный на результатах обучения, а также обеспечить материальное вознаграждение и почетное признание учителям, добившимся значительных успехов в преподавании, исследованиях и разработке учебных материалов. Ежегодный отбор выдающихся учителей будет предусматривать премии, сертификаты и награды всей школы, чтобы стимулировать энтузиазм учителей и их новаторский дух.

Выдающиеся преподаватели будут иметь приоритет при повышении профессиональных званий и иметь возможность участвовать в международных научных конференциях и профессиональных тренингах, что будет способствовать их дальнейшему



профессиональному росту. Организация мероприятий по сплочению команды, таких как развивающие игры на свежем воздухе и командные игры, поможет укрепить дух сотрудничества и сплоченность команды учителей. Внедрение программы взаимопомощи учителей, такие как пары наставник – ученик, будет способствовать передаче знаний и опыта и ускорит рост профессионализма новых учителей. Следует предоставлять индивидуальные консультации по профессиональному развитию, выявлять потребности и цели учителей посредством индивидуального общения и предлагать конкретные советы и рекомендации. Учителя регулярно принимают участие в отечественных и зарубежных научных конференциях и профессиональных тренингах для расширения своего профессионального кругозора и освоения новейших концепций преподавания.

(3) Продвижение модели «Китайский язык+ » и содействие в интеграции вьетнамских китайцев в области практического применения.

Вьетнамское профессиональное образование занимает важное место в национальной стратегии развития. Его цель – реагировать на политику «инноваций и открытости» и развивать ее высококлассные квалифицированные таланты. Выпуск «Стратегии профессионального образования Вьетнама до 2045 года (2021–2030)» знаменует стремление Вьетнама развивать большое количество квалифицированных талантов посредством профессионального образования для поддержки борьбы с бедностью посредством образования, реагирования на старение населения и адаптации к новым требованиям промышленности [Минфэн, 2024].

Для удовлетворения этой стратегической потребности особенно важна глубокая интеграция китайского образования и профессионального образования. С помощью интеграции дизайна верхнего уровня и основных потребностей можно создать превосходную платформу интеграции ресурсов и механизм интеграции образования. Принимая во внимание особенности китайско-вьетнамской торговли, профессиональные потребности Вьетнама и особенности рынка труда, мы должны руководствоваться принципом диверсифицированного сотрудничества и рыночного спроса, укреплять сотрудничество с многочисленными субъектами, такими как правительства, предприятия, профессиональные школы и китайские отделения университетов, а также внедрять инновационные модели управления школами, создать платформу «профессионального китайского» образования.

Эта платформа обогатит систему учебных программ и учебные ресурсы по «Профессиональному китайскому языку» и построит интегрированную систему обучения, охватывающую производство, преподавание, обучение, исследования и разработки. В частности, следует активно продвигать «профессиональные китайские» приложения во вьетнамской логистике, туризме, легкорельсовом транспорте, традиционной китайской медицине и домашнем хозяйстве. Посредством модели обучения талантов «на основе заказа» мы обеспечим эффективную связь между «профессиональными китайскими» талантами и рыночным спросом, а также достигнем глубокой интеграции образования и занятости.

Продвижение модели «Китайский язык+ » может не только обогатить содержание обучения и повысить практичность образования, но и поможет воспитать таланты, обладающие комплексными практическими навыками в таких ключевых областях, как высокоскоростные железные дороги, туризм, машиностроение и электротехника, а также сельское хозяйство. Кроме того, профессиональным школам и университетам рекомендуется участвовать в создании учебных ресурсов, чтобы обеспечить новейшее и практичное содержание обучения, а также предоставить учащимся практические возможности и пути карьерного роста.

При реализации модели «Китайский язык+ » необходимо уделять внимание таким вопросам, как сложность построения междисциплинарных учебных программ, сложность интеграции педагогических ресурсов и профессионального развития

профессорско-преподавательского состава. С этой целью рекомендуется сформулировать политику и меры, такие как предоставление специальной финансовой поддержки, создание междисциплинарной преподавательской группы и проведение профессиональной подготовки учителей, чтобы обеспечить эффективное продвижение и внедрение модели «Китайский язык+». Эти меры позволят углубить понимание образовательных инноваций и обеспечить их успешное применение в системе образования Вьетнама, что окажет глубокое влияние на экономическое развитие Вьетнама и улучшение его международного статуса.

(4) Полноценное использование сервисных возможностей университетов и ускорение создания международных китайских образовательных дисциплин.

Необходимо в срочном порядке значительно улучшать сервисные возможности китайских университетов в области международного китайского образования с помощью следующих мер.

Во-первых, взяв за основу преподавание китайского языка, необходимо систематически усиливать разработку образовательных стандартов, методов обучения и учебных материалов, а также заложить основы для повышения качества образования. В то же время необходимо укреплять профессиональное образование и развивать команды учителей с высокими профессиональными качествами с целью оптимизации результатов преподавания и реагирования на глобальные потребности в образовании.

Во-вторых, необходимо ускорить создание докторских программ обучения и полнее использовать потенциал академической поддержки, что будет являться ключом к повышению уровня академических исследований и содействию прогрессу международных китайских образовательных дисциплин.

В-третьих, благодаря ведущей роли предметных исследований и руководству Всемирной ассоциации преподавания китайского языка возможно помогать странам АСЕАН создавать академические учреждения, стимулировать неправительственные контакты в образовательной сфере, проводить специальные семинары, продвигать академические обмены и сотрудничество, а также повышать академический статус и глобальное влияние международного китайского образования.

Реализация вышеуказанных мер будет приводить к постоянному улучшению академических стандартов и международному влиянию на китайское образование во Вьетнаме и странах АСЕАН, позволит развивать академические исследовательские таланты высокого уровня и обеспечивать прочную академическую основу для долгосрочного развития китайских высших учебных заведений в области международного китайского образования. В то же время посредством международного сотрудничества и академических обменов мы перенимаем передовые международные образовательные идеи и методы обучения, чтобы способствовать постоянным инновациям и прогрессу международного китайского образования.

(5) Цифровая трансформация для содействия созданию ресурсов онлайн-обучения во Вьетнаме.

В цифровую эпоху информатизация образования имеет решающее значение для повышения качества и эффективности образования. Вьетнамское правительство в лице министерства образования должно сделать модернизацию инфраструктуры информационных технологий своим приоритетом. Это потребует капиталовложений в технологическую модернизацию среды обучения, включая оснащение университетов и школ передовым мультимедийным учебным оборудованием и создание высокоскоростной и стабильной сети кампусов, чтобы гарантировать учащимся беспрепятственный доступ к онлайн-ресурсам обучения.

В условиях информационного общества преподаватели должны быть заинтересованы в повышении своей грамотности в области информационных технологий. Регулярные обучающие семинары по информационным технологиям и лекции экспертов могут



повысить способность преподавателей использовать современные образовательные технологии. Кроме того, создание платформы для обмена информационными технологиями для преподавателей и учащихся может способствовать обмену знаниями и опытом между ними, что будет создавать академическую атмосферу взаимопомощи и взаимного обучения.

Департаменты образования и вузы должны совместно разработать библиотеку учебных ресурсов по китайскому языку, которые будут соответствовать учебным потребностям вьетнамских студентов, включая мультимедийные ресурсы и онлайн-курсы, для разных этапов обучения, чтобы поддержать индивидуальное обучение учащихся.

Возможности студентов в области информационных технологий являются ключом к адаптации к цифровой эпохе. Создавая специализированные курсы по применению информационных технологий, чтобы научить студентов эффективно использовать информационные технологии для самостоятельного обучения, можно развивать у студентов навыки применения информационных технологий и дух командной работы. Создание студенческих групп по изучению информационных технологий будет способствовать общению и сотрудничеству между студентами и расширять их возможности в применении информационных технологий.

Заключение

На основе углубленного анализа текущей ситуации и проблем международного китайского образования во Вьетнаме, в данной работе предлагаются пути и стратегии углубления реформ и содействия качественному развитию. Ожидается, что реализация таких мер, как усиление политической поддержки, создание инновационных моделей обучения, подготовка высококвалифицированных преподавателей, продвижение модели «Китайский язык+», оказание академической поддержки и совершенствование платформ цифрового сотрудничества, приведёт к развитию более качественного международного китайского образования во Вьетнаме и странах АСЕАН в целом. В перспективе, при постоянном углублении отношений между Китаем и странами АСЕАН и продвижении инициативы «Один пояс, один путь», международное китайское образование во Вьетнаме и странах АСЕАН откроет более широкое пространство и возможности для развития. Мы надеемся на совместное содействие процветанию и развитию международного китайского образования в рассматриваемых странах посредством совместных усилий и сотрудничества всех сторон.

Третий пленум Центрального комитета Коммунистической партии Китая XX созыва предложил концепцию построения более эффективной системы международных коммуникаций и расширения международных обменов и сотрудничества между людьми. В этом контексте китайское образование как важный мост для культурного обмена между Китаем и Вьетнамом становится все более стратегическим. Международное китайское образование во Вьетнаме не только несет в себе миссию наследования китайской культуры, но также играет жизненно важную роль в содействии экономическому и культурному обмену между двумя странами. Ожидается, что международное китайское образование во Вьетнаме, укрепляя подготовку учителей, продвигая инновации в учебных материалах, внедряя диверсифицированные методы обучения и углубляя культурные обмены и сотрудничество, откроет более широкие перспективы развития отношений между Китаем и Вьетнамом.

References

- Wenqing R., Xiaoyan Z. 2016. Chinese language teachers in Vietnamese universities. *Chinese Language Teaching and Research*, 3: 63–73 (in Chinese).
Guoin H.D. 2018. Analysing the current situation of Chinese communication in Vietnam. *International Communication*, 5: 76–84 (in Chinese).

- Yinghui W. 2009. Discussion on the development of Chinese language teaching in Vietnam. *Chinese language learning*, 5: 106–112 (in Chinese).
- Linjuan W, Meiying H, Mui C.K. 2017. Research and countermeasures on the situation of Chinese language teaching in universities in Ho Chi Minh City and surrounding areas, Vietnam. *Journal of Chongqing University of Education*, 1: 105–112 (in Chinese).
- Minfeng W. 2024. Deepening Chinese education and writing a new chapter in Sino-Vietnamese relations - Vietnam has become the fifth country in the world to include Chinese as a compulsory course. *Guangming Daily*, January 11, 2024. URK: https://epaper.gmw.cn/gmrb/html/2024-01/11/nw.D110000gmrb_20240111_1-14.htm
- Nguyen T.L. 2021. A study on optimising Chinese language teaching in Vietnamese universities [D]. Southwest University: 47–77 (in Chinese).
- Xiao B. 1998. Chinese language teaching in Vietnam and Indonesia. *World Education Information*, 6: 24–25 (in Chinese).
- Xiaobing C., Jingjing C. 2008. North Korea, Enlightenment and reflections on the spread of Chinese language in Japan and Vietnam. *Journal of the School of Chinese Language and Literature*, 3: 29–34 (in Chinese).
- Xiaoyan C., Dayin J. 2023. A brief discussion on the current situation and development of Chinese education in Vietnam. *Journal of Yunnan University of Education*, 21(2): 37–47 (in Chinese).
- Hung N.Q. 2015. A study on the current situation of Chinese language teaching in Vietnamese universities [D]. Suzhou University: 57–118 (in Chinese).
- Jing G., Chang L.T.T. 2020. Current situation, problems and countermeasures of Chinese language teaching in Vietnamese universities. *Journal of Changshu Institute of Technology*, 34(1): 102–106, 117 (in Chinese).
- Jin W. 2013. Chinese language teaching in Vietnam. *Journal of Capital University of Education (Social Science Edition)*, S1: 166–169 (in Chinese).
- Jian Y. 2024. Unique advantages, practical problems and effective ways to promote Chinese + vocational skills education in Vietnam. *Journal of Yunnan University of Education*, 22(3): 42–49 (in Chinese).
- Jianlin P., Zhenwen H. 2024. Research on the demand and training paths for "Chinese + vocational skills" talents in Vietnam. *Journal of Yunnan University of Education*, 22(3): 50–58 (in Chinese).
- Qinan P. 1998. A review of Chinese language teaching in Vietnam. *Chinese language teaching in the world*, 3: 111–112 (in Chinese).
- Qingxiang W. 2019. A brief discussion on the current status of Chinese language teaching in Vietnamese universities. *Journal of Zaozhuang University*, 36(3): 52–58 (in Chinese).
- Qian C. 2016. A comparative study of objective Chinese language learning needs of Thai and Vietnamese students. *Journal of Dali University*, 1(9): 98–104 (in Chinese).
- Chi T.L. 2016. Research on the development of Chinese language teaching in Vietnamese universities from the perspective of international Chinese language communication [D]. Central University of Nationalities: 40–62 (in Chinese).
- Chuanjun C. 2018. Research on local Chinese language teaching materials in Vietnam. Beijing, Central University of Nationalities Publishing House, 33 p (in Chinese).
- Shulin C., Fanghe Wu. 2024. A study on the historical development and current situation of Chinese language teaching in Vietnamese secondary schools. *Journal of Honghe University*, 22(2): 10–14 (in Chinese).
- Tham P.T.H., Cheng Z.Y. 2019. Investigation and Analysis on the Development of Chinese Teachers in Vietnam University. *Journal of Education and e-Learning Research* 6(2): 69–75. URL: <https://ideas.repec.org/a/aoj/jeelre/v6y2019i2p69-75id12.html>
- Vu L.H. 2022. An Investigation on Learning Needs of Chinese Language Majors in Vietnam: A Case Study of Ho Chi Minh City University of Education. *Journal of Positive School Psychology*, 6(5): 2308–2316. Available at: <https://journalppw.com/index.php/jpsp/article/view/6295>
- Zhiyuan H., Jianyu Y. 2024. Comparative Study on the Chinese Language Major Talent Development Program in Vietnamese Universities. *Frontiers of Social Sciences*, 13(6): 121–131. DOI:[10.12677/ass.2024.136477](https://doi.org/10.12677/ass.2024.136477)

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.



Поступила в редакцию 08.11.2024
Поступила после рецензирования 08.12.2024
Принята к публикации 10.12.2024

Received November 08, 2024
Revised December 08, 2024
Accepted December 10, 2024

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Ду Яли, кандидат филологических наук, доцент, Институт международного образования, Университет Дэчжоу, г. Дэчжоу, провинция Шаньдун, Китай.

Ли Голун, аспирант, старший преподаватель, Институт пищевых наук, Университет Дэчжоу, г. Дэчжоу, провинция Шаньдун, Китай.

Хромуляк Мария Владиславовна, кандидат психологических наук, кандидат наук в области традиционной китайской медицины, Университет Дэчжоу, г. Дэчжоу, провинция Шаньдун, Китай.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Yali Du, PhD in Philology, Associate Professor, Institute of International Education, Dezhou University, Dezhou, Shandong Province, China.

Li Guolong, PhD Student, Senior Lecture, Institute of Food Science, Dezhou University, Dezhou, Shandong Province, China.

Mariya V. Khromulyak, PhD in Psychology, PhD in TCM, Dezhou University, Dezhou, Shandong Province, China.

УДК 378.09: 376.5

DOI 10.52575/2712-7451-2024-43-4-463-475

Peer-assessment and Renzulli's Scales for Identifying Gifted EFL Learners Among Students of Education

Ivana Ćirković-Miladinović, Marina Jovanović

University of Kragujevac,
Liceja Knezevine Srbije 1A, 34000 Kragujevac, Serbia
ivanajag@yahoo.co.uk, marinajov23@gmail.com

ОТОЗВАНА/RETRACTED

03.02.2025

Abstract. In the past few decades, giftedness has become an increasingly popular subject in the field of educational psychology. Due to its versatile and elusive nature, giftedness remains a theoretical construct that is continuously built upon. The current paper addressed the issue of the underrepresentation of the role of peers in the process of the identification of giftedness, as a source scarcely explored in literature, and often regarded as subordinate to other methods of identifying giftedness. The aim of this research is to examine the correlation between students' assessments of their peers' giftedness and their professor's assessment in this domain. The sample was comprised of 120 first-year university students aged between 19.5 and 20.5 years, all enrolled at the Faculty of Education in Jagodina, Serbia. The study also surveyed the teacher's perception of students' giftedness. Data on students' giftedness in learning English, specifically focusing on learning, creativity, and motivation, were collected using the adapted Renzulli scale for rating the behavioral characteristics of gifted learners. The results revealed no statistically significant correlation between the students' and the teacher's assessments of giftedness in the area of learning and creativity. However, a statistically significant correlation was found in only one category – motivation for learning English as a foreign language. These findings pointed to the particularity of peer-input, as well as teacher-input, which we attributed to the different ways they interpret and understand the concepts related to giftedness, and to their contextually distinctive relationships with students.

Keywords: giftedness, peer-assessment, teacher-assessment, above average ability, motivation, creativity

For citation: Ćirković-Miladinović I., Jovanović M. 2024. Peer-assessment and Renzulli's Scales for Identifying Gifted EFL Learners Among Students of Education. *Issues in Journalism, Education, Linguistics*, 43(4): 463–475. DOI: 10.52575/2712-7451-2024-43-4-463-475

Выявление одаренности студентов-педагогов в области иностранного языка: результаты взаимооценки и шкалы Рензулли

Чиркович-Миладинович И., Йованович М.

Крагуевацкий университет,
Сербия, Крагуевац 34000, Лицей Княжества Сербия, д. 1А
ivanajag@yahoo.co.uk, marinajov23@gmail.com

Аннотация. В последние несколько десятилетий одаренность становится все более популярным предметом в области педагогической психологии. Из-за своей многогранной и неуловимой природы одаренность остается теоретической конструкцией. При этом роли сверстников в процессе выявления одаренности студентов в научных исследованиях отводится второстепенное место по сравнению с другими методами. В связи с этим целью данного исследования является изучение корреляции между оценками студентов одаренности своих сверстников и оценками их преподавателя в этой области. Выборка состояла из 120 студентов первого курса университета в возрасте от 19,5 до 20,5 лет, обучающихся на педагогическом факультете в Ягодине, Сербия. В ходе



исследования также изучалось восприятие преподавателями одаренности студентов. Данные об одаренности студентов в изучении английского языка, с особым упором на обучение, креативность и мотивацию, были собраны с использованием адаптированной шкалы Рензулли для оценки поведенческих характеристик одаренных учащихся. Результаты не выявили статистически значимой корреляции между оценками одаренности учащихся и учителей в области обучения и творчества. Однако статистически значимая корреляция была обнаружена в одной категории – мотивации к изучению английского языка как иностранного. Эти результаты указывают на особенности взаимодействия сверстников, а также преподавателей, которые мы связываем с различными способами интерпретации и понимания концепций, связанных с одаренностью, и с их контекстуально отличающимися отношениями с учащимися.

Ключевые слова: одаренность, оценка сверстников, оценка преподавателя, способности выше среднего, мотивация, креативность

Для цитирования: Ćirković-Miladinović I., Jovanović M. 2024. Peer-assessment and Renzulli's Scales for Identifying Gifted EFL Learners Among Students of Education. *Issues in Journalism, Education, Linguistics*, 43(4): 463–475. DOI: 10.52575/2712-7451-2024-43-4-463-475

Introduction

More often than not, giftedness is overlooked, neglected, and ultimately unrecognized. Failure to recognize giftedness is often a consequence of the employment of narrow criteria and limited resources. Although nominations from various sources are generally considered in the process of identifying giftedness, it is usually educators' and experts' judgement that greater emphasis is placed upon.

This paper investigates the underexplored role of peer evaluations in identifying giftedness, a method often considered secondary to traditional approaches in the literature. The purpose of this study is to analyze the correlation between students' assessments of their peers' giftedness and their professor's evaluations in this area. Additionally, it examines the teacher's perception of students' giftedness. The primary hypothesis is that peer and teacher assessments of three distinct aspects of giftedness will correlate, as the students participating in this study are future educators trained in assessment, evaluation, and reflection on abilities and skill.

Whereas the credibility of professionals and teachers is indisputable, several studies illustrate that peer-input is as valuable and necessary [Milic & Simeunovic, 2020; Bevan-Brown, 2009; Bukowski et al., 2012; Topping, 2009]. The particularity of peer input (and thereby its value) is reflected in the amount of time students tend to spend with each other, during which they are acquainted with the more spontaneous and unrestrained sides of their peers. This paper explores the role of peer assessment in identifying giftedness, and its correlation with teacher assessment, as a means conventionally used in the identification process.

A reference to the literature, i.e., a brief review of the research literature on the topic with citations, is provided within the introduction in the following section and offers an overview of studies in this field.

Identification of giftedness holds fundamental significance in the study and the practice of gifted education. Despite its growing popularity among educational psychologists, giftedness remains an impenetrable notion, dividing experts in the ways they define it. Defining what being gifted means depends on the context within which it is being sought, considering how “the recognition of individuals who are seen as meriting that term depends on comparisons” [Freeman, 2005, p. 80].

A substantial share of theory relates to the notion that “students with high IQ scores are gifted and those without are not” [Worrell & Erwin, 2011, p. 335]. IQ tests are frequently used as a measure to determine giftedness among school-age children, and research on giftedness is “overwhelmingly” done on those who are recognized as gifted based on their outstanding performances on these tests [Weiner, 2003, p. 487]. According to Sternberg and Kaufman [2018],

the most dominant parameter used to distinguish giftedness amongst children in the United States is precisely an IQ test. Most contemporary educational psychologists, however, take it to be true that “a single test score should never be used alone in making a diagnostic or classificatory decision” [Pfeiffer, 2002, p. 43]. “We do not believe that it is this kind of performance (on IQ tests) that makes the gifted, gifted,” argues Sternberg [1983, p 56]. Moreover, the author contends that narrowing the number of abilities that are tested in the identification process results in the waste and the neglect of some of the most “precious talent” [Sternberg, 1995, p 255]. Likewise, Renzulli and Reis [2014, p. 29] maintain that the solitary use of IQ tests is limiting, and suggest the consideration of multiple parameters.

McCoach and Siegle [2003, p. 144] point out that despite the general opinion about gifted students not being susceptible to academic failure, their underachievement is, in fact, a major concern of their educators and their parents. According to Maksić [1998, p. 39], gifted students are not only those who exhibit high abilities, study a lot and get the best grades in school, but also those who experience academic difficulties and have trouble adapting to their school environment. Johnsen [2018] suggests that gifted students with lower income backgrounds are more susceptible to becoming academic underachievers because these families are not always able to afford their children’s education, private classes, the necessary materials, etc. The assessment of the gifted, thus, aims to reveal the potential and the exceptional abilities of these learners, which “may be hidden by poverty, diversity, disability, prejudice, or lack of opportunity to be displayed” [Silverman, 2018, p. 204].

In other words, the definition of giftedness is, by no means, simple – some of the presented theory goes on to show that intelligence test scores and academic achievement are neither sole nor necessary indicators of one’s gift and talent. This prompts the question: if not academic success and IQ scores, what are some of the shared characteristics among gifted learners, then?

Renzulli’s three-ring conception of giftedness

In their attempt to pinpoint the crucial parameters of giftedness, Renzulli and Reis [2014, pp. 28–31] stress the following traits: *above-average ability*, *task commitment* and *creativity*. Renzulli and Reis [2014, p. 77] describe the itemized qualities as “three interlocking clusters of characteristics”, and in the study of gifted education, this model is recognized as *Renzulli’s three-ring conception of giftedness* (Fig. 1).

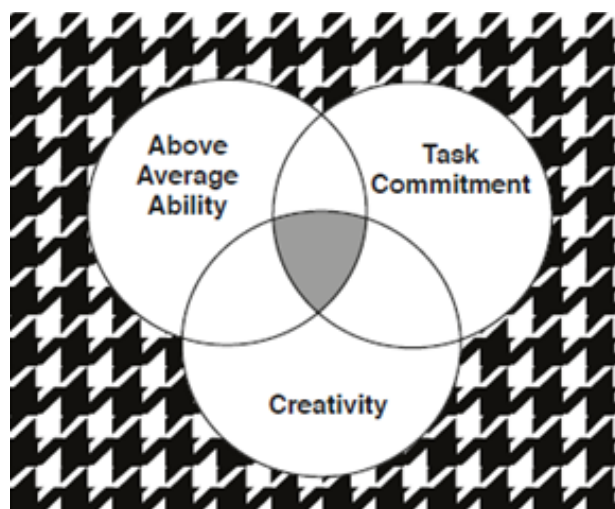


Fig. 1. Graphic Representation of the Three-Ring Conception of Giftedness [Renzulli et al., 2010, p. 78]

Рис. 1. Графическое представление трехкомпонентной концепции одаренности [Renzulli et al., 2010, с. 78]



The talent areas encompassed by above-average ability refer both to *general ability* (abstract thinking, verbal and numerical reasoning, memory, adaptation to novel situations, fast retrieval of information, etc.), and *specific ability*, that is the ability to combine one's general abilities and to apply those to one or more specialized areas of knowledge or performance [Renzulli & Reis, 2014, pp. 77–79]. The above-average ability cluster is described as “a constant in [the] identification system,” or “a starting point for the identification process,” whilst the other two clusters are the developmental aims of the gifted program [Renzulli & Reis, 2014, p. 80]. Despite their categorization as the “developmental goals,” task commitment and creativity are, at the same time, aspects which are incorporated into Renzulli's *Scales for Rating the Behavioral Characteristics of Superior Students* [Renzulli et al., 2010]. Task commitment refers to these learners' enthusiasm and investment in a particular area of study, their diligence, and their perseverance. It also reflects the students' ability to set high standards for their work, whilst “maintaining an openness to self and external criticism” [Renzulli & Reis, 2014, p. 79; Renzulli, 1990, pp. 10-11]. Finally, creativity denotes one's “fluency, flexibility, and [their] originality of thought” [Renzulli, 1990, p. 11]. It also refers to these learners' inquisitiveness, their sensitivity to details, as well as their boldness and adventurousness in thought and action (ibid.).

The role of peer-assessment

Bevan-Brown [2009, p. 13] argues that the effectiveness of the peer-assessment method in the identification of giftedness has been criticized by studies lacking empirical substantiation, whereas it has been supported by studies which are research-based.

Schroth and Helfer [2008] surveyed 411 public school educators in relation to the effectiveness of different methods of identifying giftedness among school-aged children. The majority of the study's respondents reported feeling that peer-assessment and parent-assessment were “ineffective” or “very ineffective,” whereas more than 80 percent of them felt that teacher-assessment was “effective” or “very effective” [Schroth & Helfer, 2008, p. 163]. Even though this study's findings indicate that educators are largely skeptical towards using peer-assessment as a method for identifying giftedness, another, more recent study found that teacher-assessment actually corresponds with peer-assessment more than with any other group of assessors (i.e. parent-assessment, self-assessment) [Milic & Simeunovic, 2020].

Banbury and Wellington [1989, p. 162] call attention to the fact that peer-interaction is “less inhibited” than students' interactions with adults. For this reason, the students' input is so valuable – their relationship with their peers largely differs from the relationships parents or teachers have with children. Adults perform authoritative roles in children's lives to a considerable extent, which is why their presence can easily affect the behavior of students. Certain traits and habits that gifted learners exhibit can often go unnoticed by parents and teachers, but still end up being recognized by peers. For instance, due to a student's timidity and their consequential reluctance to cooperate in class, a teacher might get the impression that the student is less successful in a specific area. The other classmates, however, might notice this student's potential during their out-of-class interactions.

The research conducted by Ćirković-Miladinović [2019, p. 91] confirms that peer collaboration in class is extremely important and crucial for the success of university students [future class teachers and preschool teachers] in foreign language learning. Specifically, the main challenges identified by students in the mentioned research (ibid.) upon entering university include: fear of making mistakes and fear of being wrong in front of the teacher and peers during oral presentations, socio-affective traits such as shyness, conformist behavior, confusion, and slowness, as well as the inability to influence their own motivation and change the mindset that prevented them from testing their abilities and realizing their potential. Instead of being deterred by peer comments, students struggled to recognize how successful they could be. In line with the previously said, the students in this study also expressed difficulties in evaluating their peers. However, encouraging the use of affective learning strategies and various positive emotional

factors, such as self-confidence, empathy, and motivation, can greatly facilitate and enhance peer collaboration and the process of learning a foreign language at the university level, and consequently improve the assessment of others in terms of how talented they are in a particular area [Ćirković-Miladinović, 2024].

According to Renzulli and associates [2010], a key principle in designing programs for gifted and talented students is that the methods used to identify them should be closely aligned with the specific educational experiences they will participate in. Therefore, those responsible for administering assessments should choose only the tools that are directly relevant to the program goals. Therefore, for this research we have chosen to examine learning, creativity and motivation of future preschool teachers as relevant scales for language learning and giftedness. In the following chapter, the results of the research will be presented.

The absence of a universal definition for gifted students has led schools to adopt various identification methods, resulting in diverse teaching techniques, materials, approaches, strategies, and other services for these students. The National Association for Gifted Children [NAGC, 2010] sparked renewed debate in gifted education by focusing on promoting potential and anticipated excellence rather than solely on intelligence, which has highlighted differing perspectives within the field [Zeske, 2015]. In Serbian classrooms, teachers often claim that they lack both the time and resources to address the needs of gifted students. When asked how they typically handle gifted learners in a language or other subject area, teachers frequently mention that they have these students tutor their peers. This is primarily because teachers have minimal or no training in gifted education. In addition, teachers in Serbia face a range of obstacles and difficulties when working with gifted students. According to a study by Maksić [1997], the most common factors that make it challenging for teachers to work with these students are: varying abilities among students in the classroom [even among the gifted], inadequate material conditions [such as lack of internet, smart boards, laboratories, etc.], insufficient recognition of the additional effort made by teachers working with gifted students, unpreparedness to work with gifted students, and a lack of training.

This research aims to explore the correlation between peer-assessment, as a system for discovering giftedness in the areas of Learning, Motivation and Creativity, and the professor's assessment of the same areas using Renzulli and associates' [2010] scales for *Rating the behavioral characteristics of superior students*. We hypothesized that teacher-input and peer-input concerning the three different aspects of giftedness would correlate due to the fact that the examined students were future teachers, trained to assess, evaluate and reflect on one's skills and capabilities.

The research process started with the authors' discussion about *giftedness* in EFL, and the different meanings people ascribe to the concept, all of which eventually lead to the development of the topic of this research. The authors then researched and analyzed the existing literature revolving around the topics of giftedness identification, personality traits and characteristics associated with giftedness, as well as the reliability of different methods of identification. The background research helped specify the area which the authors wanted to explore further. The following stage was concerned with planning the research; that entailed determining the instrument, the sample size, and ways to warrant that the research design was ethical. Having adapted the instrument, the authors moved on to the next step which involved collecting data. In the beginning of this stage, the authors asked for the participants' consent and explained what the main ideas, the pedagogical significance and the purpose of the current research were, thereby ensuring that their participation was well-informed. Moreover, it was explained to the participants that they were entitled to change their minds about participating in the research at any point in the process, and for whatever reason. Finally, it was explained that their personal information would not be disclosed to the public, and that their identities would remain anonymous. By completing the above-mentioned steps, it was ensured that the research adhered to the ethical principles, according to which *the participants' informed consent is obtained, their identities are protected, and they are told their rights* [Ševkušić, 2011]. In the final stages of the research, the authors analyzed the data and drew conclusions from the results.



Methods of research

The research was conducted during the 2023/2024 academic year and included a sample of 120 female university students (future preschool teachers) at the Faculty of Education in Jagodina. All students [N = 120] attended lessons of English for Specific purposes as one of the obligatory academic subjects for the first-year students.

Based on this aim, three research tasks were defined:

1. Does the teacher's assessment of the surveyed students' giftedness coincide with their assessment by other students, according to the *Learning* parameter?
2. Does the teacher's assessment of the surveyed students' giftedness coincide with that by other students, according to the *Creativity* parameter?
3. Does the teacher's assessment of the surveyed students' giftedness coincide with their assessment by other students, in terms of *Motivation*?

The instruments used were three scales for *Rating the behavioral characteristics of superior students* by Renzulli [Renzulli et al., 2010, pp. 35-37]. The reason why we decided to use these scales is that according to Al-Momani and Al-Oweidi [2020], Renzulli and associates' [2010] scales demonstrate a good internal consistency with Cronbach's Alpha coefficient of 0.99. For the purposes of this research, we used scales¹ focused on the areas of learning, motivation, and creativity in foreign language learning. Students were asked to complete rating scales in each category using five-point Likert-type items that reflected their perceptions of their peers' performances in the areas of learning, creativity, and motivation. Their teacher was also asked to do the same, rating selected students' performances based on her perception of what she considers a characteristic of someone who is gifted in English as a foreign language. It was explained to both the teacher and the students that the ratings for each item should reflect the frequency with which they observed each characteristic.

Specifically, the students were divided into groups of five, resulting in a total of 24 groups and 120 students overall. Each group was tasked with agreeing on which of their peers they considered to be gifted in the areas of learning, motivation, and creativity in foreign language learning. As a group, they had to choose one peer and to rate his/her characteristics in Renzulli's questionnaire [Renzulli et al., 2010].

The statistical analysis was conducted using SPSS for Windows, version 23.0. P-values lower than 0.05 were considered statistically significant. The normality of data was assessed using the Shapiro-Wilk test of normality. For the quantitative data analysis, descriptive statistics methods were employed while Spearman's rank-order correlation was run to determine the relationship between the teacher's and students' perception of the examined characteristics.

Results and discussion

Firstly, we calculated each student's total score for each of the three subscales used – Learning, Creativity, and Motivation. The same method was applied to both the students' assessments and the assessments made by their teacher. The students' assessments were obtained as follows: for each potentially gifted participant, the arithmetic mean of all assessments for that participant was calculated. For example, if five students rated a participant as gifted, then the arithmetic mean of all their ratings was determined for each individual item. Descriptive statistics [arithmetic means and standard deviations for each item and the total subscale score for both the students' assessments and the teacher's assessments] are presented in Table 1.

¹ Renzulli's scales are originally six-point Likert-type; however, for the purposes of this research, we adapted them into five-point scales. These scales were better suited to the students' age and their understanding of the situation they needed to evaluate.

Table 1
Таблица 1

Descriptive statistics
Описательная статистика

Groups of characteristics	Teacher's evaluation		Students' evaluation	
	Mean	Std. Deviation	Mean	Std. Deviation
L1	3.92	.900	4.0742	.88904
L2	4.08	1.084	4.2983	.70346
L3	4.08	.793	3.9333	.76184
L4	4.17	.718	3.8775	.56156
L5	4.08	.515	3.9442	.71169
L6	4.00	.853	4.2708	.63246
L7	4.08	.900	4.3575	.63077
L8	4.33	.985	4.0933	.77500
L9	4.75	.452	4.1517	.71639
LSUM	37.5000	4.92674	37.0008	2.80519
C1	4.08	.669	4.1817	.68327
C2	4.33	.778	4.6992	.50401
C3	4.08	.793	4.0083	.54830
C4	3.83	1.030	3.6175	.85889
C5	3.92	.996	3.5692	.80518
C6	3.92	.996	4.1992	.91673
C7	4.00	.739	3.7542	.59123
C8	3.92	.900	3.7008	.83319
C9	2.83	1.193	4.2417	1.32346
CSUM	34.9167	4.25245	35.9717	3.95658
M1	4.00	.603	3.4242	.77173
M2	4.08	.669	3.8058	1.13444
M3	4.33	.651	4.1692	.67793
M4	4.33	1.155	4.292	.8649
M5	3.92	.996	3.7125	.74533
M6	3.83	.937	3.7350	1.03303
M7	4.00	.853	3.9750	.53770
M8	4.33	.778	4.2767	.83953
M9	4.58	.515	3.9783	.79041
MSUM	37.4167	4.12219	35.3683	5.24138

The correlation between the students' and the teacher's assessments was evaluated using Spearman's correlation coefficient. Initially, certain assumptions were checked, and since the data were collected using Likert scales, we ran Spearman's correlation. The Shapiro-Wilk test confirmed that all variables (total subscale scores) have a normal distribution. Since our variables meet the normality distribution, we inspected the scatterplots to check for monotonicity (Fig. 2, 3 and 4).

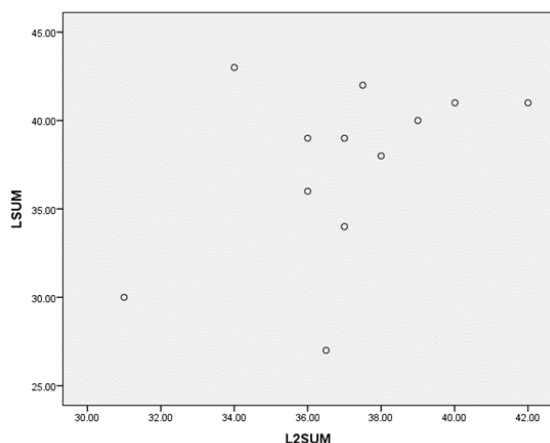


Fig. 1. Learning
Рис. 1. Обучение

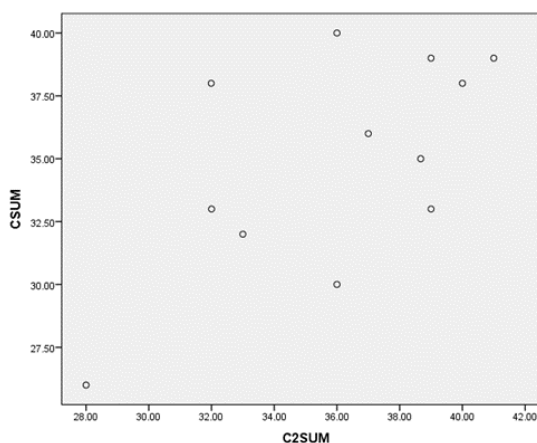


Fig. 2. Creativity
Рис. 2. Креативность

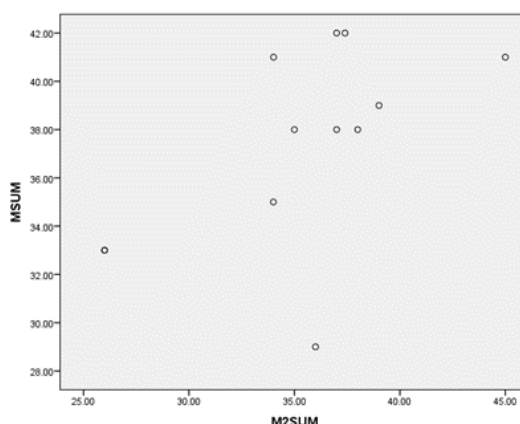


Fig. 3. Motivation
Рис. 3. Мотивация

Given that the data were obtained using Likert scales, which does not meet one of the conditions for applying Pearson's correlation (variables were measured at the interval or ratio level), Spearman's correlation coefficient was applied.

The first research task was to determine whether the teacher's assessment of the surveyed students' giftedness coincides with their assessment by other students, according to the *Learning* parameter.

It can be assumed that this category was the easiest to evaluate and that the teacher's perception and the students' evaluations of their peers' giftedness in the area of Learning will be very similar, given that students' grades are publicly discussed and explained with arguments by the teacher during lessons. Since $r_s[10] = 0.380$, $p = 0.223$, and p (in the Sig. (2-tailed) column) is not less than 0.05, this means that there is no statistically significant correlation between the students' and the teacher's assessments with regard to learning. This was a surprise because it was not expected that students' and teacher's evaluation would differ so much in this category since

the examined students are future teachers and they are trained how to assess, evaluate and reflect on one's knowledge [Stojanovic et al., 2021]. This can also be explained by the fact that students come from different towns, different high schools, have different learning backgrounds, individual learning problems or achievements etc. [Cirkovic-Miladinovic et al., 2021]. Being in the same group, giving an opinion about their peers, confirmed that peer response can create a rich source of information about FL learning and enhance intercultural communication and give students a sense of group cohesion [Hansen and Liu, 2005]. In this sense, students learned to give arguments for their choice of a peer colleague and evaluation of his/her giftedness. Accordingly, they rated each characteristic in the questionnaire. Table 2. shows correlations between students' and teacher's assessment regarding the giftedness of the surveyed students in learning English according to the Learning parameter.

The second research task was to determine whether the teacher's assessment of the surveyed students' giftedness aligns with their assessment by other students. The data is given in Table 3.

Table 2
Таблица 2

Correlations – Learning parameter
Корреляции – параметр обучения

Correlation			LSUM	L2SUM
Spearman's rho	LSUM	Correlation Coefficient	1.000	.380
		Sig. [2-tailed]	.	.223
		N	12	12
	L2SUM	Correlation Coefficient	.380	1.000
		Sig. [2-tailed]	.223	.
		N	12	12

Table 3
Таблица 3

Correlations – Creativity parameter
Корреляции – параметр креативности

Correlation			CSUM	C2SUM
Spearman's rho	CSUM	Correlation Coefficient	1.000	.511
		Sig. [2-tailed]	.	.089
		N	12	12
	C2SUM	Correlation Coefficient	.511	1.000
		Sig. [2-tailed]	.089	.
		N	12	12

A Spearman's correlation was conducted to evaluate the relationship and overlapping of students' and teacher's evaluation regarding the surveyed students' giftedness in learning English according to the Creativity parameter. The relationship between students' evaluation of the giftedness of a chosen person in the class and the teacher's evaluation of the same person was not significant, $r_s[10] = 0.511$, $p = 0.089$. In educational and other learning settings, creativity is



frequently associated with a learner's capacity to solve problems and tackle tasks and projects with flexibility, originality, and innovation. It encompasses various aspects, including the creation of products, the expression of creative characteristics, and involvement in creative thinking, behavior, and achievements [Kaufman, Plucker, & Baer, 2008]. There are many definitions of creativity, especially in the context of language learning. Since the student participants had different ideas of what creativity is, and the teacher had her own understanding, this may explain the difference between the students' and teacher's results obtained in this part of the research. After all, creativity as a concept is very wide and there are many connotations of it [Cropley, 2020]. In educational contexts, creativity is recognized as a unique approach to learning that encompasses both "creative" teaching and "creative" learning strategies [Cropley, 2020, p. 6]. These strategies not only enhance the learning process but also stem from effective teaching and learning practices [Cirkovic-Miladinovic, 2018]. There is considerable evidence that creativity, along with creatively driven teaching and learning, is highly effective and closely linked to motivation, making it a potent tool in the classroom.

The third research task was to determine whether the teacher's assessment of the surveyed students' giftedness coincides with their assessment by other students in terms of the Motivation parameter. A significant amount of research has explored the motivational traits of both children and adults identified as gifted. Several theories and definitions of giftedness even consider motivation as a key characteristic. For example, Renzulli [1986] included task commitment, alongside creativity and above-average ability, in his three-ring model of giftedness. Additionally, there is an expanding body of research focused on the educational and environmental aspects, particularly the role of achievement motivation, as a critical outcome of programs designed for gifted students [Clinkenbeard, 1996]. Both perspectives are crucial for understanding the motivation of gifted individuals. With this in mind, both environmental factors and achievement motivation were recognized by the surveyed students and their teacher, indicating that the research participants shared a similar perspective on what defines a gifted student in their classroom in terms of motivation.

After reviewing the opinions of all the students who participated in the research and their teacher, we obtained statistically significant results only in the area of motivation. A Spearman's rank-order correlation was run to determine the relationship between the teacher's and students' perceptions of giftedness in terms of motivation. Specifically, the data, $r_s [10] = 0.591$, $p = 0.043$, indicate a statistically significant correlation between the students' and their teacher's assessments regarding the area of motivation ($p = 0.043$ is less than 0.05, thus this result is considered statistically significant). The results are presented in Table 4.

Table 4
Таблица 4

Correlations – Motivation parameter
Корреляции – Параметр мотивации

Correlation			MSUM	M2SUM
Spearman's rho	MSUM	Correlation Coefficient	1.000	.591*
		Sig. [2-tailed]	.	.043
		N	12	12
	M2SUM	Correlation Coefficient	.591*	1.000
		Sig. [2-tailed]	.043	.
		N	12	12
*. Correlation is significant at the 0.05 level [2-tailed].				

Further, to determine the strength of the relationship, we examine the r_s coefficient obtained and use the criteria provided by Cohen [1988]: 1) a small correlation is when r is between 0.10 and 0.29; 2) a medium correlation is when r is between 0.30 and 0.49; and 3) a strong correlation is when r is between 0.50 and 1.0. Since this research showed that $r_s = 0.591$, this indicates a large correlation. Additionally, because the sign of this coefficient is positive, the relationship is also positive. This means that the assessments made by students and their teacher regarding motivation align. Both students and the teacher rated the same selected students as gifted in the area of motivation for learning English as a foreign language, by recognizing characteristics which point to the enthusiasm, zeal, sustained interest, intense involvement, and persistence of those seen as potentially gifted. We ascribed the teacher's and the students' shared views on motivation (as an aspect of giftedness) to their similar understanding of what motivation effectively represents. On the one hand, learning and creativity are more complex, elusive categories that can assume many forms and thereby vary from one person to another, while, on the other hand, motivation appears to be more easily graspable and more evident.

After evaluating the three categories of gifted students – learning, creativity, and motivation – we can conclude that only in terms of motivation do the views of the examined students and their teacher align. This means they agree on which students are gifted in the foreign language classroom and who is highly motivated to learn and advance.

Conclusion

The results showed no statistically significant correlation between the students' and the teacher's assessments in the area of giftedness related to learning. This finding was unexpected, as learning outcomes can be measured by grades and the teacher's evaluations and comments in class, which typically make it clear to students who the 'top' performers are. However, the learning process itself is more complex and might not be easily perceived by peers or even the teacher. In line with this, the research also indicated that the correlation between students' assessments of a peer's giftedness and the teacher's evaluation of the same individual was not significant in terms of creativity. Given that creativity is a broad concept with many definitions and interpretations, it was not anticipated that students' and the teacher's views would align in this category. The fact that correlation between the teacher's and the students' assessment of giftedness in the two areas was not statistically significant in this research could be attributed to the contextual differences in the students' and the teacher's perspective. Whereas a teacher perceives students within the hierarchical context of the teacher-student interaction and from the perspective of an authoritative figure, students observe one another within a more spontaneous, and less inhibited context.

Statistically significant alignment was found in only one category. After analyzing the opinions of all the students who had participated in the research, along with their teacher, we obtained statistically significant results solely in the area of motivation. We presumed that motivation was seen as a trait that was more easily observable and was, hence, more consistently defined by the groups. Both the students and the teacher identified the same individuals as gifted in the area of motivation for learning English as a foreign language.

Overall, the students' responses indicated that their views were consistent with those of their teacher in terms of recognizing strong motivation as a significant characteristic of gifted students. On the other hand, the way of learning, the learning strategies, styles and creativity were categories that demanded deeper understanding and research for both the teachers and the students. Therefore, their ideas of giftedness in these areas were different and did not match. The findings of this study suggest that the concept of giftedness at the university level still holds considerable potential and warrants further research not only in the areas of learning, creativity, and motivation but also across other educational domains.

Finally, it is essential to acknowledge that any scientific research employing quantitative methodology has inherent limitations due to the imperfect methods used to assess relevant



phenomena. This raises the question of whether utilizing different tools might offer an alternative perspective of the students giftedness in the examined domains. One potential limitation of this study is the reliance on peer evaluations, which may be influenced by positive or negative biases, and therefore might not provide a fully accurate picture of the phenomenon under study. However, considering that this issue has been underexplored in our context, this study seems to be a valuable step in the right direction.

References

- Al-momani H., Al-oweidi A. 2020. The Psychometric Characteristics of the Renzulli Scale of Behavioral Characteristics (3rd Edition) in the Detection of Gifted Students in the Age Group (12–18) in Jordan. *Journal for the Education of Gifted Young Scientists*, 8(1): 105–132. DOI: [10.17478/jegys.656673](https://doi.org/10.17478/jegys.656673)
- Banbury M.M., Wellington B. 1989. Designing and Using Peer Nomination Forms. *Gifted Child Quarterly*, 33(4): 161–164. DOI: [10.1177/001698628903300407](https://doi.org/10.1177/001698628903300407)
- Bevan-Brown J.M. 2009. Identifying and providing for gifted and talented Māori students. *APEX*, 15(4), 6–20. DOI: [10.21307/apex-2009-002](https://doi.org/10.21307/apex-2009-002)
- Bukowski W.M., Cillessen, A.H.N., Velásquez A.M. 2012. Peer ratings. In: Handbook of developmental research methods. Eds. B. Laursen, T.D. Little, N.A. Card. The Guilford Press: 211–228.
- Clinkenbeard P.R. 1996. Research on Motivation and the Gifted: Implications for Identification, Programming, and Evaluation. *Gifted Child Quarterly*, 40(4): 220–221. DOI: [10.1177/001698629604000407](https://doi.org/10.1177/001698629604000407)
- Cirkovic-Miladinovic I. 2018. The frequency and usage of the affective learning strategies in learning English as a foreign language at the university level – potentials for innovative teaching. *Journal Uzdancica – journal for language, literature, art and humanities*, 15(1): 73–92.
- Ćirković-Miladinović I. 2019. Afektivne strategije učenja engleskog kao stranog jezika [Affective strategies for learning English as a foreign language]. Ed. Prof. dr V. Jovanović. Jagodina, Publ. Fakultet pedagoških nauka Univerziteta u Kragujevcu, 122 p.
- Ćirković-Miladinović I. 2024. Zastupljenost afektivnih strategija učenja engleskog jezika kod učitelja i vaspitača [Representation of affective strategies for learning English among teachers and educators]. Ed. Prof. dr B. Radić-Bojanić. Jagodina, Fakultet pedagoških nauka u Jagodini Univerziteta u Kragujevcu, 105 p.
- Ćirković-Miladinović I., Dimitrijevic M., Ilic B. 2021. Reflection on action: peer micro-teaching process of prospective EFL teachers and class teachers focusing on mother tongue teaching. *Technium Social Sciences Journal*, 25(1): 9–19. DOI: [10.47577/tssj.v25i1.4992](https://doi.org/10.47577/tssj.v25i1.4992)
- Cohen J. 1988. Statistical Power Analysis for the Behavioral Sciences. Hillsdale, NJ, Lawrence Erlbaum Associates, Publishers, 579 p.
- Freeman J. 2005. Permission to Be Gifted: How Conceptions of Giftedness Can Change Lives. In: Conceptions of giftedness. Eds. R.J. Sternberg, J.E. Davidson. Cambridge University Press: 80–97. DOI: [10.1017/CBO9780511610455.007](https://doi.org/10.1017/CBO9780511610455.007)
- Hansen G.J., Liu J. 2005. Guiding principles for effective peer response. *ELT Journal*, 59(1): 31–38. DOI: [10.1093/elt/cci004](https://doi.org/10.1093/elt/cci004)
- Identifying gifted students: A practical guide. 2018. Ed. S.K. Johnsen. Prufrock Press Inc, 198 p. DOI: [10.4324/9781003235682](https://doi.org/10.4324/9781003235682)
- Kaufman J.C., Plucker J.A., Baer J. 2008. Essentials of creativity assessment. John Wiley & Sons, Inc., 240 p.
- Maksić S. 1997. Efekti podsticanja darovitosti u školi [Effects of encouraging giftedness in school]. In: Podsticanje darovitosti. Zbornik, 3. Ed. G. Gojkov. Vršac, Publ. Viša škola za obrazovanje vaspitača: 82–91.
- Maksić S. 1998. Darovito dete u školi [A gifted child at school]. Ed. S. Krnyayis. Beograd, Publ. Institut za pedagoška istraživanja, 120 p.
- McCoach D.B., Siegle D. 2003. Factors That Differentiate Underachieving Gifted Students From High-Achieving Gifted Students. *Gifted Child Quarterly*, 47(2): 144–154. [10.1177/001698620304700205](https://doi.org/10.1177/001698620304700205)
- Milic S., Simeunovic V. 2020. Concordance between giftedness assessments by teachers, parents, peers and the self-assessment using multiple intelligences. *High Ability Studies*, 33(1): 1–19. DOI: [10.1080/13598139.2020.1832445](https://doi.org/10.1080/13598139.2020.1832445)

- Pfeiffer S.I. 2002. Identifying Gifted and Talented Students. *Journal of Applied School Psychology*, 19(1): 31–50. DOI: [10.1300/j008v19n01_03](https://doi.org/10.1300/j008v19n01_03)
- Renzulli J.S. 1986. The three-ring conception of giftedness: A developmental model for creative productivity. In: *Conceptions of giftedness*. Eds. R.J. Sternberg, J.E. Davidson. Cambridge, UK, Cambridge University Press: 53–92.
- Renzulli J.S. 1990. A Practical System for Identifying for Identifying Gifted and Talented Students. *Early Child Development and Care*, 63: 9–18.
- Renzulli J., Smith L.H., White A.J., Callahan C.M., Hartman R.K., Westberg K.L., Reis S.M., Siegle D, Reed R.E.S. 2010. Scales for Rating the Behavioral Characteristics of Superior Students. DOI: [10.1037/t01970-000](https://doi.org/10.1037/t01970-000)
- Renzulli J.S., Reis S.M. 2014. *The Schoolwide Enrichment Model: A How-to Guide for Talent Development*. Prufrock Press, 446 p.
- Schroth S.T., Helfer J.A. 2008. Identifying Gifted Students: Educator Beliefs regarding Various Policies, Processes, and Procedures. *Journal for the Education of the Gifted*, 32(2): 155–179. DOI: [10.4219/jeg-2008-850](https://doi.org/10.4219/jeg-2008-850)
- Silverman L.K. 2018. Assessment of Giftedness. In: *Handbook of giftedness in children*. Ed. S.I. Pfeiffer. Springer: 183–207. DOI: [10.1007/978-3-319-77004-8_12](https://doi.org/10.1007/978-3-319-77004-8_12)
- Sternberg R.J., Davidson J.E. 1983. Insight in the gifted. *Educational Psychologist*, 18(1): 51–57. DOI: [10.1080/00461528309529261](https://doi.org/10.1080/00461528309529261)
- Sternberg R.J., Clinkenbeard P.R. 1995. The triarchic model applied to identifying, teaching, and assessing gifted children. *Roeper Review*, 17(4): 255–260. DOI: [10.1080/02783199509553677](https://doi.org/10.1080/02783199509553677)
- Sternberg R.J., Kaufman S.B. 2018. Theories and Conceptions of Giftedness. In: *Handbook of Giftedness in Children*. Ed. S.P. Pfeiffer. Springer Cham: 29–47. DOI: [10.1007/978-3-319-77004-8_3](https://doi.org/10.1007/978-3-319-77004-8_3)
- Stojanovic B., Cirkovic-Miladinovic I., Milovanovic R. 2021. The quality of communication in teaching and students' emotional reactions in the classroom. *Technium Social Sciences Journal*, 19(1): 55–66.
- Worrell F.C., Erwin J.O. 2011. Best Practices in Identifying Students for Gifted and Talented Education Programs. *Journal of Applied School Psychology*, 27(4): 319–340. DOI: [10.1080/15377903.2011.615817](https://doi.org/10.1080/15377903.2011.615817)
- Zeske K. 2015. Student and family perspectives on gifted and advanced academics participation for African american high school students. Unpublished doctoral dissertation, defended at University of North Texas. Approved by Mary Harris, Major Professor.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.
Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Received September 29, 2024
Revised October 10, 2024
Accepted December 12, 2024

Поступила в редакцию 29.09.2024
Поступила после рецензирования 10.10.2024
Принята к публикации 12.12.2024

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Чиркович-Миладинович Ивана, доктор философии в области прикладной лингвистики, Крагуевацкий университет, Крагуевац, Сербия.

Йованович Марина, докторант, Крагуевацкий университет, Крагуевац, Сербия.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Ivana Ćirković-Miladinović, PhD in Applied Linguistics, University of Kragujevac, Kragujevac, Serbia.

Marina Jovanović, PhD Student, Faculty of Education, University of Kragujevac, Kragujevac, Serbia.



УДК 37

DOI 10.52575/2712-7451-2024-43-4-476-485

Обучение служением как эффективная образовательная методика для комплексного развития личности студента

¹ Шаркунова Е.В., ² Неволина В.В.

¹ Кумертауский филиал Оренбургского государственного университета,
Россия, 453300, Республика Башкортостан, г. Кумертау, ул. 2-й пер. Советский, д. 3б

² Оренбургский государственный университет,
Россия, 460018, Оренбургская область, г. Оренбург, пр. Победы, д. 13

scharkunova.e@yandex.ru, nevolina-v@yandex.ru

Аннотация. Метод «обучение служением», изначально зародившийся как способ интеграции знания и практики через активное участие в социальных и общественных проектах, недостаточно освещен в контексте его применения в образовательных системах России. Нехватка методических материалов и практических примеров, отсутствие четких критериев оценки эффективности таких программ создают барьеры на пути их широкого распространения. Целью работы является выявление образовательных и воспитательных результатов метода «обучение служением». В исследовании применялись методы анкетирования (18 студентов) и экспертного опроса (20 работодателей). Как метод «обучение служением» рассмотрен на примере волонтерской практики. Выявлены образовательные (развитие лидерских навыков, активизация познавательного интереса) и воспитательные (развитие ответственности, активной жизненной позиции и др.) результаты у обучающихся. Сделан вывод о том, что интеграция «обучение служением» в образовательную структуру не просто расширяет рамки академического процесса, но и создает обширные возможности для личностного и профессионального роста каждого студента. Опыт проведения мастер-классов «Инженерик», реализуемый на базе Кумертауского филиала Оренбургского государственного университета преподавателями и студентами, может быть полезен не только в предметном обучении, но и во внеурочной деятельности.

Ключевые слова: обучение служением, профессиональные навыки, волонтерские инициативы, образовательный процесс, социальная жизнь

Для цитирования: Шаркунова Е.В., Неволина В.В. 2024. Обучение служением как эффективная образовательная методика для комплексного развития личности студента. *Вопросы журналистики, педагогики, языкознания*, 43(4): 476–485. DOI: 10.52575/2712-7451-2024-43-4-476-485

Ministry Training As an Effective Educational Method for the Comprehensive Development of a Student's Personality

¹ Ekaterina V. Sharkunova, ² Victoria V. Nevolina

¹ Kumertau branch of Orenburg State University,
3b 2nd lane Sovetsky, Kumertau, Republic of Bashkortostan 453300, Russian Federation

² Orenburg State University,
13 Pobedy Av., Orenburg, Orenburg region 460018, Russian Federation

scharkunova.e@yandex.ru, nevolina-v@yandex.ru

Abstract. The method of "learning by service", which originated as a way of integrating knowledge and practice through active participation in social and public projects, is insufficiently covered in the context of its application in the educational systems of Russia. The lack of methodological materials and practical

examples, the lack of clear criteria for evaluating the effectiveness of such programs create barriers to their widespread dissemination. The purpose of the work is to identify the developmental and educational results of the "teaching by service" method. The study used the methods of a questionnaire (18 students) and an expert survey (20 employers). The method of "teaching by service" is considered on the example of volunteer practice. Educational (development of leadership skills, activation of cognitive interest) and educational (development of responsibility, active life position, etc.) results in students are revealed. It is concluded that the integration of "learning by service" into the educational structure is not easy.

Keywords: the method of "learning by service", professional skills, volunteer initiatives, educational process, social life

For citation: Sharkunova E.V., Nevolina V.V. 2024. Ministry Training As an Effective Educational Method for the Comprehensive Development of a Student's Personality. *Issues in Journalism, Education, Linguistics*, 43(4): 476–485 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-7451-2024-43-4-476-485

Введение

Сегодняшний социальный запрос к образовательным организациям России отражает потребность общества в формировании этических и моральных ориентиров, активной социальной позиции студенческой молодежи. Молодое поколение нуждается в наставниках, которые не просто передают знания, но и воспитывают чувство ответственности, социальное неравнодушие, критическое мышление. Теперь всё больше ценятся навыки, которые не всегда формируются в рамках традиционного образовательного процесса. Современные образовательные методики всё чаще акцентируют внимание на практических занятиях и интерактивных подходах, таких как групповые работы, симуляции и игровые форматы, позволяющие обучающимся применять полученные знания в реальных ситуациях. Исследователи отмечают, что значение исключительно академического подхода к обучению постепенно снижается [Федотова, 2014]. Это объясняется тем, что современный трудовой рынок быстро меняется вслед за технологическими новшествами, что ведёт к возрастанию требований к навыкам и компетенциям работников. В образовательной среде следует устанавливать примеры функционирующего, нравственно высокого и активного общества через разнообразные профессиональные и социальные объединения. Важно разрабатывать подходы к подготовке студентов, которые отвечают требованиям потенциальных

Теперь перед ними стоит задача интеграции академической строгости и воспитания личной ответственности. В этой связи сегодня актуально говорить о сравнительно новой области педагогической практики – «обучение служением».

«Обучение служением» как один из разновидностей проектного метода был разработан педагогами Дж. Дьюи, У. Килпатриком в начале XX в., в его основу заложена идея об освоении профессиональных навыков через процесс решения социально важных проблем. Как полноценный методика «обучение служением» сформировалась и получила одобрение в США в конце 1960-х годов. В это время Южный региональный совет по образованию активно продвигал модель стажировок, которая основывалась на данной методике [Горлова, Староверова, 2023, с. 229]

Анализ научной литературы показал, что данная тема обширно исследована зарубежными учеными. По мнению К. Манхейма [1994], любое образовательное учреждение как социальный институт в той или иной мере отражает общественные запросы. Об ограничениях и пределах применимости метода «обучение служением» говорят исследования Д.В. Бутина [Butin, 2010], внедрение метода на начальном этапе обучения студентов является малоэффективным, так как обучающиеся не обладают достаточным количеством профессиональных знаний и компетенций для его реализации. В исследовании Д.И. Земцова, А.П. Метелева, А.В. Яшиной, Л.С. Кириенко, И.А. Груздева, А.С. Дмитриевой подчеркивается, что «многочисленные зарубежные прикладные



исследования демонстрируют, что данная методика положительно сказывается на восприятии студентами социальных вопросов, а также на их осознании собственных ценностей и убеждений, включая развитие когнитивных навыков» [Земцов и др., 2023, с. 11]. Обширный анализ различных эмпирических исследований продемонстрировал, что программы, основанные на концепции служения, способствуют личностному развитию обучающихся, формируя у них чувство ответственности и углубляя моральные и духовные аспекты. Такие программы также способствуют улучшению навыков межличностного общения, включая работу в команде и лидерские качества, а также повышают уровень социальной ответственности и гражданской активности. Положительный эффект этих программ распространяется и на образовательные достижения и результаты в учебе. В перспективе они содействуют повышению гражданской ответственности, формированию гражданских ценностей и активному участию в политической деятельности. Исследования, проведенные в Азии, также подтверждают нарастающую социальную осознанность среди студентов.

В России уже достаточно давно существуют различные практики «обучения через служение», включая волонтерские инициативы студентов медицинских вузов и юридические клиники. Однако ранее эти отдельные примеры не имели единой концептуальной рамки, объединяющей их [Горбуль, Юрьева, 2019].

Несмотря на достаточную разработанность исследуемой тематики, иностранными исследователями, В.С. Никольский отмечает, что их данные получены в культурных и исторических условиях, отличающихся от российских. При этом, как отмечают Н.И. Горлова и Л.И. Старовойтова, «формирование метода "обучение служением" в России имеет специфические черты, уникальные национальные основания и историко-культурные корни, что представляет собой отечественный подход к изучению метода. В российской практике метод "обучение служением" реализовывался с давних пор, не имея структурированной системы» [Горлова, Старовойтова, 2023, с. 232]. Российскими учеными выявлена тесная связь и значимость волонтерской деятельности в структуре метода [Суржигов и др., 2023], рассматриваемого как инновационный подход в системе российского образования.

В то же время в отечественном массиве эмпирических исследований наблюдается недостаток информации касательно влияния метода «обучение служением» на профессиональные и общие компетенции. В связи с этим цель нашего исследования заключается в том, чтобы выявить результативность метода «обучение служением» в учебном и воспитательном аспектах. Для этого нами было проведено исследование, которое охватывало различные уровни образовательного процесса и включало как качественные, так и количественные методы сбора данных. Мы изучали изменения в академической успеваемости студентов, а также их личностное развитие и социальные навыки.

Объект и методы исследования

Объект исследования – обучение служением как комплексный феномен образовательного подхода.

Теоретической основой исследования стали работы российских и зарубежных ученых, в которых подробно рассматривается концепция «обучение через служение» и её уникальные аспекты, касающиеся социального взаимодействия. Анализ ресурсов включал изучение основных принципов и целей образовательного процесса через служение, взаимосвязь между образовательной деятельностью и социальной практикой, которая является основой социального служения, а также вклад российских и зарубежных ученых и педагогов в формирование и прогресс методологии обучения служением в России.

Методы исследования – анализ и систематизация литературы в области философии, психологии и педагогики, а также социологии, касающейся исследуемой проблемы. В ходе

исследования были использованы статистические методы для обработки количественных данных студентов, принимавших участие в мастер-классах «Инженерик». Анализ охватывал несколько ключевых аспектов, таких как уровень усвоения материала, коммуникативных навыков, умение работать в команде и умение применять полученные знания на практике.

Данные были собраны с помощью анкетирования, в котором приняли участие 18 обучающихся. Это дало возможность получить информацию о предварительном уровне подготовки студентов, а также их ожиданиях от мастер-классов. Для выявления актуальных потребностей рынка труда и соответствия образовательных программ современным запросам был проведен опрос 20 работодателей.

Результаты и их обсуждение

Согласимся с мнением ученых К.А. Андреева, Г.П. Бодренковой, Ю.А. Завертяевой, Е.А. Захаровой, А.Н. Зленко, М.И. Прокохиной, О.В. Решетникова, С.В. Тетерского, С.Г. Тетерской, С.С. Щекиной, которые под обучением служением понимают «образовательную методику, способствующую развитию у обучающегося интереса к поиску своей личностной уникальности, построению индивидуальной траектории профессионального роста» [Андреев и др., 2020, с. 6]. Подобный подход основывается на той идее, что лучший способ освоить что-либо – это применить знания на практике [Бурякова, Малкова, 2021]. Одной из заметных фигур, оказавших влияние на зарождение данного подхода, является Антон Семёнович Макаренко. Его ключевыми концепциями стали воспитание в коллективе и через коллектив, трудовое воспитание, а также развитие в семейной среде и игре. Система Макаренко направлена на объединение воспитательных, образовательных и трудовых процессов.

«Обучение через служение (действие) предоставляет студентам возможность участвовать в специализированной волонтерской деятельности, расширяя тем самым процесс обучения. Данная методика способствует приобретению студентами знаний и навыков в рамках образовательной программы, максимально соответствующей реальным условиям работы, а также развитию у них ключевых компетенций через выполнение практических заданий во время образовательного процесса. Применение данной методологии способствует повышению уровня образования и делает его соответствующим современным условиям жизни [Зиневич, Балмасова, 2015]. Кроме этого, важно, что именно на этапе обучения в вузе «происходит формирование профессионально важных качеств специалиста, структуры профессиональных ценностей, происходит настройка профессионального саморазвития, закладывается вектор личностного саморазвития, его величина, направление, скорость и постоянство» [Неволина и др., 2017, с. 134].

Обучение служением в рамках студенческого сообщества представляет собой уникальную возможность для будущих профессионалов не только применять полученные знания на практике, но и развить личностные характеристики. Так, студенты Кумертауского филиала ОГУ объединились в тематические сообщества, отражающие их профессиональные интересы. Эти сообщества стали платформой для обмена знаниями, опытом и идеями, способствуя углубленному изучению выбранных профессий. Каждое объединение выбрало свою уникальную направленность: одни сосредоточились на научных исследованиях, другие – на практических аспектах своей будущей деятельности.

В процессе обучения студенты выступили не только в роли получателей знаний, но и служителей общества, вовлекаясь в проекты, которые непосредственно влияют на жизнь местного сообщества. Формирование воспитательных и образовательных аспектов происходило через непосредственный опыт взаимодействия с людьми и проблемами, что позволило студентам осознать важность своих действий и их последствий. Таким образом метод «обучения служения» стал своеобразным мостом между учебной и социальной жизнью.



Для проверки воспитательной составляющей метода «обучение служением» была осуществлена оценка образовательных достижений обучающихся с помощью анкетирования. На основе полученных результатов можно определить эффективность внедрения метода в воспитательную работу.

Практика служения

Студенты специальности 23.02.07 «Техническое обслуживание и ремонт двигателей, систем и агрегатов автомобилей» федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Оренбургский государственный университет» Кумертауский филиал, г. Кумертау¹ разработали уникальную серию мастер-классов для детей с ограниченными возможностями здоровья «Инженерик». Эти занятия направлены на развитие технического мышления и творческих навыков у юных участников, помогая им погрузиться в мир инженерии и техники. Каждое занятие включает в себя не только теоретическую часть, но и практические задания, которые позволяют детям непосредственно взаимодействовать с различными компонентами автомобилей. Под руководством преподавателей и студентов обучающиеся осваивают базовые принципы работы двигателей, систем и агрегатов, а также основы безопасности при работе с инструментами. «Инженерик» предоставляет уникальную возможность студентам применить свои знания и практические навыки, решая при этом социальную проблему, связанную с целостной системой социальной реабилитации детей с ограниченными возможностями здоровья, снятие социальных барьеров, в части возможности получать профессиональное образование.

Служение становится не просто обязательством, а важной составляющей их личностного и профессионального роста. Студенты, вовлеченные в мастер-классы, несомненно, получают бесценный опыт, который невозможно приобрести в классной комнате. В этом процессе они учатся работать в команде, осваивать коммуникационные навыки и развивать эмпатию к окружающим. Через служение студенты находят свое призвание, пробуют разные роли и таким образом расширяют горизонты своей будущей карьеры. Взаимодействуя с обществом, они становятся более осознанными и ответственными гражданами, способными влиять на собственное окружение.

Время, проведенное на служении, становится важным этапом в их образовательном пути, позволяя соотнести теоретические знания с практическим опытом. В конечном счете именно такие возможности формируют не только квалифицированных специалистов, но и внимательных, отзывчивых людей, готовых внести свой вклад в развитие общества свыше освоенного профессионального минимума.

Мастер-классы реализуются в дружественной и поддерживающей атмосфере, где каждый ребенок получает возможность раскрыть свои таланты. Таким образом, проект не только способствует профессиональному развитию студентов, но и вносит позитивные изменения в жизнь детей с ограниченными возможностями здоровья, открывая им новые перспективы и возможности.

Чтобы выявить результативность метода «обучение служением» в учебном и воспитательном аспектах необходимо было выяснить, как участие в проекте «Инженерик» сказалось на формировании следующих общих компетенций:

¹ Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта среднего профессионального образования по специальности 23.02.07 «Техническое обслуживание и ремонт двигателей, систем и агрегатов автомобилей». 2016. Приказ Министерства образования и науки Российской Федерации от 09.12.2016 № 1568. URL: <https://fgos.ru/fgos/fgos-23-02-07-tehnicheskoe-obsluzhivanie-i-remont-dvigatelay-sistem-i-agregatov-avtomobiley-1568/?ysclid=m45bl7yjsj911611511>

– планировать и реализовывать собственное профессиональное и личностное развитие;

– работать в коллективе и команде, эффективно взаимодействовать с коллегами, руководством, клиентами;

– осуществлять устную и письменную коммуникацию на государственном языке с учетом особенностей социального и культурного контекста;

– проявлять гражданско-патриотическую позицию, демонстрировать осознанное поведение на основе традиционных общечеловеческих ценностей, применять стандарты антикоррупционного поведения.

Для оценки развития компетенций были выбраны такие дескрипторы:

– способность устанавливать моральные приоритеты; развитие личных качеств; умение самостоятельно применять профессиональные навыки в практической деятельности;

– уметь работать в команде;

– владеть навыками устной речи;

– знать сущность гражданско-патриотической позиции, общечеловеческих ценностей, значимость профессиональной деятельности по специальности.

Эффективность влияния студенческого проекта «Инженерик» на развитие общих компетенций обучающихся оценивалась через рефлексивную составляющую студентов, участвующих в проекте, и применение практических навыков на производственной практике. В этой связи была создана специальная анкета, содержащая в себе открытые и вариативные ответы, а также был проведен опрос работодателей.

В мастер-классах, которые проводились в течение одного учебного года, были задействованы 18 студентов и 20 работодателей.

Все участники проекта отметили, что принимают участие, чтобы «быть полезными другим людям», 75 % – для развития уверенности и навыков коммуникации, 63% – чтобы «применить свои знания на практике». На этот вопрос можно было ответить несколькими вариантами, поэтому сумма процентов больше 100.

Обучающиеся, вовлеченные в проект, воспринимают себя как личностей с высокой степенью ответственности. По шкале от одного до десяти восемь человек оценили свою ответственность на максимальную отметку, четыре – поставили себе девятку, пять – восьмерку, а один студент дал себе шестерку. Уверенность в себе опрошенные оценили следующим образом: 9 – шесть студентов, 8 – семь студентов, 6 – три студента, 3 – два студента. Больше половины респондентов отметили, что им стало легче общаться, коммуникационные барьеры ослабли. Желание продолжить участие в проекте возросло после положительного опыта, полученного при проведении мастер-классов.

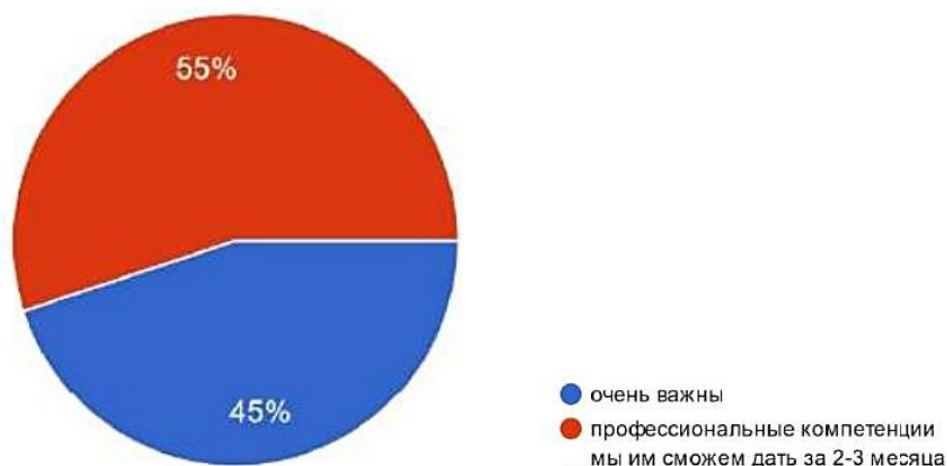
Благодаря проведению мастер-классов «Инженерик» студенты получили следующие навыки:

– 90 % участников получили опыт самостоятельной подготовки техники, в частности разборных моделей двигателей автомобилей;

– 95 % повысился уровень ответственности за организацию события;

– 65 % научились эффективно договариваться друг с другом.

Анализ опроса работодателей (г. Москва, г. Иркутск, г. Санкт-Петербург, г. Пятигорск, г. Уфа, г. Стерлитамак, г. Кумертау и др.), относящихся к различным сферам деятельности: инженерной, образовательной, социальной и производственной, показывает наличие развитых soft skills навыков, как одно из ведущих условий, предъявляемых к выпускникам. Объясняется это тем, что профессиональными компетенциями, находясь внутри рабочего процесса и имея минимальные теоретические представления, можно овладеть в течение нескольких месяцев. Процентное соотношение важности и корректировки умений во время рабочего процесса профессиональных навыков практически равно единице (см. рисунок).



Значимость сформированных профессиональных компетенций для работодателей
The importance of formed professional competencies for employers

Работодатели отметили важность умения работать в команде, не бояться брать ответственность, быть стрессоустойчивым, уметь ориентироваться в ситуации. Таким образом, можно говорить о смещении важности с профессиональных на социальные, универсальные компетенции.

Заключение

Ключевыми аспектами метода «обучение служением» являются интеграция теоретических знаний с практическими заданиями. Это позволяет не только укрепить теоретическую базу, но и развить критическое мышление, коммуникационные и командные навыки, которые становятся необходимыми для успешной профессиональной деятельности.

Образовательные результаты метода «обучение служением» включают:

- сотрудничество и лидерские навыки. Ученики проявляют способность работать над совместными проектами, которые приносят пользу обществу и отдельным группам, учитывая социальные условия и действуя в интересах общественного прогресса;
- глубокое понимание учебного материала. Участие в проектной деятельности обогащает восприятие учебных дисциплин и способствует достижению значительных образовательных результатов;

К воспитательным достижениям метода «обучение служением» можно отнести:

- формирование стремления к духовному и нравственному развитию;
- стабильная жизненная позиция;
- самоопределение;
- мотивацию к достижению успехов;
- развитие гуманистических потребностей;
- чувство долга и социальная ответственность;

Таким образом, результаты показывают, что, внедряя метод «обучение служением» в структуру образования, мы формируем основу для определения профессиональной ориентации студентов, обдуманного выбора будущего трудового пути, предоставляем возможность реализации себя в рамках дополнительных мероприятий, стимулируем расширение рамок профессионального инноваторства и развитие профессиональных навыков. Итоги саморефлексии обучающихся, задействованных в проекте, также свидетельствуют о том, что акцент на практическом опыте дает возможность студентам

осмыслить свою роль в организации и достижении успеха, приобретении навыков коммуникации, утверждении социальной позиции и формированию ответственности.

Личный вклад автора представлен практикой применения данной методики, которая демонстрирует результаты духовно-нравственного воспитания среди студентов. Успешная реализация данной методики в учебных заведениях позволяет создать качественно новый уровень образования, способствующий не только профессиональному, но и личностному развитию студентов.

Список литературы

- Андреев К.А., Бодренкова Г.П., Завертяева Ю.А., Захарова Е.А., Зленко А.Н., Прокохина М.И., Решетников О.В., Тетерский С.В., Тетерская С.Г., Щекина С.С. 2020. Обучение служением. Под ред. О.В. Решетникова, С.В. Тетерского. Москва, Ассоциация волонтерских центров, 216 с.
- Буякова К.И., Малкова И.Ю. 2021. Волонтерство как форма организации образовательной деятельности в контексте «третьей миссии» университета. *Высшее образование в России*, 30(8–9): 69–79. DOI: [10.31992/0869-3617-2021-30-8-9-69-79](https://doi.org/10.31992/0869-3617-2021-30-8-9-69-79)
- Гаеце Сепулведа М.А. 2022. Обучение служением через проектно-прикладную деятельность. Под ред. М.Ю. Славгородской. Москва, Грифон, 90 с.
- Горбуль Ю.А., Юрьева Л.А. 2019. «Service-learning» как технология профессионально-правовой подготовки студентов на базе юридических клиник вузов. *Педагогика. Вопросы теории и практики*, 4(4): 145–151. DOI: <https://doi.org/10.30853/pedagogy.2019.4.26>
- Горлова Н.И., Старовойтова Л.И. 2023. «Обучение служением (действием)» как эффективная методика организации учебного процесса через социально-полезную деятельность в современном образовательном учреждении. *ЦИТИСЭ*, 2(36): 226–235. DOI: [10.15350/2409-7616.2023.2.19](https://doi.org/10.15350/2409-7616.2023.2.19)
- Земцов Д.И. 2023. Сообщества практик будущего в российских университетах: фаблабы, ЦМИТы, кружки. *Высшее образование в России*, 32(5): 36–55. DOI: [10.31992/0869-3617-2023-32-5-36-55](https://doi.org/10.31992/0869-3617-2023-32-5-36-55)
- Земцов Д.И., Метелев А.П., Яшина А.В., Кириенко Л.С., Груздев И.А., Дмитриева А.С., Старцев С.В. 2023. Обучение служением: ключевые результаты исследования зарубежного опыта. Доклад к XXIV Ясинской (Апрельской) международной научной конференции по проблемам развития экономики и общества (Москва, 2023 г.). Москва, Издательский дом Высшей школы экономики, 24 с.
- Зиневич О.В., Балмасова Т.А. 2015. «Третья миссия» и социальная вовлечённость университетов: к постановке проблемы. *Власть*, 6: 67–72.
- Кисляков П.А., Феофанов В.Н., Шмелева Е.А. 2023. Обучение служением – Service Learning в подготовке специального психолога. Иваново, ПресСто, 160 с.
- Крутицкая Е.В. 2018. Организация волонтерского центра в вузе от компетенций к организационной структуре. Москва, Мосволонтер, 162 с.
- Манхейм К. 1994. Идеология и утопия. Пер. с нем. М.И. Левиной. В кн.: Манхейм К. Диагноз нашего времени. Москва, Юрист: 7–276. (Mannheim K. 1929. Ideologie und Utopie. Bonn, Cohen, 250 s.)
- Неволина В.В., Белоновская И.Д., Баранов В.В. 2017. Профессиональное саморазвитие личности в современном образовательном пространстве. Москва, Перо, 199 с.
- Никольский В.С. 2023. Обучение служением в России: становление предметного поля. *Высшее образование в России*, 32(12): 9–28. DOI: [10.31992/0869-3617-2023-32-12-9-28](https://doi.org/10.31992/0869-3617-2023-32-12-9-28)
- Печегина Т., Яшина А. 2023. «Обучение служением». Мировой тренд приходит в Россию. *Позитивные изменения*, 3(3): 15–25. DOI: [10.55140/2782-5817-2023-3-3-15-25](https://doi.org/10.55140/2782-5817-2023-3-3-15-25)
- Решетников О.В. 2017. Технологии социального служения в практике подготовки муниципальных служащих. *Местное право*, 2: 17–25.
- Самыгин С.И., Столяренко Л.Д., Суржигов М.А., Усенко А.М., Волочай А.В., Бурмистров В.С. 2023. Обучение служением. Москва, КноРус, 444 с.
- Солонин С.И., Кортков С.В. 2003. Качество образования: проблемы и задачи изменения внутренней среды вуза. *Университетское управление: практика и анализ*, 2(25): 64–69.
- Суржигов М.А., Усенко А.М., Самыгин С.И. 2023. Курс «обучение служением» как инновационная Российская образовательная методика. *Вестник Южно-Российского государственного технического университета. Серия: Социально-экономические науки*, 16(2): 275–283. DOI: [10.17213/2075-2067-2023-2-275-283](https://doi.org/10.17213/2075-2067-2023-2-275-283)



- Федотова В.Г. 2014. Академическая и (или) постакадемическая наука? *Вопросы философии*, 8: 44–53.
- Филимонов К.Г., Топычканов А.В. 2020. «Идеи университета»: за пределами этатизма, менеджериализма и «башни из слоновой кости» (к вопросу о медиативных функциях университета). *Антиномии*, 20(2): 104–126. DOI: [10.24411/2686-7206-2020-10204](https://doi.org/10.24411/2686-7206-2020-10204)
- Arksey H., O'Malley L. 2005. Scoping studies: towards a methodological framework. *International Journal of Social Research Methodology*, 8(1): 19–32. DOI: [10.1080/1364557032000119616](https://doi.org/10.1080/1364557032000119616)
- Bringle R.G., Hatcher J.A. 1996. Implementing Service Learning in Higher Education. *The Journal of Higher Education*, 67(2): 221–239. DOI: [10.1080/00221546.1996.11780257](https://doi.org/10.1080/00221546.1996.11780257)
- Butin D.W. *Service Learning in Theory and Practice. The Future of Community Engagement in Higher Education*. New York, Palgrave Macmillan, 174 p. DOI: [10.1057/9780230106154](https://doi.org/10.1057/9780230106154)
- Salam M., Awang Iskandar D.N., Ibrahim D.H.A., Farooq M.S. 2019. Service learning in higher education: a systematic literature review. *Asia Pacific Education Review*, 20(4): 573–593. DOI: [10.1007/s12564-019-09580-6](https://doi.org/10.1007/s12564-019-09580-6)

References

- Andreev K.A., Bodrenkova G.P., Zavertyaeva Yu.A., Zakharova E.A., Zlenko A.N., Prokikhina M.I., Reshetnikov O.V., Teterskii S.V., Teterskaya S.G., Shchekina S.S. 2020. Obuchenie sluzheniem [Service learning]. Eds. O.V. Reshetnikov, S.V. Teterskogo. Moscow, Publ. Assotsiatsiya volonterskikh tsentrov, 216 p.
- Buyakova, Ch.I., Malkova, I.Yu. 2021. Volunteering as a Form of Students' Educational Activities in the Context of the University's Third Mission. *Higher Education in Russia*, 30(8–9): 69–79 (in Russian). DOI: [10.31992/0869-3617-2021-30-8-9-69-79](https://doi.org/10.31992/0869-3617-2021-30-8-9-69-79)
- Gaete Sepulveda M.A. 2022. Obuchenie sluzheniem cherez proektno-prikladnyuyu deyatel'nost' [Service Learning through Project-Applied Activities]. Ed. M.Yu. Slavgorodskaya. Moscow, Publ. Grifon, 90 p.
- Gorbul' Y.A., Yur'eva L.A. 2019. Service-learning as a technology of professional legal training on the basis of higher school juridical clinics. *Pedagogy. Theory & Practice*, 4(4): 145–151 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.30853/pedagogy.2019.4.26>
- Gorlova N.I., Starovoitova L.I. 2023. «Service learning» as an effective method of organizing the educational process through socially useful activities in a modern educational institution. *CITISE*, 2(36): 226–235 (in Russian). DOI: [10.15350/2409-7616.2023.2.19](https://doi.org/10.15350/2409-7616.2023.2.19)
- Zemtsov D.I. 2023. Communities of Practice of the Future in Russian Universities: Fablabs, Centers for Youth Innovative Creativity, Technological Student Circles. *Higher Education in Russia*, 32(5): 36–55 (in Russian). DOI: [10.31992/0869-3617-2023-32-5-36-55](https://doi.org/10.31992/0869-3617-2023-32-5-36-55)
- Zemtsov D.I., Metelev A.P., Yashina A.V., Kirienko L.S., Gruzdev I.A., Dmitrieva A.S., Startsev S.V. 2023. Obuchenie sluzheniem: klyuchevye rezul'taty issledovaniya zarubezhnogo opyta [Service-learning: Key Results of a Study of Foreign Experience]. Report for the XXIV Yasinskaya (April) International Scientific Conference on Problems of Economic and Social Development (Moscow, 2023). Moscow, Publ. Izdatel'skii dom Vysshei shkoly ekonomiki, 24 p.
- Zinevich O.V., Balmasova T.A. 2015. The third mission and social engagement of universities. *The Authority*, 6: 67–72 (in Russian).
- Kislyakov P.A., Feofanov V.N., Shmeleva E.A. 2023. Obuchenie sluzheniem – Service Learning v podgotovke spetsial'nogo psikhologa [Service Learning in the Training of a Special Psychologist]. Ivanovo, Publ. PresSto, 160 p.
- Krutitskaya E.V. 2018. Organizatsiya volonterskogo tsentra v vuze ot kompetentsii k organizatsionnoi strukture [Organization of a volunteer center in a university from competencies to an organizational structure]. Moscow, Publ. Mosvolonter, 162 p.
- Mankheim K. 1994. Ideologiya i utopiya [Ideology and Utopia]. Translated from German M.I. Levina. In: Mankheim K. *Diagnoz nashego vremeni* [Diagnosis of Our Time]. Moscow, Publ. Yurist: 7–276. (Mannheim K. 1929. *Ideologie und Utopie*. Bonn, Cohen, 250 s.)
- Nevolina V.V., Belonovskaya I.D., Baranov V.V. 2017. Professional'noe samorazvitie lichnosti v sovremennom obrazovatel'nom prostranstve [Professional self-development of the individual in the modern educational space]. Moscow, Publ. Pero, 199 p.
- Nikolskiy V.S. 2023. Service-Learning in Russia: Scoping Review. *Higher Education in Russia*, 32(12): 9–28 (in Russian). DOI: [10.31992/0869-3617-2023-32-12-9-28](https://doi.org/10.31992/0869-3617-2023-32-12-9-28)
- Reshetnikov O.V. 2017. Innovative social technologies as the basis's mechanism for civilizational, national and local communities development. *Local Law*, 2: 17–26 (in Russian).

- Samygin S.I., Stolyarenko L.D., Surzhikov M.A., Usenko A.M., Volochai A.V., Burmistrov V.S. 2023. Obuchenie sluzheniem [Learning by Ministry]. Moscow, Publ. KnoRus, 444 p.
- Solonin S.I., Kortov S.V. 2003. The quality of education: problems and tasks of changing university internal environment. *University Management: Practice and Analysis*, 2(25): 64–69 (in Russian).
- Surzhikov M.A., Usenko A.M., Samygin S.I. 2023. The course «Learning by Service» as an innovative Russian educational methodology. *Bulletin of the South Russian State Technical University. Series: Socio-economic Sciences*, 16(2): 275–283 (in Russian). DOI: [10.17213/2075-2067-2023-2-275-283](https://doi.org/10.17213/2075-2067-2023-2-275-283)
- Filimonov K.G., Topychkanov A.V. 2020. The idea of a university: beyond étatism, managerialism, and “ivory tower” (on intermediary functions of a university). *Antinomies*, 20(2): 104–126 (in Russian). DOI: [10.24411/2686-7206-2020-10204](https://doi.org/10.24411/2686-7206-2020-10204)
- Fedotova V.G. 2014. Academic and (or) Post-Academic Science? *Voprosy Filosofii*, 8: 44–53.
- Arksey H., O'Malley L. 2005. Scoping studies: towards a methodological framework. *International Journal of Social Research Methodology*, 8(1): 19–32. DOI: [10.1080/1364557032000119616](https://doi.org/10.1080/1364557032000119616)
- Bringle R.G., Hatcher J.A. 1996. Implementing Service Learning in Higher Education. *The Journal of Higher Education*, 67(2): 221–239. DOI: [10.1080/00221546.1996.11780257](https://doi.org/10.1080/00221546.1996.11780257)
- Butin D.W. ServiceLearning in Theory and Practice. The Future of Community Engagement in Higher Education. New York, Palgrave Macmillan, 174 p. DOI: [10.1057/9780230106154](https://doi.org/10.1057/9780230106154)
- Salam M., Awang Iskandar D.N., Ibrahim D.H.A., Farooq M.S. 2019. Service learning in higher education: a systematic literature review. *Asia Pacific Education Review*, 20(4): 573–593. DOI: [10.1007/s12564-019-09580-6](https://doi.org/10.1007/s12564-019-09580-6)

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию 20.09.2024

Received September 20, 2024

Поступила после рецензирования 29.11.2024

Revised November 29, 2024

Принята к публикации 10.12.2024

Accepted December 10, 2024

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Шаркунова Екатерина Владимировна, заведующая отделом социально-воспитательной работы Кумертауского филиала, Оренбургский государственный университет, г. Кумертау, Россия.

Ekaterina V. Sharkunova, Head of the Department of Social and Educational Work, Kumertau branch Orenburg State University, Kumertau, Russia.

Неволина Виктория Васильевна, заведующая кафедрой общей и профессиональной педагогики, Оренбургский государственный университет, г. Оренбург, Россия.

Victoria V. Nevolina, Head of the Department of General and Professional Pedagogy, Orenburg State University, Orenburg, Russia.



ЯЗЫКОЗНАНИЕ LINGUISTICS

УДК 811.581

DOI 10.52575/2712-7451-2024-43-4-486-495

Введение графических заимствований терминологии из сферы искусственного интеллекта в классификацию неисконной лексики китайского языка

Баланчуков Д.А., Чекулай И.В.

Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Россия, 3008015, г. Белгород, ул. Победы, д. 85

dbalanchukov@yandex.ru

Аннотация. Развитие технологий и глобализация привели к большему количеству иностранной лексики в любом относительно распространённом языке, в том числе китайском. Среди заимствований терминологии в китайском языке, особенно в сфере искусственного интеллекта, распространены графические заимствования, однако классические классификации китайской заимствованной лексики не включают в себя этот, относительно новый для китайского языка, способ. Цель исследования – доказать, что графический способ заимствования является актуальным способом пополнения китайской лексики, и дополнить им классические классификации неисконной лексики. В процессе исследования проанализированы термины из сферы искусственного интеллекта, представляющие каждую из групп заимствований из новой классификации. Самыми распространёнными заимствованиями во всех сферах традиционно являются семантические, однако графические заимствования также часто встречаются в сфере искусственного интеллекта, что выделяет её на фоне других сфер китайского языка. В результате исследования получена обновлённая классификация заимствованной лексики в китайском языке, пригодной для анализа и рассмотрения современной лексики китайского языка. Данная классификация и примеры заимствованных терминов из сферы искусственного интеллекта могут быть полезны лингвистам-китаистам и программистам, интересующимся развитием искусственного интеллекта в Китайской Народной Республике.

Ключевые слова: китайский язык, искусственный интеллект, ИИ, терминология, заимствования, путунхуа

Для цитирования: Баланчуков Д.А., Чекулай И.В. 2024. Введение графических заимствований терминологии из сферы искусственного интеллекта в классификацию неисконной лексики китайского языка. *Вопросы журналистики, педагогики, языкознания*, 43(4): 486–495. DOI: 10.52575/2712-7451-2024-43-4-486-495

Introduction of Graphical Borrowings of AI Terminology into the Classification of Non-native Vocabulary of the Chinese language

Dmitrii A. Balanchukov, Igor V. Chekulai

Belgorod State National Research University,
85 Pobeda St, Belgorod 308015, Russian Federation

dbalanchukov@yandex.ru

Abstract. The development of technology and globalization have led to more foreign vocabulary in any relatively common language, including Chinese. Graphic borrowings are common among the borrowings of terminology in the Chinese language, especially in the field of artificial intelligence, but the traditional

classifications of Chinese borrowed vocabulary do not include this method, which is relatively new to the Chinese language. The purpose of the study is to prove that the graphical method of borrowing is an actual way to replenish the Chinese vocabulary, and to complement the traditional classifications of non-native vocabulary with it. In the course of the research, terms from the field of artificial intelligence representing each of the groups of borrowings from the new classification are analyzed. The most common borrowings in all areas are traditionally semantic, but graphical borrowings are also common in the field of artificial intelligence, which distinguishes it from other areas of the Chinese language. As a result of the study, an updated classification of borrowed vocabulary in the Chinese language was obtained, suitable for the analysis and consideration of modern Chinese vocabulary. This classification and examples of borrowed terms from the field of artificial intelligence may be useful to Chinese linguists and programmers interested in the development of artificial intelligence in the People's Republic of China.

Keywords: Chinese, Chinese language, artificial intelligence, Mandarin, AI, terminology, borrowings, Putonghua

For citation: Balanchukov D.A., Chekulai I.V. 2024. Introduction of Graphical Borrowings of AI Terminology into the Classification of Non-native Vocabulary of the Chinese language. *Issues in Journalism, Education, Linguistics*, 43(4): 486–495 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-7451-2024-43-4-486-495

Введение

С каждым днём сфер применения искусственного интеллекта (ИИ) становится всё больше. Если раньше сама идея искусственного интеллекта казалась утопией, то сегодня практически каждый житель любой цивилизованной страны так или иначе сталкивается с работой ИИ – он активно применяется в сфере безопасности, военном деле, промышленности, медицине и даже в быту. ИИ получил бурное развитие именно в США, как и многие другие технологии из компьютерной сферы, поэтому терминология ИИ в своей массе пришла из англоязычных стран, в основном из тех же США; благодаря этому даже в русском языке многие термины из этой сферы не переводятся. В китайском языке процесс заимствования является более комплексным, чем в русском и английском языках: как к семантическим, так и к фонетическим заимствованиям необходимо подбирать иероглифы, и поэтому, прежде чем заимствовать любое слово в китайский, необходимо выполнять определённый алгоритм действий в зависимости от способа заимствования (в случае семантического заимствования – перевод слова или его частей, в случае фонетического заимствования – членение заимствующегося слова на слоги, подбор к слогам позитивных или нейтральных по значению иероглифов, в случае, если заимствование смешанное, действия комбинируются между собой). Однако графические заимствования проникают в китайский язык гораздо проще.

Проблема заключается в том, что классические классификации китайской заимствованной лексики не включают в себя графический (буквенный) способ заимствования. В.И. Горелов, автор самой распространённой классификации, выделяет лишь семантический, фонетический и смешанный способы [Горелов, 1984]. А.Л. Семенас выделяет пять способов заимствования, из которых два – те же семантический и фонетический, а остальные три – смешанные, в основе которых лежат либо фонетический, либо семантический способы [Семенас, 2005]. И.Д. Кленин и В.Ф. Щичко выделяют только два способа: калькирование (семантический) и звуковой (фонетический) [Кленин, Щичко, 2013]. Графический способ заимствования считается относительно новым способом заимствования иноязычной лексики, поскольку ранее в китайском языке было непозволительно использовать лексические элементы из других языков, но с развитием технологий и глобализацией взаимодействие между народами и языками значительно возросло, что привело к большому количеству иностранной лексики в любом относительно распространённом языке, и китайский – не исключение. В нашем исследовании мы рассматриваем лексику из сферы искусственного интеллекта, потому что именно на



примере этой новой, недавно появившейся, и, соответственно, недавно заимствованной в китайский язык лексики можно наглядно показать усилившуюся роль графического способа заимствования в процессе пополнения современного китайского языка иностранными терминами. Поэтому отсутствие графического способа в вышеприведённых классификациях иноязычной лексики абсолютно справедливо, если учитывать их время публикации, однако сегодня, когда к графическому способу заимствования носители китайского языка стали обращаться значительно чаще, его игнорирование и невключение в классификацию считаем неправильным.

В этом исследовании мы разберём способы заимствования в китайском языке, приведём примеры заимствований из сферы ИИ, а также проанализируем мотивацию использования того или иного способа применительно к терминологии из этой сферы с целью доказать, что графический способ заимствования полноправно может считаться таким же важным и актуальным способом пополнения китайской лексики, как и традиционно выделяемые семантический, фонетический и смешанный.

Объекты и методы исследования

Объектом исследования выступают семантический, фонетический, смешанный и графический способы заимствования китайского языка и термины из сферы искусственного интеллекта, пришедшие в китайский язык с помощью этих способов.

В ходе изучения и описания результатов работы использовались следующие методы исследования: описательный, интерпретационный, сопоставительный, анализ, синтез, классификация, конкретизация, обобщение.

Результаты и их обсуждение

Способы заимствования

Учёные-лингвисты выделяют разные способы заимствования в китайском языке. Классической считается классификация В.И. Горелова, в которой выделяются фонетический (звуковой), семантический (калькирование) и смешанный (фонетический + семантический в разном порядке) способы заимствования [Горелов, 1984]. Её мы и будем использовать в качестве основы обновлённой классификации иноязычной лексики. Компьютерная терминология в китайском языке требует расширенной классификации, так как большинство терминов в ней заимствованы из английского языка; более того, очевидно, что компьютерной терминологией в основном пользуются люди, занятые в этой сфере (программисты, разработчики компьютерных игр и т. д.), поэтому компьютерная сфера в любом языке, в том числе и в китайском, наполнена специфичными компьютерными жаргонизмами. Поскольку ИИ непосредственно связан с компьютерными технологиями, то к терминологии из этой сферы должна применяться та же классификация, что и к компьютерной: вышеупомянутые фонетический, семантический и смешанный способы, а также графический способ, предполагающий написание (и часто произнесение) слова таким образом, как оно пишется и произносится в родном языке [Стручалина, Баланчуков, 2022].

Заимствования из сферы искусственного интеллекта

В китайском языке есть определённые принципы, по которым в него заимствуется лексика из других языков. Чаще всего используется **семантический способ**, который предполагает деление слова или словосочетания на значимые элементы и их перевод на китайский. Немного реже используется **фонетический способ**, ещё реже – **смешанный**, а **графический способ** не пользуется значительной популярностью, так как предполагает использование неисконных китайских лексических единиц, чего китайский язык «избегает» [Кленин, Щичко, 2013]. Однако в компьютерной сфере графический метод используются довольно часто, поскольку графическими заимствованиями в основном пользуются программисты, которые всегда стремятся к упрощению языка и общаются с помощью

специфичных слов и сокращений. Кроме этого, самые популярные языки программирования написаны на базе английского, что прямо располагает к использованию английских терминов [Бачурин, 2017]. Сфера ИИ как подсфера компьютерной не стала исключением, даже само понятие «искусственный интеллект» (в английском – *AI*, сокращение от *artificial intelligence*) в китайском часто записывается с помощью графического способа, то есть так же, как в английском [Ding, 2018]:

Англ. яз.: Our **AI** algorithm considered all these ambiguities.

Кит. яз.: 我们的 AI 算法考虑了所有这些可能。[AI. 2024].

Перевод на русск. яз.: Наш алгоритм искусственного интеллекта учитывает все эти неоднозначности.

Рассмотрим больше примеров заимствований в компьютерной сфере, распределив их в соответствии со способами, с помощью которых они вошли в состав лексики китайского языка.

Фонетические и смешанные заимствования

Фонетический способ заимствования, также известный как звуковой, заимствует внешнюю форму слова, то есть то, как оно звучит. Такие слова звучат схоже с оригинальными и тем не менее отличаются от них, так как звуковой способ предполагает использование исконных китайских элементов, то есть слогов, которых в китайском около 400 [Иванов, 1973]. На письме такие заимствования всё равно записываются с помощью иероглифов, поэтому на первый взгляд фонетическое заимствование выглядит очень похоже на исконное китайское слово, потому что обладает теми же характеристиками: записывается иероглифами и имеет пиньинь. Особенно трудно будет отличить такое слово от исконного, если не знать оригинальное слово в языке, из которого оно пришло. В компьютерной сфере фонетический способ чаще всего используется для заимствования имён собственных [Тань, 2017].

Смешанный способ предполагает использование элементов как заимствованных с помощью фонетического способа, так и пришедших в китайский язык благодаря семантическому способу.

В рамках этого исследования мы объединили фонетические заимствования и термины, вошедшие в китайский с помощью смешанного способа, в одну группу, поскольку в сфере ИИ фонетический способ практически не применяется. Это связано с тем, что термины из сферы ИИ более сложные и комплексные по сравнению с терминами из других сфер. Кроме того, в сфере ИИ мало имён собственных, они встречаются лишь в составе смешанных заимствований, например, в терминах, обозначающих какие-либо технологии, методологии, тесты, названные в честь своих авторов, где именно имя автора и будет представлено с помощью звукового способа [Куранова и др., 2018].

Например:

• **Dartmouth Worskhop** – двухмесячный научный семинар по вопросам искусственного интеллекта, проведённый летом 1956 года в Дартмутском колледже. Китайский вариант: 达特茅斯研讨会 [dátè máosī yántǎohuì], где 达特茅斯 [dátè máosī] – фонетически заимствованный элемент, обозначающий название колледжа, где был проведён этот семинар (Dartmouth College); 研讨会 [yántǎohuì] – семантически заимствованный элемент, обозначающий слово “conference” (русск. «конференция») [Левина, 2009].

• **Turing Test** (русск. «Тест Тьюринга», эмпирический тест Алана Тьюринга, целью которого было выяснить, может ли машина мыслить). Китайский вариант: 图灵测试 [tú líng cè shì], где 图灵 [tú líng] – фонетически заимствованный элемент, обозначающий фамилию автора теста (*Turing*); 测试 [cè shì] – семантически заимствованный элемент, обозначающий слово “test” (русск. «тест») [Roberts et al., 2020].

Как мы видим, приведённые названия, заимствованные в китайский язык, относятся к сфере ИИ, но лишь опосредованно, поскольку они отсылают к названиям определённого



семинара или теста. Термины *Dartmouth Workshop* и *Turing Test* наполовину состоят из имён собственных (*Dartmouth* и *Turing*), и поэтому эти конкретные имена собственные заимствованы в китайский с помощью фонетического способа, так как аналогов этих имён в китайском нет, а слова *Workshop* (досл. «мастерская») и *Test* (русс. «тест») переведены, поскольку аналоги этих слов в китайском есть. Подобные заимствования встречаются в китайском языке довольно редко, так как они связаны с историей ИИ, а не с его настоящим [Бачурин, 2017].

Графические заимствования

Как мы уже упомянули выше, графические заимствования используются в китайском довольно редко, так как они предполагают знание каких-либо единиц из других языков (обычно – английского), но компьютерная сфера (и, соответственно, сфера ИИ) является исключением. Поскольку программисты, разработчики и все, кто занимается этими сферами, обычно владеют английским языком, то для них не составляет никакой проблемы записать слово в китайском тексте латинскими буквами с помощью клавиатуры, поскольку для набора китайских иероглифов используется латиница, ведь именно она составляет основу пиньиня, который и используется для набора иероглифов в китайском. У этого есть практический смысл, так как с помощью графического способа чаще всего записываются и печатаются аббревиатуры [Кислов, Колпачкова, 2017]. В этом случае логичнее записать аббревиатуру из нескольких латинских букв, чем набирать несколько слогов на пиньине, чтобы получить несколько иероглифов.

Приведём примеры:

• **AlphaGo** – программа для игры в го (японская игра). По-китайски термин может записываться с помощью графического способа, а также с помощью смешанного способа как 阿尔法围棋 [ā'ěrfǎ wéiqí], где 阿尔法 [ā'ěrfǎ] – фонетически заимствованный элемент, обозначающий слово *alpha* (русс. «альфа»); 围棋 [wéiqí] – семантически заимствованный элемент, обозначающий слово “go” (в текущем контексте – название японской игры).

Кит. яз.: 上海之巅“未来艺术 X 大佬论坛、艺术”Alpha Go“中国行的首席战略合作伙伴 [Alpha Go, 2024].

Перевод на русск. яз.: Главный стратегический партнер форума Top of Shanghai Future Art X Big Brother Forum и тура **Alpha Go** в Китае.

Кит. яз.: “人机大战”电脑获胜：人工智能程序“阿尔法围棋”击败当时世界排名第二的韩国棋手李世石。就在 10 年前，许多专家认为电脑绝不会在围棋上战胜人类的世界冠军。[阿尔法围棋, 2024].

Перевод на русск. яз.: «Компьютер выиграл битву „человек против машины“: программа искусственного интеллекта **Alpha Go** победила Ли Седоля, южнокорейского игрока, занимавшего на тот момент второе место в мире. Ещё 10 лет назад многие эксперты считали, что компьютер никогда не сможет победить человека, чемпиона мира по игре в го.

• **ANFIS** (adaptive network-based fuzzy inference system, русск. «адаптивная сеть на основе системы нечёткого вывода») – искусственная нейронная сеть, основанная на нечёткой системе вывода Такаги-Сугено. По-китайски термин может записываться с помощью графического способа, а также с помощью семантического способа как (构建预测器 [gòujiàn yùcèqì], где 构建 – создавать, строить; 预测器 – предиктор) [Шуршалова, 2020]:

Кит. яз.: 提出了一种利用神经模糊推理系统 (ANFIS) 构建预测器的图像压缩预测编码算法。

Перевод на русск. яз.: В данной статье представлена модель прогностического кодирования, основанная на адаптивной сети на основе системы нечёткого вывода (**ANFIS**).

Из примеров с терминами **ANFIS** и **AlphaGo** становится ясно, что некоторые термины из сферы ИИ могут быть представлены в китайском с помощью нескольких способов.

Использование того или иного способа зависит от ситуации. Например, если говорящий не уверен в том, что слушатель знаком с терминами, которые он собирается использовать в речи, он может сказать более простое для понимания слово, объясняющий эти понятия (в случае с терминами ANFIS и AlphaGo – смешанный и семантический способы соответственно).

DeepMind (досл. «глубокий ум») – британская компания, занимающаяся искусственным интеллектом. Термин может быть также представлен в китайском с помощью семантического способа: 深度心灵 [shēndù xīnlíng], где 深度 – глубокий, 心灵 – ум [Буров, Семенас, 2007, с. 543].

MYCIN – экспертная система, оперировавшая пациентов с помощью простой машины вывода и базы знаний из ~600 правил. Название системы происходит от суффикса «-мицин», часто встречающийся в названиях антибиотиков. В китайском языке термин представлен с помощью графического способа, то есть так, как в английском [Памяти переводов, 2023].

Семантические заимствования

Нижеприведённые примеры наглядно показывают принцип работы семантического способа заимствования китайского языка: сначала заимствующийся термин делится на семантически значимые элементы, а потом к каждому из них подбираются уже имеющиеся в китайском языке варианты [Семенас, 2005]. Именно из-за того, что обычно семантические заимствования состоят из слов, уже знакомых носителям китайского, калькирование используется чаще остальных способов заимствования. Сфера ИИ не стала исключением: в ней большинство терминов также проникает в китайский с помощью семантического способа [Barton et al., 2017]. Подавляющее большинство терминов из сферы ИИ являются кальками с английского языка.

Вот некоторые из них:

• **Artificial General Intelligence (AGI)** (русс. «*сильный и слабый искусственные интеллекты*») – гипотеза в философии ИИ, согласно которой некоторые формы ИИ могут действительно обосновывать и решать проблемы. Китайский вариант – 通用人工智能 [tōngyòng réngōng zhìnéng], где 通用 – общепринятый, универсальный, 人工智能 – искусственный интеллект [Решетникова, 2020].

• **Artificial Immune Systems (AIS)** (русс. «*искусственная иммунная система*») – класс автоматизированных вычислительных систем, которые основаны на принципах и процессах иммунной системы позвоночных. Китайский вариант – 人工免疫系统 [réngōng miǎnyì xìtǒng], где 人工免疫 – искусственный интеллект, 系统 – система [Ding, 2019, 20.04.2024].

• **Data Mining** (русс. «*добыча данных*») – собирательное название, используемое для обозначения совокупности методов обнаружения в данных ранее неизвестных, нетривиальных, практически полезных и доступных интерпретации знаний, необходимых для принятия решений в различных сферах человеческой деятельности. Китайский вариант – 数据挖掘 [shùjù wājué], где 数据 – данные, 挖掘 – добыча [Куфтырева, 2020, 16.05.2024].

• **Information Retrieval** (русс. «*информационный поиск*») – процесс поиска неструктурированной документальной информации, удовлетворяющей информационные потребности, и наука об этом поиске. Китайский вариант – 信息检索 [xìnxī jiǎnsuǒ], где 信息 – информация, 检索 – поиск.

• **Pattern Recognition** (русс. «*теория распознавания образа*») – раздел информатики и смежных дисциплин, развивающий основы и методы классификации и идентификации предметов, явлений, сигналов, процессов, ситуаций и т.п. объектов, которые характеризуются конечным набором некоторых свойств и признаков. Китайский вариант – 图案识别 [tú'àn shíbié], где 图案 – схема, чертёж, эскиз, 识别 – идентифицировать.

Семантический способ заимствования является самым распространённым способом адаптации иностранной лексики, поскольку семантический способ стремится к объяснению нового термина благодаря уже известным китайцам семантическим элементам [Щичко, 2007].

В этом исследовании мы установили, что при адаптации терминов из сферы ИИ используются классические способы заимствования китайского языка (семантический, фонетический и смешанный) и менее традиционный графический способ, переносящий слово в язык в той форме, в которой он существует в родном языке. В сравнении с другими сферами китайского языка, именно в сфере ИИ можно встретить очень много графических заимствований, но, естественно, самым распространённым способом является семантический, это не может измениться в силу устройства китайского языка [Горелов, 1984]. Фонетический способ практически не используется при переносе полноценных лексем из сферы ИИ, он может быть использован лишь в составе уже оформленных смешанных заимствований; благодаря фонетическому способу обычно заимствуются имена собственные (например, фамилии людей, в честь которых были названы какие-либо технологии или тесты из сферы ИИ).

Заключение

Поскольку сфера искусственного интеллекта технически является частью сферы компьютерных технологий, то для рассмотрения заимствований из сферы ИИ уместно применять ту же классификацию, которая используется при рассмотрении компьютерных терминов. После рассмотрения определённого количества терминов из сферы ИИ можно установить, что из сферы ИИ в китайский язык проникает относительно большое количество терминов, заимствованных с помощью графического способа. Причина заключается в том, что в сфере ИИ много аббревиатур, а аббревиатуры часто уместнее записывать именно с помощью графического способа. Из этого можно сделать вывод, что рассмотрение заимствованной лексики из сферы ИИ не представляется возможным без включения в стандартную классификацию способов заимствования графического способа.

По нашему мнению, цель, поставленная перед началом исследования, достигнута в полной мере: мы разобрали способы заимствования в китайском языке, пришли к выводу, что выделяемых традиционно трёх способов заимствования для рассмотрения терминов из сферы ИИ недостаточно, дополнили классическую классификацию недостающим для рассмотрения лексики графическим способом заимствования, получили наиболее подходящую классификацию для терминов из сферы ИИ.

Важнейший результат исследования заключается в выведенной нами обновлённой классификации заимствованной лексики в китайском языке, пригодной для анализа и рассмотрения современной лексики китайского языка, поскольку сегодня графическим способом заимствования носители китайского языка пользуются значительно чаще, чем раньше, и игнорировать его при рассмотрении неисконной лексики стало невозможно.

Список источников

- Большой Китайско-Русский Словарь (БКРС), онлайн-словарь. URL: <https://bkrs.info/> (дата обращения: 17.05.2024)
- Буров В.Г., Семенас А.Л. 2007. Китайско-русский словарь новых слов и выражений. Москва, Восточная Книга, 736 с.
- Левина О.В. 2009. Большой китайско-русский словарь. Под ред. Н. Цици. Москва, Дом Славянской книги, 640 с.
- Памяти переводов. 2023. MYCIN. Reverso Context. URL: clck.ru/3B6e98 (дата обращения: 25.05.2024)
- AI. 2024. Reverso Technologies Inc. URL: clck.ru/3B6i4k (accessed: 01.06.2024)

- Alpha Go. 2024. Reverso Technologies Inc. URL: clck.ru/3B6YVD (accessed: 23.05.2024)
- Barton D., Woetzel J., Seong J., Tian Q. 2017. Artificial Intelligence: implications for China. McKinsey & Company, April 27, 2017. URL: <https://www.mckinsey.com/featured-insights/china/artificial-intelligence-implications-for-china> (accessed: April 17, 2024)
- Ding J. 2018. Deciphering China's AI Dream: The context, components, capabilities, and consequences of China's strategy to lead the world in AI. Center for the Governance of AI, March 14, 2018. URL: clck.ru/3B6d38 (accessed: April 20, 2024)
- Ding J. 2019. China's Current Capabilities, Policies, and Industrial Ecosystem. Oxford, Oxford University Press, 10 p. URL: https://www.uscc.gov/sites/default/files/June%2020Hearing_Panel%20Jeffrey%20Ding_China%27s%20Current%20Capabilities%2C%20Policies%2C%20and%20Industrial%20Ecosystem%20in%20AI.pdf (accessed: April 20, 2024)
- Glossary of artificial intelligence. 2024. Wikipedia. The Free Encyclopedia. URL: https://en.wikipedia.org/wiki/Glossary_of_artificial_intelligence (accessed: October 23, 2023)
- Translate & Learn. Millions of words and expressions in context. 2024. Reverso Technologies Inc. URL: <https://context.reverso.net/translation/> (accessed: January 15, 2024).
- Alpha Go. 2024. Reverso Technologies Inc. URL: clck.ru/3B6YVD (accessed: 17.05.2024) (in Chinese)

Список литературы

- Бачурин В.В. 2017. Методы заимствования терминологии в области информационных технологий в китайском языке. *Международный научно-исследовательский журнал*, 10–1(64): 70–72. DOI: <https://doi.org/10.23670/IRJ.2017.64.070>
- Горелов В.И. 1984. Лексикология китайского языка. Москва, Просвещение, 216 с.
- Кислов А.В., Колпачкова Е.Н. 2017. Влияние интернета на современный китайский язык. В кн.: Интернет и современное общество. IMS-2017. Труды XX Международной объединенной научной конференции (г. Санкт-Петербург, 21–23 июня 2017 г.). *Компьютерная лингвистика и вычислительные онтологии*, 1. Санкт-Петербург, Университет ИТМО: 72–86.
- Иванов В.В. 1973. Терминология и заимствования в современном китайском языке. Москва, Наука, 173 с.
- Кленин И.Д., Щичко В.Ф. 2013. Лексикология китайского языка. Москва, Восточная Книга, 272 с.
- Куранова А.В., Подкидышева Е.И., Леонова Д.Ю. 2018. Основные виды заимствования в китайском языке. В кн.: Язык и культура. Сборник статей XXVIII Международной научной конференции (г. Томск, 25–27 сентября 2017 г.). Под ред. С.К. Гураль. Томск, Издательский Дом Томского государственного университета: 469–475.
- Куфтырева М.С. 2020. Человеческий фактор в гонке за развитие технологий искусственного интеллекта между КНР и США. *СКИФ. Вопросы студенческой науки*, 4(44): 644–650. URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_43089615_17019936.pdf (дата обращения: 16.05.2024)
- Решетникова М.С. 2020. Китайский опыт развития искусственного интеллекта: промышленная цифровизация. *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Экономика*, 28(3): 536–546. DOI: 10.22363/2313-2329-2020-28-3-536-546
- Семенас А.Л. 2005. Лексика китайского языка. Москва, Восток-Запад, 309 с.
- Стручалина Г.В., Баланчуков Д.А. 2022. Способы заимствования в китайском языке и частотность использования разных способов в компьютерной сфере. В кн.: Китайская цивилизация в диалоге культур. Материалы V международной научно-практической конференции (Москва, 15 февраля 2022 г.). Вып. 3. Под ред. М.П. Бажовой. Москва, Знание-М: 211–219.
- Тань И. 2017. Заимствования в китайском языке и их влияние на китайский язык: анализ лингвистических источников. *Социо- и психолингвистические исследования*, 5: 165–168. URL: clck.ru/3B6iNU (дата обращения: 27.04.2024)
- Шуршалова Е.С. 2020. Программно-стратегическое регулирование искусственного интеллекта в сфере реализации социально-экономических прав в Китае. *Вестник Саратовской государственной юридической академии*, 5(136): 88–95. DOI: [10.24411/2227-7315-2020-10130](https://doi.org/10.24411/2227-7315-2020-10130)
- Щичко В.Ф. 2007. Китайский язык. Теория и практика перевода. Москва, АСТ, Восток-Запад, 224 с.
- Roberts H., Cows J., Morley J., Taddeo M., Wang V., Floridi L. 2020. The Chinese approach to artificial intelligence: an analysis of policy, ethics, and regulation. *AI & Society*, 36: 59–77 (2021). DOI: [10.1007/S00146-020-00992-2](https://doi.org/10.1007/S00146-020-00992-2)



Roberts H., Cows J., Morley J., Taddeo M., Wang V., Floridi L. 2020. The Chinese approach to artificial intelligence: an analysis of policy, ethics, and regulation. *AI & Society*, 36: 59–77 (2021). DOI: [10.1007/S00146-020-00992-2](https://doi.org/10.1007/S00146-020-00992-2)

References

- Bachurin V.V. 2017. Methods of terminology borrowing in the field of information technologies in the Chinese language. *International Research Journal*, 10–1(64): 70–72 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.23670/IRJ.2017.64.070>
- Gorelov V.I. 1984. *Leksikologiya kitaiskogo yazyka* [Lexicology of the Chinese language]. Moscow, Publ. Prosveshchenie, 216 p.
- Kislov A.V., Kolpachkova E.N. 2017. The impact of the internet on the Chinese language. In: Internet i sovremennoe obshchestvo. IMS-2017 [Internet and modern society. IMS-2017]. Proceedings of the XX International Joint Scientific Conference (St. Petersburg, June 21–23, 2017). *Komp'yuternaya lingvistika i vychislitel'nye ontologii*, 1. St. Petersburg, Publ. Universitet ITMO: 72–86.
- Ivanov V.V. 1973. *Terminologiya i zaimstvovaniya v sovremennom kitaiskom yazyke* [Terminology and borrowings in modern Chinese]. Moscow, Publ. Nauka, 173 p.
- Klenin I.D., Shchichko V.F. 2013. *Leksikologiya kitaiskogo yazyka* [Lexicology of the Chinese language]. Moscow, Publ. Vostochnaya Kniga, 272 p.
- Kuranova A.V., Podkidysheva E.I., Leonova D.Yu. 2018. Osnovnye vidy zaimstvovaniya v kitaiskom yazyke [Main types of borrowings in Chinese]. In: *Yazyk i kul'tura* [Language and culture]. Collection of articles of the XXVIII International Scientific Conference (Tomsk, September 25–27, 2017). Ed. S.K. Gural'. Tomsk, Publ. Izdatel'skii Dom Tomskogo gosudarstvennogo universiteta: 469–475.
- Kuftyreva M.S. 2020. The human factor in the race for the development of Artificial Intelligence between China and the United States. *SKIF. Voprosy studentcheskoi nauki*, 4(44): 644–650. URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_43089615_17019936.pdf (accessed: March 16, 2024)
- Reshetnikova M.S. 2020. China's AI experience: industrial digitalization. *RUDN Journal of Economics*, 28(3): 536–546 (in Russian). DOI: [10.22363/2313-2329-2020-28-3-536-546](https://doi.org/10.22363/2313-2329-2020-28-3-536-546)
- Semenas A.L. 2005. *Leksika kitaiskogo yazyka* [Vocabulary of the Chinese language]. Moscow, Publ. Vostok-Zapad, 309 p.
- Struchalina G.V., Balanchukov D.A. 2022. Sposoby zaimstvovaniya v kitaiskom yazyke i chastotnost' ispol'zovaniya raznykh sposobov v komp'yuternoj sfere [Borrowing methods in Chinese and the frequency of use of different methods in the computer field]. In: *Kitaiskaya tsivilizatsiya v dialoge kul'tur* [Chinese civilization in the dialogue of cultures]. Materials of the V international scientific and practical conference (Moscow, February 15, 2022). Vol. 3. Ed. M.P. Baeva. Moscow, Publ. Znanie-M: 211–219.
- Tan' I. 2017. Borrowings in Chinese and their influence on the Chinese language: the analysis of Chinese linguistic sources. *Socio- and psycholinguistic studies*, 5: 165–168 (in Russian). Available at: clck.ru/3B6iNU (accessed: April 27, 2024)
- Shurshalova E.S. 2020. Program and Strategic Regulation of Artificial Intelligence in the Sphere of Realization of Socio-Economic Human Rights in China. *Bulletin Saratov State Law Academy*, 5(136): 88–95 (in Russian). DOI: [10.24411/2227-7315-2020-10130](https://doi.org/10.24411/2227-7315-2020-10130)
- Shchichko V.F. 2007. *Kitaiskii yazyk. Teoriya i praktika perevoda* [Chinese language. Theory and practice of translation]. Moscow, Publ. Vostok-Zapad, 224 p.
- Roberts H., Cows J., Morley J., Taddeo M., Wang V., Floridi L. 2020. The Chinese approach to artificial intelligence: an analysis of policy, ethics, and regulation. *AI & Society*, 36: 59–77 (2021). DOI: [10.1007/S00146-020-00992-2](https://doi.org/10.1007/S00146-020-00992-2)

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию 20.03.2024

Поступила после рецензирования 27.04.2024

Принята к публикации 10.06.2024

Received March 20, 2024

Revised April 27, 2024

Accepted June 10, 2024

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Баланчуков Дмитрий Алексеевич, аспирант института межкультурной коммуникации и международных отношений, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, г. Белгород, Россия.

Чекулай Игорь Владимирович, доктор филологических наук, профессор кафедры английской филологии и межкультурной коммуникации, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, г. Белгород, Россия.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Dmitrii A. Balanchukov, Postgraduate Student of the Institute of Cross-cultural Communication and International Relations, Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia.

Igor V. Chekulai, Doctor of Philology, Professor of the Department of English Philology and Intercultural Communication, Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia.



УДК 81'33

DOI 10.52575/2712-7451-2024-43-4-496-505

Особенности грамматической репрезентации гендерных паттернов поведения в конфликте в уэльсской разновидности английского языка

Галеева А.И.

Высшая школа экономики,
Россия, 109028, г. Москва, Покровский бульвар, д. 11
galeeva.arina@yandex.ru

Аннотация. При возрастающем уровне социальной напряженности в мировом сообществе необходим поиск методов вербализации паттернов поведения в конфликте и эмоциональных реакций на конфликт. Большинство исследований по данной тематике посвящены сугубо лексическим средствам вербализации паттернов поведения в конфликте, тогда как без анализа грамматической составляющей не представляется возможным формирование целостного представления об исследуемом феномене. В связи с этим целью исследования является выявление преобладающих представлений о гендерно-специфических грамматических моделях репрезентации конфликта в контексте англоязычного сообщества Уэльса. Материалом исследования с применением корпусной методологии послужил роман уэльского писателя Н. Гриффита "Broken Ghost". Сделаны выводы о преобладающих функциональных особенностях грамматической репрезентации конфликта: сосредоточенности на внутреннем субъективном конфликте, повышении уровня абстракции для представлений о «феминном» языке конфликта и склонности к ассертивной репрезентации конфликта для «маскулинных» представлений.

Ключевые слова: конфликт, гендер, релативизация, грамматическая метафора, парцелляция

Для цитирования: Галеева А.И. 2024. Особенности грамматической репрезентации гендерных паттернов поведения в конфликте в уэльсской разновидности английского языка. *Вопросы журналистики, педагогики, языкознания*, 43(4): 496–505. DOI: 10.52575/2712-7451-2024-43-4-496-505

Grammatical Representation of Gender-Specific Patterns of Behaviour in a Conflict in Welsh English

Arina I. Galeeva

Higher School of Economics,
11 Pokrovsky Boul., Moscow 109028, Russian Federation
galeeva.arina@yandex.ru

Abstract. With the increasing level of social tension in the global community, it is necessary to search for methods of behavioural patterns verbalization in conflict and emotional reactions to conflict. Most studies on this topic are devoted exclusively to lexical means of verbalizing patterns of behavior in conflict, whereas it is impossible to form a holistic view of the phenomenon under study without analysing the grammatical component. In this regard, the aim of the study is to identify the prevailing ideas about gender-specific grammatical models of conflict representation in the context of the English-speaking community of Wales. The novel "Broken Ghost" by the Welsh writer N. Griffith served as the research material using the corpus methodology. Conclusions are drawn about the prevailing functional features of grammatical representation of conflict: focus on internal subjective conflict, an increase in the level of abstraction for ideas about the "feminine" language of conflict and a tendency toward an assertive representation of conflict for "masculine" representations.

Keywords: conflict, gender, rhematization, grammatical metaphor, parcellation

For citation: Galeeva A.I. 2024. Grammatical Representation of Gender-Specific Patterns of Behaviour in a Conflict in Welsh English. *Issues in Journalism, Education, Linguistics*, 43(4): 496–505 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-7451-2024-43-4-496-505

Введение

Тенденция к региональному сепаратизму является одной из острых проблем современного глобального сообщества. Стремление к сецессии становится причиной открытого силового конфликта в десятках стран по всему миру. Латентные проявления сепаратистских настроений характерны для еще более широкого спектра государств, и не последнее место в этом списке занимает Соединенное Королевство. По данным агентства независимого анализа социо-политических конфликтов ACLED, только за последние три года в Британии зафиксировано более пяти тысяч случаев проявления протестов на почве национального самоопределения¹. При этом Уэльс неизменно занимает одну из лидирующих позиций по уровню поддержки сепаратистских настроений [Нарочницкая, 2015, с. 41].

Становление антропоцентрической парадигмы в науке обуславливает возрастающий интерес к исследованию инструментальных составляющих конфликта. Проблематика сепаратизма рассматривается уже не исключительно с точки зрения геополитических или экономических факторов [Sautman, 2014; Gehring, Schneider, 2020]. Конфликт анализируется в рамках психологического [Ray, 2018], социокультурного [Hale, 2014; Kaul, 2018], правового исследования [Stern, 2021]. Движущей силой политического конфликта в целом и регионального сепаратизма в частности становится личность во всем многообразии ее субъективных репрезентаций («эмоций, чувств, интуиции, размышлений» [Hale, 2014, p. 42], «человеческого достоинства» и «гендерной динамики» [Hale, 2014, p. 49]).

Возрастающая актуальность проблематики регионального сепаратизма и смещение фокуса внимания в конфликте в сторону индивидуальных особенностей его участников не может не находить отражение в языке. Бесспорна роль гендера в конституировании личности говорящего [Kiesling, 2015]. С учетом этого очевидна возрастающая потребность в сравнительном лингвистическом анализе феминной и маскулинной моделей поведения в конфликте, а также преобладающих в коммуникативном сообществе представлений о таких моделях. Следует отметить, что, хотя изучению особенностей языка конфликта посвящен достаточно широкий пласт исследований [Шейгал, Дешевова, 2009; Соловьянова, 2020; Богинская, 2022; Abdullaev, 2022], вопросами его гендерной специфики озадачивается небольшое число авторов [Верзун, 2005; Shepherd, 2010], причем все доступные нам исследования были посвящены лексико-семантическим и лексико-стилистическим моделям языкового поведения в конфликте (например, использованию стилистически окрашенной лексики, метафорического [Yang, Gao, 2023; Chen, He, 2024] и метонимического переносов, зевгмы). Изучение функциональной грамматической составляющей языка конфликта при этом, насколько мы можем судить, остается косвенным и фрагментарным.

Так, исследование Е.В. Соловьяновой отмечает среди грамматических средств репрезентации агональности риторические вопросы и противительные союзы [Соловьянова, 2020, с. 11–12]. Такое предпочтение, вероятно, объясняется прозрачностью связи между лексемами с компонентом значения «конфликт, противостояние» и агональностью как составляющей языковой личности, а также следующей из этой прозрачности очевидной эффективностью метода семантического анализа для выявления

¹ The Armed Conflict Location & Event Data Project. 2022. ACLED. URL: <https://acleddata.com/data-export-tool/> (дата обращения: 15.11.2022).

таких лексем. Тем временем именно грамматические средства выразительности передают идею конфликта имплицитно, через рематизацию отдельных компонентов высказывания, а значит, требуют функционально-семантического анализа. При этом нельзя отрицать значение грамматических экспрессивных средств для языка конфликта: рематизируя с помощью парцелляции, инверсии и повтора соответствующий компонент высказывания, они выступают выразителями модальной рамки высказывания, ставят слово в пропозициональные отношения [Гак, 1998, с. 206]. Другими словами, наше знание о лингвистике конфликта без анализа грамматики не может быть целостным.

Исходя из вышесказанного, целью настоящего исследования является выявление преобладающих грамматических моделей, характерных для маскулинного и феминного языка конфликта в контексте англоязычного сообщества Уэльса.

Объекты и методы исследования

Исследование проводилось на материале романа англоязычного уэльского писателя Найла Гриффитса "Broken Ghost". Широкое признание, полученное романом, позволяет судить о репрезентативности отраженных в нем представлений о паттернах поведения, признанных характерными для членов коммуникативного сообщества. Роман написан на уэльской разновидности английского языка.

Данный материал представляет интерес с точки зрения гендерного исследования, так как повествование ведется попеременно от лица трех персонажей – двух мужчин и женщины, что позволяет автору передать характерные для англоязычного коммуникативного сообщества Уэльса представления о моделях маскулинного и феминного речевого поведения в конфликте. Персонажи находятся в приблизительно одинаковых жизненных ситуациях – это социально незащищенные жители Уэльса, страдающие от ряда проблем (безработица, низкий уровень жизни, склонность к зависимостям и асоциальному поведению).

Эмпирический материал исследования был поделен на два корпуса: в первом собраны главы романа, в которых повествование ведется от лица мужчин, во втором – от лица женщины. Для того, чтобы данные обоих корпусов были сопоставимы, выборка эмпирического материала каждого корпуса была нормализована методом десятичного масштабирования (на 10 000 единиц корпуса, с округлением до целых).

В ходе корпусного анализа выборки были выявлены следующие средства грамматической экспликации конфликта: риторический вопрос, эллипсис, номинализация, абсолютная номинативная конструкция, абсолютная именительная причастная конструкция, назывное предложение, повтор, парцелляция, инверсия, синтаксический параллелизм. Общее число случаев грамматической экспликации конфликта, отобранное посредством метода сплошной выборки, превысило 700 единиц.

Отметим, что в ходе отбора случаев грамматической экспликации конфликта не учитывался ряд грамматических конструкций, являющихся характерной региональной чертой уэльской разновидности английского языка. Наиболее распространенный пример – повтор подлежащего и компонента сказуемого в постпозиции:

(1) *an if he keeps speakin-a me like Am jes out-a <...> nursery he's goin over-a side, **he is**, into-a <...> river.*

‘а если он продолжит со мной так разговаривать, будто он только <...> из яслей, то он полетит, полетит прямо <...> в реку’

Данная структура не может рассматриваться как грамматическое средство выразительности (экспрессивный повтор), так как является языковой нормой для уэльской региональной разновидности английского языка¹. Такие случаи не были включены в анализируемую выборку.

¹ Crystal D. 2019. The Cambridge encyclopedia of the English language. Cambridge Cambridge University Press. P. 355.

Результаты и обсуждение

Каждый случай грамматической репрезентации конфликта был подвергнут функционально-семантическому анализу: были определены субъекты конфликта, а также механизм рематизации компонента значения противостояния. В результате была сформулирована модель гендерной репрезентации конфликта в аспекте регионального сепаратизма.

Результаты исследования демонстрируют в первую очередь значительно более высокое число случаев грамматической экспликации идеи конфликта в маскулинном корпусе (118 единиц на 10 000 в маскулинном корпусе и 58 единиц на 10 000 в феминном корпусе). Основные паттерны для маскулинного корпуса (по критерию субъекта конфликта) включали в себя модель внутреннего противостояния говорящего собственным вредным привычкам и пристрастиям, модель противостояния тяжелым социально-экономическим условиям жизни, а также модель противоборства с «другими», а именно с англичанами. Превалирующие модели в феминном корпусе включали внутреннюю борьбу с мрачными перспективами будущего, борьбу с саморазрушительными паттернами поведения (алкогольная и наркотическая зависимость), противодействие тяжелым ментальным состояниям (депрессии, апатии).

Каждая представленная в выборке модель конфликта (рис. 1) была проанализирована с точки зрения частотности применения для ее экспликации конкретных грамматических паттернов. В некоторых примерах для репрезентации модели конфликта применялось более одного грамматического средства, поэтому сумма в ряде примеров превышает количество единиц каждой конкретной модели в выборке.

Результаты анализа гендерно-специфичных механизмов грамматической репрезентации конфликта в аспекте регионального сепаратизма представлены в таблице после нормализации на 10 000 единиц с округлением до целых.

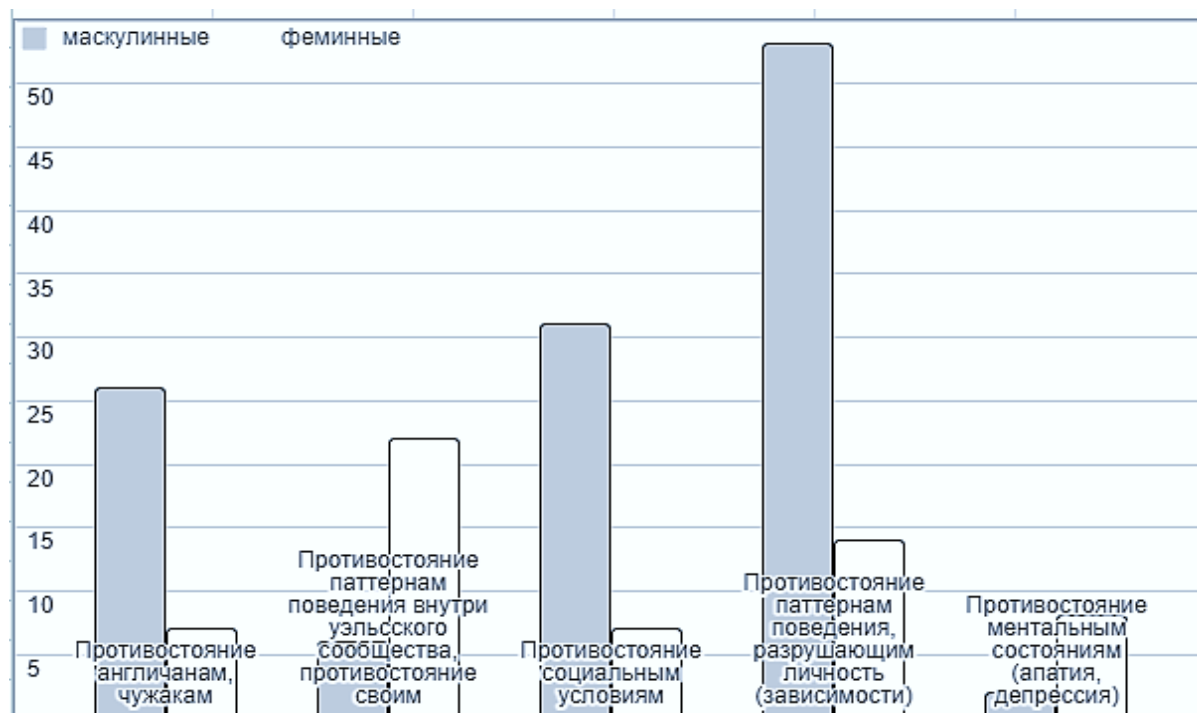


Рис. 1. Рематизируемые компоненты значения противостояния в маскулинном и феминном языке конфликта (норм. на 10 000 ед.)

Fig. 1. Rhematization of masculine- and feminine-specific patterns of behaviour in a conflict (normalised by 10 000 units)

Гендерно-специфические механизмы грамматической репрезентации конфликта (норм. на 10 000 ед.)
Gender specific patterns of grammatical representation of conflict (normalized by 10 000 units)

Модель конфликта с точки зрения субъекта	Средства грамматической репрезентации конфликта	
	в маскулинном корпусе	в феминном корпусе
Противостояние саморазрушительным паттернам поведения	инверсия (3), эллиптические высказывания (34), риторические вопросы (2), парцелляция (2), повтор (17)	номинализация (10), эллиптические высказывания (6)
Противостояние социальным вызовам	эллипсис (9), риторические вопросы (10), парцелляция (6), повтор (7)	модель недостаточно широко представлена в выборке
Противостояние чужаку	эллипсис (14), инверсия (18).	модель недостаточно широко представлена в выборке
Противостояние своим	модель недостаточно широко представлена в выборке	повтор (7), сравнительные обороты (4), риторические вопросы (6), эллипсис (7), номинализация (8)
Противостояние тяжелым ментальным состояниям	модель недостаточно широко представлена в выборке.	эллипс (7), парцелляция (3).

Модель «внутреннее противостояние паттернам поведения, способным навредить субъекту»

В маскулинном корпусе грамматические средства используются преимущественно для рематизации компонента высказывания, связанного с пагубными пристрастиями (к алкоголю и наркотикам), с помощью приема повтора, а также с помощью эллиптического высказывания.

(2) *I'm thirsty. So thirsty. The familiar thought creeps in. Just one. <...> One won't hurt. Except it <...> will. It'll hurt me and everyone around me. It'll hurt everything. Just the one and it'll end in only one way and that'll be chaos and <...> ruin.*

‘Я хочу пить. Так хочу пить. Закралась знакомая мысль. Только один. <...> Один ведь не повредит.

Только <...> повредит. Повредит мне и всем вокруг меня. Повредит всему. Всего один бокал, а закончится все хаосом’.

Находящийся в пабе герой произведения, относительно недавно вставший на путь освобождения от тяжелой алкогольной зависимости, ведет внутренний диалог с самим собой, пытаясь убедить себя, что один бокал спиртного не вызовет серьезных негативных последствий. Рематизация компонента *thirsty* ‘испытывающий жажду’ за счет повтора его в эллиптической конструкции является в данном случае средством выражения интенсивности внутреннего противостояния героя. Если предложение *I'm thirsty* ‘Хочу пить’ передает нейтральную семантику высказывания, то прием повтора в эллиптической конструкции является средством выражения внутренней модальной рамки высказывания – подчеркивает напряженность противостояния.

Интересно, что в феминном корпусе данная модель конфликта реализуется в относительном большинстве случаев употребления за счет приема грамматической метафоры – номинализации.

(3) *You've been letting men <...> grab you, hurt you. <...> Because. Because – I don't know any <...> because. I don't know any why.*

‘Ты позволяла мужчинам <...> трогать тебя, делать тебе больно. <...> Потому что. Потому что – я не знаю никаких <...> потому что. Я не знаю, почему. Потому что казалось, что нет другого выхода. <...> Потому что благодаря этому все остальное отступало на задний план’.

Главная героиня Эмма убегает от тяжелых жизненных обстоятельств с помощью близкого общения с мужчинами, склонными к неуважительному обращению с противоположным полом, к беспорядочным связям и насилию. Пытаясь объяснить самой себе, чего она ищет от подобных небезопасных физически и психологически контактов, она использует номинализацию. Вместо конгруэнтной формулировки *I would like to feel protected* ‘Я хочу чувствовать себя защищенной’, Эмма использует номинализацию *protection* ‘защищенность’, вместо прямого высказывания *I feel vulnerable* ‘Я чувствую себя ранимой’ использует безличное *vulnerability* ‘ранимость’. Интересен пример, приведенный выше, в котором героиня в формате внутреннего диалога с самой собой использует номинализацию, построенную по модели конверсии, применяя слова *why* ‘почему’ и *because* ‘потому что’ в качестве существительных, заменяющих конгруэнтное высказывание *why I did this* ‘почему я это сделала’. Прием номинализации и здесь выполняет функцию повышения абстрактности высказывания и, как следствие, снятия с себя персональной ответственности за поступок. Особенно ярко это видно «на фоне» того, как Эмма выстраивает диалог своего внутреннего противостояния: обвинения в легкодоступности сформулированы от второго лица, героиня активно избегает конкретных формулировок, которые возложили бы на нее ответственность за происходящее.

При обсуждении данной модели важно отметить, что несмотря на то, что данная модель не связана напрямую с проблематикой регионального сепаратизма, в исследуемом романе герои рассматривают пагубные привычки в качестве защитного механизма и реакции на невозможность изменения объективной социальной среды, что видно из приведенных выше примеров, где герои воспринимают свои привычки как способ побега от реальности (*Because it made everything go away* ‘Потому что благодаря этому все отступало на задний план’).

Модель «противостояние социальным вызовам»

Для маскулинного корпуса характерна грамматическая репрезентация агональности через прием риторического вопроса. Более четверти всех единиц выборки маскулинного корпуса приходятся на этот механизм экспликации противостояния. Автор использует риторические вопросы для выражения целого ряда значений: агрессии, отчаяния, подавленности, возмущения реальностью. В следующем примере данный инструмент служит для представления отчаянного нежелания безработного героя выходить на предложенную биржей труда должность:

(4) *Twelve-hour days for buttons, slogging me bollax off?*

‘Двенадцатичасовой рабочий день за копейки, работать до посинения? Не очень-то хочется, брат’.

В данном примере персонаж впервые делится с другом информацией о предложенной работе. Новость эта совсем его не радует: ему предстоит работать по двенадцать часов в день за минимальную оплату, которая не позволит ему свести концы с концами. Вместо нейтрального изъяснительного предложения, которое требуется с точки зрения логики для передачи сообщения-описания предложенного поста, автор вкладывает в уста своего персонажа возмущенный и отчаянный вопрос. Эмоциональную коннотацию в данном случае несет не только обценная лексика, но и вопросительная грамматическая конструкция.

Модель «противостояние чужаку»

Еще один распространенный инструмент грамматической экспликации конфликта, характерный для маскулинного корпуса, – инверсия. В выборке представлены случаи инвертированной постановки компонента сказуемого (*Making me feel horrible, he is* ‘Заставляет меня чувствовать себя ужасно, он заставляет’), определения в постпозиции (*the tight curls all matted and knotty with sweat and dust* ‘жесткие локоны, запачканные и спутанные из-за пота и пыли’), обстоятельства в начало предложения (*In all the bedsits, in all the pokey flats at extortionate rents, at all the foodbanks <...> the same <...> thing goes on.* ‘Во всех крошечных квартирках за грабительскую арендную плату, во всех благотворительных центрах бесплатного питания <...> происходит <...> одно и то же’). Инверсия применяется автором для усиления компонентного значения агрессии и асертивности жителей Уэльса по отношению к англичанам.

Рассмотрим следующий пример:

(5) *And of course there's always some <...> prick who thinks that yer not quite suffering enough for their liking <...> An there he is, knobhead at the bar, fin haircut and Home Counties accent, bound to be a student, wearing a shirt with '20' on the back...*

‘И, разумеется, всегда есть <...> какой-нибудь придурок, который думает, что ты страдаешь недостаточно <...>. Вот он, идиот за барной стойкой, с красивой прической и королевским акцентом, должно быть, какой-то студент в футболке с двадцаткой на спине...’

Сюжет истории прост: главный герой с друзьями смотрит в баре спортивный матч, в котором команда Уэльса играет против англичан. Уэльс терпит сокрушительное поражение. Разочарование и едва сдерживаемую агрессию болельщики переносят на бармена – английского студента. Все в нем – от футболки болельщика и идеальной прически до классического «королевского» акцента – вызывает злость местных. Инверсивное использование приложения в постпозиции служит средством рематизации обценного *knobhead* ‘идиот’, а также некоторых деталей, его характеризующих. Инверсия фактически придает нейтральным по своей сути деталям (прическа, особенности речи) эмотивную окраску, негативную коннотацию.

Модель «противостояние своим»

В противоположность тенденции маскулинного корпуса активно выражать состязательность по модели «против англичан», против «чужаков», превалирующая модель реализации противостояния в феминном корпусе – критика поведения жителей Уэльса, «своих». С долей безысходности звучат рассуждения о моделях поведения, исполненных бессмысленной жестокости в одних случаях или лишенных чувства собственного достоинства и желания отстаивать свои интересы – в других. Превалирующий механизм грамматической экспликации модели – риторические вопросы, эллиптические конструкции и грамматическая метафора.

Рассмотрим следующий пример:

(6) *But that silent slumped demeanour that **the beaten-into-resignation** always have. <...> how will the memory of this affect them kids?*

‘А это молчаливое подавленное выражение, которое всегда на лицах покоренных. <...> Как воспоминание об этом повлияет на их детей? Они ведь навсегда запомнят, как мама умоляла с сопливым носом в общественном месте. Страшно подумать, как это будет влиять на их взросление’.

Номинализации в данном высказывании подвергается целое словосочетание *beaten into resignation* ‘покоренные’. Номинализация в данном контексте служит, с одной стороны, средством экстраполяции (имплицитно заставляет реципиента распространить модель поведения одной женщины на всех представителей социума Уэльса), а с другой – выступает средством повышения абстракции (снимает личную ответственность говорящего за аналогичное поведение).

Модель «противостояние тяжелым ментальным состояниям»

Данная модель тесно переплетается с моделью противостояния саморазрушительному поведению. Это вполне объяснимо тем, что вредные привычки являются для героев романа способом избежать реальности, возможностью забыться. Однако если персонажи-мужчины не часто вербализуют эксплицитно свое противостояние апатии и депрессии, то в феминном корпусе эта модель третья по распространенности.

Интересен следующий механизм:

(7) *This is the time when IT usually sets in, when I'm back home after dropping Tom off at the school. Around half nine.*

‘В это время обычно ЭТО наступает, когда я возвращаюсь домой, отведя Тома в школу. В районе половины девятого’.

Эмма (главная героиня романа) на протяжении всего повествования отчаянно борется с депрессией, вызванной тяжелыми жизненными обстоятельствами, – пытается отвлечься на любимого сына, прогулки по родным местам, любование пейзажами. В приведенном примере компонент *around half nine* ‘в районе половины девятого’, рематизированный с помощью приема парцелляции передает степень накала внутренней борьбы Эммы: парцеллированный сегмент несет коннотацию регулярности и неизбежности «прилива» тягостных мыслей.

Заключение

Восприятие состязательности, конфликтности членами коммуникативного сообщества претерпевает значительные изменения с течением времени. Современная постмодернистская концепция восприятия конфликта все чаще сосредоточена не на объективной специфике противостояния, а на влиянии конфликта на личность, на субъективном опыте участников конфликта. Агональность воспринимается как способ конструирования языковой и личностной идентичности говорящего: в процессе собственной борьбы с внешними и внутренними вызовами формируется и меняется внутренний мир личности, конструируются преобладающие тактики самоидентификации и самореализации.

Проведенный анализ позволяет сделать вывод о преобладающих гендерных характеристиках языкового поведения в конфликте. Маскулинная агональность обладает ярко выраженным эксплицитным ассертивным характером: преобладающие модели противостояния имеют направленность во внешний мир (борьба с «чужаками», с тяжелыми социальными условиями, внешними проявлениями саморазрушительного поведения без анализа внутренних психологических стимулов к такому поведению). Феминная агональность, напротив, имеет рефлексивный, созерцательный тон: наиболее распространенные паттерны интернализированы (борьба с негативными проявлениями внутри собственной общины, борьба с негативными ментальными проявлениями и их последствиями — саморазрушительными привычками). Грамматическая репрезентация конфликта, характерная для обоих гендеров, служит средством выражения напряженности противоборства, повышения уровня абстрактности повествования, а также средством выражения универсальности обсуждаемой проблематики. Для маскулинного языка конфликта наиболее распространенными паттернами грамматической репрезентации агональности являются эллиптические конструкции, повтор, инверсия, для феминного — эллиптические конструкции, повтор и грамматическая метафора (номинализация).

Полученные данные и сформированная на их основе модель вербализации конфликта может быть полезна исследователям в сфере гендерной лингвистики, преподавателям, занимающимся формированием навыков говорения, в особенности в формате дебатов, и всем интересующимся языком.



Список литературы

- Богинская О.А. 2022. Состязание – игра – ритуал: о трех аспектах коммуникативного взаимодействия в зале суда. *Вестник Томского государственного университета. Филология*, 76: 5–27. DOI: [10.17223/19986645/76/1](https://doi.org/10.17223/19986645/76/1)
- Верзун А.Б. 2005. Гендерная агональность политического дискурса. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 24 с.
- Гак В.Г. 1998. Языковые преобразования. Москва, Школа Языки русской культуры, 769 с.
- Нарочницкая Е.А. 2015. Многообразный сепаратизм: проблема типологии и европейские реальности. *Актуальные проблемы Европы*, 1: 32–55.
- Соловьянова Е.В. 2020. Агональность в академическом дискурсе. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 24 с.
- Шейгал Е.И., Дешеева В.В. 2009. Агональность в коммуникации: структура понятия. *Вестник Челябинского государственного университета*, 34(172). Вып. 36: Филология. Искусствоведение: 145–148.
- Abdullaev R.F. 2022. Situational modality as a vital element of gender constructed speech. *Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences*, 15(10): 1494–1499. DOI: [10.17516/1997-1370-0070](https://doi.org/10.17516/1997-1370-0070)
- Chen C., He Q. 2024. A Corpus-Based Study of Metaphor of Modalization in English Academic Writing. *Sage Open*, 14(1): 1–15. DOI: [10.1177/21582440241229809](https://doi.org/10.1177/21582440241229809)
- Gehring K., Schneider S.A. 2020. Regional resources and democratic secessionism. *Journal of Public Economics*, 181(C). DOI: [10.1016/j.jpubeco.2019.104073](https://doi.org/10.1016/j.jpubeco.2019.104073)
- Griffiths N. 2020. Broken Ghost. UK, Vintage Books, 356 p.
- Hale S. 2014. The new Middle East insurrections and other subversions of the modernist frame. *Journal of Middle East Women's Studies*, 10(3): 40–61. DOI: [10.2979/jmiddeastwomstud.10.3.40](https://doi.org/10.2979/jmiddeastwomstud.10.3.40)
- Kaul N. 2018. India's obsession with Kashmir: democracy, gender, (anti-)nationalism. *Feminist Review*, 119: 126–143. DOI: [10.1057/s41305-018-0123-x](https://doi.org/10.1057/s41305-018-0123-x)
- Kiesling S.F. 2015. Coates, Jennifer. 2013. Women, men and everyday talk. *Journal of Language and Sexuality*, 4(2): 288–291. DOI: [10.1075/jls.4.2.06kie](https://doi.org/10.1075/jls.4.2.06kie)
- Ray S. 2018. Ethnic inequality and national pride. *Political Psychology*, 39(2): 263–280. DOI: [10.1111/pops.12406](https://doi.org/10.1111/pops.12406)
- Sautman B. 2014. Self-representation and ethnic minority rights in China. *Asian Ethnicity*, 15(2): 174–196. DOI: [10.1080/14631369.2014.880588](https://doi.org/10.1080/14631369.2014.880588)
- Shepherd L.J. 2010. Women, armed conflict and language – Gender, violence and discourse. *International Journal of the Red Cross*, 877(92): 143–159. DOI: [10.1017/S1816383110000093](https://doi.org/10.1017/S1816383110000093)
- Stern S. 2021. “Separate, Therefore Equal”: American Spatial Segregation from Jim Crow to Kiryas Joel. *RSF: The Russell Sage Foundation Journal of the Social Sciences*, 7(1): 67–90. DOI: [10.7758/RSF.2021.7.1.05](https://doi.org/10.7758/RSF.2021.7.1.05)
- Yang B., Gao H. 2023. Polarity metaphor in English: Definition, identification and categorization. *Lingua*, 295(3): 103623. DOI: [10.1016/j.lingua.2023.103623](https://doi.org/10.1016/j.lingua.2023.103623)

References

- Boginskaya O.A. 2022. Competition – game – ritual: Three aspects of communicative interactions in the courtroom. *Tomsk State University Journal of Philology*, 76: 5–27 (in Russian). DOI: [10.17223/19986645/76/1](https://doi.org/10.17223/19986645/76/1)
- Verzun A.B. 2005. Gendernaya agonal'nost' politicheskogo diskursa [Gender agonality of political discourse]. Abstract dis. ... Cand. Philolog. Sciences. Volgograd, 24 p.
- Gak V.G. 1998. Yazykovye preobrazovaniya [Language transformations]. Moscow, Publ. Shkola Yazyki russkoi kul'tury, 769 p.
- Narochnitskaya E.A. 2015. Separatism: Varieties, typology and European realities. *Urgent problems of Europe*, 1: 32–55 (in Russian).
- Solov'yanova E.V. 2020. Agonal'nost' v akademicheskome diskurse [Agonality in academic discourse]. Abstract. dis. ... cand. Philolog. sciences. Voronezh, 24 p.
- Sheygal E.I., Deshevova V.V. 2009. Agonality in Communication: Notion Structure. *Bulletin of Chelyabinsk State University*, 34(172). Vol. 36: Philology. Art history: 145–148 (in Russian).

- Abdullaev R.F. 2022. Situational modality as a vital element of gender constructed speech. *Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences*, 15(10): 1494–1499 (in Russian). DOI: [10.17516/1997-1370-0070](https://doi.org/10.17516/1997-1370-0070)
- Chen C., He Q. 2024. A Corpus-Based Study of Metaphor of Modalization in English Academic Writing. *Sage Open*, 14 (1): 1–15. DOI: [10.1177/21582440241229809](https://doi.org/10.1177/21582440241229809)
- Gehring K., Schneider S.A. 2020. Regional resources and democratic secessionism. *Journal of Public Economics*, 181(C). DOI: [10.1016/j.jpubeco.2019.104073](https://doi.org/10.1016/j.jpubeco.2019.104073)
- Griffiths N. 2020. Broken Ghost. UK, Vintage Books, 356 p.
- Hale S. 2014. The new Middle East insurrections and other subversions of the modernist frame. *Journal of Middle East Women's Studies*, 10(3): 40–61. DOI: [10.2979/jmiddeastwomstud.10.3.40](https://doi.org/10.2979/jmiddeastwomstud.10.3.40)
- Kaul N. 2018. India's obsession with Kashmir: democracy, gender, (anti-)nationalism. *Feminist Review*, 119: 126–143. DOI: [10.1057/s41305-018-0123-x](https://doi.org/10.1057/s41305-018-0123-x)
- Kiesling S.F. 2015. Coates, Jennifer. 2013. Women, men and everyday talk. *Journal of Language and Sexuality*, 4(2): 288–291. DOI: [10.1075/jls.4.2.06kie](https://doi.org/10.1075/jls.4.2.06kie)
- Ray S. 2018. Ethnic inequality and national pride. *Political Psychology*, 39(2): 263–280. DOI: [10.1111/pops.12406](https://doi.org/10.1111/pops.12406)
- Sautman B. 2014. Self-representation and ethnic minority rights in China. *Asian Ethnicity*, 15(2): 174–196. DOI: [10.1080/14631369.2014.880588](https://doi.org/10.1080/14631369.2014.880588)
- Shepherd L.J. 2010. Women, armed conflict and language – Gender, violence and discourse. *International Journal of the Red Cross*, 877(92): 143–159. DOI: [10.1017/S1816383110000093](https://doi.org/10.1017/S1816383110000093)
- Stern S. 2021. “Separate, Therefore Equal”: American Spatial Segregation from Jim Crow to Kiryas Joel. *RSF: The Russell Sage Foundation Journal of the Social Sciences*, 7(1): 67–90. DOI: [10.7758/RSF.2021.7.1.05](https://doi.org/10.7758/RSF.2021.7.1.05)
- Yang B., Gao H. 2023. Polarity metaphor in English: Definition, identification and categorization. *Lingua*, 295(3): 103623. DOI: [10.1016/j.lingua.2023.103623](https://doi.org/10.1016/j.lingua.2023.103623)

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию 24.09.2024

Received September 24, 2024

Поступила после рецензирования 02.12.2024

Revised December 02, 2024

Принята к публикации 10.12.2024

Accepted December 10, 2024

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Галеева Арина Ильгамовна, аспирант, преподаватель Школы иностранных языков, Высшая школа экономики, г. Москва, Россия.

Arina I. Galeeva, Postgraduate Student, Tutor of School of Foreign Languages, Higher School of Economics, Moscow, Russia.



УДК 811.161.1'282.4:439.3'01(091)
DOI 10.52575/2712-7451-2024-43-4-506-513

Влияние древнескандинавского языка на формирование русской лексики в XI–XII веках

Жуньдо Г.

Московский педагогический университет,
Россия, 119435, г. Москва, ул. Малая Пироговская, д. 1, стр. 1
gaorunduo2020@outlook.com

Аннотация. Изучение влияния древнескандинавского языка на формирование русской лексики в XI–XII веках подчеркивает связь языкового контакта и культурной ассимиляции. Цель исследования – оценить широту лексической интеграции в сферах торговли, управления и повседневной жизни. Полученные результаты свидетельствуют о значительном количестве прямых лексических заимствований, которые, будучи интегрированными в социально-политическую и экономическую структуру раннерусского общества, являются результатом культурного обмена; иллюстрируют утилитарное развитие языка, отражающее социально-экономическую взаимозависимость средневекового периода. Понимание динамики ранних языковых заимствований может прояснить закономерности языковой эволюции, давая представление о внешнем языковом влиянии, формирующем культурную идентичность и государственные структуры – критическое для исторической лингвистики и филологических исследований, поскольку оно открывает новые возможности для анализа пересечения языка, общества и формирования идентичности в ранних евразийских контекстах.

Ключевые слова: лингвистические заимствования, древнескандинавский язык, русская лексика, культурная интеграция, историческая лингвистика, норвежско-славянское взаимодействие, XI–XII века, междисциплинарный анализ, культурная идентичность

Для цитирования: Жуньдо Г. 2024. Влияние древнескандинавского языка на формирование русской лексики в XI–XII веках. *Вопросы журналистики, педагогики, языкознания*, 43(4): 506–513. DOI: 10.52575/2712-7451-2024-43-4-506-513

The Influence of the Old Scandinavian Language on the Formation of the Russian Lexicon in the 11th–12th Centuries

Gao Jundo

Moscow Pedagogical University,
1 building, 1 Malaya Pirogovskaya St, Moscow 119435, Russian Federation
gaorunduo2020@outlook.com

Abstract. The study of the influence of the Old Norse language on the formation of Russian vocabulary in the 11th–12th centuries emphasizes the connection between language contact and cultural assimilation. The purpose of the study is to assess the breadth of lexical integration in the fields of trade, management and everyday life. The results obtained indicate a significant number of direct lexical borrowings, which, being integrated into the socio-political and economic structure of Early Russian society, are the result of cultural exchange; They illustrate the utilitarian development of the language, reflecting the socio-economic interdependence of the medieval period. Understanding the dynamics of early linguistic borrowings can clarify the patterns of linguistic evolution, giving an idea of the external linguistic influence shaping cultural identity and state structures – critical for historical linguistics and philological research, as it opens up new opportunities for analyzing the intersection of language, society and identity formation in early Eurasian contexts.

© Жуньдо Г., 2024

Keywords: linguistic borrowings, Old Norse, Russian vocabulary, cultural integration, historical linguistics, Norwegian-Slavic interaction, 11th–12th centuries, interdisciplinary analysis, cultural identity

For citation: Jundo G. 2024. The Influence of the Old Scandinavian Language on the Formation of the Russian Lexicon in the 11th–12th Centuries. *Issues in Journalism, Education, Linguistics*, 43(4): 506–513 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-7451-2024-43-4-506-513

Введение

Исследование древнескандинавского языкового влияния на русскую лексику в XI–XII вв. раскрывает нюансы взаимодействия языка и культуры. В этом исследовании рассматриваются многочисленные способы проникновения лексики древних скандинавов в лексикон ранних русских диалектов – проявление активного межъязыкового взаимодействия. Актуальность данного исследования заключается не только в его лингвистической значимости, но и в способности пролить свет на социокультурные обмены, определявшие исторические траектории.

Основной целью данного исследования является определение масштабов и глубины древнескандинавских заимствований в русском языке, в частности в сфере торговли, повседневной жизни и военного дела; задачи включают выявление прямых языковых заимствований, анализ их интеграции и использования в русском обществе, а также оценку культурных последствий этих языковых обменов.

С опорой на методологическую базу, сочетающую филологический анализ и историческую лингвистику, в исследовании использован междисциплинарный подход; сопоставлены лингвистические данные с историческими контекстами, чтобы раскрыть слои языковых контактов (например, лексические заимствования, фонетические адаптации). Изучены как современные, так и архаичные источники – от летописей до торговых документов.

Результаты исследования

Исторические связи между древними скандинавами и Русью демонстрируют сложную схему культурных и языковых обменов, которые в значительной степени сформировали языковой аспект раннесредневековой Руси. Варяги, как свидетельствуют первичные летописи и подтверждают скрупулезные исследования Ф.Б. Успенского [2002], сыграли ключевую роль в становлении русской государственности и, как следствие, ее языка. Это влияние, уходящее корнями в смешение норвежских торговцев и воинов со славянскими племенами, положило начало целому ряду лексических заимствований – слов, которые нашли «новый дом» в развивающемся русском говоре. Дальнейшее объяснение этих языковых операций можно найти в работах В.И. Борковского, П.С. Кузнецова [1963], которые анализируют грамматическую структуру и лексику, возникшие в результате норвежско-славянского синтеза; эти изменения не являются простыми заимствованиями, а представляют собой структурную интеграцию. Исследование А.А. Гиппиуса [2006a], посвященное Новгороду – основной точке контакта, – подчеркивает скандинавский след в новгородском боярстве, тем самым выделяя социально-политические аспекты языкового влияния.

Для отслеживания этих языковых заимствований и точного определения происхождения и адаптации скандинавских терминов в русском языке, используются методики, включающие сравнительно-историческую фонетику и ономастику [Циммерлинг, 2012; Николаев, 2017]. Эти исследования, анализируя имена и термины, встречающиеся в древних текстах, таких как «Повесть временных лет», показывают глубину скандинавского языкового влияния в XI–XII веках. Актуальность этих исторических взаимодействий не ослабевает, поскольку они свидетельствуют не только о языковом слиянии, но и о глубоком культурном обмене, определившем траекторию исторического и языкового развития России.



Древнескандинавские языки, отличающиеся сложной флективной структурой и богатым фонетическим инвентарем, оказали значительное влияние на русский лексикон путем прямых и косвенных языковых заимствований. Структурные особенности этих языков, включающие три рода, несколько падежей и сильные спряжения глаголов, способствовали различным фонологическим и морфологическим инкорпорациям в русский язык [Борковский, Кузнецов, 1963]. В частности, лексика, в основном заимствованная из норвежского мореходства и торговли, вошла в русский язык, обозначив значительный этап в языковом аспекте XI–XII веков; она в значительной степени зависит от реконструкции фонетического окружения древнорвежского языка и прослеживания его трансформаций в русской фонетической системе [Циммерлинг, 2012]. Кроме того, исследования А.А. Гиппиуса [2006б] показывают, как социально-политические взаимодействия, о которых свидетельствуют договоры и торговые соглашения, способствовали этим заимствованиям, глубоко внедряя скандинавские слова в сферу торговли, военного дела и управления в русском обществе.

В этимологическом анализе, которым занимается С.Л. Николаев [2017], используются строгие кросс-лингвистические сравнения, извлечение свидетельств из древних текстов и соотнесение их с известными историческими событиями для датировки и контекстуализации заимствований. Подобный скрупулезный подход позволяет не только проследить происхождение слов, но и понять их адаптацию и функционирование в новом языковом окружении, что способствует пониманию культурной и языковой амальгамации, происходившей в этот период.

Прямые заимствования из древнескандинавского языка в русский в XI–XII веках демонстрируют значительную языковую конвергенцию, отражающую глубокое социокультурное и политическое взаимодействие; в частности, такие термины, как «ладья» (ладья, тип лодки) и «куна» (куна, денежная единица), иллюстрируют утилитарный характер этих заимствований – содействие торговле и навигации [Успенский, 2002]. Аналогично, «ярл» (ярл, дворянский чин) обозначает административно-иерархические заимствования, которые подчеркивают управление под влиянием норвежских практик; эти термины, глубоко укоренившиеся в русской социально-экономической ткани, свидетельствуют о прагматической ассимиляции (С.Л. Николаев [2017] подробно рассматривает это явление). Дополнительно языковая адаптация часто проявляется в фонетических корректировках; например, «скрад» (skrad, от skráðr, что означает «письменный») отражает фонетическую ассимиляцию, способствующую славянским произносительным моделям. Этот адаптивный процесс (о котором говорит А.А. Гиппиус [2006б]) не только обогатил русский словарный запас, но и способствовал интеграции скандинавских правовых и культурных концепций в славянскую жизнь. Языковые примеры, каждый из которых отмечен своим норвежским происхождением, дают возможность увидеть динамику языковых контактов, подчеркивая не просто заимствование иностранных элементов, но их контекстуальную адаптацию к местным языковым и культурным потребностям. Следовательно, анализ этих заимствований позволяет не просто проследить лингвистические пути, но и выявить контуры исторического взаимодействия и взаимовлияния, а также понять механизмы культурной трансмиссии и адаптации.

В каждом случае сферы употребления заимствованных слов из древнескандинавского языка в русский в XI–XII веках – торговля, быт, военное дело – отражают специфику социально-экономических и культурных взаимодействий; например, в торговле: «толк» (толк, то есть рынок или торговое место), «язык» (язык, первоначально означавший посредника или переводчика) [Успенский, 2002]. Эти термины способствовали не только торговле, но и межкультурной коммуникации; в повседневной жизни такие слова, как «ложь» (ложа, кровать) и «кружка», вошли в обиход, вписавшись в повседневную рутину и бытовые контексты [Гиппиус, 2006б]. Тем более что в военном контексте такие термины, как «шлем» и «щит» (shtit), иллюстрируют прямое влияние норвежского военного

снаряжения на русские оборонительные практики; эти заимствования не только обозначают предметы, но и несут в себе перенос военных технологий и тактик. Та или иная лексическая единица, восходящая к своим норвежским корням, обозначает точку культурного контакта – языковой след обширных взаимодействий, формировавших социально-политические и культурные аспекты раннесредневековой Руси. Многогранный характер этих заимствований, проанализированный через лингвистическую призму, проливает свет на прагматическую и стратегическую адаптацию иностранных элементов в русской жизни, раскрывая сложную паутину влияния и адаптации. Изучение этих терминов позволяет не просто составить каталог языковых изменений, а глубже понять взаимодействие между языком, культурой и историей.

Влияние скандинавской культуры на Русь выходит за рамки непосредственного контакта; оно вплетается в социальную структуру через элементы повседневной жизни, военных операций и экономической деятельности, формируя культурный и социальный аспект средневековой Руси. Торговля и военные столкновения способствовали лексическому обмену, богатому культурным подтекстом; «гость» (*gost'*, гость или торговец) иллюстрирует это явление, отражая как гостеприимство, так и коммерческую роль скандинавов на Руси. Другой термин, «русак» (русак, вид пушного зверя), сигнализирует о коммодификации природных ресурсов в развивающейся торговле между норвежскими и славянскими общинами [Успенский, 2002].

Наконец, в военный лексикон вошли такие термины, как «берсерк» (берсерк, воин, известный яростным боем без доспехов), обозначающие влияние норвежской боевой культуры на русские военные стратегии и представления о доблести и стиле боя. Заимствование подобных терминов не просто обогащает русский словарный запас, но и выступает в роли культурного проводника, через который под норвежским влиянием переходили и трансформировались представления о войне, торговле и общественных ролях. Здесь каждое заимствованное слово, как спектр, соединяет культурные нарративы с языковыми знаками, отображая сложный аспект культурного обмена и взаимовлияния, характерный для взаимодействия скандинавских поселенцев с коренным славянским населением.

Языковая миграция, обогащенная оживленным взаимодействием через Балтику, отражает картину культурной ассимиляции; куда уходят слова, туда уходят и идеи, технологии и культурные практики – каждый элемент вносит свой вклад в развитие русской идентичности в этот период становления. Анализ этих заимствований в их культурном и социальном контексте позволяет понять не только механизм языковых изменений, но и динамику культурной интеграции и формирования идентичности в средневековой Руси.

Соответствующие выводы становятся очевидными при рассмотрении взаимовлияния древнескандинавского и русского языков: если бы взаимодействие между этими культурами было менее интенсивным, лексический аспект русского языка мог бы выглядеть совершенно иначе. Заимствованное из древнорвежского языка слово «кнут» (*knut, whip or ruler*) подразумевает не только инструмент управления, но и принятую концепцию власти, которая, возможно, не проникла бы в русскую административную культуру без этих взаимодействий [Успенский, 2002]. Принятие подчеркивает, как через призму лингвистических заимствований власти и стратегии управления разделялись и перестраивались.

Если бы не норвежское влияние, русская военная терминология могла бы оставаться менее разнообразной; термин «древко» (*drevko, вал или шест*), происходящий от скандинавского *träko*, говорит о технологическом и тактическом обмене. Такие термины не просто обогащают лексикон, но отражают обмен военными знаниями и практиками, которые могли бы быть менее развиты в изоляции.

Аналогично велико влияние на морскую лексику: «шкипер» (*skipper, captain*), заимствованный из норвежского *skipari*, иллюстрирует общий морской опыт, который



способствовал не только языковому обмену, но и расширению возможностей мореплавания [Гиппиус, 2006б]. Этот термин говорит о том, что если бы не норвежские мореплаватели, русская навигация могла бы развиваться по другой траектории, что, возможно, задержало бы прогресс в морских исследованиях и торговле. Оказывается, структура русского языка и, как следствие, культуры, составленная из компонентов, представляет собой спектр скандинавского влияния. Пересечение языковых элементов отражает взаимозависимость в двусторонних отношениях, подчеркивая, что языки служат не только коммуникативными инструментами, но и сосудами культурного и технологического обмена.

XI–XII века оставили бесценные источники; главный из них – «Начальная летопись» (Повести временных лет) – служит краеугольным камнем понимания русско-скандинавских взаимодействий, повествуя о приходе варягов и последующем основании Русского государства. Летопись наряду с «Наставлениями Святослава своим сыновьям» отражают стили управления и общественные структуры, возникшие под влиянием норвежских традиций; каждая запись дает представление о лексико-культурном обмене, наблюдавшемся в тот период. «Новгородская первая летопись» освещает повседневную жизнь и политическую атмосферу средневекового Новгорода, центра норвежско-славянского взаимодействия. Подобные документы, изобилующие именами, терминами и описаниями (например, «ладога», термин, обозначающий как место, так и тип торгового судна), позволяют получить лингвистические снимки эпохи [Гиппиус, 2006а]. Эти источники в сочетании с археологическими находками (например, рунные камни и захоронения) обогащают наше понимание языкового аспекта, показывая, насколько глубоко были взаимозависимы скандинавская и русская культуры.

Нельзя не отметить, что в «Повести временных лет» содержится множество ссылок на норвежских богов и обычаи, что свидетельствует о духовном и мифологическом влиянии, сопровождавшем языковые заимствования; такие термины, как «богатырь», хотя морфологически и являются славянскими, но концептуально могли возникнуть под влиянием норвежского «берсерк» [Николаев, 2017]. Тексты через свои нарративы и лексику служат не просто историческими документами, а культурными мостами, связывающими прошлое с современным пониманием. В результате анализ этих древних текстов раскрывает богатый спектр культурного и языкового взаимодействия, где каждый документ – будь то летопись, юридический кодекс или торговая запись – способствует всестороннему пониманию исторической динамики между норвежцами и русами. Этот интертекстуальный диалог, благодаря сложным синтаксическим структурам и разнообразным лексическим формам, подчеркивает глубину и широту норвежского влияния на средневековую русскую культуру и язык.

Летописи и торговые документы, неотъемлемая часть лингвистической историографии XI–XII веков, раскрывают суть лексических заимствований – без этих источников проследить этимологические пути было бы невозможно; летописи, подобные «Новгородской первой летописи», не только ведут хронику событий, но и служат лингвистическими хранилищами, отмечая вхождение скандинавских терминов в славянский говор [Гиппиус, 2006а]. Торговые документы, на которые часто не обращают внимания, обеспечивают прагматический контекст, в котором происходили эти заимствования, отражая повседневное использование терминов в рамках торговых и дипломатических обменов; эти документы показывают, как такие термины, как «вес» (ves, вес) и «мито» (mito, таможенная пошлина), вошли в русский язык благодаря активной торговле с норвежцами [Успенский, 2002].

Современные методики исследований, в частности сравнительно-историческая фонетика, значительно продвинулись вперед: теперь они используют сложное лингвистическое программное обеспечение для анализа закономерностей звуковых изменений, что помогает точно датировать заимствования. Использование таких методов позволяет исследователям строить гипотезы о времени лексических влияний с большей точностью, чем когда-либо прежде. Применение статистических моделей для анализа

частоты и распределения терминов, заимствованных из норвежского языка, в различных русских текстах позволяет понять глубину и широту этих влияний [Циммерлинг, 2012].

На основании исторических летописей и современных лингвистических методик ученые могут с большей уверенностью утверждать, что скандинавская культура сыграла значительную роль в формировании русского языка; такие влияния, после их количественной оценки и датировки, не только обогащают наше понимание языковой эволюции, но и рисуют картину культурной взаимосвязи в средневековой Евразии. Обнаруженные заимствования проливают свет на историю русского языка; эти языковые элементы – «ладья», «куна», «ярл» – не просто слова, а маркеры социально-экономических и культурных сдвигов, происходивших во время норвежско-славянских взаимодействий [Успенский, 2002]. Импорт этих терминов указывает на значительное норвежское влияние, лежащее в основе важнейших аспектов русского средневекового общества, от торговли до управления; следовательно, они говорят о ярко выраженной русской идентичности, сформированной через призму языкового обмена.

Влияние скандинавских языков на русскую культуру выходит за рамки лексики и влияет на культурные нормы и практики; например, введение воинских званий и административных понятий коренным образом изменило русскую общественную структуру, внедрив скандинавский этос в российское управление [Николаев, 2017]. Это сочетание языковой и культурной интеграции сыграло ключевую роль в формировании русской идентичности, создав культурную амальгаму, сохранявшуюся на протяжении веков. Если сравнивать скандинавские заимствования, например, с монгольскими в XIII веке или западноевропейскими в эпоху Петра I, то в отличие от поздних монгольских заимствований, которые носили преимущественно административный характер («хан», «улус»), скандинавские заимствования пронизывают спектр общественных аспектов, от предметов быта до сложных систем управления. Сравнительный анализ позволяет увидеть, внешнее влияние на язык и, как следствие, на культуру в зависимости от сферы взаимодействия – торговля, завоевание или дипломатия [Гиппиус, 2006б]. Так, обсуждение этих заимствований предлагает многоуровневое понимание их значения: они не только служат лингвистическим мостом, соединяющим прошлое с настоящим, но и выступают в качестве культурных артефактов, отражая многогранные взаимодействия, формировавшие русский этнос на протяжении тысячелетий.

Заключение

Данное исследование убедительно продемонстрировало глубокое влияние древнескандинавского языка на русский лексикон; в частности, прямые заимствования, такие как «ладья» (корабль), «куна» (монета) и «ярл» (знатный), не только обогатили словарный запас, но и способствовали культурной и социальной интеграции между норвежскими и славянскими народами. Лексические интеграции, имеющие ключевое значение в контексте торговли, управления и повседневной жизни, отражают значительные исторические взаимозависимости, которые сформировали раннее русское государство и идентичность. Таким образом, данное исследование вносит вклад как в лингвистику, так и в культурологию, показывая эти сложные взаимодействия и их долгосрочное влияние на русскую культурную структуру.

Языковое влияние подчеркивает взаимосвязанную природу языка и культуры. Современная вычислительная лингвистика для анализа больших массивов может дать понимание тонкостей этих языковых обменов; такие исследования не только расширяют рамки исторической лингвистики, но и улучшают наше понимание культурной динамики в средневековом евразийском контексте. Данная работа закладывает основу для изучения языковых и культурных обменов в Европе и за ее пределами, предлагая новые пути для научного исследования сложностей языковых контактов и их последствий для развития культурной идентичности.



Список литературы

- Борковский В.И., Кузнецов П.С. 1963. Историческая грамматика русского языка. Москва, Издательство Академии наук СССР, 512 с.
- Гиппиус А.А. 1996. «Русская Правда» и «Вопрошание Кирика» в Новгородской кормчей 1282 г. (к характеристике языковой ситуации древнего Новгорода). *Славяноведение*, 1: 48–62.
- Гиппиус А.А. 2006а. Новгородская владычная летопись XII–XIV вв. и ее авторы (История и структура текста в лингвистическом освещении). В кн.: Лингвистическое источниковедение и история русского языка. Под ред. А.М. Молдована, А.А. Плетневой. Москва, Древлехранилище: 114–251.
- Гиппиус А.А. 2006б. Скандинавский след в истории новгородского боярства (в развитие гипотезы А.А. Молчанова о происхождении посадничьего рода Гюрятиничей-Роговичей). В кн.: *The Slavization of the Russian North. Mechanisms and Chronology*. Ed. By Ju. Nuorluoto (=Slavica Helsingiensia, 27.) Helsinki, Helsinki University Press: 93–108.
- Николаев С.Л. 2017. К этимологии и сравнительно-исторической фонетике имен северо-германского (скандинавского) происхождения в «Повести временных лет». *Вопросы ономастики*, 14(2): 7–54. DOI: [10.15826/vopr_onom.2017.14.2.009](https://doi.org/10.15826/vopr_onom.2017.14.2.009)
- Успенский Ф.Б. 2002. Скандинавы. Варяги. Русь. Москва, Языки славянской культуры, 450 с.
- Циммерлинг А.В. 2012. Имена варяжских послов в «Повести временных лет». Доклад на V международном круглом столе «Древняя Русь и германский мир в филологической и исторической перспективе» (Москва, 13–14 июня 2012). DOI: [10.13140/RG.2.2.13775.33449](https://doi.org/10.13140/RG.2.2.13775.33449)
- Циммерлинг А.В. 2014. Параметр нулевого подлежащего и синтаксическое членение текста в древних индоевропейских языках. В кн.: Язык. Константы. Переменные. Сборник статей памяти Александра Евгеньевича Кибрика. Под ред. В.А. Плунгяна. Санкт-Петербург, Алетей: 217–231.

References

- Borkovskii V.I., Kuznetsov P.S. 1963. *Istoricheskaya grammatika russkogo yazyka* [Historical grammar of the Russian language]. Moscow, Publ. Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, 512 p.
- Gippius A.A. 1996. «Russkaya Pravda» and «Voproshanie Kirika» in the Novgorodskaya kormchaya 1282 (to the Old Novgorod's language situation). *Slavynovedenie*, 1: 48–62 (in Russian).
- Gippius A.A. 2006a. Novgorodskaya vladychnaya letopis' XII–XIV vv. i ee avtory (Istoriya i struktura teksta v lingvisticheskom osveshchenii) [Novgorod Bishop's Chronicle of the 12th–14th Centuries and Its Authors (History and Structure of the Text in Linguistic Light)]. In: *Lingvisticheskoe istochnikovedenie i istoriya russkogo yazyka* [Linguistic Source Studies and History of the Russian Language]. Eds. A.M. Moldovan, A.A. Pletneva. Moscow, Publ. Drevlekhranilishche: 114–251.
- Gippius A.A. 2006b. Skandinavskii sled v istorii novgorodskogo boyarstva (v razvitie gipotezy A.A. Molchanova o proiskhozhdenii posadnich'ego roda Gyuryatinichei-Rogovichei) [Scandinavian trace in the history of Novgorod boyars (in development of A.A. Molchanov's hypothesis on the origin of the posadnichy clan of Gyuryatinich-Rogovich)]. In: *The Slavization of the Russian North. Mechanisms and Chronology*. Ed. By Ju. Nuorluoto (=Slavica Helsingiensia, 27.) Helsinki, Helsinki University Press: 93–108.
- Nikolaev S.L. 2017. Etymology and Comparative Phonology of North Germanic Personal Names in the Primary Chronicle. *Problems of Onomastics*, 14(2): 7–54 (in Russian). DOI: [10.15826/vopr_onom.2017.14.2.009](https://doi.org/10.15826/vopr_onom.2017.14.2.009)
- Uspenskii F.B. 2002. *Skandiny. Varyagi. Rus'* [Scandinavians. Varangians. Rus']. Moscow, Publ. Yazyki slavyanskoi kul'tury, 450 p.
- Zimmerling A.V. 2012. The names of the Varangian Guests in the Tale of Bygone Years. Report at the V International Round Table «Drevnyaya Rus' i germanskii mir v filologicheskoi i istoricheskoi perspective» [Ancient Rus and the Germanic World in Philological and Historical Perspective] (Moscow, June 13–14, 2012). DOI: [10.13140/RG.2.2.13775.33449](https://doi.org/10.13140/RG.2.2.13775.33449)
- Tsimmerling A.V. 2014. Parametr nulevogo podlezhashchego i sintaksicheskoe chlenenie teksta v drevnikh indoevropeiskikh yazykakh [The Parameter of the Zero Subject and Syntactic Division of the Text in Ancient Indo-European Languages]. In: *Yazyk. Konstanty. Peremennye* [Language. Constants. Variables]. Collection of Articles in Memory of Alexander Evgenievich Kibrik. Ed. V.A. Plungyan. St. Petersburg, Publ. Aleteiya: 217–231.



Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию 27.05.2024

Received May 27, 2024

Поступила после рецензирования 22.11.2024

Revised November 22, 2024

Принята к публикации 10.12.2024

Accepted December 10, 2024

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Жуньдо Г., студент кафедры общего языкознания, Московский педагогический государственный университет, г. Москва, Россия.

Gao Jundo, Student of the Department of General Linguistics, Moscow State Pedagogical University, Moscow, Russia.



УДК 811.11–112

DOI 10.52575/2712-7451-2024-43-4-514-524

Ментефакты-вместилища в глагольных классифицирующих конструкциях (на материале английского языка)

Задобри́вская О.Ф.

Рыбницкий филиал Приднестровского государственного университета имени Т. Г. Шевченко,
Приднестровье, 5500, г. Рыбница, ул. Гагарина, д. 12

keshha25@list.ru

Аннотация. Категоризация имен помогает расширить рамки изучения лексического потенциала языка, обнаружить новые явления, которые помогут интерпретировать семантическое значение слова по-новому, а следовательно, отнести его к новому имплицитному классу и рассмотреть присущие характеристики именно этого класса. Целью исследования является анализ ментефактов на предмет их категоризации по образу и подобию вместилища. Был проведен контекстный анализ на базе электронных языковых корпусов, который предполагал автоматическую выборку по запросу, ручную обработку данных, сортировку авторского исследовательского корпуса, количественный анализ материала и его интерпретацию (используемая методология подробно представлена в ранних работах автора). В работе доказана принадлежность таких непредметных имен, как ментефакты, к классу ‘Res Continens’. Проблема в такой постановке рассматривается впервые: в настоящее время платформа Cryptotypes of the English Language содержит данные только о принадлежности эмонимов к данному классу. Приведены контексты с аутентичными словоупотреблениями и детальным описанием по глагольным классификаторам с непредметными именами – ментефактами. В процессе исследования выявлено, что описываемые ментефакты обладают метафорическим расширением, осмысляются по образу и подобию вместилища, а значит, принадлежат к криптоклассу ‘Res Continens’. Полученные результаты вносят вклад в системное представление классов именной лексики (криптоклассов) английского языка.

Ключевые слова: ментефакт, категоризация, вместилище, глагольная классифицирующая конструкция, словоупотребление

Для цитирования: Задобри́вская О.Ф. 2024. Ментефакты-вместилища в глагольных классифицирующих конструкциях (на материале английского языка). *Вопросы журналистики, педагогики, языкознания*, 43(4): 514–524. DOI: 10.52575/2712-7451-2024-43-4-514-524

Mentefacts-containers in the Verb Classifying Constructions Based (on the Material of the English Language)

Oxana F. Zadobrivskaia

Rybnitsa branch of the Shevchenko Pridnestrovian State University,
12 Gagarin St, Rybnitsa 5500, Transnistria

keshha25@list.ru

Abstract. Categorization of names helps expand the framework for studying the lexical potential of a language, to discover new phenomena that will help interpret the semantic meaning of a word in a new way, and, therefore, to attribute it to a new implicit class and consider the inherent characteristics of this particular class. This study presents material on the ‘Res Continens’ (Container) cryptotype. The problem is addressed for the first time, as at present, the Cryptotypes of the English Language platform is known to

contain data on emonyms only. The purpose of the research is to analyze mentefacts with a view to categorizing them by the image and similarity of the container. To study the problem, a contextual analysis based on electronic language corpora is carried out, which involves automatic sampling on request, manual data processing, sorting of the author's research corpus, quantitative analysis of the material and its interpretation (the methodology used is presented in detail in the author's early works). The author provides contexts with authentic tokens and detailed descriptions in the verb classifiers with non-object names, i.e. mentefacts. The research reveals that the described mentefacts have a metaphorical extension, they are comprehended in the image and likeness of the container, which means they belong to the 'Res Continens' cryptotype. The results obtained contribute to the systemic representation of English nominal vocabulary classes (cryptotypes).

Keywords: mentefact, categorization, container, verb classifying construction, token

For citation: Zadobrivskaia O.F. 2024. Mentefacts-containers in the Verb Classifying Constructions Based (on the Material of the English Language). *Issues in Journalism, Education, Linguistics*, 43(4): 514–524 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-7451-2024-43-4-514-524

Введение

В данной работе рассматривается категоризации ментефакта – объекта репрезентации мыслительной деятельности человека – по образу и подобию вместилища, так как существует необходимость в пополнении списка непредметных имен, которые могут входить в криптокласс 'Res Continens' (Вместилище). В этот список могут входить малознакомые или же абстрактные понятия, которые можно описать с помощью метафоры. В случае если слова приобретают новое значение при помощи их категоризации по аналогии с каким-то предметом, мы имеем дело с таким явлением, как метафорическое расширение, а категоризируемые слова мы называем метафоронимами.

Ученые Воронежской школы объясняют ментефакты как «имена объектов ментального состояния» [Кретов, Борискина, Васильева, 2004, с. 61]. По мнению Д.А. Поповой, ментефакт представляет собой «продукт интеллектуальной деятельности, а следовательно, значимость приобретает его содержательная сторона» [Попова, 2017, с. 22]. Е.А. Флейшер определяет ментефакты как прецедентные феномены, которые выступают частью когнитивной базы [Флейшер, 2014, с. 29].

По мнению В.В. Красных, различные содержательные элементы включаются в ментефакты. Степень информативности и образности – отличительная черта этих элементов. «Знания, имеющиеся у человека или разделяемые представителями определенной общности людей... представляют собой наиболее информативную составляющую сознания, в то время как представления, будучи основанными на образах, являются более субъективными единицами сознания» [Красных, 2003, с. 155]. Из этого следует, что ментефакт может быть контейнером (вместилищем), в который можно поместить или же из которого можно изъять что-либо. И он, как и вместилище, может быть глубоким, полным и пустым. Данное положение можно объяснить следующим образом: «Мысль может быть глубокой и полной, как вместилище, т. е. она может показать "расстояние между поверхностью и дном этого контейнера": например, *It looked like your thought was deep*. Однако мысль может быть и пустой, т. е. не наполненной чем-то подобно вместилищу: например, *"An empty, vacant thought," as Mark Twain's Mysterious Stranger once said*. Необходимо отметить, что мысль может быть вместилищем для наших чувств и эмоций. Например, *Some comfort could perhaps be found in the thought that we are dealing with an issue of scale*» [Задобровская, 2017, с. 35].

Под ментефактом мы понимаем продукт мыслительной деятельности человека, который может быть либо заполнен чем-либо, либо опустошен аналогично контейнеру (вместилищу); в него можно что-то положить, в нем может что-то находиться и т. д.



Б.Б. Борщев и Б.Х. Парти полагают, что вместилищем (контейнером) могут выступать такие слова, как *ящик, ведро, стакан* и другие подобные. Идея вместилища заключается в том, что перечисленные предметы являются физическими объектами, которые обладают некой полостью, которая, в свою очередь, может быть заполнена определенной субстанцией. Данные характеристики идентифицируют прототипический контейнер, а непрототипический контейнер определяется посредством метафорических контейнеров, которые могут быть «плоскими» и задаваться такими выражениями, как *страница текста* и т. д. [Борщев, Парти, 2011, с. 128]. Еще один важный признак, который подчеркивается авторами при интерпретации идеи вместилища (контейнера) – это наличие «пустого пространства». Следовательно, можно предположить, что «пространство, как и любой объект, можно представить неким контейнером, границы которого определяют его физические особенности (сосуд, мешок), качественную специфичность (вода, воздух) и воображаемую отдельность (чувства и состояния)» [Борщев, Парти, 2011, с. 57]. В качестве эталонных контейнеров рассматриваются те объекты, которые имеют «четко очерченные контуры и объекты с оболочками (семена, зерна)» [Денпу, 1988, с. 214]. Е.С. Кубрякова объясняет суть контейнера через его форму и функцию, т. е. указывает на присутствие одного объекта в другом [Кубрякова, 2004].

Еще одно положение вытекает из того, что ограниченное физическое пространство есть вместилище. Например, понятие *поле зрения* соотносится с подобным ограниченным физическим пространством, соответственно, «поле зрения» – это вместилище [Джонсон, Лакофф, 1990, с. 55].

Можно говорить о том, что предмет, ограниченный с нескольких сторон и имеющий полость, а также предмет, в который можно что-то поместить или из которого можно что-то изъять, а также предмет, в котором можно что-то хранить, считается вместилищем (контейнером). Данное положение является ключевым для определения предметов, входящих в криптокласс 'Res Continens'. Платформа Cryptotypes of the English Language¹ содержит данные по 8 криптоклассам, среди которых и указанный в настоящем исследовании: список классификаторов, существительные (непредметные имена), которые входят в каждый из криптоклассов, контексты, статистику по всем классам, по заданному классу, по классификаторам и т. п. Необходимость в пополнении данной платформы является релевантной для расширения данной базы, а также для получения более точных показателей криптоклассной активности и индекса разнообразия.

Цель исследования – описать ментефакты, категоризирующиеся по образу и подобию вместилища в глагольных классифицирующих конструкциях, а именно: субъектной, объектных и локативных.

Объекты и методы исследования

Объектом исследования предстают ментефакты, которые становятся неким вместилищем, сосудом, контейнером при категоризации по образу и подобию вместилища. Применены методы корпусной лингвистики, которые включают корпусные запросы, автоматическую выборку согласно запросу, ручную обработку и сортировку корпусных данных с целью получения языкового знания о непредметных именах (существительных), категоризируемых по метафорическому образу – образу и подобию вместилища. На следующем этапе происходит корпусная проверка сочетаемости ментефактов, а на финальном этапе осуществляется количественный анализ материала и его интерпретация [Задобривская, 2019]. В качестве методологической базы выступили труды таких ученых, как А.А. Кретьова, О.О. Борискиной [Кретьов, Брискина, 2004], В.В. Красных [Красных, 2003], Е.С. Кубряковой [Кубрякова, 2004], М. Джонсона, Дж. Лакоффа [Джонсон, Лакофф, 1990] и другие.

¹ Cryptotypes of the English Language. URL: <https://rgph.vsu.ru/coel/> (дата обращения: 25.07.2024).

Результаты и их обсуждение

Авторский исследовательский корпус ментефактов, категоризирующихся по образу и подобию вместилища, был собран из словоупотреблений, извлеченных из коллекции корпусов М. Дэвиса. Большинство контекстов было отобрано из Corpus of News on the Web (NOW)¹, т. к. именно этот корпус дает возможность проанализировать контексты из 20 вариантов английского языка², а следовательно, более точно представить категоризацию непередметных имен.

Корпусы Corpus of Global Web-Based English (GloWbE)³ и iWeb: The intelligent Web-based Corpus⁴ использовались с целью проверки некоторых данных, например: при отсутствии словоупотреблений с каким-то ментефактом в определенной конструкции запрос проводился в данных корпусах.

В исследовательский корпус входят контексты, извлеченные из корпусов за период 2019–2022 гг. При использовании корпуса GloWbE контексты датируются 2012–2013 гг., т. к. эти годы соответствуют периоду создания данного корпуса.

Методика исследования заключалась в следующем: при помощи поисковых ресурсов, доступных в корпусах, были созданы запросы с целью выборки словоупотреблений ментефактов в глагольных классифицирующих конструкциях. Результаты выборки обрабатывались вручную.

Для того чтобы контексты максимально соответствовали целям исследования, параметры контекстного окна в корпусах варьировались: при изучении сочетаемости ментефактов с классификаторами ширина контекстного окна выбиралась <4, 0> (рис. 1).



Рис. 1. Формирование запроса в корпусе
Fig. 1. Finding matching strings in the corpus

¹ Davies M. Corpus of News on the Web (NOW): 14.7+ billion words from 20 countries, updated every day. Provo, 2013. URL: <https://www.english-corpora.org/now/> (дата обращения: 25.07.2024).

² Американский (US), канадский (CA), британский (GB), ирландский (IE), австралийский (AU), новозеландский (NZ), индийский (IN), шриланкийский (LK), пакистанский (PK), бангладешский (BD), сингапурский (SG), малайзийский (MY), филиппинский (PH), гонконгский (HK), южноафриканский (ZA), нигерийский (NG), ганский (GH), кенийский (KE), танзанийский (TZ), ямайский (JM).

³ Davies M. Corpus of Global Web-Based English (GloWbE): 1.9 billion words from 20 countries. Provo, 2013. URL: <https://www.english-corpora.org/glowbe/> (дата обращения: 25.07.2024).

⁴ Davies M. iWeb: The intelligent Web-based Corpus: 14 billion words from 6 countries. Provo, 2017. URL: <https://www.english-corpora.org/iweb/> (дата обращения: 25.07.2024).

Если ширина контекстного окна была изменена, например, на $\langle 3, 0 \rangle$, то количество контекстов сокращалось. Если ширина контекстного окна была изменена, например, на $\langle 5, 0 \rangle$, то количество контекстов увеличивалось, но, соответственно, увеличивался материал, которые не отвечал в полной мере цели исследования. В секции *group by* устанавливался параметр *lemmas*. Далее полученные данные обрабатывались и систематизировались вручную.

Наряду с корпусами работа велась и с толковыми словарями английского языка [Cobuild English Dictionary; Oxford Learner's Dictionary; Webster's dictionary].

Объем практического материала исследования, посвященного анализу ментефактов (а именно: *concept* (концепт), *dream* (сон, мечта), *guess* (предположение), *idea* (идея), *notion* (понятие), *belief* (убеждение), *theory* (теория), *thought* (мысль), *opinion* (мнение), *view* (взгляд, суждение)), категоризирующихся по аналогии с вместилищем, составляет 24 360 словоупотреблений. Были определены атрибутивные, предикативные конструкции, глагольная субъектная конструкция, глагольные объектные конструкции и глагольные локативные классифицирующие конструкции.

Распределение словоупотреблений по классифицирующим конструкциям представлено на рис. 2.

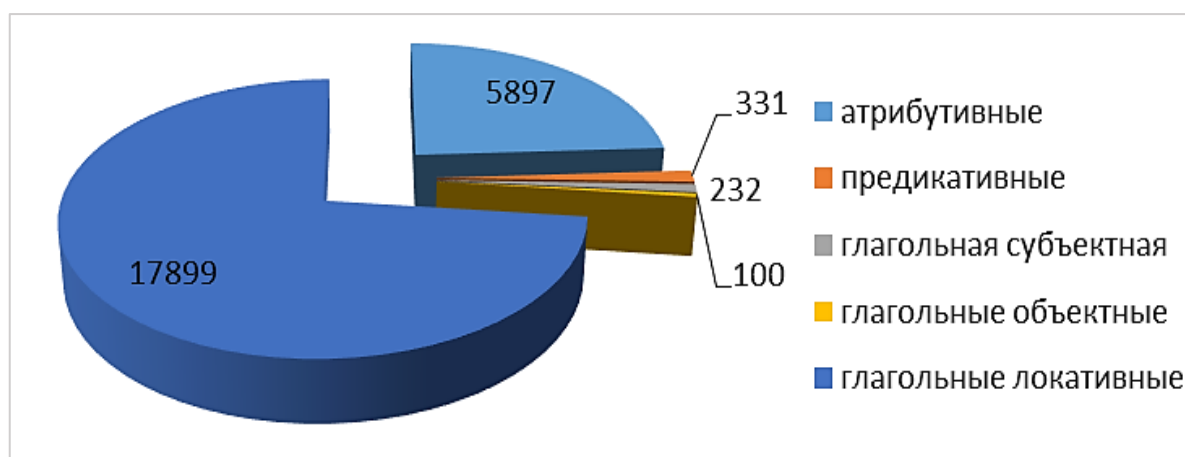


Рис. 2. Распределение словоупотреблений по классифицирующим конструкциям
Fig. 2. Distribution of the tokens according to the classifying constructions

Как видно из диаграммы, 73,3 % приходится на глагольные локативные классифицирующие конструкции, 24 % – на атрибутивные, 1,35 % – на предикативные, 0,95 % – на глагольную субъектную, 0,4 % – на глагольные объектные.

В ранних исследованиях были рассмотрены словоупотребления по атрибутивным и предикативным классифицирующим конструкциям [Задобри́вская, 2022], в настоящем исследовании речь пойдет о глагольных классифицирующих конструкциях. Рассмотрим употребление ментефактов в них более подробно.

Глагольная субъектная классифицирующая конструкция

В глагольной субъектной конструкции [*a container contains*] встречаются все неперечисленные имена, и только ментефакт *guess* (предположение), как и во многих других конструкциях, зафиксирован окказионально (рис. 3).

Наибольшее количество словоупотреблений, в которых ментефакты категоризируются по образу и подобию вместилища, которое содержит в себе что-то, зарегистрировано с именем *theory* (теория) – 69 словоупотреблений; наименьшее (за исключением окказионального случая) количество контекстов – с именем *notion* (понятие) – 3 словоупотребления.

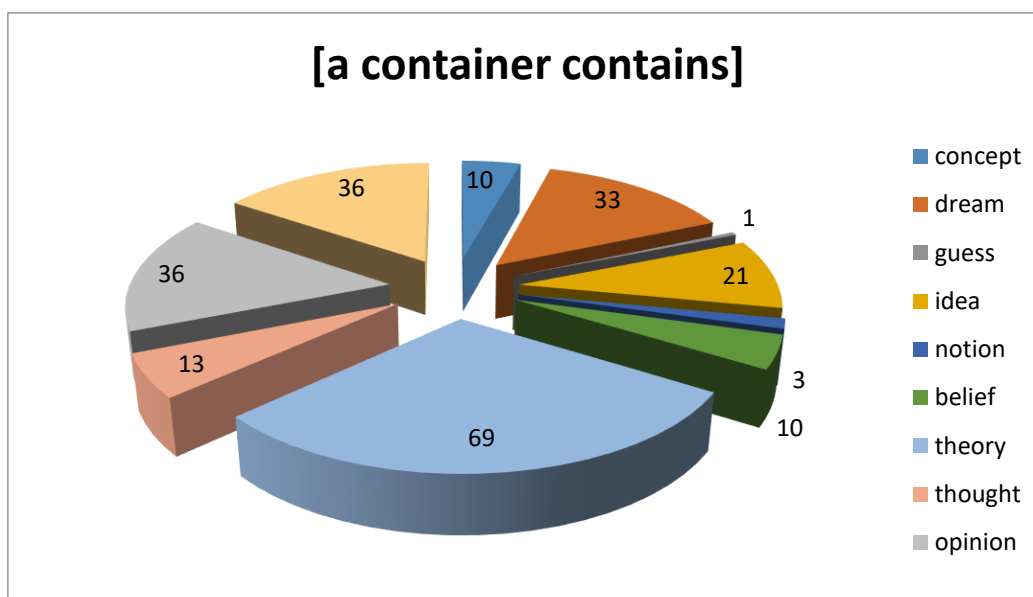


Рис. 3. Распределение употреблений ментефактов
в глагольной субъектной классифицирующей конструкции

Fig. 3. Distribution of the mentefacts tokens according to the verb subject classifying construction

Ментефакт *theory* (теория) может выступать вместилищем, которое является содержащим для других абстрактных имен – доказательств, необходимых для убеждения и принятия решения (пример 1), описания, объяснения для каких-то явлений (пример 2):

(1) *Well, your **theory** certainly **contains** enough evidence for me not to dismiss it out of hand (AU).*

(2) *The word 'theory' is important, because **theory** **contains** descriptions and explanations for something (GB).*

Имя *belief* (убеждение) – это сосуд, вмещающий истину, позволяющую либо утвердиться в чем-то, либо опровергнуть что-то, либо прояснить определенные моменты (пример 3); наряду с этим может выступать неким вместилищем для принятия определенных решений, имеющих два выхода (пример 4):

(3) *This **belief** **contains** some truth, in that one may sweep up and throw away something (KE) [12].*

(4) *This **belief** **contains** two central components (US).*

Следующими по количеству употреблений выступают имена *opinion* (мнение) и *view* (взгляд, суждение), на их долю приходится по 36 вхождений. Выражение определенного мнения должно быть обосновано, чтобы его принимать во внимание, поэтому оно объективно содержит факты, объясняющие проблему (пример 5), информацию, конкретизирующую процесс (пример 6):

(5) *The **opinion** should **contain** details explaining the issue (GB).*

(6) *Some of these **opinions** may **contain** information about treatments or uses of drug products (US).*

Глагольные объектные классифицирующие конструкции

Глагольными объектными классифицирующими конструкциями для категоризации имен по образу и подобию вместилища были отобраны следующие: *[fill a container (with smth)]* и *[empty a container]*. Количество словоупотреблений, обнаруженных благодаря корпусным запросам, не велико. Тем не менее они являются вполне доказательными, т. к. содержат в себе признак, указывающий на вместилище, – способность наполняться, способность опустошаться. Рассмотрим словоупотребления: в классифицирующей

конструкции [*fill a container (with smth)*]: встречаются 7 ментефактов, а именно: *concept* (концепт), *dream* (сон, мечта), *idea* (идея), *belief* (убеждение), *thought* (мысль), *opinion* (мнение), и 3 ментефакта – *concept* (концепт), *thought* (мысль), *opinion* (мнение) – с классификатором [*empty a container*], причем употребление имени *opinion* (мнение) является окказиональным в обеих конструкциях, а употребление имен *concept* (концепт) и *belief* (убеждение) – только в глагольной классифицирующей конструкции [*fill a container (with smth)*].

Рассмотрим контексты, которые подтверждают факт наполняемости ментефакта – вместилища – некой субстанции. В представленных ниже примерах можно увидеть, как различные абстракции заполняют ментефакты. Так, имя *dream* (сон, мечта) выступает вместилищем, которое заполнено положительными вещами – жизнью, энергией (пример 7), сказочными историями, позволяющими мечтать (пример 8). Интересно, что в примере 9 содержимое ментефакта *idea* (идея) аналогичное – это сказки:

(7) <...> *held it all in focus and then **filled the dream with the LIFE**, the energy, of the living creator (AU).*

(8) <...> *and remember my fairy tales, the stories that **filled my dreams**, my mind, my waking moments (GH).*

(9) *I didn't get the chance to live a fairytale life so you **fill your idea with a fairytale from things you've seen throughout your life (PH).***

Противоположным действием является опустошение вместилища – освобождение его от некой субстанции. В примерах 10–12 продемонстрированы контексты, в которых зарегистрированы словоупотребления ментефактов *thought* (мысль), *opinion* (мнение) и *concept* (концепт), категоризирующихся по аналогии с опустошающимся вместилищем:

(10) *It's pure escapism a chance to **empty my thoughts** and to create magic, when I say magic I mean new thought (GB).*

(11) *National grandpas and grandmas to the kerb and **empty their opinions** <...> (AU) [13].*

(12) *To me, that's unwise. It **empties the concept** of much of its power (IN).*

Глагольные локативные классифицирующие конструкции

Данный вид классифицирующих конструкций является наиболее широко представленным – на их долю приходится 17 899 словоупотреблений. В качестве классифицирующих были отобраны такие конструкции, как: [*VO/V in/into a container*], [*SV_{exist} in/inside a container*] и [*VO/V out of a container*]. Эти классификаторы указывают на три состояния: помещение и погружение, нахождение и извлечение соответственно. Количественное распределение по этим конструкциям представлено на рис. 4.

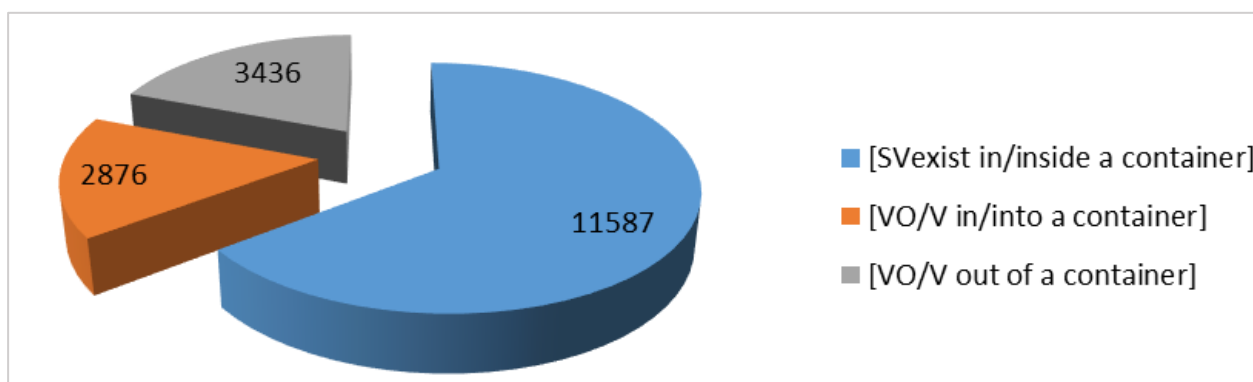


Рис. 4. Распределение употреблений ментефактов по глагольным локативным классифицирующим конструкциям
Fig. 4. Distribution of the mentefacts tokens according to the verb locative classifying constructions

Наибольшее количество словоупотреблений приходится на конструкцию, указывающую на ‘нахождение во вместилище’, – [SV_{exist} in/inside a container] – 65 %, на конструкцию, указывающую на ‘помещение во вместилище’, – [VO/V in/into a container] – 19 %, на конструкцию, указывающую на ‘извлечение из вместилища’, – [VO/V out of a container] – 16 %.

В каждой области деятельности существуют свои принципы, на которых эта деятельность базируется, т. е. может находиться в каком-то «имени», например, в имени *concept* (концепт) (пример 13):

(13) *Because his photo-realistic paintings **are in concept**, his macro treatment of sensual flesh creates abstract where realism was the initial technique* (NZ).

Мнение категоризуется по образу и подобию вместилища и содержит в себе информацию, данные, представленные во мнении (пример 14). Во мнение можно погрузиться, для того чтобы найти правильное решение, или быть в состоянии сплочения, объединения для реализации общих целей (пример 15):

(14) *I shall repeat much of what **is contained in the opinion*** (LK).

(15) *We are all just discussing about this issue and we **are all in an opinion** that it will change but what is the exact solution?* (ZA)

Во мнении может что-то находиться, из него можно что-то почерпнуть, можно получить данные о том или ином объекте или предмете. Что-то может появиться из мнения, причем эти знания могут быть и правдивыми, и ложными (пример 16). Из разных мнений может сложиться какой-то один весомый довод или аргумент (пример 17):

(16) *This makes the overall position of law unclear **getting out of an erroneous opinion** by the highest court* (NG).

(17) *<...> what I do know is that for anything new to **take out of diverse opinions**, people need to engage more intelligently with diverse views than your’ sports commentator <...>* (IN).

Ментефакт *guess* (предположение) категоризуется по аналогии с вместилищем, в которое можно что-то положить или в котором можно что-то найти. Например, в предположение можно вложить веру, которой руководствовались при проектировании карт (пример 18):

(18) *The mapmakers could only **put faith in intelligent guesses**, a course taken by Waldseemuller when he charted the discoveries of Columbus* (US).

В предположение-вместилище можно попасть с целью получения фактов, т. к. предположение впитывает информацию о чем-то и хранит ее. Отсюда и возникают догадки, т. е. высказываются допущения на основе того, что получили до этого какие-то данные или на основе похожих данных делаются выводы (примеры 19, 20):

(19) *Indeed, his name had been **put into the guess*** (GB).

(20) *Since your visiting the centre, roll up your sleeves and **be locked into the huge guess?*** (CA)

Догадки являются источником возникновения новых фактов, новых данных. Можно сделать выводы по тому, что предполагается, т. к. обладая фоновыми знаниями по определенному вопросу, можно сделать собственное заключение (пример 21). Предположение (*guess*) рождается в качестве предварительного объяснения некоторого явления, но впоследствии требует доказательства. Если предположение строится с научной точки зрения, тогда и полученные данные будут научно обоснованы и примут форму не просто предположения, а научного высказывания (пример 22):

(21) *Our estimates are **drawn out of the best guesses*** (CA).

(22) *<...> the information **got out of educated guesses** based on the careful study of official statements and photographs* (US).

Заключение

Применив теоретические наработки в практическом исследовании, мы попытались выяснить, как ментефакты в английском языке категоризируются по образу и подобию вместилища, которое можно чем-то наполнить либо из которого можно что-либо изъять и т. п. Так, мы провели исследование, используя глагольную субъектную, глагольные объектные и глагольные локативные классифицирующие конструкции.

В качестве вывода представляем свое понимание вместилища (любой объект, обладающий некой полостью, которую можно заполнить чем-либо, опустошить и т. д.). Выявление специфических особенностей по классифицирующим конструкциям является тем основанием, на котором строится наше суждение о том, что исследуемые ментальные образы – ментефакты – могут категоризоваться по аналогии с вместилищем.

Глагольные классифицирующие конструкции несут достаточно высокую функциональную нагрузку – на их долю приходится 74,65 % всех словоупотреблений, причем 73,3 % из них приходится на глагольные локативные классифицирующие конструкции. Данный факт подтверждает, что наиболее значимой характеристикой в языковом сознании является характеристика движения. Несмотря на незначительный процент словоупотреблений в глагольной субъектной и глагольных объектных классифицирующих конструкциях, полученные данные можно считать валидными, т. к. они указывают на присущие вместилищу признаки – признаки содержания, опустошения, наполнения/заполнения.

Цель данного исследования реализована – представлен анализ и описание ментефактов, категоризирующихся по образу и подобию вместилища в глагольных субъектной, объектных и локативных классифицирующих конструкциях. Вклад автора состоит в том, что после проведения исследования криптокласс 'Res Continens' пополнился новыми данными – непредметными именами, ментефактами, которые могут категоризоваться по аналогии с вместилищем. В перспективных исследованиях это позволит вычислить индекс разнообразия сочетаемости, построить криптоклассные портреты ментефактов.

В качестве еще одного перспективного направления стоит выделить проведение сравнительного анализа по географической дистрибуции с уже имеющимися метафорическими образами, например, с эмонимами, и зафиксировать, совпадают ли языковые свидетельства метафорических образов ментефактов-вместилищ и эмонимов-вместилищ в вариантах английского языка.

Список источников

- Cobuild English Dictionary. 2001. Harper Collins Publishers Ltd, 1872 p.
Cryptotypes of the English Language. URL: <https://rgph.vsu.ru/coel/> (дата обращения: 25.07.2024).
Davies M. Corpus of News on the Web (NOW): 14.7+ billion words from 20 countries, updated every day. Provo, 2013. URL: <https://www.english-corpora.org/now/> (дата обращения: 25.07.2024).
Davies M. Corpus of Global Web-Based English (GloWbE): 1.9 billion words from 20 countries. Provo, 2013. URL: <https://www.english-corpora.org/glowbe/> (дата обращения: 25.07.2024).
Davies M. iWeb: The intelligent Web-based Corpus: 14 billion words from 6 countries. Provo, 2017. URL: <https://www.english-corpora.org/iweb/> (дата обращения: 25.07.2024).
Oxford Learner's Dictionary. URL: <http://www.oxforddictionaries.com> (дата обращения: 20.07.2024).
Webster's dictionary. URL: <http://www.merriam-webster.com> (дата обращения: 20.07.2024).

Список литературы

- Борщев В.Б., Парти Б.Х. 2011. Генетив меры в русском языке, типы и сорта. В кн.: Слово и язык: сб. ст. к восьмидесятилетию Ю.Д. Апресяна. М., Языки славянских культур: 95–137.

- Джонсон М., Лакофф Дж. 1990. Метафоры, которыми мы живем. Пер. с англ. А. Н. Баранова, А. В. Морозовой. М., Едиториал УРСС, 2004, 256 с.
- Задобри́вская О.Ф. 2017. Английский криптокласс «вместилище»: К проблеме выделения. *Вестник ВГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация*, 4: 56–60.
- Задобри́вская О.Ф. 2018. Ментефакты idea и thought как вместилище. В кн.: World science: problems and innovations: сборник статей XVII Международной научно-практической конференции, г. Пенза, 30 января 2018 г. Ч. 3. Пенза, МЦНС «Наука и Просвещение»: 34–38.
- Задобри́вская О.Ф. 2022. О некоторых аспектах ментефактов-вместилищ как продуктов интеллектуальной деятельности в английском языке. *Вестник ПНИПУ. Проблемы языкознания и педагогики*, 3: 88–98. DOI: 10.22250/24107190_2023_9_1_36
- Задобри́вская О.Ф. Эмоции как «вместилище» в вариантах английского языка: дис. ... канд. филол. наук наук: 10.02.04. Воронеж, 2019. 272 с.
- Красных В.В. 2003. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? М., ИТДГК «Гидис», 375 с.
- Кретов А.А., Борискина О.О., Васильева Н.Е. 2004. «Полет мысли» и методика исследования криптоклассов. *Вестник ВГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация*, 1: 61–65.
- Кубрякова Е.С. 2004. Язык и знание: На пути получения знаний о языке: части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. М., Языки славянской культуры, 556 с.
- Попова Д.А., Лаенко Л.В. 2017. Оценочная категоризация ментефактов. *Вестник ВГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация*, 4: 21–26.
- Флейшер Е.А. 2014. Функционирование прецедентных имен и явление псевдопрецедентности. *Мир русского слова*, 2: 29–33.
- Denny J.P. 1988. Contextualization and differentiation in cross-cultural cognition. *Indigenous Cognition: Functioning in cultural context*, 41: 213–229.

References

- Borshchev V.B., Parti B.Kh. 2011. Genetiv mery v russkom yazyke, tipy i sorta. [Genetic measures in Russian, types and varieties]. In: Mot et langue: recueil d'articles pour le quatre-vingtième anniversaire de Y. D. apresian. M., Jaz. slavjan. Kul'tur: 95–137.
- Johnson M., Lakoff G. 1990. Metaphors we live by. Theory of metaphors. M., Progress: 386–415 (in Russian).
- Zadobrivskaia O.F. 2017. Anglijskij kriptoklass «vmestilishhe»: K probleme vydelenija [English cryptoclass “container”: To the problem of identifying]. *Proceedings of Voronezh State University. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 4: 56–60.
- Zadobrivskaia O.F. 2018. Mental images idea and thought as a container. In: World science: problems and innovations: sbornik statej XVII Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii, Penza, January 30, 2018. Part 3. Penza, Nauka i Prosveshhenie: 34–38 (in Russian).
- Zadobrivskaia O.F. 2022. On some aspects of mentefacts-containers in the english language. *PNRPU Linguistics and Pedagogy Bulletin*. Perm, 3: 88–98 (in Russian).
- Zadobrivskaia O.F. 2019. Emotsii kak «vmestilishche» v variantakh angliiskogo yazyka [Emotions as a “container” in English dialects]: dis. ... kand. filol. nauk nauk: 10.02.04.Voronezh, 272 p. (In Russian).
- Krasnykh V.V. 2003. «Svoi» sredi «chuzhikh»: mif ili real'nost'? [“Insider” among “strangers”: myth or reality?] M., Publ. ITDGK Gidis, 375 p.
- Kretov A.A., Boriskina O.O., Vasil'eva N.E. 2004. «Polet mysli» i metodika issledovaniya kriptoklassov [“Flight of Thought” and Cryptoclass Research Methodology]. *Proceedings of Voronezh State University. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 1: 61–65.
- Kubryakova E.S. 2004. Yazyk i znanie: Na puti polucheniya znaniy o yazyke: chasti rechi s kognitivnoi tochki zreniya. Rol' yazyka v poznanii mira [Language and knowledge. On the way to gaining knowledge about language: parts of speech from a cognitive point of view. The role of language in knowing the world]. M., Publ. Yazyki slavyanskoi kul'tury, 556 p.
- Popova D.A., Laenko L.V. *указать всех авторов* 2017. Otsenoch'naya kategorizatsiya mentefaktov. [Evaluative categorization of mentefacts]. *Proceedings of Voronezh State University. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 4: 21–26 (in Russian).



- Fleisher E.A. 2014. Functioning of precedential names and pseudo-precedence phenomenon.-*The World of Russian Word*, 2: 29–33 (in Russian).
- Denny J.P. 1988. Contextualization and differentiation in cross-cultural cognition. *Indigenous Cognition: Functioning in cultural context*, 41: 213–229.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.
Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию 27.05.2024

Поступила после рецензирования 22.11.2024

Принята к публикации 10.12.2024

Received May 27, 2024

Revised November 22, 2024

Accepted December 10, 2024

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Задобри́вская Оксана Фео́довна, доцент, доцент кафедры германских языков и методики их преподавания, Рыбницкий филиал Приднестровского государственного университета им. Т.Г. Шевченко, г. Рыбница, Приднестровье.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Oxana F. Zadobrivskaia, Associate Professor, Associate Professor of the Department of the Germanic Languages and Methods of Their Teaching, Rybnitsa branch of Shevchenko Pridnestrovian State University, Rybnitsa, Transnistria.

УДК 811.111-26

DOI 10.52575/2712-7451-2024-43-4-525-533

Концепты Country House и «усадьба» в английской и русской лингвокультуре

Коренецкая И.Н.

Псковский государственный университет,
Россия, 180000, г. Псков, пл. Ленина, д. 2

irinallo@mail.ru

Аннотация. Концепты Country House и «усадьба» выражают особенности деревенского образа жизни, они связаны с природой и уединением. Исследование данных концептов позволяет более глубоко понять изменения в их восприятии и использовании, а также влияние их на современные представления о пространстве, комфорте, организации жилища. Несмотря на культурную и историческую значимость концептов, они являются малоизученными в современной российской и зарубежной лингвистике. Целью настоящего исследования было выявление общих и специфических черт концептов Country House и «усадьба» в английской и русской лингвокультурах. Основными методами данного исследования стали: лексикографический анализ, контент-анализ, сравнительный анализ. В результате проведенного исследования удалось установить следующее: (1) семантика анализируемых лексических единиц во многом схожа, как и схожи их функции, история, социальное значение; (2) оба понятия отражают специфику дворянского быта; в обеих культурах загородные дома ассоциируются с богатством, статусом и дворянским сословием; (3) глубинный анализ показывает различия между двумя концептами: в английской лингвокультуре Country House имеет связь с суперконцептами Home/House, ассоциируется с понятием приватности, изоляции, а также отражает связь с природой. В русской лингвокультуре «усадьба» связывается с помещичьим землевладением, сельским хозяйством; (4) в XX в. на смену усадьбам пришла дача – концепт «дача» не имеет аналогов в британской лингвокультуре и имеет менее глубокую, утилитарную семантику в сравнении с концептом «усадьба».

Ключевые слова: лингвокультура, усадьба, дача, загородный дом, жилище, домашний очаг, концепция

Для цитирования: Коренецкая И.Н. 2024. Концепты Country House и «усадьба» в английской и русской лингвокультуре. *Вопросы журналистики, педагогики, языкознания*, 43(4): 525–533. DOI: 10.52575/2712-7451-2024-43-4-525-533

The Concepts of “Country House” and “Usadba” in English and Russian Linguistic Cultures

Irina N. Korenetskaya

Pskov State University,
2 Lenin Sq., Pskov 180000, Russian Federation

i.korenetskaya@pskgu.ru

Abstract. The concepts of “Country House” and “Usadba” express the characteristics of a certain lifestyle associated with village life, nature, and solitude. The study of these concepts allows a deeper understanding of their cultural heritage, changes in their perception and use over time, as well as the impact on modern public ideas about space, comfort, and home organization. Despite the cultural and historical significance of the concepts, they have not been studied thoroughly in modern Russian and foreign linguistics. The purpose of this study was to identify common and specific features of the “Country House” and “Usadba” concepts in English and Russian linguistic cultures. The main research methods included lexicographic analysis, content analysis, and comparative analysis. The research allows the author to conclude the



following: (1) the semantics of the lexical units under study are largely similar, as are the functions, history, and social meaning of a country house and estates; (2) both concepts reflect the specifics of noble life; in both cultures, country houses are associated with wealth, status and power; (3) an in-depth analysis shows the differences between the two concepts: in English linguistic culture, a “country house” has a connection with the superconcepts “home/house”, is associated with the concept of privacy, isolation, and also reflects a connection with nature. In Russian linguistic culture, “usadba” is associated with landownership and agriculture; (4) in the 20th century, estates were replaced by dachas – this concept has no counterparts in British linguistic culture and has less deep, utilitarian semantics.

Keywords: linguistic culture, estate, dacha, country house, house, home, concept

For citation: Korenetskaya I.N. 2024. The Concepts of “Country House” and “Usadba” in English and Russian Linguistic Cultures. *Issues in Journalism, Education, Linguistics*, 43(4): 525–533 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-7451-2024-43-4-525-533

Введение

Загородные дома и усадьбы играли и продолжают играть значительную роль в культуре общества. Во многих культурах загородные дома считаются символами социального статуса и благосостояния. В прошлом имения, расположенные за чертой города, могли выполнять функцию одного из центров культурной жизни. Загородные дома выступают отражением архитектурных достижений своей эпохи, социокультурных норм и ценностей общества, специфику социальной и гендерной стратификации, сословной иерархии общества.

В данной связи особенно интересно рассмотреть языковые концепты, именующие тот или иной тип загородного жилища и проследить, каким образом они отражают исторический, культурный, социальный опыт носителей лингвокультуры. В рамках данной статьи подобный анализ будет проведен в кросс-культурном контексте – на примерах концептов COUNTRY HOUSE и УСАДЬБА.

Рассматриваемые нами концепты можно считать эквивалентными. Согласно П.М. Пименовой [2011, с. 127], под эквивалентными понимаются «концепты, структуры которых полностью или частично совпадают, особенно в мотивирующей и понятийной своих частях, а их репрезентанты выступают равнозначными при переводе». Так, к примеру, к эквивалентным можно отнести концепты ДУША и SOUL, СЕРДЦЕ и HEART, МУДРОСТЬ и WISDOM, ДУХ и SPIRIT, УМ и MIND и др. более глубокое сопоставительное концептуальное исследование позволит обнаружить общее и специфическое в структурах эквивалентных концептов COUNTRY HOUSE и УСАДЬБА.

Изучение данных концептов позволит получить более глубокое понимание литературных традиций и культурных ценностей, которые формируют национальную литературу. Критический анализ литературы при изучении данных концептов позволяет интерпретировать символизм и тематику, являющиеся контекстом для изучаемых концептов, что способствует пониманию функционирования концептов в источниках, а также способов развития повествования. Кроме того, анализ концептов COUNTRY HOUSE и УСАДЬБА дает представление об историческом контексте, который позволяет понять, как социальные нормы, ценности и экономические условия определенного времени влияют на отображение концептов COUNTRY HOUSE и УСАДЬБА в литературе.

В современных исследованиях по данной проблеме активно обсуждается концептуальная структура и динамика изучаемых концептов. Так, исследователи отмечают, что английская усадьба в лингвокультуре часто концептуализируется через литературный жанр country house novel, «усадебный роман», «усадебный текст», который выступает как дискурс, объективирующий понятийные, ценностные и образные признаки концептов, такие как House, Family, Heritage [Lucas, 2001; Доманский, 2006; Дмитриева, Купцова, 2008;

Рябцева, 2013; Халтрин-Халтурина, 2020]. Кроме того, в научных работах традиционнорассматриваются концептуальные слои, которые включает в себя концептосфера усадьбы: предметные концепты (например, архитектура и интерьер), ценностные концепты (отношения и социальные нормы) и эхо-концепты, где оценка этих концептов переосмысливается, иногда до противоположной [Карасик, 2004; Рябцева, 2013].

Другие исследования посвящены анализу литературных и культурных аспектов изучаемой проблемы. Обращаясь к классической усадебной литературе (например, у Джейн Остин), исследователи отмечают, что усадьба часто является сюжетообразующим элементом, но не имеет субъектной ценности. В постмодернистской литературе (Дж. Барнс, С. Фрая, Г. Ричи) усадьба часто представлена как театральная, соответствующая существующим представлениям о жизни в английской усадьбе [Велигорский, 2022]. Усадьба также рассматривается как символ освоенного, замкнутого пространства, где человек чувствует себя в безопасности, как символ стабильности и незыблемости на фоне экономического кризиса, и представляется центром мира. Так, постепенно формировался «усадебный миф» [Дмитриева, Купцова, 2008].

Целый ряд исследований и проектов посвящен анализу усадьбы, где она возводится в ранг национального идеала, «иконы национальной идентичности» [Williams, 2016].

Усадебный топос в русской литературе представляет собой межсословный мультикультурный союз и архетипическую проекцию «рая на земле», когда для писателей-эмигрантов (И. Бунин и В. Набоков) усадьба стала ностальгическим средоточием «потерянного рая» дореволюционной России [Халтрин-Халтурина, 2020].

В целом научная литература по исследованию концептов COUNTRY HOUSE и УСАДЬБА в английской и русской лингвокультуре достаточно обширна, но есть необходимость более глубокого анализа, особенно в аспектах сравнительного исследования и осмысления национально-специфических характеристик.

Целью настоящего исследования является выявление общих и специфических черт концептов COUNTRY HOUSE и УСАДЬБА в английской и русской лингвокультурах соответственно.

Исследование выполнено в отношении современного состояния двух концептов в синхронии, при этом вкратце представлены особенности их исторической эволюции.

Объекты и методы исследования

Объектом исследования являются концепты COUNTRY HOUSE и УСАДЬБА, а предметом – лексические единицы, репрезентирующие данные концепты в обеих лингвокультурах. Исследование проведено на основе публикаций в периодических изданиях по лингвистике, истории, культурологии. Используются словарные статьи для дефиниции некоторых ключевых категорий.

Основными методами исследования стали следующие:

1. Лексикографический анализ: изучение семантики лексических единиц, связанных с данными концептами в соответствующих языках, анализ их значений, ситуаций употребления в различных контекстах.

2. Сравнительный анализ культурных и языковых контекстов: исследование социокультурного значения и функций COUNTRY HOUSE и УСАДЬБА в английской и русской культурных традициях с целью выявления общих и уникальных черт каждого концепта.

Результаты исследования и их обсуждение

Культура загородной жизни (*country life*) не является уникальной для английского или русского общества. Особые культурные, эстетические и поведенческие практики деревенской жизни обеспеченных людей имелись и в контексте плантаторской культуры



южных штатов США, в индийской и японской культуре, в странах Арабского Востока [Халтрин-Халтурина, 2020, с. 223]. В каждой из культур были выработаны особые культурные и вербальные коды, отличающие «загородную» культуру одной страны от культуры зарубежья. Тем не менее, несмотря на явные отличия между проявлениями усадебной культуры разных стран, в них можно найти и общие черты [Богданова, 2020].

Country house и усадьба в английской и русской культуре и истории

Как правило, термином *country house* в английской культуре было принято называть загородные усадьбы «средней руки». Феномен *country house* в британской культуре сформировался в викторианскую эпоху. Однако первые упоминания о *country house* можно встретить и ранее – во времена Тюдоров в Англии. Большие дома, принадлежавшие феодалам, были первыми жилыми постройками такого типа, сконструированными без укреплений от внешних врагов [Brain, 2021]. Как отмечают многие современные исследователи, викторианские усадьбы англичан отличаются громоздкостью и производят впечатление «некоей избыточности объема подобного жилого помещения» [Соколова, 2019, с. 122]. Причина масштабности английских усадеб – специфика планировочного решения и функциональный спектр строений, входящих в ансамбль *country house*. Так, совокупность помещений для прислуги в английском *country house* существенно превосходит по масштабам главный, «хозяйский» корпус и занимает не менее 70 % всей площади сооружений. Подобная избыточность викторианских загородных домов обусловлена не только наличием расширенного штата прислуги, но и широким перечнем социальных функций такого жилища: оно предполагает возможность вмещать многочисленных гостей семьи, родственников; кроме того, следует учесть относительную инфраструктурную изоляцию жильцов английской деревенской усадьбы, из-за чего они стремились воссоздать ее в пределах собственного дома. Так, в состав сооружений *country house* включаются помещения для досуга – библиотеки, салоны-гостиные, помещения для музицирования и проч. [Соколова, 2019, с. 122]. Загородный дом викторианского времени, как и сегодня, выступает символом высокого социального статуса, богатства и амбиций его владельца, отражением его вкуса и воспитания [TheCountryHouse..., 2016].

Первая мировая война ознаменовала начало периода упадка английского *country house*. Война привела к изменению структуры социума Великобритании: произошла частичная деструкция классовой системы, и многие английские загородные дома использовались как больницы или реабилитационные центры для солдат. После войны и с введением налога на наследство многие землевладельцы больше не могли позволить себе содержание поместий [The Enduring Appeal..., 2024].

Концепт *countryhouse*, наряду с концептами *manor*, *stately house* стали узнаваемыми символами британской культуры и менталитета – во многом благодаря интересу массовой культуры к прошлым эпохам. В качестве примера, иллюстрирующего данный тезис, можно привести получившие мировую популярность телесериалы *Brides head Revisited* (Granada Television, 1981), *Downton Abbey* (Carival Films, 2010), кинофильмы, снятые по романам Дж. Остин, и другие произведения визуального искусства, где основной локацией и социальной площадкой для взаимодействия персонажей стали именно загородные поместья.

История русской усадьбы во многом повторяет судьбу *country house*. Интерес к русской усадьбе весьма обширен – более того, на стыке истории, архитектуры, культурологии, литературы, лингвистики и других наук образовалась новая формация – усадебоведение, в фокусе которой находится усадьба как модель мира. Культурологи, искусствоведы, художники, дизайнеры и архитекторы изучают усадьбу как многогранное художественное явление; историки и литературоведы указывают на наличие в русской культуре особого «усадебного текста» или «усадебного топоса» [Полякова, 2019, с. 55]. Русская усадьба на протяжении нескольких столетий выполняла функции социально-административного, хозяйственно-экономического, досугового, культурного,

архитектурно-паркового центра. Русские усадьбы в массовом сознании носителей русской лингвокультуры ассоциируются с известными поэтами и писателями, а также со многими другими выдающимися людьми, определившими очертания культуры и истории нашей страны. Усадьба связана с дворянским сословием: устройство, структура, масштаб и внешний вид усадеб во многом определялись высоким социальным положением их владельцев. Усадьба, в отличие от английского *country house*, стала в российской глубинке выразителем не только собственной культуры русского народа, но и культуры иностранной (европейской). Тем не менее по мере возрастания интереса к исконной русской культуре в провинциальных усадьбах можно было все чаще увидеть работы знаменитых местных мастеров, творения местных архитекторов, столяров, живописцев, резчиков по дереву [Симонова, Толмачева, 2021].

Как отмечают историки, история русской усадьбы насчитывает около 6 столетий. В XIV в. дворяне стали получать от правителей земельные наделы; Петр I также дарил земли представителям высшего сословия. Схожий алгоритм формирования культуры загородных жилищ можно усмотреть и в истории Великобритании. В России эпохой расцвета культуры усадеб принято считать середину XVIII – начало XIX вв. Состоятельные дворянские семьи имели, наряду с городскими домами, несколько «ближних» и «дальних» усадеб. Усадьба, как и *country house*, выполняла широкий спектр функций: место проживания, место приема и размещения гостей, центр хозяйственной деятельности, место досуга [Симонова, Толмачева, 2021].

После Октябрьской революции 1917 года и установления советской власти в России произошли значительные изменения в обществе, которые затронули и усадебную культуру. Многие усадьбы были национализированы, а их бывшие владельцы лишены собственности. В последующие десятилетия – в период коллективизации и индустриализации – часть усадебной земли была использована для колхозов и совхозов, а сами усадьбы использовались как помещения для производства или хранения. Во время Второй мировой войны и послевоенного периода многие усадьбы были разрушены или серьезно повреждены. Некоторые из них использовались военными как штабы или госпитали. В конце XX в. начался процесс реставрации и восстановления исторических усадебных комплексов, часть из которых была открыта для туристов или превращена в музеи.

Структура концептов COUNTRY HOUSE и УСАДЬБА

Если исходить из предположения о наличии в обеих лингвокультурах концептов, выражающих специфику загородной жизни представителей дворянского сословия, можно заключить, что лексико-семантическим ядром данных концептосфер будут являться понятия *country house* и «усадьба».

Согласно словарю синонимов, наиболее близкими, практически тождественными понятию *country house* словами будут следующие: *chalet, cottage, dwelling*. Более дальними синонимами к слову *country house* можно считать лексемы *hut, inn, shelter, gatehouse, home, hostelry, house, stopover, villa* [Countryhouse, 2024a]. Словарь «Мерриам-Вебстер» определяет слово *country house* достаточно широко: «дом или поместье, расположенные за чертой города» (*перевод здесь и далее наш*) [Country house, 2024b]. Более развернутую дефиницию предлагает Оксфордский словарь: «дом, расположенный в сельской местности, отличающийся большой площадью, окруженный обширным земельным наделом, резиденция состоятельных людей в Британии» [Country house, 2024c].

По мнению специалистов, ключевые черты ментальности англичан (так называемая английскость) можно определить через три понятия: доброта (*goodness*), дом (*home*) и сельская местность (*countryside*) [Чернобай, 2010, с. 137]. Можно предположить, что, по крайней мере, две из трех этих фундаментальных аксиологических установок отражены в понятии *country house*, что позволяет считать его весьма значимым для британской лингвокультуры.

По нашему мнению, семантика и коннотации концепта COUNTRY HOUSE связаны, в первую очередь, с ценностным отношением англичан к дому (суперконцепты *home* и *house*) и особой любовью народа к природе, садоводству, сельской жизни, спокойствию. Англичане всегда ценили красоту природы и стремились создать гармоничное сочетание между архитектурой, ландшафтом и садоводством. Для многих англичан уход за собственным садом является искусством, которое передается из поколения в поколение. Дом, как известно, всегда являлся центром жизни для англичанина. Все эти черты, безусловно, переносятся и на понятие COUNTRY HOUSE. Суперконцепты HOUSE/HOME, в семантический спектр которых входит концепт COUNTRY HOUSE, также отражают стремление англичан к изоляции себя от внешнего, чужого мира, к сохранению нужного для себя уровня *privacy* (*Englishman's home is his castle*). Английский *country house*, как правило, находится в стороне от большой дороги, не «кричит» о себе, символизирует некое подобие государственности, формируемой в рамках одного рода [Чернобай, 2010, с. 138].

Исследователи английской лингвокультуры отмечают, что никакая другая нация не отождествляет себя с домом. В европейских и в русском языках не существует полного аналога слова *privacy* как желания оберегать свою семью, сохранять дистанцию, формировать вокруг себя непроницаемое пространство. Этим, собственно, и можно объяснить стремление англичан иметь собственный отдельный дом с садом [Чернобай, 2010, с. 138].

Обратимся к русскому концепту УСАДЬБА. По данным словаря синонимов, наиболее близкими синонимами к лексеме *усадьба* следует считать *имение, вилла, вотчина, дом, особняк* [Словарь синонимов..., 2024]. Словарь Ожегова определяет усадьбу как «отдельный дом с примыкающими к нему строениями, угодьями» [Ожегов, Шведова, 2010–2024]. Усадьба в русской культуре ассоциируется с богатством, статусом и влиянием. Владельцы усадеб часто были знатными или богатыми людьми, их имена и родословные играли важную роль в обществе. Усадьбы в России имели разнообразные архитектурные стили, от классицизма до модерна, отражая вкусы и предпочтения их владельцев. Дома в усадьбах часто были большими, роскошными и украшенными множеством декоративных элементов. Усадьбы включали в себя не только жилые помещения, но и земельные угодья, огороды, парки, фермы и сады. Они были центрами сельского и приусадебного хозяйства, где производилось продовольствие и осуществлялись различные виды деятельности. УСАДЬБА входит в состав таких суперконцептов, как ДОМ и ЖИЛИЩЕ, которые имеют универсальный характер и описывают несколько сфер деятельности человека.

Следует отметить, что концепт COUNTRY HOUSE в английском языке до сих пор описывает специфику текущих социальных практик, тогда как русское «усадьба» представляется нам соотнесенным с прошлыми эпохами. В XX–XXI вв. на смену концепту «усадьба» в русском языке, можно сказать, пришел концепт ДАЧА. Этот концепт не имеет аналогов в английской лингвокультуре [Богданова, 2022, с.12].

УСАДЬБА и ДАЧА – концепты семантически близкие, но все же они имеют разные топоры. Дача воспринимается как нечто непостоянное, временное, тогда как усадьба сопряжена с преемственностью поколений, укорененностью человека в исторической почве. Некоторые специалисты отмечают, что дача – в большей степени бытийное понятие с присущим ему «пошлостью и прагматизмом»: «дачное сознание покушается на святая святых усадьбы – принцип замкнутости, охранительности идеального пространства» [Богданова, 2022, с. 13].

В обеих лингвокультурах имеются лексемы, противопоставляемые лексемам УСАДЬБА и COUNTRY HOUSE по критерию сословной принадлежности владельцев. Так, в английском существуют слова *hut, cottage* – они также обозначают сельские жилища, но соотносятся уже с крестьянским сословием. В русской культуре их аналогами можно назвать лексемы *изба, хата* [Панченко, 2011, с. 170].

Следует также отметить, что оба концепта – УСАДЬБА и COUNTRY HOUSE – несут в себе семантику дихотомии «село – город» и соотносятся лишь с деревенской жизнью [Свистунова, Кокузе, 2019, с. 370]. При этом прослеживается различие между пониманием сельской жизни у русских и англичан: слово «усадьба» в большей степени ассоциируется с крестьянством, земледелием, скотоводством и иными видами хозяйственной деятельности, актуальными в русской деревне, тогда как в концепте Country House хозяйственный компонент выражен не так отчётливо: английский загородный дом в большей степени описывает сельскую жизнь как жизнь в уединении, как парки, сады, как неразрывную связь с природой. Каждая из лексем, репрезентирующая концепты УСАДЬБА и COUNTRY HOUSE, у представителей двух лингвокультур вызывает ряд субъективных представлений и ассоциаций и может употребляться в составе словосочетаний, имеющих прямой и переносный смысл. Каждое из подобных употреблений конкретизирует отдельную область значения. Например, жилища и относится к ряду важнейших культурных концептов англоговорящего мира. Так, выделяются лексемы со значимым признаком безопасности, защищенности, привязанности, тепла, уюта, происхождения, места рождения, успешности и достатка и др. [Желонкина, 2007, с. 77].

Заключение

Проведенное исследование позволяет сделать следующие выводы.

Для обозначения загородных домов представителей аристократии в английской лингвокультуре принято использовать лексему *countryhouse*, а в русской – *усадьба*. Семантика этих лексических единиц во многом схожа, как и схожи функции, история, социальное значение. Оба понятия отражают специфику дворянского быта. В обеих культурах загородные дома ассоциируются с богатством, статусом и влиянием. Владельцы *усадеб* и *country house* часто были знатными или богатыми людьми, их имена и родословные играли важную роль в обществе. Более глубокий анализ научных трудов показывает различия между двумя концептами. В английской лингвокультуре концепт COUNTRY HOUSE имеет связь с суперконцептами HOME/HOUSE, ассоциируется с понятием приватности, изоляции, а также отражает связь с природой. В русской лингвокультуре УСАДЬБА связывается с помещичьим землевладением, сельским хозяйством. В XX в. на смену усадьбам пришла ДАЧА – этот концепт не имеет аналогов в британской лингвокультуре и имеет более утилитарную семантику.

Список источников

- Симонова Н.М., Толмачева Т.В. 2021. Русская усадьба как явление национальной культуры. Информio, 28 сентября 2021 г. URL: <https://www.informio.ru/publications/id6516/Russkaja-usadba-kak-javlenie-nacionalnoi-kultury> (дата обращения: 12.01.2024).
- Словарь синонимов русского языка – онлайн подбор. URL: <https://sinonim.org/s/%D1%83%D1%81%D0%B0%D0%B4%D1%8C%D0%B1%D0%B0> (дата обращения: 19.01.2024).
- Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. 2010-2024. Толковый словарь русского языка. SLOVARonline. URL: <https://ozhegov.slovaronline.com/search?s=%D1%83%D1%81%D0%B0%D0%B4%D1%8C%D0%B1%D0%B0>. (дата обращения: 04.01.2024).
- Brain J. 2021. Rise and Fall of the English Stately Home. Historic UK Ltd, 19 August, 2021. URL: <https://www.historic-uk.com/CultureUK/Rise-And-Fall-English-Stately-Home/> (accessed: January 10, 2024).
- Lucas J. 2001. The deep foundations of the country house novel. The Guardian. Feb 1st. URL: <http://www.theguardian.com/books/booksblog/2011/feb/01/country-house-novel> (accessed: March, 13, 2024).
- Country house. 2024a. Dictionary.com, LLC. URL: <https://www.thesaurus.com/browse/country-house> (accessed: January 4, 2024).
- Country house. 2024b. Merriam-Webster. URL: <https://www.merriam-webster.com/dictionary/country%20house> (accessed: January 11, 2024).



Country house. 2024c. Oxford English Dictionary. URL: <https://www.oed.com/search/dictionary/?scope=Entries&q=country+house> (accessed: January 4, 2024)

The Enduring Appeal of the English Stately Home: from Medieval Castles to Downton Abbey. 2024. OxfordRoyalAcademy. URL: <https://oxford-royale.s-i.app/articles/english-stately-homes/> (accessed: January 4, 2024)

Список литературы

- Богданова О.А. 2022. Формирование исследовательского тезауруса при изучении феномена дачи в русской литературе XIX–XXI вв. *Studia Litterarum*, 7(3): 10–29. DOI: [10.22455/2500-4247-2022-7-3-10-29](https://doi.org/10.22455/2500-4247-2022-7-3-10-29)
- Богданова О.А. 2020. Кладовая культурной памяти. В кн: Русская усадьба и Европа: диахрония, ностальгия, универсализм. Москва, Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук: 18–24. DOI: [10.22455/978-5-9208-0623-9-18-24](https://doi.org/10.22455/978-5-9208-0623-9-18-24)
- Велигорский Г.А. 2022. Дворянская усадьба в английском постмодернизме («Англия, Англия» Дж. Барнса, «Гиппопотам» С. Фрая, к/ф «Джентльмены» Г. Ричи). *Новый филологический вестник*, 3(62): 333–344.
- Дмитриева Е.Е., Купцова О.Н. 2006. Жизнь усадебного мифа: утраченный и обретенный рай. Москва, ОГИ: 528 с.
- Доманский В.А. 2006. Русская усадьба в художественной литературе XIX века: культурологические аспекты изучения поэтики. *Вестник Томского государственного университета*, 291: 56–60.
- Желонкина Т.П. 2007. Языковая репрезентация концепта жилище как национальная особенность англоговорящего социума. *Вестник Российского государственного университета им. И. Канта*, 2: 76–85.
- Карасик В.И. 2004. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Москва, Гнозис: 389 с.
- Панченко Е.И. 2011. Лексикографический портрет концепта «дом» в русском и английском языке. *Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского. Серия: Филология. Социальные коммуникации*, 24(63)(2(1)): 170–173.
- Пименова М.В. 2011. Концептуальные исследования и национальная ментальность. *Гуманитарный вектор*, 4(28): 126–132.
- Полякова М.А. 2019. Русская усадьба как объект историко-культурного изучения. *Вестник Московского государственного университета культуры и искусств*, 4(90): 54–59. DOI: [10.24411/1997-0803-2019-10407](https://doi.org/10.24411/1997-0803-2019-10407)
- Рябцева М.А. 2013. Концептосфера английской лингвокультуры 'усадьба' в динамическом аспекте (на материале романов И. Во «Возвращение в Брайдсхед» и А. Мердок «Дикая роза»). *Филология и человек*, 1: 133–138.
- Свистунова Н.И., Кокузе О.А. 2019. Языковая репрезентация концепта Country Life в британской лингвокультуре (на материале журнала «Country Life»). *Мир науки, культуры, образования*, 4(77): 370–373.
- Соколова М.В. 2019. Викторианский загородный дом как зеркало викторианского образа жизни. *Человек и культура*, 5: 121–130. DOI: [10.25136/2409-8744.2019.5.27546](https://doi.org/10.25136/2409-8744.2019.5.27546)
- Халтрин-Халтурина Е.В. 2020. Новое комплексное исследование об усадебном топосе в мировой литературе. *Вестник Костромского государственного университета*, 26(3): 221–223. DOI: [10.34216/1998-0817-2020-26-3-221-223](https://doi.org/10.34216/1998-0817-2020-26-3-221-223)
- Чернобай К.И. 2010. Концепт «дом» в английской фразеологической картине мира. *Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Филологические науки*, 23(62)(3): 136–140.
- The Country House: Material culture and consumption. 2016. Eds. J. Stobart, A. Hann. Swindon, Historic England: 214.
- Williams B. 2016. Resurgence and Renovation: The Contemporary English Country House Novel after 2000. *PhD Thesis. Newcastle*: 274.

References

- Bogdanova O.A. 2022. Formation of the Research Thesaurus in Study of the Phenomenon of Dacha in Russian Literature of the 19 th –21st Centuries. *Studia Litterarum*, 7(3): 10–29 (in Russian). DOI: [10.22455/2500-4247-2022-7-3-10-29](https://doi.org/10.22455/2500-4247-2022-7-3-10-29)
- Bogdanova O.A. 2020. The storehouse of cultural memory. In: *Russkaya usad'ba i Evropa: diahroniya, nostal'giya, universalizm* [Russian estate and Europe: diachrony, nostalgia, universalism: Collective

- monograph]. Ed. O.A. Bogdanova. Moscow, Institute of World Literature RAS: 298–312. DOI: [10.22455/978-5-9208-0623-9-298-312](https://doi.org/10.22455/978-5-9208-0623-9-298-312)
- Veligorskij G.A. 2022. Dvoryanskaya usad'ba v anglijskom postmodernizme («Angliya, Angliya» Dzh. Barnsa, «Gippopotam» S. Fraya, k/f «Dzhentl'meny» G. Richi) [A noble estate in English postmodernism (England by J. Barnes, The Hippopotamus by S. Fry, The Gentlemen by G. Ritchie)]. *The New Philological Bulletin*, 3(62): 333–344.
- Dmitrieva E.E., Kupcova O.N. 2006. Zhizn' usad'bnogomifa: utrachennyj i obretyonnyj raj [The Life of the Historical Myth: Lost and Found]. Moscow, OGI: 528.
- Domanskij V.A. 2006. Russkaya usad'ba v hudozhestvennoj literature XIX veka: kul'turologicheskie aspekty izucheniya poetiki [Russian Art in the Literature of the XIX Century: Cultural Aspects of the Study of Poetry]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*, 291: 56–60.
- Zhelonkina T.P. 2007. Some specific features in linguistic representation of the concept habitation in english-speaking communities. *Vestnik Rossijskogo gosudarstvennogo universiteta im. I. Kanta. Seriya: Gumanitarnye nauki*, 2: 76–85.
- Panchenko E.I. 2011. Leksikograficheskiy portret koncepta «dom» v russkoi i anglijskoi yazyke [Lexicographic portrait of the concept “house” in Russian and English]. *Uchenye zapiski Tavricheskogo Natsionalnogo Universiteta im. V.I. Vernadskogo. Series: Filology. Social communicatios*, 24(63)(2(1)): 170–173.
- Pimenova M.V. 2011. Conceptual Investigations and National Mentality. *Humanitarian Vector*, 4(28): 126–132 (in Russian).
- Polyakova M.A. 2019. The Russian country-estate as an object for historical and cultural research. *The Bulletin of Moscow state university of culture and arts*, 4(90): 54–59 (in Russian). DOI: [10.24411/1997-0803-2019-10407](https://doi.org/10.24411/1997-0803-2019-10407)
- Svistunova N.I., Kokuze O.A. 2019. Verbal representation of the concept country life in british linguistic culture (according to the magazine “country life”). *Mir Nauki, Kul'tury, Obrazovaniya*, 4(77): 370–373 (in Russian).
- Sokolova M.V. 2019. Victorian country house as a mirror of the victorian lifestyle. *Chelovek i kul'tura*, 5: 121–130 (in Russian). DOI: [10.25136/2409-8744.2019.5.27546](https://doi.org/10.25136/2409-8744.2019.5.27546)
- Haltrin-Khalturina E.V. 2020. A New Complex Study “Russian Estate and Europe: Diachrony, Nostalgia, Universalism”. *Vestnik of Kostroma State University*, 26(3): 221–223 (in Russian). DOI: [10.34216/1998-0817-2020-26-3-221-223](https://doi.org/10.34216/1998-0817-2020-26-3-221-223)
- Chernobai S.Ye. 2010. The Concept of "Home" in the English Phraseological Image of the World. *Scientific Notes of Taurida V.I. Vernadsky National University*, 23(62)(3): 136–140 (in Russian).
- The Country House: Material culture and consumption. 2016. Eds. J. Stobart, A. Hann. Swindon, Historic England, 214 p.
- Williams B. 2016. Resurgence and Renovation: The Contemporary English Country House Novel after 2000. PhD Thesis. Newcastle: 274.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию 01.09.2024

Поступила после рецензирования 03.10.2024

Принята к публикации 10.12.2024

Received September 01, 2024

Revised October 03, 2024

Accepted December 10, 2024

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Коренецкая Ирина Николаевна, кандидат педагогических наук, доцент кафедры иностранных языков для нелингвистических направлений, Псковский государственный университет, г. Псков, Россия.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Irina N. Korenetskaya, Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor of the Department of Foreign Languages for Non-Linguistic Areas, Pskov State University, Pskov, Russia.



УДК 81-25

DOI 10.52575/2712-7451-2024-43-4-534-543

Особенности словообразования в тунисском варианте французского языка

¹ Коч К.И., ² Багана Ж., ² Жевлакова П.Г.,

¹ Российский государственный социальный университет,
Россия, 129226, г. Москва, ул. Вильгельма Пика, д. 4.

² Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Россия, 3008015, г. Белгород, ул. Победы, д. 85

KochKI@rgsu.net, baghana@bsuedu.ru, p.zhevlakova99@mail.ru

Аннотация. Исследование проведено с целью выявления уникальных аспектов словообразовательных процессов в контексте тесного взаимодействия французского и арабского языков. Производится анализ механизмов словообразования в тунисском варианте французского языка с учетом влияния арабского языка и межкультурного обмена. Методология исследования включает анализ лексикографических данных, сбор корпусных материалов, а также социолингвистический контекстуальный анализ. Изучается роль аффиксального словообразования и словосложения в формировании лексического состава тунисского варианта, а также анализируется влияние грамматических особенностей на процессы словообразования. В результате исследования выявлены основные аспекты словообразования в тунисском варианте французского языка, включая типичные аффиксальные структуры и особенности словосложения. Результаты исследования могут быть полезны для лингвистов, методистов по обучению французскому языку и специалистов в области межкультурного обмена. Результаты исследования подчеркивают самостоятельность развития тунисского варианта французского языка.

Ключевые слова: языковая вариативность, словообразование, тунисский вариант французского языка, аффиксация, грамматические особенности

Для цитирования: Коч К.И., Багана Ж., Жевлакова П.Г. 2024. Особенности словообразования в тунисском варианте французского языка. *Вопросы журналистики, педагогики, языкознания*, 43(4): 534–543. DOI: 10.52575/2712-7451-2024-43-4-534-543

Features of Word Formation in the Tunisian Variant of the French Language

¹ Karina I. Koch, ² Jerome Baghana, ² Polina G. Zhevlakova,

¹ Russian State Social University,

4 Wilhelm Pika St, Moscow 129226, Russian Federation

² Belgorod State National Research University,

85 Pobeda St, Belgorod 308015, Russian Federation

KochKI@rgsu.net, baghana@bsuedu.ru, p.zhevlakova99@mail.ru

Abstract. The article highlights the results of the research aimed at uncovering the unique characteristics of word formation mechanisms amidst the dynamic interplay between French and Arabic influences. Employing a multifaceted research approach encompassing lexicographic analysis, corpus compilation, and sociolinguistic contextual scrutiny, the study explores the intricate dynamics of affixation and compositional structures in Tunisian French vocabulary. Additionally, it examines the impact of grammatical intricacies on the evolution of word formation processes. The findings shed light on the predominant affix structures and peculiarities of word formation inherent in the Tunisian variant of French.

Ultimately, the insights gleaned from this research hold significance for linguists, educators in French language pedagogy, and practitioners involved in fostering intercultural exchange, offering a nuanced understanding of the unique trajectory of the Tunisian variant within the broader spectrum of the French language.

Keywords: linguistic variation, word formation, Tunisian variant of French, affixation, grammatical features

For citation: Koch K.I., Baghana Je., Zhevlakova P.G. 2024. Features of Word Formation in the Tunisian Variant of the French Language. *Issues in Journalism, Education, Linguistics*, 43(4): 534–543 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-7451-2024-43-4-534-543

Введение

Современным языкам свойственен языковой обмен и развитие лексического состава за счет проникновения в язык лексических единиц и элементов из других языков. Носители тунисского языка имеют в своем распоряжении шесть языков и/или языковых разновидностей, а именно: классический арабский, современный арабский, средний арабский (средний язык), тунисский диалект, смешанный французско-арабский и французский. Поэтому установить границы между этими языками или языковыми разновидностями, которые находятся в постоянном контакте, трудно или невозможно. Контакт между арабским и французским языками породил различные языковые явления: заимствования, интерференции, межъязыковые связи и другие более сложные явления. Вступая в контакт с арабским языком, французский, таким образом, вынужден варьироваться и развиваться благодаря «пробелам», отражающим тунисские реалии, которые французский язык не может описать самостоятельно [Kalai, 2021, p. 5].

Вариативность французского языка Африки, в том числе и особенности словообразования африканских вариантов французского языка, предоставляют ученым множество возможностей для наблюдения за всеми аспектами языковых контактов и развития языкознания в целом. Данной проблеме посвящено множество исследований отечественных лингвистов [Багана, Куксова, 2018; Baghana et al., 2020; Веджижева, Дзаурова, 2020; Коч, 2021; Пашкина, 2021; Сидоров, 2022; Глебова, Багана, 2023]. Многие зарубежные исследователи, обращаясь к проблемам африканских вариантов французского языка, зачастую объектом своего исследования выбирают тунисский вариант французского языка [Naffati, 2000; Veltcheff, 2006; Laroussi, 2011; Mejri, 2012; Beltaïef, 2014; Azizi, 2021; Ben Rejeb, 2021; Mabrak, 2022; Ben Mustapha, 2023]. Эти исследования позволяют более глубоко понять особенности словообразования, фонологии, синтаксиса и лексики африканских вариантов французского языка, открывая новые горизонты для развития языковых исследований.

В отечественной лингвистике тунисский вариант французского языка остается недостаточно изученным, что обуславливает актуальность нашего исследования для развития языкознания.

Цель исследования – выявление грамматических особенностей словообразования в тунисском варианте французского языка. В частности, задача исследования состоит в установлении факторов, обуславливающих грамматические особенности словообразования в описываемом варианте французского языка.

Объекты и методы исследования

Тунисский вариант французского языка рассматривается в отношении его грамматических характеристик. Объектом исследования являются словообразовательные процессы в тунисском варианте французского языка, а также его лексический состав, сформировавшийся в результате тесного контакта арабского и французского языков.

Грамматические особенности выявляются с помощью разных методов исследования, включая анализ лексикографических данных, позволяющий выявить особенности словообразования и лексических единиц, сбор корпусных материалов, а также социолингвистический контекстуальный анализ использования слов, с помощью которого возможно объяснить влияние социокультурных факторов на лексические предпочтения. Описание результатов исследования производится методом обобщения и лингвистического описания.

Результаты и их обсуждение

В предыдущих работах нами показано, что «различия в локальном словообразовании объясняются применением разнообразных методов формирования слов и изменчивой активностью формантов в различных географических областях, что свидетельствует о неравномерном развитии различных аспектов языка. Процессы словообразования в различных вариантах языка могут быть рассмотрены как внутренние модели словообразования, так и как способ расширения лексического состава за счет применения различных моделей. В процессе изучения словообразования, происходящего в различных географических областях, исследователи приходят к выводу, что средства и модели словообразования не отличаются вариативностью и в целом идентичны для всех территориальных вариантов языка» [Багана, 2014б, с. 50].

Феномен, о котором мы говорим, – это форма тунисского заимствования из французского языка. Известно, что этот процесс является проявлением случая лингвистической языковой интерференции, имеющей специфические контекстуальные корни. Интерференция возникает, когда двуязычный субъект использует фонетические, морфологические, лексические или синтаксические особенности, характерные для языка Я1, в целевом языке Я2 [Kalai, 2021, p. 5].

1. Аффиксальное словообразование.

Аффиксальный способ словообразования (присоединение аффиксов к уже существующим словам) – основной метод расширения и обогащения лексики французского языка. Продуктивность аффиксации зависит от продуктивности отдельных аффиксов. «Во французском языке аффиксация подчиняется стандартам центрального французского языка. В то же время словообразовательные аффиксы имеют происхождение исключительно французское, в то время как исходное слово может иметь любые корни: французские, тунисские или заимствованные» [Багана, 2014б, с. 50]. Эти свойства распространяются и на тунисский вариант французского языка.

А) Префиксация.

Во французском языке Африки префиксация встречается редко [Багана, 2014а, с. 47]. Однако этот способ словообразования можно отметить в составе следующих лексических единиц:

со- – «совместность»:

co-développement – (букв. «совместное развитие»).

L'investissement, le partenariat et la sous-traitance seront les principaux vecteurs qui régissent les relations économiques tuniso-européennes pour aboutir à un véritable co-développement [Naffati, Queffélec, 2004, p. 182]. – Инвестиции, партнерство и субконтракция станут основными векторами, определяющими тунисско-европейские экономические отношения, которые приведут к реальному *совместному развитию*.

Mini- – «маленький», «небольшой»:

mini-makroud – мини-макруд (небольшая ромбовидная лепешка из манной крупы с начинкой из фиников).

Il n'est pas juste que le jour de l'Aïd il y ait des enfants possédant de beaux habits, et que d'autres n'aient même pas une paire de chaussettes neuves et ne puissent goûter ne serait-ce qu'à un mini-makroud [Naffati, Queffélec, 2004, p. 310]. – Несправедливо, что в день Ураза-

байрам у одних детей красивая одежда, а у других нет даже пары новых носков и они не могут попробовать **мини-макруд**.

Mini-djebba – мини-джебба (традиционная одежда в Тунисе).

On a pu voir ce costume national tunisien transformé en délicieuses robes de plage ou d'intérieur et même en mini-djebba [Naffati, Queffélec, 2004, p. 330]. – Тунисский национальный костюм был преобразован в восхитительные пляжные платья, платья для дома и даже **мини-джеббу**.

Dé- – «устранение», «обратный процесс»:

dégourbification (букв. «уничтожение хижин», от фр. un gourbi – «хижина») – упразднение хижин в рамках улучшения жилищных условий.

La dégourbification totale est un des buts du gouvernement tunisien. Le délai reste à préciser [Naffati, Queffélec, 2004, p. 193] – Полное **упразднение хижин** – одна из целей тунисского правительства. Сроки пока не определены.

Б) Суффиксация.

В тунисском варианте французского языка суффиксация встречается чаще, чем префиксация. С помощью суффиксов образуются существительные, глаголы и прилагательные.

Формирование глаголов с помощью суффиксации

В аффиксальном словообразовании в тунисском варианте французского языка наблюдается использование разных суффиксальных форм. Глагольные суффиксы (-er, -ier, -iser) присоединяются к существительным:

bakchicher – «давать взятку» (от араб. un bakchich – «взятка»).

Il faudra bakchicher quelques personnes [Naffati, Queffélec, 2004, p. 139]. – Несколько человек придется **подкупить**.

Berbériser – (букв. «берберизировать») – придавать берберский характер, переделывать на берберский лад.

D'où sa fameuse formule qui consistait à soutenir que les Arabes n'ont pas islamisé les Berbères mais que ce sont les Berbères qui ont berbérisé l'islam [Naffati, Queffélec, 2004, p. 146–147]. – Отсюда его знаменитое утверждение, что не арабы исламизировали берберов, а берберы **берберизировали** ислам.

Tunisifier – «придать тунисский вид или характер, сделать тунисским».

Le Tunisien est-il en train de perdre cette faculté extraordinaire d'assimiler, de tunisifier tout ce qu'il apprécie? [Naffati, Queffélec, 2004, p. 412]. – Теряют ли тунисцы свою необыкновенную способность ассимилировать все, что им нравится, и **делая** это более **тунисским**?

Youyououter – (от youyou – «пронзительный радостный крик») – издавать радостный пронзительный крик.

Après la toilette, les femmes me reprirent en main et, youyoutant, chantant, elles m'habillèrent chacune d'une pièce, ce qui devait leur porter chance [Naffati, Queffélec, 2004, p. 422] – После расчесывания женщины взяли меня на руки и, напевая и **радостно крича**, нарядили в разные вещи, которые должны были принести им удачу;

Scorer – (от англ. to score – «забивать гол»).

Ils se créèrent en vingt minutes trois bonnes occasions de scorer [Naffati, Queffélec, 2004, p. 380]. – За двадцать минут они создали три хорошие возможности, чтобы **забить гол**.

Dévoiler – (букв. «снять покров», «снять сафсери», être dévoiler – «быть непокрытой»).

Elle se dévoila et inspira pour humer l'odeur de la vie, avant de s'effacer comme une ombre face à tant de bonheur/chaleur d'un soleil de plomb [Naffati, Queffélec, 2004, p. 197]. – Она раскрылась и вдохнула аромат жизни, а затем исчезла, как тень, перед лицом такого большого счастья и тепла от палящего солнца.

Biznesser – (букв. «вести бизнес», от англ. «business») – Вести дела сомнительным образом. Обольщать от своего имени или за чужой счет.



*Si seulement nos jeunes ne perdaient pas leur temps à traîner dans les rues et à **biznesser** tout le jour!* [Naffati, Queffélec, 2004, p. 149]. – Если бы только наша молодежь не тратила свое время на то, чтобы целыми днями слоняться по улицам и **заниматься сомнительными делами!**

Формирование существительных с помощью суффиксации:

Существует большое разнообразие суффиксальных средств существительных, участвующих в словообразовании тунисского варианта французского языка:

-ier:

un glibetier – «торговец семечками» (от араб. *une glibette* – «семечки» + фр. суфф. *-ier*).

Avantage numéro deux: la vente des médicaments chez les “glibetiers” se fait au détail [Naffati, Queffélec, 2004, p. 232]. – Преимущество номер два: **торговцы семечками** продают лекарства по розничным ценам.

-isme:

un berbérisme – (букв. «берберизм») – чувство принадлежности к берберской общине (от *berbère* – «берберский» + фр. суфф. *-isme*).

*À la faveur de ce “retour sur soi”, on assistera parfois à un regain de **berbérisme**, notamment chez les Almohades* [Naffati, Queffélec, 2004, p. 147]. – В результате такого “возвращения к себе” иногда происходило возрождение **берберизма**, особенно среди Альмохадов;

-ité:

une arabité – «арабская идентичность» (от *arabe* + фр. суфф. *-ité*).

*Dans l'humiliation des vaincus, je me reconnaissais; mon **arabité**, je la revendiquais dans la honte de la débacle* [Bécheur, 1989, p. 176]. – Я узнал себя в унижении побежденных; я заявил о своей **арабской идентичности** в позоре поражения.

-at:

un beylicat – бейликат, политическая власть бейя, политико-административная система, обеспечивающая власть бейя (от араб. *beylik* – территориальное подразделение, которым командовал бей + фр. суфф. *-at*).

*Mais en vérité, Hussein Ben Ali a tempéré son absolution, au demeurant commandée à l'origine par les circonstances exceptionnelles qui l'ont mené au **beylicat** par le système de la ... “beïa”...* [Naffati, Queffélec, 2004, p. 148]. – Но правда заключается в том, что Хусейн Бен Али смягчил свое отпущение грехов, которое изначально было продиктовано исключительными обстоятельствами, приведшими его к **бейликату** через систему... «бейя»...

-ard:

un blédard – «житель деревни», «деревенщина» (от *un bled* – «деревня» + фр. суфф. *-ard*).

*Lorsqu'on fut servi, les deux **blédards** consentirent, pour pouvoir manger, à découvrir leur visage* [Naffati, Queffélec, 2004, p. 152]. – Когда подали еду, оба **деревенских парня** согласились открыть свои лица, чтобы поесть.

-phone:

un berbérophone – букв. «берберофон» (от *berbère* + фр. суфф. *-phone*) – носитель берберского языка.

*Ce n'est pas, au premier chef, le **berbérophone** qui fait le berbère, mais la structure sociologique globale* [Naffati, Queffélec, 2004, p. 147]. – Берберский язык создает не **носитель берберского языка**, а общая социологическая структура.

Формирование прилагательных с помощью суффиксации:

Отметим суффиксы, используемые для словообразования в тунисском варианте французского языка:

-ien, -ienne:

bourguibien (*-ienne*) – относящийся к президенту Бургибе или его доктрине (от *Bourguiba* + фр. суфф. *-ien*).

*Dramatique patriotique qui retrace les grands moments de l'épopée **bourguibienne*** [Naffati, Queffélec, 2004, p. 155]. – Патриотическая драма, в которой прослеживаются великие моменты **бургибской** эпопеи.

-iste:

berbériste – букв. «поддерживающий берберскую общину» (от *berbère* + фр. суфф. *-iste*).

*Ce dernier, tout en réaffirmant le principe de l'État-nation, a reconnu et donné droit à la revendication scolaire et culturelle des associations et des partis **berbéristes*** [Naffati, Queffélec, 2004, p. 147]. – Подтвердив принцип национального государства, он признал и принял образовательные и культурные требования **берберийских** ассоциаций и партий.

nordiste – происходящий с севера, в частности из столицы; противопоставление югу и другим районам страны (от *Nord* + фр. суфф. *-iste*).

*Monde à deux temps, à deux vitesses, à deux visages, celui de la misère et l'autre de la richesse. Inégalités des êtres. Selon que vous naissez sudiste ou **nordiste**. Pauvre ou riche* [Naffati, Queffélec, 2004, p. 343]. – Мир с двумя временами, двумя скоростями, двумя лицами, одно из которых – страдание, а другое – богатство. Неравенство между людьми. В зависимости от того, родился ты южанином или **северянином**. Бедным или богатым.

-ier/ière:

dattier (*-ière*) – «финиковый» (от *datte* + фр. суфф. *-ier*).

*Si la production **dattière** de cette année a dépassé légèrement celle de l'année dernière, la qualité s'annonce en revanche meilleure* [Naffati, Queffélec, 2004, p. 190]. – Хотя в этом году **финиковое** производство было немного выше, чем в прошлом, качество, с другой стороны, обещает быть лучше.

-ite:

malékite – относящийся к учению, основанному Маликом ибн Анасом (от араб. *Malek* + фр. суфф. *-ite*).

*Il s'agissait de discuter tel concept ou tel corps de la doctrine **malékite*** [Meddeb, 1979, p. 42]. – Речь шла об обсуждении конкретной концепции или свода **маликуитских** доктрин;

-ique:

maraboutique – букв. «отшельнический», «марабутский» (от араб. *Marabout* + фр. суфф. *-ique*).

*Les facteurs d'intégration ne doivent nullement être sous-estimés, qu'il s'agisse du développement du pouvoir central...du mouvement **maraboutique*** [Naffati, Queffélec, 2004, p. 314]. – Нельзя недооценивать факторы интеграции, будь то развитие центральной власти...**марабутское** движение и т.д.

-al:

caïdal – «каидский» (от *caïd* + фр. суфф. *-al*).

*Le deuxième point concerne l'anomalie de la situation des justiciables...visà-vis des agents de l'administration **caïdale**...* [Naffati, Queffélec, 2004, p. 163]. – Второй момент связан с аномальным положением участников судебного процесса...по отношению к агентам **каидской** администрации...

2) Словосложение.

Образование лексем с помощью соединения уже существующих слов называется словосложением. Можно выделить две причины для использования такого способа носителями: поиск более экономичной формы высказывания и, наоборот, стремление к более подробной и точной передаче семантики новых понятий [Багана, 2014б, с. 53].

Считается, что словосложение – не самый продуктивный способ словообразования. Так, исследователи отмечают, что с помощью префиксации создается больше слов, чем с помощью словосложения [Исаева, 2023, с. 108]. Однако не стоит относить результаты этих двух способов в одну группу, поскольку результатом словосложения являются сложные слова. Компоненты, участвующие в словосложении, могут существовать в речи автономно, что не характерно для аффиксов.



Словосложение в африканских странах нельзя назвать непопулярным.

past- – «прошлый», «предыдущий» (от англ.):

past-président – (букв. предыдущий президент)).

*Il faut croire que la présidente de ce club féminin, Najwa Kriaâ, et ses gracieuses et dynamiques collègues, telles la **past-présidente** Samia Bouzouita [...] ont bien fait les choses* [Naffati, Queffélec, 2004, p. 356]. – Кажется, что президент этого женского клуба Наджва Криаа и ее любезные и энергичные коллеги, такие, как прошлый президент Самия Бузуита [...], сделали все правильно.

Словосложение является эффективным с точки зрения отражения реалий Туниса:

zéro-huit – букв. «ноль-восьмой», «живущий в северо-западной части Туниса» (происх. от телефонного кода этого региона – «08»).

*Ce “**zéro-huit**” n’est pas que chroniqueur, c’est aussi un feuilletoniste et un bédéiste de talent* [Naffati, Queffélec, 2004, p. 426]. – Этот «**ноль-восьмой**» – не просто обозреватель, он еще и талантливый сценарист мыльных опер и карикатурист.

poule arabe – местная курица, выращенная на свободном выгуле (букв. «арабская курица»).

*Il n’y a plus de **poulets arabes*** [Naffati, Queffélec, 2004, p. 356]. – **Местных цыплят** больше нет.

datte commune – «финики второй категории».

*Pour la **datte commune**, les prévisions tablent sur les quantités minimales de 4.500 tonnes et maximales de 10.000 tonnes* [Naffati, Queffélec, 2004, p. 189]. – Прогнозируются минимальные объемы производства **фиников второй категории** в 4500 тонн и максимальные в 10 000 тонн.

école coranique – «традиционная мусульманская школа», букв. «школа Корана».

*Pourtant dans la capitale et ses environs, il y a bien dans les cent onze **écoles coraniques**, sans compter les enseignements à domicile* [Chebbi, 1985, p. 64]. – Однако в столице и ее окрестностях насчитывается более ста одиннадцати **мусульманских школ**, не считая обучения на дому.

Заключение

Исследование грамматических особенностей тунисского варианта французского языка позволило нам сделать вывод о том, что в нем функционируют словообразовательные возможности, заложенные в самой системе языка. Были выявлены самые продуктивные способы словообразования – аффиксальный и словосложение. Обнаружено смешение тунисских и французских языковых компонентов; к основам разного происхождения присоединяются исконно французские аффиксы. Словосложение происходит в основном на базе французской лексики и служит для отражения местных реалий, удовлетворения потребностей в номинации и более точной передачи значений. На основе сделанных нами выводов тунисский вариант французского языка характеризуется гибкостью; исследуемый нами вариант французского языка может развиваться самостоятельно, обособленно от центрально-французской нормы.

Таким образом, анализ грамматических и словообразовательных характеристик тунисского варианта французского языка представляет интерес для лингвистики в целом, а также для таких сфер, как обучение языку и изучение межкультурного взаимодействия.

Результаты исследования могут быть полезны при создании словарей, что актуально в современном мире, насыщенном культурными контактами.

Список источников

- Becheur A. 1989. De Miel et d'aloès. Tunis, Cérès, 211 p.
Chebbi L. 1985. La Fêlure, mémoires d'un cheikh. Tunis, Salammbô, 255 p.
Meddeb A. 1979. Talismano. Paris, Christian Bourgeois, 244 p.

Naffati H., Queffélec A. 2004. Le français en Tunisie, [Numéro spécial]. *Le Français en Afrique*, 18: 453 p.
Pauliat P. 1999. Dictionnaire français-russe, russe-français. Paris, Larousse, 473 p.

Список литературы

- Багана Ж. 2014а. Влияние английского языка на локальное словообразование в территориальных вариантах французского языка Африки. *Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки*, 6(177): 47–52.
- Багана Ж. 2014б. Локальное словообразование как способ формирования и функционирования фразеологических африканизмов. *Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки*, 20(191): 50–57.
- Багана Ж., Куксова Е.Л. 2018. Особенности словообразования в камерунском варианте французского языка. *Ученые записки Орловского государственного университета*, 2(79): 67–70.
- Веджижева Д.М., Дзаурова Р.А. 2020. Особенности французского языка в Африке. *Матрица научного познания*, 1: 91–93. URL: <https://os-russia.com/SBORNIKI/MNP-2020-01.pdf> (дата обращения: 15.04.2024).
- Глебова Я.А., Багана Ж. 2023. Эвфемизация в территориальных вариантах французского языка стран Западной Африки. В кн.: Актуальные проблемы гуманитарных и общественных наук. Сборник статей IX Всероссийской научно-практической конференции (Пенза, 20–21 сентября 2023 г.). Под ред. В.И. Первушкина, П.А. Гагаева, А.Б. Тугарова, О.В. Ягова, С.М. Васина. Пенза, Пензенский государственный аграрный университет: 40–44.
- Исаева А.И. 2023. Аффиксальная деривация как способ пополнения словарного запаса в современном французском языке. В кн.: Лучшая студенческая статья 2023. Сборник статей Международного научно-исследовательского конкурса (Пенза, 25 января 2023 года). Под ред. Г.Ю. Гуляева. Пенза, Наука и Просвещение (ИП Гуляев Г.Ю.): 107–110.
- Коч К.И. 2021. Локальное преобразование французского языка в Демократической Республике Конго в условиях билингвизма. Дис. ... канд. филол. наук. Белгород, 155 с.
- Пашкина А.А. 2021. Словосложение как один из способов словообразования во французском языке. В кн.: Современные направления лингвистики. Сборник материалов Международного научного семинара с участием иностранных студентов, магистрантов и аспирантов (Москва, 25 ноября 2020 года). Под ред. А.А. Балуты. Киров, Межрегиональный центр инновационных технологий в образовании: 86–90.
- Сидоров А.А. 2022. Деривация как словообразовательная модель во французском языке Тропической Африки. *Современное среднее профессиональное образование*, 4: 38–40.
- Azizi M. 2021. L'emprunt linguistique du tunisien au français, un phénomène à effacement sémantique. In: Disparitions, effacements, oublis dans les langues romanes. Actes du colloque Romania Contexta II, Université Babes-Bolyai. Coord. Cr. Papahagi. Cluj-Napoca, Presa Universitară Clujeană: 303–314.
- Baghana Je., Novakova K.S., Birova Ja. 2020. The French Language in sub-Saharan Africa: Revisited. *Research Result. Theoretical and Applied Linguistics*, 6(1): 54–64 (in Russia). DOI: [10.18413/2313-8912-2020-6-1-0-6](https://doi.org/10.18413/2313-8912-2020-6-1-0-6)
- Beltaïef L. 2014. La Langue Française dans le parler tunisien. Dans Samia Kassab et Myriam Suchet. La Langue française n'est pas la langue française. *Fabula-LhT*, 12. DOI: <https://doi.org/10.58282/lht.1245>
- Ben Mustapha H. 2023. Sociolinguistique de la Tunisie: des catégories en crise, 31 p. DOI: [10.13140/RG.2.2.26405.99047](https://doi.org/10.13140/RG.2.2.26405.99047)
- Ben Rejeb I. 2021. Quelle sociolinguistique urbaine pour le terrain tunisien? Les graffitis sportifs entre langage et pouvoir. In: Louis-Jean Calvet, un linguiste parmi les siens. Éd. F. Laroussi, H. Ben Mustapha. Publications de la Faculté des Lettres, des Arts et des Humanités de Manouba: 131–169.
- Ismayilzada A., Irini M. 2021. Analyse de la situation du français en Algérie et en Tunisie. *Année, Université d'Artois*, 20 p.
- Kalai L. 2021. Le contact des langues en Tunisie: quels enjeux? In: Le français langue de partage. XVème Congrès Mondial de la Fédération Internationale des Professeurs de Français (Fédération Internationale des Professeurs de Français, Jul 2021). Hammamet, Tunisie, 15 p.
- Laroussi F. 2011. Le français de Tunisie. Normes ou formes endogènes. *Présence Francophone: Revue internationale de langue et de littérature*, 76(1): 6. URL: <https://crossworks.holycross.edu/pf/vol76/iss1/6> (consulté le 15.04.2024)



- Mabrak S. 2022. Pour une Présentation du Traitement Lexicographique du Français Algérien dans le Dictionnaire Historique de la Langue Française. *Aleph. Langues, médias et sociétés*, 9(1): 293–314.
- Mejri S. 2012. Les spécificités du français en Tunisie: emprunts autochtones, “géosynonymes”, et mots construits. Dans le livre: Convergences, divergences et la question de la norme en Afrique francophone. Actes du colloque (Cologne (Allemagne) du 2 au 4 février 2011). Éd. par P. Blumenthal et St. Pfänder. *Le français en Afrique*, 27: 219–228.
- Naffati H. 2000. Le Français en Tunisie. Étude sociolinguistique et lexicale. Thèse de Doctorat. Provence, 643 p.
- Veltcheff C. 2006. Le français en Tunisie: une langue vivante ou une langue morte? *Le français aujourd'hui*, 154(3): 83–92. DOI: [10.3917/lfa.154.0083](https://doi.org/10.3917/lfa.154.0083)

References

- Baghana J. 2014a. The influence of the english on the local word formation in territorial variants of the french of africa. *Scientific bulletin of Belgorod State University. Humanities Sciences*, 6(177): 47–52 (in Russian).
- Baghana J. 2014b. Local word formation as a method of forming and functioning of phraseological Africanisms. *Scientific bulletin of Belgorod State University. Humanities Sciences*, 20(191): 50–57 (in Russian).
- Baghana J., Kuksova E.L. 2018. Peculiarities of word-formation in the french language in Cameroon. *Scientific notes of Orel state university*, 2(79): 67–70 (in Russian).
- Vedzizheva, D.M., Dzaurova R.A. 2020. Osobennosti frantsuzskogo yazyka v Afrike [Features of the French language in Africa]. *Matritsa nauchnogo poznaniya*, 1: 91–93.
- Glebova Ya.A., Bagana Zh. 2023. Euphemisation in territorial variants of west african French. In: Aktual'nye problemy gumanitarnykh i obshchestvennykh nauk [Current problems of the humanities and social sciences]. Collection of articles of the IX All-Russian Scientific and Practical Conference (Penza, September 20–21, 2023). Eds. V.I. Pervushkin, P.A. Gagaev, A.B. Tugarov, O.V. Yagov, S.M. Vasin. Penza, Publ. Penzenskiy gosudarstvennyy agrarnyy universitet: 40–44.
- Isaeva A.I. 2023. Affixal derivation as a way of vocabulary replenishment in modern french. In: Luchshaya studentcheskaya stat'ya 2023 [Best student article 2023]. Collection of articles from the International Research Competition (Penza, January 25, 2023). Ed. G.Yu. Gulyaev. Penza, Publ. Nauka i Prosveshchenie (IP Gulyaev G.Yu.): 107–110.
- Koch K.I. 2021. Lokal'noe preobrazovanie frantsuzskogo yazyka v Demokraticeskoi Respublike Kongo v usloviyakh bilingvizma. [Local transformation of French in the Democratic Republic of the Congo under conditions of bilingualism]. Dis. ... cand. Philol. Sciences. Belgorod, 155 p.
- Pashkina A.A. 2021. Complex sentences with a meaning of comparison in the french language. In: Sovremennye napravleniya lingvistiki [Modern trends in linguistics]. Collection of materials from the International Scientific Seminar with the participation of foreign students, undergraduates and graduate students (Moscow, November 25, 2020). Ed. A.A. Baluta. Kirov, Publ. Mezhtsele'nyy tsentr innovatsionnykh tekhnologii v obrazovanii: 86–90.
- Sidorov A.A. 2022. Derivation as a word-building model in french of tropical africa. *Sovremennoe srednee professional'noe obrazovanie*, 4: 38–40.
- Azizi M. 2021. L'emprunt linguistique du tunisien au français, un phénomène à effacement sémantique [Linguistic borrowing from Tunisian to French, a phenomenon of semantic erasure]. In: Disparitions, effacements, oublis dans les langues romanes [Disappearances, erasures, oblivion in Romance languages]. Proceedings of the Romania Contexta II conference, Babes-Bolyai University. Coord. Cr. Papahagi. Cluj-Napoca, Publ. Presa Universitară Clujeană: 303–314.
- Baghana Je., Novakova K.S., Birova Ja. 2020. The French Language in sub-Saharan Africa: Revisited. *Research Result. Theoretical and Applied Linguistics*, 6(1): 54–64 (in Russian). DOI: [10.18413/2313-8912-2020-6-1-0-6](https://doi.org/10.18413/2313-8912-2020-6-1-0-6)
- Beltaïef L. 2014. La Langue Française dans le parler tunisien [The French Language in Tunisian speech]. Dans Samia Kassab et Myriam Suchet. La Langue française n'est pas la langue française [The French language is not the French language]. *Fabula-LhT*, 12. DOI: <https://doi.org/10.58282/lht.1245>
- Ben Mustapha H. 2023. Sociolinguistique de la Tunisie: des catégories en crise, 31 p.
- Ben Rejeb I. 2021. Quelle sociolinguistique urbaine pour le terrain tunisien? Les graffitis sportifs entre langage et pouvoir [What urban sociolinguistics for the Tunisian field? Sports graffiti between language and power]. In: Louis-Jean Calvet, un linguiste parmi les siens [Louis-Jean Calvet,

- a linguist among his own]. Eds. F. Laroussi, H. Ben Mustapha. Publications of the Faculty of Letters, Arts and Humanities of Manouba: 131–169.
- Ismayilzada A., Irini M. 2021. Analyse de la situation du français en Algérie et en Tunisie [Analysis of the situation of French in Algeria and Tunisia]. *Annee, Publ. Université d'Artois*, 20 p.
- Kalai L. 2021. Le contact des langues en Tunisie: quels enjeux [Language contact in Tunisia: what are the issues]? In: *Le français langue de partage [French, a shared language]*. XVth World Congress of the International Federation of Teachers of French (International Federation of French Teachers, Jul 2021). Hammamet, Tunisia, 15 p.
- Laroussi F. 2011. Le français de Tunisie. Normes ou formes endogènes [The French of Tunisia. Norms or endogenous forms]. *Présence Francophone: Revue internationale de langue et de littérature*, 76(1): 6.
- Mabrak S. 2022. For a presentation of the lexicographical treatment of Algerian French in the Dictionnaire Historique de la langue française. *Aleph. Langues, médias et sociétés*, 9(1): 293–314.
- Mejri S. 2012. Les spécificités du français en Tunisie: emprunts autochtones, “géosynonymes”, et mots construits [The specificities of French in Tunisia: indigenous borrowings, “geosynonyms”, and constructed words]. In: *Convergences, divergences et la question de la norme en Afrique francophone [Convergences, divergences and the question of the norm in French-speaking Africa]*. Proceedings of the conference (Cologne (Germany) from February 2 to 4, 2011). Eds. P. Blumenthal et St. Pfänder. *Le français en Afrique*, 27: 219–228.
- Naffati H. 2000. Le Français en Tunisie. Étude sociolinguistique et lexicale [The French in Tunisia. Sociolinguistic and lexical study]. Doctoral thesis. Provence, 643 p.
- Veltcheff C. 2006. Le français en Tunisie: une langue vivante ou une langue morte [French in Tunisia: a living language or a dead language]? *Le français aujourd'hui*, 154(3): 83–92. DOI: [10.3917/lfa.154.0083](https://doi.org/10.3917/lfa.154.0083)

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию 03.04.2024

Поступила после рецензирования 08.05.2024

Принята к публикации 10.06.2024

Received April 03, 2024

Revised May 08, 2024

Accepted June 10, 2024

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Коч Карина Игоревна, кандидат филологических наук, доцент кафедры дополнительного и среднего профессионального образования и аккредитации факультета клиентского, специального и международного образования, Российский государственный социальный университет, г. Москва, Россия.

Багана Жером, доктор филологических наук, профессор кафедры романо-германской филологии и межкультурной коммуникации, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, г. Белгород, Россия.

Жевлакова Полина Георгиевна, аспирант кафедры романо-германской филологии и межкультурной коммуникации, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, г. Белгород, Россия.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Karina I. Koch, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of the Department of Additional and Secondary Vocational Education and Accreditation of the Faculty of Client, Special and International Education, Russian State Social University, Moscow, Russia.

Jerome Baghana, Doctor of Philology, Professor of the Department of Romance and Germanic Philology and Cross-Cultural Communication, Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia.

Polina G. Zhevlakova, Postgraduate Student of the Department of Romance and Germanic Philology and Cross-Cultural Communication, Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia.



УДК 81.1

DOI 10.52575/2712-7451-2024-43-4-544-551

Фрейм «искусственный интеллект» как доминанта современного медицинского дискурса

Маджаева С.И.

Астраханский государственный медицинский университет,
Россия, 414000, г. Астрахань, ул. Бакинская, д. 121

Sanya-madzhaeva@yandex.ru

Аннотация. Медицина и компьютерные технологии тесно взаимосвязаны, в связи с чем медицинская терминология активно пополняется. Цель исследования состоит в моделировании фреймовой структуры «Искусственный интеллект в медицине» как способности компьютера выполнять действия, свойственные человеческому мозгу. Материалом послужили толковые, энциклопедические, двуязычные медицинские словари, тексты медицинских статей, связанные с компьютерной технологией. Автором предложена модель фрейма «искусственный интеллект», выявлены разнообразные слоты в его структуре. Определено, что фреймы родственны базовым концептам компьютерного дискурса, а периферия модифицируется за счет влияния компьютерных технологий. Выявлено, что концепт ИИ, являясь многокомпонентной структурой, представляет собой совокупность фреймов, в каждом из которых содержится различная информация. Показано, что ядро концепта ИИ включает обязательные элементы, содержащие информацию из сферы медицины. В периферийную зону входят признаки, слабо относящиеся к предметной области медицины, но больше – к компьютерной лексике. Фрейм ИИ в медицине указывает на аппроксимацию знаний специалиста-медика при анализе сложной медицинской информации, что свидетельствует о включенности специалиста-медика в глобальное интернет-пространство, формируемое искусственным интеллектом.

Ключевые слова: фрейм, субфрейм, искусственный интеллект, ИИ, слот, сценарий, термин, медицинский дискурс

Для цитирования: Маджаева С.И. 2024. Фрейм «искусственный интеллект» как доминанта современного медицинского дискурса. *Вопросы журналистики, педагогики, языкознания*, 43(4): 544–551. DOI: 10.52575/2712-7451-2024-43-4-544-551

Frame “Artificial Intelligence” As the Dominant of Modern Medical Discourse

Sanya I. Madzhaeva

Astrakhan State Medical University
121 Bakinskaya St, Astrakhan 414000, Russian Federation

Sanya-madzhaeva@yandex.ru

Abstract. Medicine and computer technology are closely interrelated, and therefore medical terminology is being actively updated. The aim of the research is to make up the frame structure of “Artificial Intelligence” in medicine as the ability of a computer to perform actions peculiar to the human brain. The research materials were explanatory, encyclopedic, bilingual medical dictionaries, and texts of medical articles related to computer technology. The author proposes a model of the “Artificial Intelligence” frame and identifies various slots in its structure. It is determined that frames are related to the basic concepts of computer discourse, and the periphery is modified due to the influence of computer technology. It is

revealed that the AI concept, being a multicomponent structure, is a set of frames, each of which contains different information. The core of the AI concept is shown to include mandatory elements containing information from the field of medicine. The peripheral zone includes signs that are related to computer vocabulary rather than the subject area of medicine. The AI frame indicates the approximation of a specialist's knowledge in the analysis of complex medical information that indicates the involvement of medical specialists in the global internet space formed by artificial intelligence.

Keywords: frame, subframe, artificial intelligence, AI, slot, scenario, new term, medical discourse

For citation: Madzhaeva S.I. 2024. Frame “Artificial Intelligence” As the Dominant of Modern Medical Discourse. *Issues in Journalism, Education, Linguistics*, 43(4): 544–551 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-7451-2024-43-4-544-551

Введение

Важной чертой современной лингвистики является интеграция различных областей знания, сближение точных и гуманитарных наук, тесная связь которых усиливается «в ходе работ по моделированию процессов приобретения специальных знаний в рамках искусственного интеллекта как средства представления знаний» [Гринев-Гриневиц и др., 2023, с. 2]. Одно из важных мест в сложной интегративной междисциплинарной системе отведено союзу информатики и медицины.

Развитие науки увеличило количество предметных областей медицины: биомедицина, криомедицина, психофизиология, телемедицина, биофармакология, клиническая информатика и др., основной причиной становления которых выступают инновации, связанные с нейронными сетями, компьютерным и искусственным разумом, дигитализацией лечебной и профилактической деятельности в медицине. В связи с этим двадцатые годы двадцать первого века характеризуются новыми тенденциями, определяющими рост медицинских технологий, их совершенствование и развитие. Наиболее значимыми становятся цифровые трансформации, включающие ряд направлений: искусственный интеллект (ИИ) в медицине, чаты-боты, телемедицина, эволюция удаленного консультирования, расширенная реальность в медицинских учреждениях, конфиденциальность и безопасность в сфере медицины, технологии ухода за органами, биопечать и др. (Б.Н. Урманов, Г.Э. Улумбеков, О.Д. Старченкова, А.А. Михайлова и др.).

В словаре «Глобалистика» искусственный интеллект определяется как «метафорическое обозначение области исследований, целью которых является создание технических систем, способных решать задачи невычислительного характера и выполнять действия, требующие переработки содержательной информации и считающиеся прерогативой человеческого мозга»¹. Данное словосочетание отражает современное восприятие технологий и их роли в жизни общества. В медицине ИИ играет важную роль, становясь научным направлением, в рамках которого решаются задачи программного моделирования тех видов деятельности человека, которые считаются интеллектуальными. ИИ распознает патологии на рентгеновских снимках, МРТ, КТ, с его помощью специалисты выявляют заболевания, ставят диагноз и т. д. Например, память IBM Watson содержит миллионы медицинских документов и историй болезней. Исследование терминологии ИИ как предметной области медицины является чрезвычайно актуальным. Фрейм ИИ ещё только находится на стадии формирования, но, при этом уже является неотъемлемой частью медицинского дискурса, как в области инноваций, так и в области практического здравоохранения.

¹ Глобалистика = Global studies : международный междисциплинарный энциклопедический словарь. Под ред. И.И. Мазура, А.Н. Чумакова. Москва, ЕЛИМА; Санкт-Петербург, Питер; Нью-Йорк, 2006. С. 377–378.

Фрейм определяется как структура, организующая и упорядочивающая знания, концепции, термины, связанные с медициной. При помощи фреймового анализа становится ясным, как различные элементы медицинского дискурса взаимосвязаны и как они влияют на восприятие и интерпретацию информации.

Фрейм – это концептуальная рамка, позволяющая интерпретировать информацию. С помощью фрейма организуется знание о заболевании, процедурах, взаимодействиях между врачом и пациентом.

Анализ научной литературы показал, что *фрейм* является одним из основных понятий когнитивной лингвистики. Однако данное понятие не имеет однозначного определения. Ч. Филлмор рассматривает данное понятие в качестве лингвистического, указывая на то, что это есть система выбора языковых средств, которые ассоциируются с типовыми ситуациями. Ученый определяет *фрейм* как когнитивную структуру, представленную словами [Fillmore, Atkins, 1992, p. 75].

М. Минский использует данное понятие, чтобы объяснить способность человека получать новые знания и интегрировать их со структурами опыта, существующими в памяти. По мнению ученого, «фрейм является когнитивной структурой, которая может помочь осознать обширную группу явлений либо процессов и сеть, состоящей из узлов и связей между ними» [Minsky, 1974, p. 7]. Мы, вслед за Минским, понимаем фрейм как схему, которая представляет и структурирует знание, необходимое для понимания и интерпретации языковых выражений [Minsky, 1975] и может состоять из различных знаний, о чем утверждают О.Ю. Воронина с соавторами [Воронина и др., 2021, с. 30]. Н.Н. Болдырев считает, что фрейм является «моделью культурно-обусловленного, канонизированного знания» [Болдырев, 2001, с. 62]. В понимании Н.Н. Болдырева [2001, с. 108], фрейм – это структурированная единица знания, в которой выделяются определенные компоненты и отношения между ними; это когнитивная модель, передающая знания об определенной, часто повторяющейся ситуации.

Многие исследователи отмечают, что термин и фрейм семантически одинаковы – они выражают одно понятие и подразумевают «ограничение области специального знания, то есть реферативной области, ограничение участников специальной коммуникации, ограничение или отбор языковых средств, необходимых для оптимизации общения в соответствующей специальной области» [Гурина, Соколова, 2005, с. 31].

Сущностными характеристиками фрейма являются 1) иерархичность; 2) системность; 3) культурная релятивность. Как утверждает Т. А. ван Дейк, «фреймы не являются произвольно выделяемыми “кусками” знания. Они являются единицами, организованными “вокруг” некоторого концепта» [Ван Дейк, 1989, с. 16]. Согласно Т.В. Лукояновой [2021, с. 52], фрейм необходим для наглядного представления систематизированного опыта человека. Его структура зависит от объема научных знаний специалиста.

Появление новых технологий сопровождается увеличением количества новых терминов – *биохакинг, блокчейн, терапевтический робот, антибактериальный наноробот*, которые были проанализированы В.И. Шаховским в эмотивном аспекте. Основным результатом их исследований явилось следующее – «лексико-семантические инновации создаются не только мышлением и сознанием ученых, но и их эмоциями...» [Шаховский, 2020]. Языковые модели в здравоохранении были изучены и предложены группой ученых из Узбекистана. Ученые пришли к выводу, что не все языковые модели могут быть применимы в общении пациента и врача через интернет [Адилова, 2023]. И. Г. Томарева описывает роль искусственного интеллекта в анализе обширных массивов лингвистических данных [Томарева, 2024]. А.И. Матюшкова, анализируя различные подходы к дискурсу, приходит к выводу, что «многообразие подходов доказывает многоаспектность и многопараметральность дискурса как предмета научного анализа, которое и порождает разнообразие возможных научных парадигм и исследовательских точек зрения» [Матюшкова, 2022, с. 51].

Работ по лингвистическому анализу искусственного интеллекта в языке медицины не обнаружено. Цель исследования состоит в моделировании фреймовой структуры «Искусственный интеллект в медицине» как способности компьютера выполнять действия, свойственные человеческому мозгу. Мы полагаем, что изучение фрейма ИИ даст системную информацию, направленную на модификацию медицинского дискурса.

Объекты и методы исследования

Объектом исследования является искусственный интеллект в медицинском дискурсе. В процессе исследования были использованы следующие методы: индукция, дедукция, фреймовый анализ. Материалом послужили толковые, энциклопедические двуязычные медицинские словари, тексты научных медицинских статей, связанные с компьютерной технологией. Всего было извлечено из словарей и научных текстов 346 медицинских терминов. Отбор в номинативное поле фрейма ИИ был произведен по частотности используемых медицинских терминов в словарях и научных текстах. Так как методология исследования медицинской терминологии обусловлена интегративностью и структурой, и характером образующего ее понятия (фрейма), медицинский дискурс анализируется нами с позиции фреймового анализа.

Фреймовый анализ терминологии состоит из трех этапов: понятийно-фреймового, дефиниционного и корпусно-терминологического [Мишланова, 2020, с. 58]. Нами исследован фрейм ИИ на понятийно-фреймовом этапе. Проведен анализ специальной медицинской литературы, на основании чего выделены слоты и сценарии.

Результаты и их обсуждение

Концепт ИИ как многокомпонентная структура представляет собой совокупность фреймов, в каждом из которых содержится различная информация. В процессе анализа текстов об искусственном интеллекте (2 670 стр.)¹ выявлено, что ядро данного концепта составляют обязательные элементы, характеризующиеся высокой частотностью и содержащие определенную медицинскую информацию, например, *роботизированная хирургия, постановка диагноза, телемедицина, бренд врача, точная медицина* и т. д. К периферийной зоне относятся признаки, слабо касающиеся предметной области медицины, например, *робот, цифровое пространство, нейросети, промпт, гайд* и т. д. Для медицинского дискурса характерны специальные единицы, маркирующие слоты фреймов.

Формирование значения фразеологизма «искусственный интеллект» произошло за счет того, что в исходном фрейме «человеческий» у слота «искусственный», включающего в свой состав подслот «интеллект» (заполнен содержанием «ум»), происходит замена содержания данного подслота на нехарактерное содержание «искусственный», в результате чего рождается необычный семантический эффект «искусственный человек» с последующим образованием актуального значения «действия, свойственные человеческому интеллекту». Искусственный интеллект как способность компьютера обучаться, принимать решения, выполнять действия, свойственные человеческому интеллекту, определяет концепт, который является частью фрейма «Компьютерные

¹ Роль искусственного интеллекта в стратификации рисков в здравоохранении // Webiomed.ru>blog/slovar_terminov-tsifrovogo.... (Дата обращения 20.07. 2024). Словарь компьютерных и интернет терминов // <http://pensioner54.ru>osnovnye-razdely> (дата обращения 17.07. 2024). Словарь терминов цифрового здравоохранения // Webiomed.ru>blog/slovar_terminov-tsifrovogo.... (Дата обращения 17.07.2024). Тавровский В.М. 2007. Компьютеры в медицине – о терминах, понятиях и целях // Врач и информационные технологии. С. 10-17. Англо-русский медицинский словарь. Под ред. И.Ю. Морковиной, Э.Г. Улумбекова. М.: ГЭОТАР-Медиа, 2013. 1263 с. Глобалистика = Global studies: международный междисциплинарный энциклопедический словарь. Под ред. И.И. Мазура, А.Н. Чумакова. Москва, ЕЛИМА; Санкт-Петербург, Питер; Нью-Йорк, 2006. С. 377–378.



технологии». Его слотом может стать «Искусственный интеллект в медицине», который подразделяется на следующие сценарии: «ИИ в сфере психического здоровья»; «ИИ для выявления симптомов заболевания»; «ИИ в диагностике рака», «ИИ в диагностике заболеваний», «ИИ в разработке лекарств»; «ИИ для выявления симптомов заболеваний, вызванных химическими изменениями в мозгу человека»; «Приложение для здоровья»; «Генный анализ»; «Ведение беременности»; «Оценка эффективности медицинского оборудования и препаратов» и др. Во фрейме и его слотах функционируют термины, обозначающие диагностику заболеваний, персонализированное лечение, прогнозирование болезни, роботизированную хирургию, уход за пациентами.

В данные слоты входят слова, не являющиеся медицинскими терминами. Это обусловлено тем, что показателями терминологичности той или иной единицы языка могут служить: 1) включенность значения в достаточно четкую и определенную систему предметной области [Томасевич, 1984, с. 4–5], обозначение специального понятия определенной профессиональной сферы, наличие дефиниции в рамках соответствующей науки [Васюкова, 1984, с. 7], способность сочетаться со словами-терминами [Маджаева, 2009, с. 182].

На периферии данного фрейма находятся следующие субфреймы:

1. Телемедицина с двумя слотами: *конфиденциальность данных пациента и облачный хостинг для хранения данных*.
2. Расширенная реальность в медицинских учреждениях, со слотами: *дополненная реальность и смешанная реальность в медицине*.
3. Конфиденциальность и безопасность в сфере медицины.
4. Технологии ухода за органами и биопечать со слотами: *биопечать, создание новых органов*.

На языковом уровне данные субфреймы представлены новыми терминами. Например, *Project Hanover* – система ИИ Микрософт, предназначенная для каталогизации биомедицинских исследований из PubMed. Назовем еще несколько новых терминов, характерных для данного фрейма: *биолокатор, микробраш, нанокапсула, биофармаколог, телехирург, ресетинг, сибинг, чаты-боты, NLP (Natural Language Processing), Project InnerEye* – инструмент искусственного интеллекта для лучевой терапии, искусственные нейронные сети (*ИНС*), *нейронок*¹ и др.

Данные субфреймы обогащают слоты и наполняют фрейм новой информацией. Медицинские термины репрезентируют специальные знания, когнитивного и языкового в процессе вербализации интенционального смысла, актуализирующего соотносимый с ним фрейм в сознании носителей языка [Маджаева, 2012a]. Фрейм ИИ в медицине свидетельствует об аппроксимации знаний специалиста-медика при анализе сложной медицинской информации и вовлеченности каждого человека в глобальное компьютерное пространство, формируемое искусственным интеллектом.

Заключение

Автором предложена модель фрейма «Искусственный интеллект» в медицине, выявлены разнообразные слоты в его структуре, что показало тесную связь развития медицинских знаний с использованием искусственного интеллекта. Закономерно встает вопрос о будущем медицинской терминологии, обусловленном формированием нанотехнологий. Применение в медицине ИИ способствует развитию медицинской терминологии, которая расширит и углубит знание о здоровье человека (*быстрая обработка данных; рост геномных баз данных секвенирования; широкое внедрение электронных медицинских систем записи данных; распознавание снимков МРТ, заключений*

¹ Англо-русский медицинский словарь. Под ред. И.Ю. Морковиной, Э.Г. Улумбекова. М. : ГЭОТАР-Медиа, 2013. 1263 с.

УЗИ, кардиограмм, томографии; изучение эффективности препаратов; исследование вирусов, поиск эффективных вакцин; протезирование с учетом анатомии человека; удаленная помощь больному), его лечению и профилактике заболеваний.

Результаты данной работы представляют лингвокогнитивную специфику феномена «искусственный интеллект» и особенности его объективации в медицинском дискурсе. Фрейм ИИ способствует изменению практики медицины, улучшению диагностики и лечения, организации знаний о заболевании, процедурах и взаимодействиях между врачами и пациентами. В перспективе можно изучить фреймы «Автоматизация принятия врачебных решений», «Автоматизация взаимодействия всех участников лечения». У каждого из них будет свой понятийный аппарат. Но, самое важное – терминологическая точность.

Таким образом, описанная нами модель фрейма показала, что ядро когнитивной структуры концепта «Искусственный интеллект» составляют фреймы, родственные с базовыми концептами компьютерного дискурса, а периферия преобразуется вследствие развития компьютерных технологий.

Список литературы

- Болдырев Н.Н. 2001. Концепт и значение слова. В кн.: Методологические проблемы когнитивной лингвистики. Под ред. И.А. Стернина. Воронеж, Воронежский государственный университет: 25–36.
- Васючкова О.И. 1984. Семантико-функциональный аспект терминологического и нетерминологического употребления прилагательных в современном английском языке. Автореф. дис.... канд. филол. наук. Минск, 18 с.
- Володина М.Н. 2000. Когнитивно-информационная природа термина (на материале терминологии средств массовой информации). Москва, МГУ, 128 с.
- Воронина О.Ю., Горшкова В.Е., Казыдуб Н.Н., Камнева И.В., Колмогорова А.В., Куницына Е.Ю., Мельникова М.И., Попова Д.А., Садовникова О.Н., Семенова Т.И., Серебренникова Е.Ф., Тразанова Н.Ю., Хантакова В.М., Хахалова С.А., Якоба И.А. 2021. Динамика и статика в познании реальности языка: подходы, феномены, способы репрезентации. Под общ. ред. Е.Ф. Серебренниковой. Иркутск, Издательство ИГУ, 285 с.
- Гайфулин Е.О. 2023. Искусственный интеллект в медицине. *Ceteris Paribus*, 5: 118–122.
- Гринев-Гриневич С.В., Сорокина Э.А., Молчанова М.А. 2023. Терминоведение. Москва, Ленанд, 500 с.
- Гурина Р.В., Соколова Е.Е. 2005. Фреймовое представление знаний. Москва, Народное образование, НИИ школьных технологий, 175 с.
- Гусельникова О.В. 2009. Возможности фреймового анализа. *Мир науки, культуры, образования*, 5(17): 29–32.
- Лукоянова Т.В. 2021. Фреймовое структурирование специального знания. *Лингвистика и образование*, 1–2(2): 47–59. DOI: [10.17021/2021.1.2.47.59](https://doi.org/10.17021/2021.1.2.47.59)
- Маджаева С.И. 2009. Проблемы лексикографического описания медицинских терминов. *Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание*, 1(90): 179–184.
- Маджаева С.И. 2012. Медицинские терминосистемы: становление, развитие, функционирование (на материале предметных областей медицины сахарный диабет и СПИД). Астрахань, Астраханский государственный медицинский университет, 277 с.
- Матюшкова А.И. 2022. Роль формального и функционального подходов в определении дискурса. *Лингвистика и образование*, 2–3(7): 45–53. DOI: [10.48612/astgmu/2022-2-3-45-53](https://doi.org/10.48612/astgmu/2022-2-3-45-53)
- Томасевич Н.П. 1984. Терминологическая лексика английского подязыка автомобилестроения и ее взаимодействие с другими лексическими слоями. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Одесса, 16 с.
- Ширяева Т.А. 2013. Профессиональные доминанты в структуре институциональных фреймов. *Вестник Челябинского государственного университета*, 37(328). Вып. 60: Филология. Искусствоведение: 62–65.
- Fillmore Ch. J., Atkins B.T.S. 1992. Towards a Frame-based Lexicon: The Semantics of RISK and its Neighbors. In: *Frames, Fields and Contrasts: New Essays in Semantic and Lexical Organization*. Eds. A. Lehrer, E.F. Kittay, R. Lehrer Hillsdale, NJ, Lawrence Erlbaum Associates: 75–102.
- Minsky M. 1974. A framework for representing knowledge. Cambridge.



Minsky M.A. 1975. Framework for Representing Knowledge. In: Patrick Henry Winston (ed.). The Psychology of Computer Vision. McGraw-Hill, NewYork (U.S.A.), URL: <https://web.media.mit.edu/~minsky/papers/Frames/frames.html> (date of access: 02.02.2024).

References

- Boldyrev N.N. 2001. Kontsept i znachenie slova [Concept and meaning of the word]. In: Metodologicheskie problemy kognitivnoi lingvistiki [Methodological problems of cognitive linguistics]. Ed. I. A. Sternin. Voronezh, Publ. Voronezhskii gosudarstvennyi universitet: 25–36.
- Vasyuchkova O.I. 1984. Semantiko-funktsional'nyi aspekt terminologicheskogo i neterminologicheskogo upotrebleniya prilagatel'nykh v sovremennom angliiskom yazyke [Semantic-functional aspect of terminological and non-terminological use of adjectives in modern English]. Abstract Cand. ... Philol. Sciences. Minsk, 18 p.
- Volodina M.N. 2000. Kognitivno-informatsionnaya priroda termina (na materiale terminologii sredstv massovoi informatsii) [Cognitive-informational nature of the term (based on the terminology of the mass media)]. Moscow, Publ. MGU, 128 p.
- Voronina O.Yu., Gorshkova V.E., Kazydub N.N., Kamneva I.V., Kolmogorova A.V., Kunitsyna E.Yu., Mel'nikova M.I., Popova D.A., Sadovnikova O.N., Semenova T.I., Serebrennikova E.F., Trazanova N.Yu., Khantakova V.M., Khakhalova S.A., Yakoba I.A. 2021. Dinamika i statika v poznanii real'nosti yazyka: podkhody, fenomeny, sposoby reprezentatsii [Dynamics and Statics in Language Reality Cognition: Approaches, Phenomena, Modes of Representation]. Ed. E.F. Serebrennikova. Irkutsk, Publ. IGU, 285 p.
- Gaifulin E.O. 2023. Iskusstvennyi intellekt v meditsine [Artificial intelligence in medicine]. *Ceteris Paribus*, 5: 118–122.
- Grinev-Grinevich S.V., Sorokina E.A., Molchanova M.A. 2023. Terminovedenie [Terminology]. Moscow, Publ. Lenand, 500 p.
- Gurina R.V., Sokolova E.E. 2005. Freimovoe predstavlenie znaniy [Frame representation of knowledge]. Moscow, Publ. Narodnoe obrazovanie, NII shkol'nykh tekhnologii, 175 p.
- Guselnikova O.V. 2009. Different techniques of frame analysis. *Mir Nauki, Kul'tury, Obrazovaniya*, 5(17): 29–32 (in Russian).
- Lukyanova T.V. frame structuring of special knowledge. *Linguistics & education*, 1–2(2): 47–59 (in Russian). DOI: [10.17021/2021.1.2.47.59](https://doi.org/10.17021/2021.1.2.47.59)
- Madzhaeva S.I. 2009. On problems of lexicographical description of medical terms. *Science Journal of Volgograd State University. Linguistics*, 1(90): 179–184 (in Russian).
- Madzhaeva S.I. 2012. Meditsinskie terminosistemy: stanovlenie, razvitie, funktsionirovanie (na materiale predmetnykh oblastei meditsiny sakharnyi diabet i SPID) [Medical terminology systems: formation, development, functioning (based on the subject areas of medicine diabetes mellitus and AIDS)]. Astrakhan, Publ. Astrakhanskii gosudarstvennyi meditsinskii universitet, 277 p.
- Matushkova A.I. 2022. The role of formal and functional approaches in the definition of discourse, *Linguistics & education*, 2–3(7): 45–53 (in Russian). DOI: [10.48612/astgmu/2022-2-3-45-53](https://doi.org/10.48612/astgmu/2022-2-3-45-53)
- Tomasevich N.P. 1984. Terminologicheskaya leksika angliiskogo pod"yazyka avtomobilstroeniya i ee vzaimodeistvie s drugimi leksicheskimi sloyami [Terminological vocabulary of the English sublanguage of the automobile industry and its interaction with other lexical layers]. Abstract dis. ... Cand. Philol. Sciences. Odessa, 16 p.
- Shiryaeva T.A. 2013. Professional Dominances in the Structure of Modern Business Discourse Institutional Frames. *Bulletin of Chelyabinsk State University*, 37(328). Vol. 86: Philology. Art history, 62–65 (in Russian).
- Fillmore Ch. J., Atkins B.T.S. 1992. Towards a Frame-based Lexicon: The Semantics of RISK and its Neighbors. In: Frames, Fields and Contrasts. New Essays in Semantic and Lexical Organization. Eds. A. Lehrer, E.F. Kittay. Hillsdale, NJ, Lawrence Erlbaum Associates: 75–102.
- Minsky M. 1974. A framework for representing knowledge. Cambridge.
- Minsky M.A. 1975. Framework for Representing Knowledge. In: Patrick Henry Winston (ed.). The Psychology of Computer Vision. McGraw-Hill, NewYork (U.S.A.), URL: <https://web.media.mit.edu/~minsky/papers/Frames/frames.html> (date of access: 02.02.2024).



Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию 12.10.2024

Received October 12, 2024

Поступила после рецензирования 22.11.2024

Revised November 22, 2024

Принята к публикации 10.09.2024

Accepted September 10, 2024

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Маджаева Санья Ибрагимовна, доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой латинского и иностранных языков, Астраханский государственный медицинский университет, г. Астрахань, Россия.

Sanya I. Madzhaeva, Doctor of Philology, Professor, Chief of the Department of Latin and Foreign Languages, Astrakhan State Medical University, Astrakhan, Russia.



УДК 801.82

DOI 10.52575/2712-7451-2024-43-4-552-561

Поэтический язык З. Гиппиус: конструкции экспрессивного синтаксиса

Плотникова Л.И., Францевская Е.И.

Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Россия, 308015, г. Белгород, ул. Победы, д. 85
luks.p.58@mail.ru, katay5448@gmail.com

Аннотация. Индивидуальный стиль в поэтическом тексте тесно связан с авторским мироощущением: выбор языковых средств отражает представления автора об окружающем мире, свидетельствует о творческих установках и мастерстве художника слова. Несмотря на многочисленные исследования ученых-лингвистов составляющих индивидуального стиля, до настоящего времени не были детально изучены конструкции экспрессивного синтаксиса, которые использовались З. Гиппиус для реализации идейно-художественных установок и создания ярких образов. В связи с этим цель исследования – представить наиболее частотные синтаксические построения, которые являются своеобразными доминантами идиостиля поэта. В процессе исследования выявлены наиболее частотные синтаксические конструкции (парцеллированные предложения, риторические вопросы и вопросы-обращения), описаны их основные функции в поэтическом тексте. Прослежена взаимосвязь философской концепции З. Гиппиус и выбора ею языковых средств. Поэзия для автора становится способом единения с Богом и трибуной, с которой провозглашаются лозунги, отражающие собственную религиозную концепцию. В спектр размышлений поэта входят проблемы бытия, жизнь после смерти, любовь во всех формах проявления, взаимоотношения людей, социальные изменения, религия как путь развития духа. Сделан вывод о том, что авторские построения подчинены основной художественной задаче, позволяют поэту добиться желаемого эмоционального эффекта, выразить своё отношение к окружающему миру.

Ключевые слова: поэтический текст, идиостиль, конструкции экспрессивного синтаксиса, парцелляция, риторический вопрос, вопрос-обращение

Для цитирования: Плотникова Л.И., Францевская Е.И. 2024. Поэтический язык З. Гиппиус: конструкции экспрессивного синтаксиса. *Вопросы журналистики, педагогики, языкознания*, 43(4): 552–561. DOI: 10.52575/2712-7451-2024-43-4-552-561

The Poetic Language of Z. Gippius: Expressive Syntax Constructions

Larisa I. Plotnikova, Ekaterina I. Frantsevskaya

Belgorod State National Research University,
85 Pobeda St, Belgorod 308015, Russian Federation
luks.p.58@mail.ru, katay5448@gmail.com

Abstract. The poetic creativity of Z. Gippius, a bright representative of the decadent trend in Russia, has attracted the closest attention of researchers at different times, but so far, the expressive syntax constructions used by the author to display ideological and artistic attitudes and create vivid images have not been studied in detail. In this connection, the purpose of this study is to present the most frequent syntactic constructions which are peculiar dominants of the poet's idiostyle. The poet's creativity is

distinguished by the aspiration to use the expressive means of the language to the maximum, which is manifested in the careful choice of words, as well as the creation of syntactic constructions that allow the author to render her idea most precisely and succinctly, to attract the readers' attention, to activate their creative imagination. The paper draws attention to the most frequent constructions of expressive syntax, such as parcellated sentences, rhetorical questions and questions of address, and describes the peculiarities of their functioning in the poetic text. The relationship between Z. Gippius's philosophical concepts and the choice of linguistic means is traced. To the author, poetry becomes a way of uniting with God and a tribune for proclaiming slogans reflecting her own religious concepts. The range of the poet's reflections includes the problems of existence, questions about life after death, about love in all forms of its manifestation, human relationships, and religion as a way of spiritual development. This is embodied in syntactic constructions representing the author's individual picture of the world. The conducted analysis allows us to conclude that the author's constructions are subordinated to the main artistic task, allow the poet to achieve the desired emotional effect, and to express her attitude to the world around her.

Keywords: poetic text, idiosyncrasy, expressive syntax constructions, parcellation, rhetorical question, question-appeal

For citation: Plotnikova L.I., Frantsevskaya E.I. 2024. The Poetic Language of Z. Gippius: Expressive Syntax Constructions. *Issues in Journalism, Education, Linguistics*, 43(4): 552–561 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-7451-2024-43-4-552-561

Введение

Поэтический текст – произведение речетворческого процесса, отличающееся особой эмоциональностью, цельностью, завершенностью, взаимодействием адресата и адресанта. По мнению В.В. Виноградова, поэзия – «средство художественного мышления» [Виноградов, 1963, с. 130]. Поэтический текст является системой микро- и макроуровней, совокупность которых отражает соотношение стихотворного произведения и контекста. Как «вторично моделирующая система» [Лотман, 1964] стихотворение направлено на диалог с адресатом поэтического сообщения, побуждает его осознать причины и следствия выбора той или иной языковой единицы. Так, сам знак моделирует свое содержание. Как пишет Н.Ф. Алефиренко, значение слова – «объективно сложившаяся система связей, одинаковая для всех носителей языка», смысл – «индивидуальное значение поэтического слова, выхваченное из этой устоявшейся системы связей» [Алефиренко, 2005, с. 69].

В связи с наличием поэтических ограничений, выявляется резкий рост значимых сочетаний элементов внутри текста: 1) «структурно-значимых, относящихся к языковому уровню, и их вариантов, расположенных на речевом уровне»; 2) «элементов, имеющих семантическое значение (соотнесенных с языковой реальностью), и формальных, имеющих только внутриязыковое значение, например, грамматическое» [Лотман, 1996, с. 46]. Элементы различных языковых уровней приобретают особое семантическое наполнение, имеют тесную связь с контекстом и отражают особенности мировоззрения автора. По мысли В.И. Карасика, совокупность языкового и концептуального обусловлена «использованием существующих в сознании поэта ментальных структур, в которых хранится информация о предшествующем художественном опыте и возможность его использования, и структур, влияющих на отбор языкового материала и поэтический замысел» [Карасик, 2007, с. 20]. Таким образом, в структуре стихотворения слово становится особым символом: так, образ Медного всадника традиционно в литературе соотносится с образом Петербурга, но наделяется различными смыслами. Например, в поэзии З. Гиппиус этот образ олицетворяет пороки, надежды и бессилие, а со временем приобретает значение божественной воли, желание перемен («Петербург» (1909), «Петроград» (1914), «Петербург» (1919), «Лазарь» (1922)). Данного эффекта поэт добивается с помощью различных синтаксических конструкций, позволяющих сделать акцент в нужном синтаксическом отрезке, выделить необходимую лексику или иную



языковую конструкцию. Поэтический синтаксис З. Гиппиус довольно разнообразен, включает различные конструкции экспрессивного синтаксиса.

Понятие «поэтический синтаксис» не имеет четкого научного определения. В данной работе под этим термином мы будем понимать особые синтаксические приёмы, синтаксические фигуры, используемые автором с целью передачи особого смысла, отражающие авторское мировосприятие. Средства поэтического синтаксиса относятся к числу стилистических ресурсов синтаксиса, следовательно, к ним относят повтор, плеоназм, амплификацию, анафору, эпифору, рефрен, полисиндетон, асиндетон, умолчание, эллипсис, градацию, риторические фигуры (вопрос, восклицание, обращение, утверждение, отрицание), инверсию, антитезу, оксюморон, параллелизм, солейцизм, эналлагу, силлепсис. Использование конструкций экспрессивного синтаксиса позволяет автору наполнить текст особой эмоциональностью [Курбатов, 2002, с. 146], а частотность использования тех или иных синтаксических приёмов и фигур отражает особенности идиостиля поэта.

Существуют различные подходы и к трактованию термина *идиостиль*: структурный (В.А. Кухаренко [2019]), эстетически маркированный (Г.О. Винокур [1990]), образно-композиционный (Г.Я. Солганик [2001]), прагмасемантический (А.Г. Котова [2000]), коммуникативно-когнитивный (В.А. Кухаренко [2019], И.А. Тарасова [2012]), лингвостилистический (М.П. Котюрова, Н.С. Болотнова [2014]). В последнее десятилетие активно развиваются лексический, лингвокреативный, лингвоститический и лингвотипологический подходы к анализу индивидуального стиля. Ю.М. Калинина справедливо считает, что «анализ построения отдельных предложений и всего текста позволяет сделать вывод об идиостиле автора, определить его скрытые намерения» [Калинина, 2009, с. 6]. В данной работе за основу принимается положение Н.С. Болотновой, которая определяет идиостиль как «сложное, многомерное и многоуровневое проявление личности автора, «стоящей за текстом»: его лексикона, семантикона, грамматикона, тезауруса, концептосферы, мотивов, определяющих своеобразие семантики, текстовой организации» [Болотнова, 2007, с. 587].

Идиостиль З. Гиппиус в современной науке еще не до конца изучен, существуют лишь отдельные статьи о специфике языка поэта. Цель исследования – выявить особые синтаксические конструкции в поэтических текстах З. Гиппиус, которые являются отражением идиостиля автора.

Объекты и методы исследования

Объектом исследования являются особые синтаксические конструкции, отмеченные в поэтических текстах З. Гиппиус, которые являются отражением идиостиля автора.

Материалом исследования послужило поэтическое наследие Зинаиды Гиппиус, отличительной чертой которого является особая дневниковость. Языковой материал извлекался из сборников стихотворений и песен различного периода творчества: «Собрание стихов. 1889–1903», «Собрание стихов. Вторая книга. 1903–1909», «Последние стихи. 1914–1918», «Сияние», «Стихи. Дневник. 1911–1921», «Стихотворения, не вошедшие в авторские сборники», «Походные песни». Анализ стихотворений с различной датировкой позволяет проследить изменения в идиостиле в зависимости от периода, выявить взаимосвязь философских позиций и творчества поэта – любовь во всех формах её проявления, загробная жизнь, проблемы жизни и смерти, социальные изменения.

В качестве ведущего в данном исследовании используется *метод* системного научного описания, включающий приём сплошной выборки синтаксических средств из поэтических текстов З. Гиппиус; метод контекстуального анализа, отражающий особенности структуры и значения, а также специфику сочетаемости зафиксированных единиц в поэтическом тексте; применяется квантитативный приём, выявляющий определённые тенденции в количественном соотношении анализируемых языковых единиц.

Результаты исследования

Зинаида Гиппиус – широко известный поэт, яркий представитель символизма в России. В своём творчестве она воплотила не только главные заветы данного литературного направления, но и передала в нём свои философские искания и окончательно утвердившиеся концепции. Анализ поэтического наследия автора в первую очередь выявляет идеологическую составляющую творчества З. Гиппиус, которая находит проявление в языковых единицах разных уровней.

Исследователи отмечают, что мировоззрение З. Гиппиус формировалось в переходный период в литературе и социо-политической обстановке страны, поэтому в творчестве поэта прослеживается эволюция авторской позиции в субъективном осмыслении и образном отражении окружающих предметов и явлений. Например, первую революцию З. Гиппиус восприняла с энтузиазмом и о царской власти писала негативно: *«Страшное, грубое, липкое, грязное, / Жёстко тупое, всегда безобразное, / Медленно рвущее, мелко-нечестное, / Скользкое, стыдное, низкое, тесное»* («Все кругом»); ко второй же она отнеслась с явным неприятием: *«Еще не изжито проклятие, / Позор небывалой войны, / Дерзайте! Поможет нам снять его / Свобода великой страны. / Пойдем в испытания встречные, / Пока не опущен наш меч»* («Юный март»).

В творчестве поэта прослеживаются сквозные мотивы – это мотивы смерти, печали, грусти, одиночества. Данные темы связаны непосредственно с жизненными проблемами З. Гиппиус, которая ещё в детстве была больна туберкулезом. Очевидно, это оказало особое влияние на позицию автора в решении многих вопросов и нашло отражение в поэтическом творчестве в разные периоды жизни. Уже в первой книге отмечается «рациональное отношение к миру и жизни» [Брюсов, 1973, с. 65]. Как отмечает В.А. Злобин, «всё, что она знает и чувствует в семьдесят лет, она уже знала и чувствовала в семь, не умея это выразить. «Всякая любовь побеждается, поглощается смертью», – записывала она в 53 года... И если она четырёхлетним ребенком так горько плачет по поводу своей первой любовной неудачи, то оттого, что с предельной остротой почувствовала, что любви не будет, как почувствовала после смерти отца, что умрёт» [Злобин, 1970, с. 71].

Настойчивое желание осознать вопросы бытия породило религиозную концепцию З. Гиппиус – это идея Третьего Завета и Богочеловеческой теократии. Таким образом, поэт осознаёт, что каждый стремится к единению с Богом, которое можно достичь лишь после смерти, но это стремление необходимо и возможно лишь при переходе из одного состояния в другое.

В религиозной концепции автора важное место отводится понятиям «триада» и «сверхчеловек». По мысли З. Гиппиус, «мировой процесс – есть, в вечной борьбе с небытием процесс восхождения, победа над смертью. Это задача, поставленная перед человечеством. Задача тройная – или триединая, так неразрывно связаны с ней три вопроса: 1) о Я (Личность), 2) о Ты (личная любовь), 3) о Мы (общество)» [Гиппиус, 1953, с. 107]. Таким образом, триада – это концепция перехода одного состояния в другое, позволяющая принять себя, истинную любовь и окружающих. Это «соприсутствие трёх начал, неразделимых и неслиянных, но составляющих единое целое» [Гиппиус, 2000, с. 177]. Пройдя весь этот путь, личность становится сверхчеловеком: «Религиозная идея, долженствующая быть основной для разрешения насущной проблемы социальной, есть Идея Духа. Как идея Бога-Отца в воплощении есть идея Сына, Логос – Единая Личность, Богочеловек, так идея Духа, в воплощении, может быть, должна дать истинным – соединение Личностей в богочеловеческую Общность – Царство Божие на земле» [Пахмусс, 1975, с. 79–96]. Так, поэт считает, что реальная жизнь – это путь, который человек должен пройти, чтобы достичь единения с Богом, а загробная – истинная жизнь, дарующая спокойствие.



Безусловно, отмеченные философские позиции отразились в поэтическом творчестве З. Гиппиус, поскольку, по ее мнению, именно поэзия больше, чем проза, позволяет ей передать своё мировосприятие и эмоциональное состояние [Гиппиус, 2001, с. 64]. В «Необходимом о стихах» она писала: «Каждый человек непременно молится или стремится к молитве, – все равно, сознает он это или нет, все равно, в какую форму выливается у него молитва и к какому Богу обращена. <...> Поэзия вообще, стихосложение в частности, словесная музыка – это лишь одна из форм, которую принимает в нашей душе молитва» [Гиппиус, 2001, с. 64]. Данная мысль, отражает понимание З. Гиппиус поэтического текста как способа обращения к Богу.

Выстраивая диалог с читателем, З. Гиппиус использует различные языковые средства, позволяющие усилить эффект, сделать акцент на определенном текстовом отрезке или оставить читателя наедине с мыслями. Среди них, на наш взгляд, особое место занимают конструкции экспрессивного синтаксиса, обладающие особым текстообразующим потенциалом.

Поэтический синтаксис З. Гиппиус отличается разнообразием конструкций и их функциональной предназначенностью. Среди многообразия синтаксических средств нами выделены наиболее частотные. Так, одной из отличительных черт поэтического синтаксиса З. Гиппиус является использование парцелляции, например: *«Идем – неведомо куда. / И ноша жизни, ноша крестная. / Чем далее, тем тяжелей...»* («Крик»).

Парцеллированные конструкции выполняют в поэтическом тексте особую функцию. Намеренное расчленение единой синтаксической структуры на сегменты направлено на акцентацию наиболее важных моментов предложения. Также важно обратить внимание на то, что З. Гиппиус, кроме точки, разделяющей высказывания на сегменты, использует свой авторский знак – тире, позволяющий не только акцентировать внимание на сказанном, но и несколько замедлить само повествование.

Собранный языковой материал свидетельствует, что парцеллированные конструкции в структуре поэтического текста автора выполняют различные функции:

1) используются для «фотофиксации» описываемого: *«И ветер, встав на миг единый, / Дождем дохнул – и в миг исчез. / Волокна серой паутины / Плывут и тянутся с небес»* («Пыль»); *«Рощи лимонные – и березовые, / Месяца тихий круг. / Зори Сицилии, зори розовые, – / Пенье таежных выюг»* («Вся») и др. [Гиппиус, 1999, с. 95–96, с. 216];

2) используются как зачин: *«Девочка в сером платьице... / Косы как будто из ваты... / Девочка, девочка, чья ты? / Мамина... Или ничья»* («Серое платьице»); *«Был человек. И умер для меня. / И, знаю, вспоминать о нем не надо / Концу всегда, как смерти, сердце радо, / Концу земной любви – закату дня»* («Ты любишь?») и др. [Гиппиус, 1999, с. 199, с. 91];

3) подчеркивают особое эмоциональное состояние: *«Побежало тесно, тучно, / Многоногое Оно. / Упоительно – и скучно. / Хорошо – и все равно»* («Оно»); *«Господь, Господь мой, Солнце, где Ты? / Душе плененной помоги! / Прорви туманные наветы, / О просияй! Коснись! Сожги...»* («Август») и др. [Гиппиус, 1999, с. 173, с. 170];

4) расширяют смысловое пространство: *«Шепчет весело: «И все ведь жили. / Смертный час пришел – и раздавили. / Взяли, раздавили – и конец. / Дай-ка мне четвертый леденец»* («А потом?»); *«По любви – восходит тварное / наверх, как по светлой дороге. / Темноту, слепоту – любовию / вокруг тварного я разрушу»* («Черненькому») и др. [Гиппиус, 1999, с. 188, с. 208].

В структуре стихотворения парцелляция наделяет текст особой прагматикой и семантикой, например, в стихотворении «Сентиментальное стихотворение» данный прием позволяет создать ассоциативную цепочку: абстрактная картина окружающей природы – читательское восприятие окружающего мира (конкретные цветы, цвета, ощущение от прикосновения к письму и т. д.):

*«Час одиночества укромный,
Снегов молчанье за окном,
Тепло... Цветы... Свет лампы томный –*

И письма старые кругом» («Сентиментальное стихотворение») [Гиппиус, 1999, с. 90].

Парцеллированные конструкции позволяют создать различные эффекты, например, создают ощущение достоверности сказанного в стихотворении «Втайне». Условно поэтический текст можно разделить на четыре части, в которых данный приём является основным стилистическим приёмом. В первых двух частях эффект реальности сказанного создается с помощью семантического (*«Сегодня имя твоё я **скрою**, / И вслух – другим – не назову»* («Втайне»)) и лексического (*тобою – тобой*) повтора, а парцелляция подчеркивает важность признания лирического героя. Следующие две части создают эффект приближения и отдаления объекта: *«На влажном небе Звезда огромней, / Дрожат – струясь – её края. / И в ночь смотрю я, и сердце помнит, / Что эта ночь – твоё, твоё! / Дай вновь увидеть родные очи, / Взглянуть в их глубь – и ширь – и синь»* («Втайне») [Гиппиус, 1999, с. 273]. С помощью парцеллированных конструкций автор замедляет ритм повествования. В пятой части используется эллипсис, который создаёт впечатление динамики. Таким образом поэт создаёт ощущение особой взволнованности лирического героя и расширяет пространство текста: *«И все жаднее, всё неуклонней / Оно зовет – одну – тебя. / Возьми же сердце мое в ладони, / Согрей, – утишишь, – утешь, любя...»* («Втайне») [Гиппиус, 1999, с. 273].

З. Гиппиус довольно часто использует риторические фигуры. Данный стилистический приём используется с целью передачи особого настроения лирического героя и эмоционального состояния автора. Риторический вопрос как стилистический приём в поэтических текстах поэта используется в стихотворениях, в которых автор рассуждает о любви, о современном состоянии России, жизненном и загробном пути.

Таким образом, вопросительное предложение используется с целью:

1) утверждения определённой мысли поэта: *«Плачут дети, томясь в испытании / И от голода еле дыша, / Неужель на такие страдания / Не откликнется наша душа? / Мы ль не слышим, что совестью велено?»* («Божий суд»); *«Сердце плачет? Кушай, кушай, / Сердце – враг, сердце – зверь»* («Малинка») и др. [Гиппиус, 1999, с. 258, с. 169];

2) отрицания описанного ранее: *«Тебе ли, Юному, тебе ли / Отцам и дедам подражать? / Они – не ты. Ты больше знаешь. / Тебе иное суждено»* («Молодому веку»); *«Мне достучаться надо, надо, / Мне надо отдыха и сна... / Ужель за подвиг нет награды? / Я чашу пил мою до дна...»* («Ограда») и др. [Гиппиус, 1999, с. 247, с. 120–121];

3) побудить читателя к дальнейшим размышлениям: *«Как ни живи – жизнь не ответит, / Разве жизнью смерть побеждается? / Сказано – смертью смерть побеждается, / Значит, на всех путях она встретит»* («Неизвестная»); *«О, почему Тебя любить / Мне суждено неодолимо? / Ты снишься мне иль, может быть, / Проходишь где-то близко, мимо»* («К ней») и др. [Гиппиус, 1999, с. 208–209, с. 144].

Риторическое обращение – подчеркнутое обращение для усиления выразительности речи – в поэзии З. Гиппиус является условным обращением к некоему обобщенному образу. Оно адресуется чаще всего несуществующему лицу, при этом используются абстрактная лексика, существительные во множественном числе, лексемы общего рода, например: *«Это, братья, война не военная, / Это, други, Господний наказ. / Наша родина, горькая, пленная, / Стонет, молит защиты у нас»* («Божий суд»); *«Душа, беги от искушенья, / Умей желать, – умей иметь»* («Иметь»); *«Одну тебя я принимаю, Смерть: / В тебе единой не пока – но вечность»* («Пока») и др. В роли обращения может выступать словосочетание, к примеру: *«Люблю недостижимое, / Чего, быть может, нет... / Дитя мое любимое, / Единственный мой свет!»* («Мешается, сливается...»); *«Расточитесь, духи непослушные, / Разомкнитесь, узы непокорные, / Распадитесь, подземелья душные»* («Заклинание») [Гиппиус, 1999, с. 258, с. 168, с. 237, с. 79–80, с. 173–174] и др.

В поэтических текстах автора также зафиксированы риторические восклицания, использующиеся поэтом как приём для передачи накала страстей. Восклицательное предложение, таким образом, усиливает эмоциональность высказывания и может иметь или положительную коннотацию («С любовью, о Боже, / Взглянул я на все: / **Ведь это – дорожке, / Ведь это – Твое!**» («Баллада»); «**Миг обещанья так прекрасен!** / Аньес... Не будь нетерпелива... / И удаление, и теснота / Равны – в обоих есть тревожность» («Поцелуй») и др.), или отрицательную коннотацию («**Тринадцать, темное число!** / Предвестье зол, насмешка, мщенье, / Измена, хитрость и паденье» («13»); «Как скользки улицы отвратные, / **Какая стыдь!** / Как в эти дни невероятные / **Позорно – жить!**» («Сейчас»); «**Эко диво, ну и страхи!** / **Вот так сила колдуна!** / Нет, в хламиде иль в рубахе – / Все одна тебе цена» («Реплика ведьмы») и др.) [Гиппиус, 1999, с. 77–78, с. 126, с. 129–130, с. 121, с. 298].

Одной из отличительных черт поэтического синтаксиса З. Гиппиус является *асиндетон*. Это особая стилистическая фигура, которая состоит в бессоюзном соединении предложений и компонентов предложения. Бессоюзие позволяет поэту придать повествованию особую динамику, при этом быстрая смена кадров даёт возможность передать смену самых разных чувств и эмоций лирического героя или же более детально осветить основную тему.

Например, в стихотворении «Вся» при описании Италии З. Гиппиус использует ряды однородных членов предложения, объединённых бессоюзной связью:

*«Милая, верная, от века Суженая,
Чистый цветок миндаля,
Божьим дыханьем к любви разбуженная,
Радость моя – Земля!
Рощи лимонные – и березовые,
Месяца тихий круг.
Зори Сицилии, зори розовые, –
Пенье таежных вьюг.
Даль неохватная и неистовая,
Серых болот туман –
Корсика призрачная, аметистовая
Вечером, с берега Канн.
Ласка нежданная, утоляющая
Неутолимую боль,
Шелест, дыханье, память страдающая,
Слез непролитых соль, –
Всю я тебя люблю, Единственная,
Вся ты моя, моя!
Вместе воскреснем, за гранью таинственную,
Вместе, – **и ты, и я!**» («Вся») [Гиппиус, 1999, с. 216].*

Заключение

Анализ синтаксических конструкций поэтических текстов З. Гиппиус позволил выявить наиболее частотные типы. Среди них в первую очередь необходимо назвать парцеллированные конструкции, функциональная предназначённость которых состоит в передаче особого эмоционального состояния лирического героя, в намеренном замедлении темпа повествования в соответствии с определённой художественной установкой, в акцентировании внимания читателя на наиболее важных и интересных моментах. С помощью таких конструкций поэт выстраивает свой диалог, стремится донести до читателя свои мысли, размышляет над волнующими вопросами бытия. Особенность парцеллированных конструкций, отмеченных в стихотворениях З. Гиппиус, состоит в том,

что автор отделяет парцелляты чаще всего с помощью тире, подчёркивая тем самым, как нам представляется, не только расчленение единой конструкции, но и взаимообусловленность выделяемых частей.

Риторические фигуры в поэзии З. Гиппиус используются преимущественно для передачи особого эмоционального состояния героя и автора, причём они могут иметь как положительные, так и отрицательные коннотации. Риторические обращения, как правило, не имеют конкретного адресата, что подтверждает обилие в поэзии абстрактной лексики. Риторические вопросы предназначены прежде всего для утверждения или отрицания определённой мысли, в отдельных случаях с помощью вопроса автор нацеливает читателя на размышления, активизирует его творческое воображение.

Активное использование асиндетона в поэтических текстах З. Гиппиус придаёт плавному повествованию особую динамику, создаёт высокую степень номинативной плотности.

Анализ языкового материала выявляет тесную взаимосвязь философских взглядов З. Гиппиус и средств языковой выразительности, которые являются языковым воплощением модели мира автора. Конструкции экспрессивного синтаксиса, наряду с другими языковыми средствами, оказывают воздействующий эффект на читателя, формируют его ценностное отношение к миру под влиянием установок автора.

Список источников

- Болотнова Н.С. 2007. Стилистический энциклопедический словарь русского языка. Под ред. М.Н. Кожинной. Москва, Флинта, 696 с.
- Болотнова Н.С., Котюрова М.П. 2014. Идиостиль, или Индивидуальный стиль. В кн.: Эффективное речевое общение (базовые компетенции). Словарь-справочник. Под редакцией А.П. Сковородникова. Красноярск, Сибирский федеральный университет: 175–178. URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_24548511_23457925.pdf (дата обращения: 18.07.2024).
- Брюсов В.Я. 1973. Собрание сочинений в семи томах. Том 1. Стихотворения 1892–1909. Москва, Художественная литература, 672 с. URL: <https://traumlibrary.ru/book/bryusov-ss07-01/bryusov-ss07-01.html> (дата обращения: 18.07.2024).
- Гиппиус З.Н. 1925. Искусство и любовь. Public Domain, 29 с. URL: <https://www.litres.ru/book/zinaida-gippius/iskusstvo-i-lubov-26121756/chitat-onlayn/> (дата обращения: 18.07.2024).
- Гиппиус З.Н. 1999. Стихотворения. Под ред. А.С. Кушнера. Санкт-Петербург, Академический проект, 592 с.
- Антон Крайний (Гиппиус З.Н.) 2000. Литературный дневник 1899–1907 годов. Москва, АГРАФ, 320 с.
- Гиппиус З.Н. 2000. Автобиографическая заметка. В кн.: Русская литература XX века, 1890–1910. Том 1. Москва, XXI век – Согласие: 171–175.
- Гиппиус З.Н. 2001. Собрание сочинений в 15 томах. Том 2. Сумерки духа: Роман. Повести. Рассказы. Стихотворения. Москва, Русская книга, 560 с.

Список литературы

- Алефиренко Н.Ф. 2005. Поэтическая картина мира и ее отражение в языковом знаке. В кн.: Текст и языковая личность. Сборник трудов IV Всероссийской научной конференции (Томск, 27–28 октября 2005 года). Под ред. Н.С. Болотновой. Томск, Томский государственный педагогический университет: 67–72.
- Виноградов В.В. 1963. Стилистика. Теория поэтической речи. Поэтика. Москва, Академия Наук СССР, 256 с.
- Винокур Г.О. 1990. Филологические исследования: Лингвистика и поэтика. Под ред. Г.В. Степанова, В.П. Перознака. Москва, Наука, 452 с.
- Злобин В.А. 1970. Тяжелая душа. О З.Н. Гиппиус. Вашингтон, Издание Русского книжного дела в США, Виктор Камкин, 140 с.
- Калинина Ю.М. 2009. Композиция художественного текста как средство выражения его антропоцентричности. Дис. ... канд. филол. наук. Елец, 217 с.



- Карасик В.И. 2007. Языковые ключи. Волгоград, Парадигма, 520 с.
- Котова А.Г. 2000. Прагмасемантические аспекты идиостиля Н.С. Гумилева (на материале поэтических произведений). Дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 211 с.
- Кухаренко В.А. 2019. Интерпретация текста. Москва, Флинта, 316 с.
- Лотман Ю.М. 1964. Лекции по структуральной поэтике. Вып.1 (Введение, теория стиха). *Ученые записки Тартуского государственного университета*. Вып. 160. *Труды по знаковым системам*, 1. Tartu, Тартуский государственный университет, 195 с.
- Лотман Ю.М. 1996. О поэтах и поэзии: Анализ поэтического текста. Статьи и исследования. Заметки. Рецензии. Выступления. Санкт-Петербург, Искусство-СПб, 848 с.
- Пахмусс Т. 1975. Зинаида Гиппиус – ее "Profession De Foi"/Zinaida Hippius: Her "Profession De Foi". *Russian Language Journal. Русский язык*, 29(102): 79–96. URL: <http://www.jstor.org/stable/43668352> (дата обращения: 18.07.2024).
- Солганик Г.Я. 2001. Стилистика текста. Москва, Флинта, Наука, 256 с.
- Тарасова И.А. 2012. Поэтический идиостиль в когнитивном аспекте. Москва, Флинта, 196 с.
- Курбатов Х.Р. 2002. Сүз сәнгате: Татар теленең лингвистик стилистикасы һәм поэтикасы. Казан, Мәгариф, 199 б.

References

- Alefirenko N.F. 2005. Poeticheskaya kartina mira i ee otrazhenie v yazykovom znake [The poetic picture of the world and its reflection in the linguistic sign]. In: *Tekst i yazykovaya lichnost'* [Text and linguistic personality]. Collection of works of the IV All-Russian scientific conference (Tomsk, October 27–28, 2005). Ed. N.S. Bolotnova. Tomsk, Publ. Tomskii gosudarstvennyi pedagogicheskii universitet: 67–72.
- Vinogradov V.V. 1963. Stilistika. Teoriya poeticheskoi rechi. Poetika [Stylistics. Theory of poetic speech. Poetics]. Moscow, Publ. Akademiya Nauk SSSR, 256 p.
- Vinokur G.O. 1990. Filologicheskie issledovaniya: Lingvistika i poetika [Philological studies: Linguistics and poetics]. Eds. G.V. Stepanov, V.P. Peroznak. Moscow, Publ. Nauka, 452 p.
- Zlobine V.A. 1970. A heavy soul. About Z.N. Gippius. Washington, the publication of Russian book business in the USA, Victor Kamkin, 140 p.
- Kalinina Yu.M. 2009. Kompozitsiya khudozhestvennogo teksta kak sredstvo vyrazheniya ego antropotsentrichnosti [Composition of a literary text as a means of expressing its anthropocentricity]. Diss. ... cand. philological sciences. Yelets, 217 p.
- Karasik V.I. 2007. Yazykovye klyuchi [Language keys]. Volgograd, Publ. Paradigma, 520 p.
- Kotova A.G. 2000. Pragmasemanticheskie aspekty idiostilya N.S. Gumileva (na materiale poeticheskikh proizvedenii) [Pragmatic-semantic aspects of N.S. Gumilev's idiostyle (based on poetic works)]. Diss. ... Cand. Philological Sciences. Volgograd, Publ. 211 p.
- Kukharenko V.A. 2019. Interpretatsiya teksta [Text interpretation]. Moscow, Publ. Flinta, 316 p.
- Lotman Yu.M. 1964. Lektsii po struktural'noi poetike [Lectures on structural poetics]. Iss. 1 (Vvedenie, teoriya stikha [Introduction, theory of verse]). *Tartu Riikliku Ülikooli toimetised*. Iss.160. *Trudy po znakovym sistemam*, 1. Tartu, Publ. Tartuskii gosudarstvennyi universitet, 195 p.
- Lotman Yu.M. 1996. O poetakh i poezii: Analiz poeticheskogo teksta. Stat'i i issledovaniya. Zametki. Retsenzii. Vystupleniya [About poets and poetry: Analysis of poetic text. Articles and research. Notes. Reviews. Speeches]. St. Petersburg, Publ. Iskusstvo-SPb, 848 p.
- Pakhmuss T. 1975. Zinaida Hippius: Her "Profession De Foi". *Russian Language Journal. Russkii yazyk*, 29(102): 79–96. URL: <http://www.jstor.org/stable/43668352> (accessed: July 18, 2024).
- Solganik G.Ya. 2001. Stilistika teksta [Text stylistics]. Moscow, Publ. Flinta, Nauka, 256 p.
- Tarasova I.A. 2012. Poeticheskii idiostil' v kognitivnom aspekte [Poetic idiostyle in the cognitive aspect]. Moscow, Publ. Flinta, 196 p.
- Kurbatov Kh.R. 2002. Syz sәngate: Татар теленең lingvistik stilistikasy һәм poetikasy [The Art of the Word: Linguistic Stylistics and Poetics of the Tatar Language]. Kazan, Publ. Mәgarif, 199 p.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.



Поступила в редакцию 29.07.2024
Поступила после рецензирования 04.09.2024
Принята к публикации 10.12.2024

Received July 29, 2024
Revised September 04, 2024
Accepted December 10, 2024

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Плотникова Лариса Ивановна, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русского языка и русской литературы историко-филологического факультета педагогического института, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, г. Белгород, Россия.

Францевская Екатерина Игоревна, аспирант кафедры русского языка и русской литературы историко-филологического факультета педагогического института, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, г. Белгород, Россия.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Larisa I. Plotnikova, Doctor of Philology, Professor, Professor of the Department of Russian Language and Russian Literature of the Faculty of History and Philology of the Pedagogical Institute, Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia.

Ekaterina I. Frantsevskaya, Postgraduate Student of the Department of Russian Language and Russian Literature of the Faculty of History and Philology of the Pedagogical Institute, Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia.



УДК 81'373.43:811.111

DOI 10.52575/2712-7451-2024-43-4-562-569

Современные политические неологизмы английского языка в аспекте словообразования

Полякова А.С.

Воронежский государственный университет,
Россия, 394018, г. Воронеж, Университетская пл., д. 1
alina.alina-i95ivanova@yandex.ru

Аннотация. Расширение словарного состава современного английского языка под воздействием определенных геополитических факторов указывает на многогранность механизмов внедрения новых слов и способов их образования. Совершенствование политических стратегий и инструментов воздействия на общественное сознание всецело отражается на текущих языковых тенденциях и происходит постоянно, при этом данная сфера лингвистики остается недостаточно исследованной. Цель исследования заключается в выявлении наиболее продуктивных моделей словообразования политических неологизмов на материале текстов американских СМИ. В качестве источника лексического материала выступили интернет-издания The New Yorker, Time, Politico, Sky News и др., а также Корпус современного американского английского языка (COCA) и официальные сайты Совета Европейского Союза, Европейского студенческого аналитического центра и Исследовательской службы Конгресса США. Исследование проводилось с помощью словообразовательного и семантического анализа отобранных лексем с учетом их морфологических и контекстуальных особенностей. В результате исследования выявлено 102 политических неологизма. Установлены наиболее продуктивный способ словообразования – телескопия (57%), а также наименее используемый вариант – аббревиация (2 %). Определены следующие особенности неологизмов: наличие оценочного компонента как ключевой характеристики персонифицированных неологизмов; преобладание неологизмов с негативной коннотацией, основанной на иронии и гротеске; существование тесной взаимосвязи словообразовательной модели со значением и коннотацией неологизма (добавление суффикса *-gate* или морфемы *x*), позволяющей реципиенту мгновенно считывать возможное значение неологизма с его графической формы без углубления в контекст.

Ключевые слова: политический неологизм, словообразование, телескопия, аффиксация, словосложение, аналогия, аббревиация, фразеологический неологизм

Для цитирования: Полякова А.С. 2024. Современные политические неологизмы английского языка в аспекте словообразования. *Вопросы журналистики, педагогики, языкознания*, 43(4): 562–569. DOI: 10.52575/2712-7451-2024-43-4-562-569

Contemporary English Political Neologisms in the Aspect of Word Formation

Alina S. Polyakova

Voronezh State University,
1 Universitetskaya Sq., Voronezh 394018, Russian Federation
alina.alina-i95ivanova@yandex.ru

Abstract. The expansion of the contemporary English vocabulary caused by some geopolitical factors outlines the complexity of the mechanisms responsible for introduction of new words and their formation. The emergence of new political strategies and manipulation tools that influence modern language

tendencies is a never-ending process, which is the reason why this field of linguistics is understudied. The research materials include online editions of *The New Yorker*, *Time*, *Politico*, *Sky News*, etc. Corpus of Contemporary American English (COCA), the official websites of the EU Council, European Student Think Tank, and the Congressional Research Service. The research methods combine word formation and semantic analysis of the gathered lexical units from the viewpoint of their morphological and contextual characteristics. The study has revealed 102 political neologisms of the mentioned period. Moreover, the word formation analysis has allowed to establish telescoping (57%) as the most efficient method of forming new words, and abbreviation (2%) – as the less common one. The peculiarities of political neologisms are as follows: the evaluation component is the core characteristic of the personalized neologisms; the prevailing political neologisms are ones with a negative connotation based on the irony and grotesque; there is a close connection between the word formation method and both the semantics and connotation of the neologism (ex. in case of adding *gate*-suffix, or *x* morpheme) that allows the recipient guess its definition without reference to the context.

Keywords: political neologism, word formation, telescoping, affixation, stem-composition, analogy, abbreviation, phraseological neologism

For citation: Polyakova A.S. 2024. Contemporary English Political Neologisms in the Aspect of Word Formation. *Issues in Journalism, Education, Linguistics*, 43(4): 562–569 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-7451-2024-43-4-562-569

Введение

Становление и развитие общества не происходит вне социально-политического, экономического и культурного контекстов, а, напротив, сопровождается планомерными и последовательными метаморфозами в каждой из упомянутых сфер. В результате этого, представляется возможным говорить об эволюции такого общества, его полномасштабном и всестороннем развитии. Немаловажно и то, что данный процесс напрямую затрагивает и язык, который по своей природе служит зеркалом той среды, в которой используется. Слова представляют собой языковую оболочку процессов и явлений, происходящих в том или ином обществе, и, как следствие, отражают текущую действительность во всем ее многообразии. Триггером для возникновения политических неологизмов служат определенные внутрисполитические и внешнеполитические процессы, в большей мере связанные с борьбой за власть и ее удержанием, а также оказанием воздействия на сознание реципиентов.

Т.А. Ван Дейк [1989, с. 112] в свое время упоминал о манипуляции как о ключевом инструменте воздействия на «политико-идеологический и интеллектуально-эмоциональный уровень реципиента» в процессе политической коммуникации. О манипулятивной функции политических текстов неоднократно писал и А.Г. Алтунян [2006], подчеркивая, что к основным стратегическим задачам таких текстов относятся привлечение внимания аудитории, убеждение аудитории в правильности точки зрения определенного политика, а также призыв к поддержке его позиции. В продолжение данной мысли, А.П. Миньяр-Белоручева также отмечает современную роль языка, выступающего в качестве «основного инструмента манипуляции сознанием масс» [Миньяр-Белоручева, 2012]. Стоит отметить, что в настоящее время наблюдается тенденция к повсеместному использованию языка манипуляции – в основе речевых манипулятивных схем лежит использование манипулятором различных неологизмов, метафор, эпитетов и т. д., что в конечном счете приводит к привлечению внимания аудитории и повышению ее заинтересованности в необходимом манипулятору вопросе [Ессина, 2020]. Для достижения вышеупомянутых целей, а также в рамках взаимодействия с потенциальной аудиторией политики нередко прибегают к нетривиальной методологии, ключевая роль в которой отводится языку.

Однако политика – не единственная сфера употребления политических неологизмов и продвижения их использования рядовыми гражданами. Медиатором во



взаимоотношениях политики и современного общества выступают средства массовой информации, которые, в частности, и способствуют распространению наиболее ярких лексических форм, а также устанавливают соответствующие языковые тренды.

Исследованиям взаимосвязи языка и политики посвящали свои научные работы такие лингвисты, как Е.И. Шейгал [2000], О.В. Корецкая [2016], С.К. Кубашичева и З.С. Хабекирова [2017], А.В. Самойлова [2023] и многие другие. Примечательно, что ключевым элементом взаимодействия данных категорий является возможность совершенствования языка, расширения значения имеющихся в нем понятий и внедрения новых. Изучением закономерностей обновления языка и возникновения в нем новых лексических образований занимается неология. В контексте рассмотрения неологии как науки принято упоминать о ее основных проблемах, одной из которых является изучение моделей образования новых слов и значений [Гак, 1978; Заботкина, 2012; Kadoch, 2013; Воробьева, 2019]. Так, к основным способам словообразования О.В. Дышекова [Дышекова, 2014] относит аффиксацию, конверсию, словосложение, аббревиацию. В свою очередь, Н.В. Чигина и Д.В. Десятова [2016] в дополнение к вышеперечисленному приводят сокращение, реверсию, звукоподражание, постпозитивацию, редупликацию и чередование звуков. К не менее продуктивной словообразовательной модели Р.Г. Гатауллин [2012] и Э. Маттиэлло [Mattiello, 2017] относят аналогию, с помощью которой создание нового слова представляется возможным путем замены одного из компонентов слова-исходника.

Вопросом поиска и определения наиболее успешных способов образования применительно к политическим неологизмам занимались многие отечественные исследователи, среди которых присутствует немало современных лингвистов [Васютина, 2014; Романенко, Шиманович, 2018; Шангараева и др., 2021; Ляшкевич, 2023; Самойлова, 2023]. Так, Е.В. Васютиной [2014] определены такие продуктивные словообразовательные модели: усечение основ (34,42 %), телескопия (28,69 %), аффиксация (22,12 %), основосложение (10,65 %). В.А. Романенко и А.Н. Шиманович [2018] установлено следующее процентное соотношение: сокращение – 45 % (где телескопия – 30 %, усечение – 11 %, аббревиация – 4 %), аффиксация – 33 %, словосложение – 15 %, конверсия – 7 %. В свою очередь, Л.Ф. Шангараева, Н.А. Депутатова и Н.П. Поморцева [2021] выявили следующую словообразовательную тенденцию: конверсия – 49 %, аффиксация – 19 %, словосложение – 18 %, сокращение – 11 %. Е.В. Ляшкевич [2023] также представил результаты исследования, в соответствии с которыми аффиксация составляет 35 %, словосложение – 27 %, сокращение – 26 % и конверсия – 12 %.

Несмотря на вышеприведенные результаты исследований, пополнение словарного состава английского языка происходит на постоянной основе, в соответствии с актуальными языковыми трендами, а потому представляется возможным говорить о недостаточности исследований современных политических неологизмов в английском языке.

Цель исследования заключается в изучении словообразовательных особенностей современных политических неологизмов английского языка и выявлении наиболее продуктивных моделей словообразования на материале текстов американских СМИ.

Объект и методы исследования

Объектом исследования являются современные политические неологизмы, появившиеся в английском языке в период с 2016 по 2023 год и рассматриваемые с точки зрения словообразовательной перспективы.

Материал исследования включает новые лексические единицы современного политического дискурса США. В качестве источника лексического материала выступили интернет-издания The New Yorker, Time, Politico, Sky News, Alaska Policy Forum, AP News, The Washington Post, CNN, Las Cruces Sun News, Fox Business, The Indian Express, Cycling Weekly, The Sun, Global Times, Reuters, The Irish Times, Fair Observer, Daily Express, Brexit

Institute, National Public Radio, The New York Sun, The Connexion, Teller Report, Forbes, The Tennessean, Daily Mail, Fortune, The Atlantic, а также Корпус современного американского английского языка (COCA) и официальные сайты Совета Европейского Союза, Европейского студенческого аналитического центра и Исследовательской службы Конгресса США.

Методы исследования включают словообразовательный и семантический анализ отобранных лексем с учетом их морфологических и контекстуальных особенностей.

Ошибочно полагать, что появление новых слов в том или ином языке в большей мере обусловлено их заимствованием из других языков. Главная роль в данном процессе отводится словообразованию, рассмотрение которого представляется возможным сразу с двух точек зрения: а) как совокупность способов образования новых лексем; б) как учение о способах образования новых лексем и структуре уже имеющихся слов [Ильина, Кибасова, 2012]. В рамках данной статьи под словообразовательным аспектом понимается именно система способов образования новых слов.

Результаты исследования

В рамках исследования отобраны и рассмотрены 102 лексические единицы, появившиеся с 2016 по 2023 год в рамках политического дискурса США. Проведенное исследование позволило установить, что в качестве наиболее продуктивного способа образования политических неологизмов выступила телескопия, частотность применения которой составила 57 %. К наиболее ярким примерам телескопии следует отнести такие лексемы как: *Troompa Loompa* (*Trump + Oompa Loompa*, 2016), *Trumpkin* (*Trump + munchkin*, 2016), *Trumpertantrum* (*Trump + temper + tantrum*, 2016), *Trumpophoria* (*Trump + o + euphoria*, 2016), *Bremain* (*Britain + remain*, 2016), *Brexhausted* (*Brexit + exhausted*), *Bidenflation* (*Biden + inflation*, 2021), *permacrisis* (*permanent + crisis*, 2021), *PanFaWar* (*Pandemic + Famine + War*, 2022), *fossilflation* (*fossil fuels + inflation*, 2022), *warflation* (*war + inflation*, 2022), *Tanke Schön* (*Tank + Danke Schön*, 2023).

Несмотря на то, что в основу последнего неологизма легло словосочетание на немецком языке, его употребление министром иностранных дел Литвы Г. Ландсбергисом для выражения благодарности Германии за предоставленные Украине немецкие танки получило широкий резонанс как в европейских, так и американских СМИ. Кроме того, достаточно широкий пласт новой лексики, образованной с помощью телескопии, составляют лексемы, обозначающие выход того или иного европейского государства из состава ЕС: *Polexit* (*Poland + exit*), *Frexit* (*France + exit*), *Spexit* (*Spain + exit*) и т. д. Исключением из данного списка является Чехия, предположительный выход из ЕС которой выглядит как *Czech-out* и рассматривается далее.

С помощью словосложения образовано 14 % отобранных лексических новообразований. Примечательно, что наиболее распространенными моделями словосложения являются следующие варианты:

N+N→N: *Trump Bump* (2017), *Bidenworld* (2020), *wokeland* (2021), *XY/XX individual* (2023);

N+N+N→N: «*Dump on Trump*» syndrome (2018);

N+prep.→N: *Czech-out* (2017);

N+Adj. → Adj.: *sperm-producing* (2023), *egg-producing* (2023).

Последний из представленных вариантов, равно как и лексемы *XY/XX individual*, содержат предложенные научным сообществом США и Канады эквиваленты понятий *man/woman*.

Стоит отметить, что частотность применения аффиксации для создания политических неологизмов составила 11 %, а к наиболее распространенным суффиксам следует отнести: -phobia: *Trumpophobia* (2016);



-gate: *Russiagate* (2017), *Ukrainegate* (2019), *Corvette-gate* (2023), *Garage-gate* (2023), *Document-gate* (2023);
-ization: *ukrainization* (2022), *depolonization* (2022);
-ism: *Trumpism* (2016), *wokeism* (2021);
-ology: *wokeology* (2017).

Отметим, что в рамках данного исследования неологизмы с суффиксом *-gate* рассматриваются как образованные с помощью аффиксации. Вместе с тем не исключается возможность их рассмотрения с точки зрения аналогии. Стоит отметить, что суффикс *-gate-* обладает негативной коннотацией, а политические неологизмы, образованные с его помощью, служат для обозначения либо создания отсылки к какому-либо скандалу или разбирательству: *Russiagate* (скандал 2017 года, связанный с обвинениями Д. Трампа в агентурных связях с Россией), *Ukrainegate* (скандал 2019 года, связанный с попытками Д. Трампа получить от Украины компрометирующие материалы на Дж. Байдена в обмен на финансовую помощь), *Corvette-gate*, *Document-gate* или *Garage-gate* (скандал 2023 года, связанный с обнаружением секретных материалов в гараже Дж. Байдена в штате Делавэр).

Несмотря на немногочисленность примеров чистой аналогии, данная категория так же имеет право на существование и насчитывает около 5 % от общей выборки. Из данной категории исключены неологизмы, которые по способу образования представлялось возможным отнести сразу к двум группам. В первую очередь стоит рассмотреть неологизм *Trump Derangement Syndrome* (2017), образованный по аналогии с *Bush Derangement Syndrome* (2003) и обозначающий массовый психоз, вызванный беспричинной ненавистью к Д. Трампу. Синонимом данного неологизма служит рассмотренный выше "*Dump on Trump*" syndrome. Не менее интересными примерами аналогии являются и лексические новообразования, связанные с действующим президентом США Дж. Байденом и основанные на образе «Брэндона», начало которому положил фразеологический неологизм *Let's go, Brandon!* Так, образованными по аналогии следует считать словосочетания *Dark Brandon* (2022) и *Brandon Falls* (2022). В качестве прообраза первого словосочетания выступает неологизм *Dark MAGA* (аббр. *Make America Great Again*) (2022), обозначающий «темную сторону» Д. Трампа. Так, семантика неологизма *Dark Brandon* содержит негативную коннотацию и включает в себе значение агрессивности Дж. Байдена в отношении политических оппонентов. В свою очередь неологизм *Brandon Falls* образован по аналогии с общепринятыми географическими названиями водопадов и обозначает точку на карте, где в июне 2022 г. Дж. Байден упал с велосипеда. Данный неологизм создан обычными пользователями Google Maps, иронично намекающими на несостоятельность Дж. Байдена в качестве президента США.

К весьма нетривиальной словообразовательной модели стоит отнести замену части лексемы. Данный способ словообразования широко распространен среди группы неологизмов гендерной политики США, а в рамках данного исследования насчитывает около 4 %. Суть данного способа заключается в элиминации родоопределяющих окончаний и их последующей замене морфемой *x*: *Latino/Latina*→*Latinx* (2022). В случае отсутствия подобных грамматических окончаний замене подвергаются отдельные части той или иной лексемы: *woman*→*womxn*; *girls*→*girlx* (2023). Стоит отметить, что нередко контексты употребления данных лексических единиц рожают окказиональные варианты уже существующих лексем с целью выражения иронии или же добавления гротеска, как, например, в статье интернет-издания *National Review*, посвященной участию супруги действующего президента США Джилл Байден в ежегодной конференции организации по защите прав испаноговорящего населения США – *LatinX IncluXion Luncheon*. В тексте данной публикации Джилл Байден подверглась критике и насмешкам со стороны СМИ, сменивших название мероприятия на – *LatinX IncluXion Luncheon FiaXco* и предложивших ряд «политически корректных» и инклюзивных лексем: *mea culpx*, *tacxs*, *bodegxs*, *San Antonix*, каждая из которых в рамках указанного контекста является примером анафорической референции слова-исходника и слова-аналога.

Менее 2 % от общей выборки представлено аббревиацией. В данном случае речь идет об аббревиатуре *MAGA* (2016) – *Make America Great Again*. Довольно широкое распространение данный слоган получил во время президентской кампании Д. Трампа в 2016 году.

Несмотря на немногочисленность группы фразеологических неологизмов, общий объем которых в рамках проведенного исследования составил 7 %, ее примеры являются не менее оригинальными. К подобным лексическим новообразованиям следует относить и персонифицированный образ «Брекзита» – *Mr. Brexit* (2016, 2020, 2022), в разное время ассоциированный с Б. Джонсоном, Н. Фараджем и даже Д. Трампом; и так называемый налог Путина, выражающийся в растущей инфляции в США – *Putin's tax* (2022); и *Biden weakness tax* (2022) – увеличение стоимости жизни американских граждан, спровоцированное решением Дж. Байдена о выводе войск из Афганистана; и независимые от российского импорта источники энергии, о которых в Европе упоминают как о *freedom energies* (2022); а также довольно известный слоган *Let's go Brandon* (2021).

Заключение

В ходе проведенного исследования выявлено и проанализировано 102 политических неологизма, появившихся в английском языке в промежуток с 2016 по 2023 год, а также 642 контекста их использования в западных СМИ. Анализ внешнеполитической и внутриполитической обстановки в западных и европейских странах способствовал ее рассмотрению в качестве триггера для расширения лексического состава английского языка. Словообразовательный анализ позволил установить, что наиболее продуктивной словообразовательной моделью является телескопия (57 %), наименее распространенной – аббревиация (2 %).

В ходе семантического анализа выбранных неологизмов выявлены их следующие особенности: ключевым компонентом рассмотренных неологизмов является оценка, чаще в тех случаях, если речь идет о персонифицированных неологизмах, основанных на образах Д. Трампа, Дж. Байдена и других политических фигур, что обусловлено референтным переносом общественного мнения; превалирующее число рассмотренных политических неологизмов обладает негативной коннотацией, основанной на иронии и гротеске; выбор словообразовательной модели при создании политического неологизма напрямую взаимосвязан с передаваемым им значением (добавление суффикса *-gate* или морфемы *x*) и его коннотацией, что на первоначальном этапе анализа информации позволяет реципиенту моментально считывать возможное значение неологизма с его графической формы без углубления в контекст.

Список литературы

- Алтунян А.Г. 2006. Анализ политических текстов. Москва, Университетская книга, Логос, 383 с.
- Ван Дейк Т.А. 1989. Язык. Познание. Коммуникация. Пер. с англ. яз. В.В. Петрова. Под ред. В.И. Герасимова. Москва, Прогресс, 312 с.
- Васютина Е.В. 2014. Особенности словообразования политических неологизмов в английском языке XXI в. *Известия Воронежского государственного педагогического университета*, 1(262): 247–249.
- Воробьева И.А. 2019. Понятие «неологизм», классификация неологизмов в английском языке. *Вестник Хабаровского государственного университета экономики и права*, 3(101): 158–166.
- Гак В.Г. 1978. О современной французской неологии. В кн.: Новые слова и словари новых слов. Под ред. Н.З. Котеловой. Ленинград, Наука: 37–52.
- Гатауллин Р.Г. 2012. Некоторые вопросы словообразования по аналогии. *Вестник Башкирского университета*: 17(1–1): 475–479.
- Дышекова О.В. 2014. К вопросу о пополнении словарного состава современного английского языка. *Гуманитарные и социальные науки*, 2: 539–542.



- Ессина И.Ю. 2020. Роль неологизмов в политическом дискурсе. *Russian Linguistic Bulletin*, 3(23): 9–13. DOI: [10.18454/RULB.2020.23.3.28](https://doi.org/10.18454/RULB.2020.23.3.28)
- Заботкина В.И. 2012. Слово и смысл. Под ред. Е.С. Кубряковой. Москва, Издательский центр РГГУ, 431 с.
- Ильина А.Н., Кибасова С.Г. 2012. Словообразование в современном английском языке. Санкт-Петербург, Издательство Санкт-Петербургского государственного университета экономики и финансов, 90 с.
- Корецкая О.В. 2016. Роль неологизмов в современной общественно-политической лексике английского языка. *Преподаватель XXI век*, 3–2: 307–314.
- Кубашичева С.К., Хабекирова З.С. 2017. Современные тенденции развития политической коммуникации. *Вестник Адыгейского государственного университета. Серия: Филология и искусствоведение*, 4(207): 97–100.
- Ляшкевич Е.В. 2023. Неологизмы в общественно-политическом словаре: способы образования и перевод. В кн.: 79-я научная конференция студентов и аспирантов Белорусского государственного университета. Материалы конференции (Минск, 10–21 мая 2022 года): В 3 ч. Ч. 2. Под ред. В.Г. Сафонова. Минск, Белорусский государственный университет: 507–510.
- Миньяр-Белоручева А.П. 2012. К проблеме создания политических неологизмов. *Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Лингвистика*, 25(284): 32–37.
- Романенко В.А., Шиманович А.Н. 2018. Способы словообразования неологизмов политической сферы в современном английском языке. *Бюллетень науки и практики*, 7: 549–554. DOI: [10.5281/zenodo.1312473](https://doi.org/10.5281/zenodo.1312473)
- Самойлова А.В. 2023. Англоязычные политические неологизмы: от семантики к прагматике использования. *Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация*, 1: 145–159. DOI: [10.25205/1818-7935-2023-21-1-145-159](https://doi.org/10.25205/1818-7935-2023-21-1-145-159)
- Чигина Н.В., Десятова Д.В. 2016. Неологизмы в английском языке. *Символ науки*, 10–3(22): 90–93.
- Шангараева Л.Ф., Депутатова Н.А., Поморцева Н.П. 2021. Образование неологизмов в медиаполитическом дискурсе современного английского языка. *Филологические науки. Вопросы теории и практики*, 7: 2151–2156. DOI: [10.30853/phil210320](https://doi.org/10.30853/phil210320)
- Шейгал Е.И. 2000. Семиотика политического дискурса. Дис. ... докт. филол. наук. Волгоград, 431 с.
- Kadoch M. 2013. Neologisms in British Newspapers. South Bohemia, Lambert Academic Publishing, 92 p.
- Mattiello E. 2017. Analogy in Word-formation: A Study of English Neologisms and Occasionalisms. De Gruyter Mouton, 247 p.

References

- Altunyan A.G. 2006. Analiz politicheskikh tekstov [Analysis of political texts]. Moscow, Publ. Universitetskaya kniga, Logos, 383 p.
- Van Deik T.A. 1989. Yazyk. Poznanie. Kommunikatsiya [Language. Cognition. Communication]. Per. from English V.V. Petrov. Ed. V.I. Gerasimov. Moscow, Publ. Progress, 312 p.
- Vasyutina E.V. 2014. Specific features of english political neologisms' word-formation in the XXI century. *Izvestia Voronezh State Pedagogical University*, 1(262): 247–249 (in Russian).
- Vorob'eva I.A. 2019. Ponyatie «neologizm», klassifikatsiya neologizmov v angliiskom yazyke [The concept of "neologism", classification of neologisms in the English language]. *Vestnik Khabarovskogo gosudarstvennogo universiteta ekonomiki i prava*, 3(101): 158–166.
- Gak V.G. 1978. O sovremennoi frantsuzskoi neologii [On modern French neology]. In: Novye slova i slovari novykh slov [New words and dictionaries of new words]. Ed. N.Z. Kotelova. Leningrad, Publ. Nauka: 37–52.
- Gataullin R.G. 2012. Nekotorye voprosy slovoobrazovaniya po analogii [Some issues of word formation by analogy]. *Vestnik Bashkirskogo Universiteta*, 17(1–1): 475–479.
- Dyshekova O.V. 2014. K voprosu o popolnenii slovarnogo sostava sovremennogo angliiskogo yazyka [On the issue of replenishing the vocabulary of the modern English language]. *Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*, 2: 539–542.
- Essina I.Yu. 2020. The role of neologisms in political discourse. *Russian Linguistic Bulletin*, 3(23): 9–13 (in Russian).
- Zabotkina V.I. 2012. Slovo i smysl [Word and Meaning]. Ed. E.S. Kubryakova. Moscow, Publ. Izdatel'skii tsentr RGGU, 431 p.

- Il'ina A.N., Kibasova S.G. 2012. Slovoobrazovanie v sovremennom angliiskom yazyke [Word formation in modern English]. St. Petersburg, Publ. Izdatel'stvo Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta ekonomiki i finansov, 90 p.
- Koretskaya O.V. 2016. The role of neologisms in contemporary sociopolitical vocabulary of the english language. *Prepodavatel XXI vek*, 3–2: 307–314 (in Russian).
- Kubashicheva S.K., Khabekirova Z.S. The current trends of development of political communication. *Bulletin of the Adyge State University. Series: Philology and the Arts*, 4(207): 97–100 (in Russian).
- Lyashkevich E.V. 2023. Neologizmy v obshchestvenno-politicheskom slovare: sposoby obrazovaniya i perevod [Neologisms in the socio-political dictionary: methods of formation and translation]. In: 79-ya nauchnaya konferentsiya studentov i aspirantov Belorusskogo gosudarstvennogo universiteta [79th scientific conference of students and postgraduates of the Belarusian State University]. Conference materials (Minsk, May 10–21, 2022): In 3 parts. Part 2. Ed. V.G. Safonov. Minsk, Publ. Belorusskii gosudarstvennyi universitet: 507–510.
- Miniar-Beloroutcheva A.P. 2012. On coining political neologisms. *Bulletin of South Ural State University. Series: Linguistics*, 25(284): 32–37 (in Russian).
- Romanenko, V.A., Shimanovich, A.N. 2018. Ways of word formation of political neologisms in modern English. *Bulletin of Science and Practice*, 4(7): 549–554 (in Russian).
- Samoylova A.V. 2023. English Political Neologisms: From Semantics to Pragmatics of Usage. *Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 1: 145–159 (in Russian). DOI: [10.25205/1818-7935-2023-21-1-145-159](https://doi.org/10.25205/1818-7935-2023-21-1-145-159)
- Chigina N.V., Desyatova D.V. 2016. Neologizmy v angliiskom yazyke [Neologisms in the English language]. *Simvol nauki*, 10–3(22): 90–93.
- Shangaraeva L.F., Deputatova N.A., Pomortseva N.P. 2021. Formation of Neologisms in Media-Political Discourse of the Modern English Language. *Philology. Theory & Practice*, 7: 2151–2156 (in Russian). DOI: [10.30853/phil210320](https://doi.org/10.30853/phil210320)
- Sheigal E.I. 2000. Semiotika politicheskogo diskursa [Semiotics of political discourse]. Dis. ... Doct. of Philol. Sciences. Volgograd, 431 p.
- Kadoch M. 2013. Neologisms in British Newspapers. South Bohemia, Lambert Academic Publishing, 92 p.
- Mattiello E. 2017. Analogy in Word-formation: A Study of English Neologisms and Occasionalisms. De Gruyter Mouton, 247 p.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию 05.09.2024

Поступила после рецензирования 30.09.2024

Принята к публикации 10.12.2024

Received September 05, 2024

Revised September 30, 2024

Accepted December 10, 2024

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Полякова Алина Станиславовна, соискатель кафедры теоретической и прикладной лингвистики факультета романо-германской филологии, Воронежский государственный университет, г. Воронеж, Россия.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Alina S. Polyakova, Applicant at the Department of Theoretical and Applied Linguistics of the Faculty of Romano-Germanic Philology, Voronezh State University, Voronezh, Russia.



УДК 81'42

DOI 10.52575/2712-7451-2024-43-4-570-580

Спейсмены в проксемной сравнительно-сопоставительной модели фонового терминала когнитивных сцен в романах Г. Джеймса «Крылья голубки» и «Бостонцы»

Тугуз Т.Р.

Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Россия, 308015, Белгород, ул. Победы, д. 85

tuguz@bsuedu.ru

Аннотация. Когнитивно-герменевтический анализ концептосфер двух романов одного автора позволил определить высокую частотность когнитивных сцен, лингвистический анализ которых показал высокую частотность спейсмен как одного из типов проксем. Сравнительно-сопоставительный анализ выявленных спейсмен позволил представить этот тип проксем в качестве сегмента проксемной сравнительно-сопоставительной модели фонового терминала когнитивных сцен в текстах романов Г. Джеймса «Крылья голубки» и «Бостонцы». Определено, что спейсмены как единицы, состоящие из имени существительного с предлогом, семантика которых маркирует пространство, занимают по частотности второе место среди проксем в фоновых терминалах когнитивных сцен. Определена степень активности функционирования проксемных сравнительно-сопоставительных моделей, выявленных в когнитивных фоновых терминалах, в которых превалирует такой тип спейсмен, как конструкции, обозначающие местонахождение человека в художественном пространстве. Сделан вывод о преобладании спейсмен, обозначающих местонахождение человека в пространстве. Перспектива данного исследования заключается в дальнейшем углублении теории когнитивной лингвистики в аспекте когнитивного моделирования текстовых конструкторов.

Ключевые слова: художественный текст, проксемная сравнительно-сопоставительная модель, информационный терминал, когнитивная сцена, проксема, спейсмена, фоновый терминал

Для цитирования: Тугуз Т.Р. 2024. Спейсмены в проксемной сравнительно-сопоставительной модели фонового терминала когнитивных сцен в романах Г. Джеймса «Крылья голубки» и «Бостонцы». *Вопросы журналистики, педагогики, языкознания*, 43(4): 570–580. DOI: 10.52575/2712-7451-2024-43-4-570-580

Spacenames in the Cognitive Scene in Henry James's "The Bostonians" and "The Wings of the Dove"

Tamara R. Tuguz

Belgorod State National Research University,
85 Pobeda St, Belgorod 308015, Russian Federation

tuguz@bsuedu.ru

Abstract. The article deals with a taxonomic proximal comparative model of spacenames in the background terminals of cognitive scenes in H. James's novels. We conducted a comparative analysis of the identified spacenames. It allowed us to present this proxeme type as a segment of a proximal comparative model of the cognitive scenes background terminal. The study revealed a high frequency of cognitive scenes in H. James's works. Spacenames are the second most common type of proxemes in cognitive scenes. A proximal comparative model of the background terminals of cognitive scenes in both

© Тугуз Т.Р., 2024

works is constructed, where spacenames indicating the location of a person in space are the prevailing type of proxemes. The theoretical and practical significance lies in determining the specifics of the construction of cognitive scenes in the literary world of H. James's novels in a detailed description of spacenames as proxemes that form the literary space.

Keywords: literary text, proximal comparative model, information terminal, cognitive scene, proxeme, spacename, background terminal

For citation: Tuguz T.R. 2024. Spacenames in the Cognitive Scene in Henry James's "The Bostonians" and "The Wings of the Dove". *Issues in Journalism, Education, Linguistics*, 43(4): 570–580 (in Russian). DOI: 10.52575/2712-7451-2024-43-4-570-580

Введение

Одним из главных вопросов современной лингвистики является всестороннее изучение архитектоники художественного текста на основе интерпретационного исследовательского подхода, который представляет собой одно из активно развивающихся направлений в современном языкознании. Интерпретация языковых и речевых конструкторов позволяет проникнуть в их структуру и вскрыть особенности функционирования. Языковые конструкторы в этом случае интерпретируются в соответствии с четырьмя языковыми уровнями, в то время как речевые конструкторы интерпретируются с учетом их жанровой текстовой принадлежности.

Текст – это «информационно самостоятельное речевое сообщение» [Кубрякова, 2001, с. 73]. Текст как формат накопления и хранения информации функционирует в соответствии с параметрами, заданными его жанром. И.Р. Гальперин обращает внимание на тот факт, что текст состоит из «ряда особых единиц (сверхфразовых единств), объединенных разными типами лексической, грамматической, логической, стилистической связи» [Гальперин, 2020, с. 18]. Ученый также отмечает, что важной чертой текста является его завершенность, которая является функцией замысла. Выстраиваемые в этом случае текстовые связи также предопределены жанровыми текстовыми характеристиками. Текст может не только создаваться под влиянием жанровых параметров, но и быть культурно-маркированным.

В качестве явления культуры текст рассматривается лингвистами в формате художественного текста. В отличие от Е.С. Кубряковой и И.Р. Гальперина, для Ю.М. Лотмана художественный текст интерпретируется как «сообщение на языке искусства» [Лотман, 1992, с. 129], обладающее целостностью, «поскольку каждое последующее предложение в тексте опирается на предыдущее» [Левченко, Соловьев, 2023, с. 172]. Данный интерпретативный подход к пониманию текста выявляет принципы функционирования текста. Его основными функциями являются эстетическая и коммуникативная. Эстетическая функция художественного текста реализуется в процессе передачи культурной специфики описываемого в произведении социума через призму авторской интенции. Коммуникативная функция реализуется в процессе передачи текстового информационного кода в плоскости восприятия читателем-адресатом или читателем-реципиентом при том, что параметры читателя-адресата принимаются во внимание писателем при создании формата художественного текста, в то время как параметры читателя-реципиента писателю неизвестны, поэтому значим тот факт, что текст представляет собой «комплексное когнитивно-дискурсивное образование линейного характера» [Огнева, Кузьминых, 2014, с. 5]. Именно линейность развертывания событий привлекает как читателя-адресата, так и читателя-реципиента. С точки зрения когнитивной лингвистики художественный текст состоит из «единиц концептуального содержания» [Болдырев, 2016, с. 18]. Художественные концепты, присущие идиостилю определенного автора, образуют авторскую художественную концептосферу. Когнитивно-дискурсивный



характер художественной концептосферы способствует осуществлению коммуникативной функции текста, о которой говорилось выше.

Существуют различные определения термина «концепт». Например, С.Г. Воркачев определяет концепт как «синоним понятия» [Воркачев, 2003, с. 268], тогда как по В.И. Карасику концепт – это «ментальное образование, сформировавшееся на базе понятийно-ценностного признака» [Карасик, 2004, с. 6]. По мнению С.А. Аскольдова [2002, с. 91], концепты делятся на две группы: познавательные и художественные. Познавательные концепты имеют понятийную природу и являются схематичными. Художественные концепты являются диалогичными, связанными с множеством значимых точек зрения и обладают образностью и символичностью.

Исследование архитектуры художественной концептосферы показывает, что одним из универсальных концептов является художественный концепт ПРОСТРАНСТВО, отражающий авторскую картину мира. Результаты ранее проведенного исследования показали высокую частотность номинантов данного художественного концепта в архитектонике текстовых когнитивных сцен как конструкторов, описывающих «взаимодействие двух и более коммуникантов» [Тугуз, 2021, с. 105].

Существует два типа когнитивных сцен. Если сцена содержит в себе информативный терминал, фоновый терминал и маркеры коммуникантов, то она называется четырехтерминальной. Однако в архитектонике художественных произведений выявлены сцены, не имеющие фонового терминала, что позволяет их рассматривать в качестве трехтерминальных [Огнева, Кузьминых, 2014, с. 6]. Рассмотрение концептосфер романов «Бостонцы» и «Крылья голубки» в данном исследовании базируется только на интерпретации фоновых терминалов четырехтерминальных когнитивных сцен.

Изучение архитектуры фонового терминала текстовых когнитивных сцен художественных концептофер указанных романов выявило следующий спектр маркеров невербального кода коммуникации: хронемы, проксеммы, такемы, кинемы, сенсеммы. В данном спектре маркеров представляют интерес проксема, т. е. «единица пространства, обладающая физическими параметрами» [Нелюбин, 2003, с. 169].

Е.А. Огневой предложена следующая классификация проксем: «1) слова и конструкции, семантика которых маркирует художественное пространство, 2) глаголы движения, 3) топонимы, 4) пейзажные единицы» [Огнева, 2022, с. 40]. Изучение конструкции, в которой семантика определяет художественное пространство, позволило определить среди них «спейснем», под которым подразумевается «словосочетание, состоящее из существительного и предлога, характеризующее местонахождение героя произведения или месторасположение предмета» [Тугуз, 2022, с. 130].

Цель исследования – построение таксономической проксемной сравнительно-сопоставительной модели художественного пространства в фоновых терминалах, входящих в состав динамических когнитивных конструкторов, а именно когнитивных сцен, выявленных в архитектонике романов Г. Джеймса «Крылья голубки» и «Бостонцы».

Объект и методы исследования

Объектом проводимого исследования является проксемная составляющая когнитивно-дискурсивного формата художественных произведений Г. Джеймса, а именно романа "The Wings of the Dove", опубликованного в 1902 году и романа "The Bostonians", опубликованного в 1885–1886 годах.

В работе применен метод когнитивно-герменевтического анализа, заключающийся в «осмыслении и истолковании исследуемых лексических единиц и концептов» [Даниленко, 2021, с. 28], что в совокупности «объективируется в материальной данности текста» [Щирова, 2020, с. 142], который позволяет выявить такие динамические когнитивные конструкторы, как текстовые когнитивные сцены. Был проведен метод лингвистического анализа текстов романов с целью выявления номинантов проксемной составляющей

в соответствии с вышеизложенной классификацией текстовых проксем. Также применен количественный метод, позволивший определить шкалу частотности текстовых проксем в каждом из двух романов и выявить как преобладающие текстовые проксем, так и низкочастотные текстовые проксем. Наряду с лингвистическим анализом и количественным анализом был применен сравнительно-сопоставительный анализ проксемной составляющей двух романов, нацеленный на выявление степени совпадения/несовпадения тенденций употребления текстовых проксем в двух романах одного и того же автора.

Результаты и обсуждение

При построении сравнительно-сопоставительной модели проксем в фоновых терминалах текстовых когнитивных сцен был применен авторский интерпретативный алгоритм проксемных маркеров фонового терминала когнитивной сцены:

1-й этап: выбор одножанровых текстов, написанных одним автором, в качестве материала исследования. Для данного исследования были выбраны два произведения писателя Г. Джеймса: «Бостонцы» ("The Bostonians") и «Крылья голубки» ("The Wings of the Dove").

2-й этап: выявление динамичных текстовых конструктов – когнитивных сцен – посредством когнитивно-герменевтического анализа. В исследуемых романах определена высокая частотность таких динамических конструктов, как текстовые когнитивные сцены, среди которых преобладают четырехтерминальные конструкты.

3-й этап: классификация проксем как номинантов фонового терминала по четырем группам посредством семантического анализа. В обоих текстах романов выявлены 4 типа проксем: наиболее частотны спейсмены, затем глаголы движения, топонимы и менее частотны пейзажные единицы.

4-й этап: формирование шкалы частотности проксем на основе выявления преобладающего типа проксем посредством количественного анализа единиц четырех типов. Определена следующая шкала частотности проксем: в романе «Бостонцы» глаголы движения высокочастотны, спейсмены среднечастотны, топонимы частотны ниже среднего, пейзажные единицы низкочастотны; в романе «Крылья голубки» глаголы движения высокочастотны, спейсмены среднечастотны, пейзажные единицы частотны ниже среднего, топонимы низкочастотны. Очередность перечисленных типов проксем (см. таблицу) обусловлена их частотностью в первом исследуемом романе «Крылья голубки».

5-й этап: структурная характеристика проксем каждого типа.

В данной работе охарактеризованы только среднечастотные проксем, а именно спейсмены.

Спейсмены в проксемной сравнительно-сопоставительной модели

1. Спейсмены в архитектонике фонового терминала когнитивных сцен (Г. Джеймс «Крылья голубки»).

Проведенное ранее исследование показало, что «наиболее частотным типом проксем в романе «Крылья голубки» являются глаголы движения. Спейсмены – 2-й по частотности тип проксем после глаголов движения. На 3-м месте находятся пейзажные единицы, на 4-м – топонимы» [Тугуз, 2022, с. 130] (рис. 1).

Проведенное ранее исследование выявило 2 группы проксем-спейсмен:

«1) спейсмены, обозначающие местонахождение человека в пространстве;

2) спейсмены, обозначающие месторасположение предмета в пространстве» [Тугуз, 2022, с. 130]. В романе Г. Джеймса «Крылья голубки» наиболее распространенным типом спейсмен являются спейсмены, «обозначающие местонахождение человека в пространстве» [Тугуз, 2022, с. 130].

Частотность проксем в романах «Крылья голубки» и «Бостонцы»
The frequency of proxemes in the novels "The Wings of the Dove" and "The Bostonians"

Проксема	Показатель частотности	
	«Крылья голубки» "The Wings of the Dove"	«Бостонцы» "The Bostonians"
Глагол движения	42	51
Спейснем	39	46
Пейзажная единица	10	11
Топоним	7	26

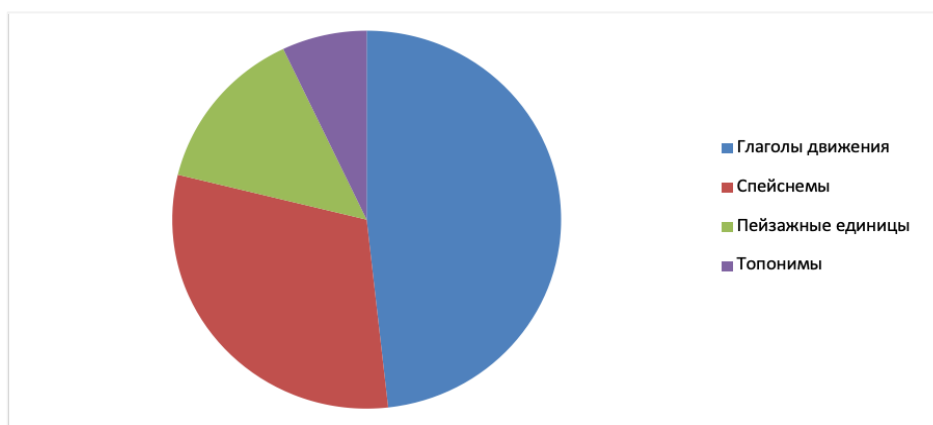


Рис. 1. Частотность проксем в романе «Крылья голубки»
Fig. 1. The frequency of proxemes in the novel "The Wings of the Dove"

2. Спейснем в фоновом термине когнитивных сцен (Г. Джеймс «Бостонцы»)

Установлено, что в романе Г. Джеймса «Бостонцы» среди проксем преобладают глаголы движения. Вторыми по частотности являются спейснем. На 3-м месте находятся топонимы, на 4-м – пейзажные единицы (рис. 2).

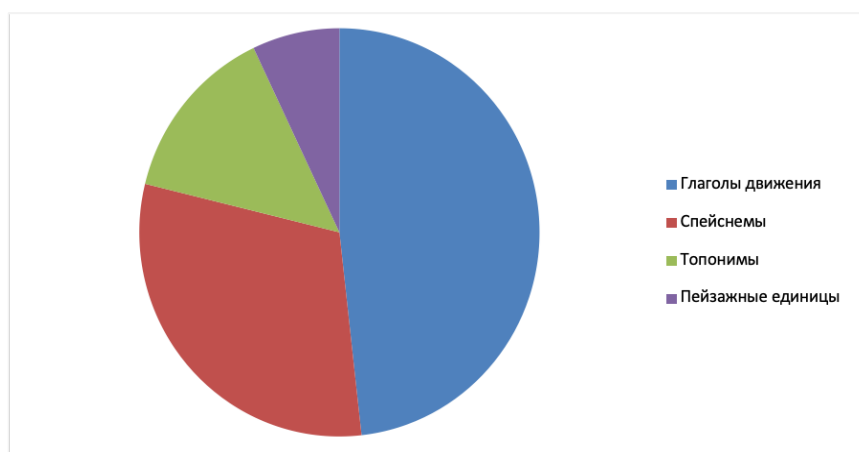


Рис. 2. Частотность проксем в романе «Бостонцы»
Fig. 2. The frequency of proxemes in the novel "The Bostonians"

В фоновых терминалах когнитивных сцен романа «Бостонцы» так же, как и в романе «Крылья голубки», были выявлены 2 группы спейснем:

- 1) спейснемы, обозначающие местонахождение человека в пространстве;
- 2) спейснемы, обозначающие месторасположение предмета в пространстве.

Превалирующей группой являются спейснемы, обозначающие местонахождение человека в пространстве.

Данные группы спейснем отражены в нижеприведенных контекстах.

Согласно исследованию, в романе выявлено сопряжение спейснем с другими маркерами невербального кода коммуникации (кинемами, хронемами и т.д.).

В рассматриваемых примерах применяются условные обозначения: ФТ – фоновый терминал как совокупность информации, на фоне которой происходят события, ИИ – информационный импульс как совокупность информации, исходящей от коммуникантов в процессе реализации сценарного динамического когнитивного конструкта, С – спейснema-проксема; римскими цифрами маркирована очередность реализации информа-ционных импульсов.

Спейснema, обозначающая местонахождение человека в пространстве

Пример 1. (ИИ I) *Do you mean to say your sister's a roaring radical?*

(ИИ II) *A radical? She's a female Jacobin – she's a nihilist.*

(ФТ) *...The young man vaguely, sinking back in his chair (C) with his arms folded* [James, 2022, p. 3].

В рассматриваемой сцене говорится о двух коммуникантах – миссис Луне и Бэзиле Рэнсоне. В фоновом терминале сцены, который следует за 2-м информационным импульсом, выявлена проксема «in chair», а именно спейснema. Данная спейснema обозначает местонахождение одного из коммуникантов – Бэзила Рэнсома. В рассматриваемом фоновом терминале спейснema сопряжена с двумя кинемами «sinking back» и «with his arms folded», которые в совокупности со спейснемой передают глубину эмоционального возбуждения героя произведения, то есть спейснema и две кинемы формируют эмотивную конструкцию.

Спейснema, обозначающая местонахождение человека в пространстве

Пример 2. (ИИ I) *Are you against our emancipation?*

(ИИ II) *Do you mean your voting and preaching and all that sort of thing?*

(ФТ) *He stood at the door (C) with an extended hand* [James, 2022, p. 10].

В рассматриваемой сцене выявлено два коммуниканта – Олив Чанселлор и Бэзил Рэнсом. В фоновом терминале сцены, который следует за 2-м информационным импульсом, выявлена проксема-спейснema at the door в сочетании с кинемой with an extended hand (с протянутой рукой (чтобы помочь молодой леди). В данном контексте сочетание спейснемой и кинемы в фоновом терминале маркируют невербальную коммуникацию, в которой спейснema обозначает местонахождение одного из коммуникантов – Бэзила Рэнсома.

Спейснema, выражающая месторасположение предмета в пространстве

Пример 3. (ИИ I) *I don't know German.*

(ИИ II) *We will work at it together – we will study everything. (ФТ) The peaceful picture hung before her of still winter evenings under the lamp, with falling snow outside, and tea on a little table* [James, 2022, p. 37].

В рассматриваемой сцене говорится о двух коммуникантах – Верене Таррант и Оливе Чанселлор. В фоновом терминале сцены, следующим за 2-м информационным импульсом, выявлена спейснema on a little table. Данная спейснema обозначает месторасположение чая на столе. Также в контексте выявлена метафорично маркированная спейснema under the lamp в сочетании с обобщающей хронемой winter evenings в конструкции «зимние вечера под лампой». Описываемый с применением двух спейснем уют синергичен погоде за окном, где тихо падает снег и нет метели, нет зимнего холодного ветра.

Спейснema, выражающая месторасположение предмета в пространстве

Пример 4. (III I) *Where do you live?* (ФТ) ...*The horse-cars passed just **near their door*** (С).

(III II) «*Will you come very soon?*» (III III) «*Oh yes, she would come very soon*», (ФТ) «*repeated the number in **Charles Street***» [James, 2022, p. 37].

В рассматриваемой сцене говорится о двух коммуникантах – Верене Таррант и Оливе Чанселлор. В первом фоновом терминале сцены, который расположен между 1-м коммуникативным импульсом и 2-м, выявлена проксема-спейснema *near their door*. Данная спейснema обозначает месторасположение неодушевленного предмета (транспорта) в пространстве города перед дверью жилья, то есть месторасположение в конкретной точке перед персонифицированным пространством, тогда как во втором фоновом терминале после второго коммуникативного импульса указана спейснema *in Charles Street*, в составе которой выявлен топоним *Charles Street*.

3. *Сравнительно-сопоставительный срез проксеменной составляющей в фоновых терминалах текстовых когнитивных сцен рассматриваемых двух романов*

Согласно результатам исследования, во-первых, текстовые когнитивные сцены в романах «Крылья голубки» и «Бостонцы» обладают высокой частотностью. Во-вторых, в обоих романах преобладают глаголы движения, далее следуют спейснемы.

В романе «Крылья голубки» пейзажные единицы на 3-м месте по частотности, а топонимы – на 4-м месте, в то время как в романе «Бостонцы» топонимы на 3-м месте по частотности, а пейзажные единицы – на 4-м (рис. 3):

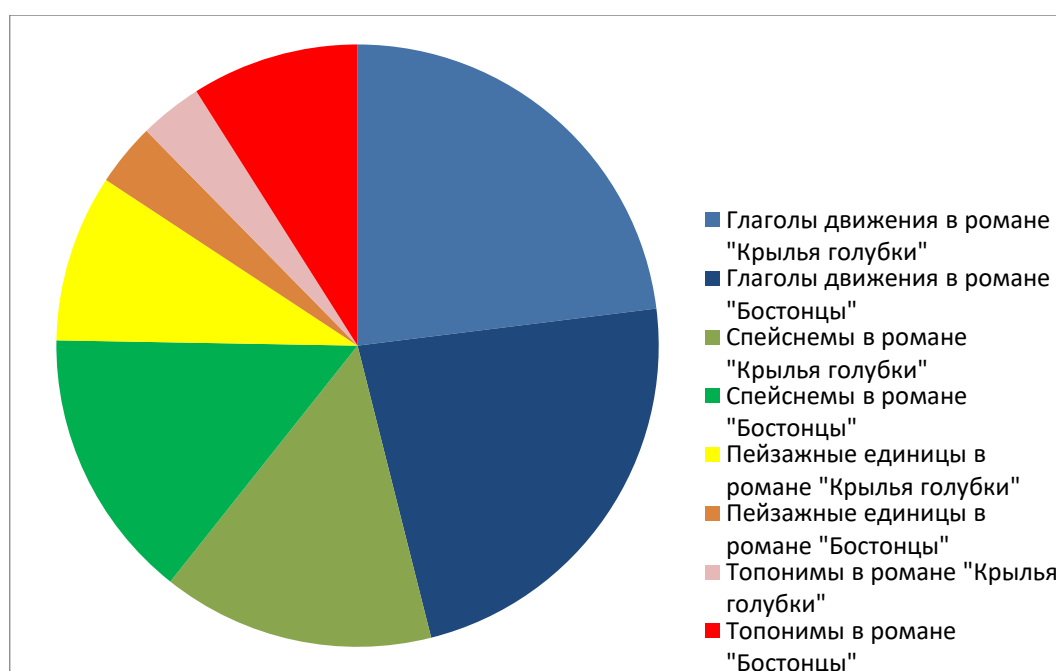


Рис. 3. Проксемная сравнительно-сопоставительная модель в романах «Крылья голубки» и «Бостонцы»

Fig. 3. Proxemic comparative model in the novels "The Wings of the Dove" and "The Bostonians"

На модели отображено преобладание глаголов движения в обоих произведениях. Вторым по частотности типом проксема в обоих произведениях являются спейснемы. Отличается частотность пейзажных единиц и топонимов: в романе «Крылья голубки» 3-ми по частотности являются пейзажные единицы, а 4-ми – топонимы, тогда как в романе «Бостонцы» 3-ми по частотности являются топонимы, а 4-ми – пейзажные единицы.

Заключение

Исследование текстов романов Г. Джеймса «Крылья голубки» ("The Wings of the Dove") and «Бостонцы» ("The Bostonians") позволило выявить, что когнитивные сцены являются высокочастотными когнитивными структурами рассмотренных художественных концептосфер. Превалирующим типом сцен в обоих произведениях являются четырехтерминальные когнитивные сцены, содержащие в себе информационный терминал, фоновый терминал, маркеры коммуникантов. Информационный терминал в большинстве сцен состоит из информационных импульсов двух коммуникантов, поочередно меняющих статус адресата и адресанта. Когнитивные сцены как динамичный когнитивный конструкт являются одним из важнейших форматов художественного концепта ПРОСТРАНСТВО.

Среди всех типов проксемных номинантов в фоновых терминалах исследуемых сцен преобладают проксемы, которые репрезентируют два аспекта невербальной коммуникации, а именно местонахождение героя романа в пространстве художественного текста и месторасположение предметов в пространстве художественного текста. Описание художественного пространства в фоновом терминале, сопровождающем коммуникативные импульсы, придает тексту пространственный объем и выразительность. Использование писателем проксем в качестве маркера невербальной коммуникации позволяет создать условия для того, чтобы читатель погрузился в пространственные параметры текста. Проксемный сегмент архитектоники когнитивной сцены помогает читателю лучше представить себе происходящие события с точки зрения их пространственной маркированности.

В когнитивных сценах обоих романов самыми распространенными являются глаголы движения, а вторыми по частотности являются спейсмены. Однако третий и четвертый тип проксем отличаются по частотности в обоих романах. В романе «Крылья голубки» пейзажные единицы – на 3-м месте по шкале частотности, а топонимы – на 4-м месте, в то время как в когнитивных сценах романа «Бостонцы» на 3-м месте по шкале частотности находятся топонимы, на 4-м – пейзажные единицы.

Установлено, что в произведениях встречаются спейсмены двух типов – имена существительные или конструкции, обозначающие местонахождение человека в пространстве, а также имена существительные или конструкции, обозначающие месторасположение предмета в пространстве. Проведенное исследование показало, что в обоих произведениях преобладают спейсмены, обозначающие местонахождение человека в пространстве.

Данные были выявлены с помощью количественного анализа.

Также в процессе исследования был выстроен авторский алгоритм интерпретации проксемных маркеров фонового терминала когнитивной сцены, состоящий из следующих этапов:

- (1) выбор одножанровых текстов, написанных одним автором, в качестве материала исследования;
- (2) выявление динамичных текстовых конструктов – когнитивных сцен – посредством когнитивно-герменевтического анализа;
- (3) классификация проксем как номинантов фонового терминала по четырем группам посредством семантического анализа;
- (4) формирование шкалы частотности проксем на основе выявления превалирующего типа проксем посредством количественного анализа единиц четырех типов;
- (5) структурная характеристика проксем каждого типа.

На основе результатов, полученных посредством данного алгоритма, была построена проксемная сравнительно-сопоставительная модель, показывающая сходства и различия особенностей проксемных сегментов в фоновых терминалах динамичных когнитивных конструктов двух произведений.

Применение авторского алгоритма интерпретации проксемных маркеров фонового терминала в когнитивных сценах других произведений с целью выявления специфики проксемной сравнительно-сопоставительной модели фоновых терминалов когнитивных сцен видится в качестве перспективы проводимого исследования. Данный алгоритм позволяет выявить особенности построения проксемного спектра фонового терминала текстовой когнитивной сцены. Рассмотрение когнитивных сцен позволяет исследователю узнать больше об авторской картине мира, выявить особенности писательского стиля.

Список источников

- Нелюбин Л.Л. 2003. Толковый переводоведческий словарь. Москва, Флинта, Наука, 320 с.
James H. 2017. The Wings of the Dove. M., T8 RUGRAM, 292 p.
James H. 2022. The Bostonians. Archive Publica, 280 p.

Список литературы

- Аскольдов С.А. 2002. Концепт и слово. В кн.: Межкультурная коммуникация. Часть I. Сост. А.Е. Бочкарев, В.Г. Зусман, З.И. Кирнозе. Нижний Новгород, НГЛУ им. Н.А. Добролюбова: 85–92.
- Болдырев Н.Н. 2016. Типология концептов и языковая интерпретация. В кн.: Новая Россия: традиции и инновации в языке и науке о языке. Материалы докладов и сообщений Международной научной конференции, посвященной юбилею заслуженного деятеля науки РФ, доктора филологических наук, профессора Л.Г. Бабенко (Москва-Екатеринбург, 28–30 сентября 2016 г.). Под ред. Т.М. Ворониной, М.В. Дуровой, Б.Ю. Нормана, А.М. Плотниковой, Х. Томмола. Екатеринбург, "Фабрика комиксов" (импринт "Кабинетный ученый"): 16–25.
- Воркачев С.Г. 2003. Культурный концепт и значение. *Труды Кубанского государственного технологического университета. Серия: Гуманитарные науки*, 17(2): 268–276.
- Гальперин И.Р. 2006. Текст как объект лингвистического исследования. Москва, КомКнига, 144 с.
- Даниленко И.А. 2021. Когнитивно-герменевтическое моделирование художественного концепта (на материале романа Э.М. Ремарка «Der Funke Leben»). *Гуманитарные исследования*, 1 (77): 26–32. DOI: [10.21672/1818-4936-2021-77-1-026-032](https://doi.org/10.21672/1818-4936-2021-77-1-026-032)
- Карасик В.И. 2004. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Москва, ГНОЗИС, 389 с.
- Кубрякова Е.С. 2001. О тексте и критериях его определения. В кн.: Текст. Структура и семантика. Доклады VIII Международной конференции (Москва, 01 января – 31 декабря 2001 года). Том 1. Под ред. О.А. Давыдовой, Е.И. Дибровой. Москва, Спортивная жизнь, СпортАкадемПресс: 72–80.
- Левченко М.Н., Соловьев А.Г. 2023. Коммуникативное единство художественного текста (сопоставительный аспект). В кн.: Актуальные вопросы современной лингвистики. Материалы X региональной научно-практической конференции (с международным участием) «Иностранные языки в межкультурном пространстве: методы исследования и технологии обучения» (Москва, 23 сентября 2022 года). Под ред. М.Н. Левченко. Москва, Московский государственный областной педагогический университет: 170–174.
- Лотман Ю.М. 1992. Семиотика культуры и понятие текста. В кн.: Лотман Ю.М. Избранные статьи. В 3 т. Т. 1: Статьи по семиотике и типологии культуры. Таллинн, Александра: 129–132.
- Огнева Е.А. 2022. Концепция когнитивного моделирования текстового художественного пространства. *Вопросы когнитивной лингвистики*, 2: 37–49. DOI: [10.20916/1812-3228-2022-2-37-49](https://doi.org/10.20916/1812-3228-2022-2-37-49)
- Огнева Е.А., Кузьминых Ю.А. 2014. Архитектоника текстовой когнитивной сцены: проблемы моделирования и интерпретации. Москва, Эдитус, 202 с.
- Тугуз Т.Р. 2021. Особенности репрезентации проксем в фоновом терминале когнитивных сцен (на материале произведения Генри Джеймса «Крылья голубки»). *Филологический аспект*, 11(79): 105–112.
- Тугуз Т.Р. 2022. Спейсмены как маркеры художественного пространства (на материале произведения Г. Джеймса «Крылья Голубки»). *Гуманитарные исследования*, 2 (82): 128–132. DOI: [10.54398/18184936_2022_2_128](https://doi.org/10.54398/18184936_2022_2_128)

- Щирова И.А. 2020. К проблеме смыслового конструирования в художественном тексте. В кн.: *Studia Linguistica*. Вып. XXIX. Стратегии развития современных лингвистических исследований. Традиции и поиск нового: 75-летию Великой Победы посвящается. Под ред. И.А. Щировой. Санкт-Петербург, Политехника сервис, 142–150.
- James H. 2017. *The Wings of the Dove*. M., T8 RUGRAM, 292 p.

References

- Askol'dov S.A. 2002. Kontsept i slovo [Concept and word]. In: *Mezhkul'turnaya kommunikatsiya* [Intercultural communication]. Part I. Comp. A.E. Bochkarev, V.G. Zusman, Z.I. Kirnoze. Nizhny Novgorod, Publ. NGLU im. N.A. Dobrolyubova: 85–92.
- Boldyrev N.N. 2016. Tipologiya kontseptov i yazykovaya interpretatsiya [Concept typology and linguistic interpretation]. In: *Novaya Rossiya: traditsii i innovatsii v yazyke i nauke o yazyke* [New Russia: traditions and innovations in language and the science of language]. Materials of reports and communications of the International Scientific Conference dedicated to the anniversary of the Honored Scientist of the Russian Federation, Doctor of Philology, Professor L.G. Babenko (Moscow-Ekaterinburg, September 28–30, 2016). Eds. T.M. Voronina, M.V. Durova, B.Yu. Norman, A.M. Plotnikova, Kh. Tommola. Ekaterinburg, Publ. "Fabrika komiksov" (imprint "Kabinetnyy uchenyy"): 16–25.
- Vorkachev S.G. 2003. Kul'turnyy kontsept i znachenie [Cultural concept and meaning]. *Trudy Kubanskogo gosudarstvennogo tekhnologicheskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki*, 17(2): 268–276.
- Gal'perin I.R. 2006. *Tekst kak ob'ekt lingvisticheskogo issledovaniya*. Moscow, Publ. KomKniga, 144 p.
- Danilenko I.A. 2021. Cognitive-hermeneutic modeling of a literary concept (based on the novel by E.M. Remark "Der Funke Leben"). *Humanitarian Researches*, 1 (77): 26–32 (in Russian). DOI: [10.21672/1818-4936-2021-77-1-026-032](https://doi.org/10.21672/1818-4936-2021-77-1-026-032)
- Karasik V.I. 2004. Jazykovoj krug: lichnost', koncepty, diskurs [Language circle: personality, concepts, discourse]. Moscow, Publ. GNOZIS, 389 p.
- Kubryakova E.S. 2001. O tekste i kriteriyakh ego opredeleniya [About the text and the criteria for its definition]. In: *Tekst. Struktura i semantika* [Text. Structure and semantics]. Reports of the VIII International Conference (Moscow, January 1 – December 31, 2001). Vol. 1. Eds. O.A. Davydova, E.I. Dibrova. Moscow, Publ. Sportivnaya zhizn', SportAkademPress: 72–80.
- Levchenko M.N., Solov'ev A.G. 2023. Communicative unity of a literary text (comparative aspect). In: *Aktual'nye voprosy sovremennoy lingvistiki* [Current issues of modern linguistics]. Materials of the X regional scientific and practical conference (with international participation) «Inostrannye yazyki v mezhkul'turnom prostranstve: metody issledovaniya i tekhnologii obucheniya» [Foreign languages in the intercultural space: research methods and teaching technologies]. (Moscow, September 23, 2022). Ed. M.N. Levchenko. Moscow, Publ. Moskovskiy gosudarstvennyy oblastnoy pedagogicheskiiy universitet: 170–174.
- Lotman Yu.M. 1992. Semiotika kul'tury i ponyatie teksta [Semiotics of culture and the concept of text]. In: Lotman Yu.M. *Izbrannye stat'i* [Selected articles]. In 3 volumes. Vol. 1: Stat'i po semiotike i tipologii kul'tury [Articles on semiotics and typology of culture]. Tallinn, Publ. Aleksandra: 129–132.
- Ogneva E.A. 2022. The theory of cognitive modeling literary text space. *Issues of Cognitive Linguistics*, 2: 37–49 (in Russian). DOI: [10.20916/1812-3228-2022-2-37-49](https://doi.org/10.20916/1812-3228-2022-2-37-49).
- Ogneva E.A., Kuz'minykh Yu.A. 2014. *Arkhitektonika tekstovoy kognitivnoy stseny: problemy modelirovaniya i interpretatsii* [Architectonics of the textual cognitive scene: problems of modeling and interpretation]. Moscow, Publ. Editus, 202 p.
- Tuguz T.R. 2021. Specific features of the representation of proxemes in the background terminal of cognitive scenes in Henry James's "The Wings of Dove". *Filologicheskiiy aspekt*, 11(79): 105–112.
- Tuguz T.R. 2022. Spacenames as markers of literary space in H. James's "The Wings of The Dove". *Humanitarian Researches*, 2 (82): 128–132 (in Russian). DOI: [10.54398/18184936_2022_2_128](https://doi.org/10.54398/18184936_2022_2_128)
- Shchirova I.A. 2020. On the issue of meaning construal in a fictional text. In: *Studia Linguistica*. Vol. XXIX. Strategii razvitiya sovremennykh lingvisticheskikh issledovaniy. Traditsii i poisk novogo: 75-letiyu Velikoy Pobedy posvyashchaetsya [Strategies for the development of modern linguistic research. Traditions and the search for something new: dedicated to the 75th anniversary of the Great Victory]. Ed. I.A. Shchirova. St. Petersburg, Publ. Politekhnik servis, 142–150.



Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.
Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию 09.11.2023

Received November 09, 2023

Поступила после рецензирования 09.01.2024

Revised January 09, 2024

Принята к публикации 13.03.2024

Accepted March 13, 2024

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Тугуз Тамара Руслановна, аспирант кафедры романо-германской филологии и межкультурной коммуникации, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, Белгород, Россия.

Tamara R. Tuguz, Postgraduate Student of the Department of Romance and Germanic Philology and Cross-Cultural Communication, Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia.